

**ПАЛЕСТИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ «ИСЛАМСКИЙ ДЖИХАД»:
ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

Религиозный фактор изначально присутствовал в арабо-израильском конфликте. Тем не менее Палестинское движение сопротивления (ПДС), представленное ФАТХ и другими организациями, вошедшими в ООП, возникло и развивалось в основном как светское движение. В его идеологии и символике религиозные элементы вплоть до начала 80-х годов осуществлялись весьма слабо. Объясняется это многими обстоятельствами, которые требуют отдельного рассмотрения. Отметим лишь то, что религиозные движения и организации (как христианские, так и исламские) среди палестинского населения после создания Государства Израиль оказались по разным причинам вне общего потока палестинского движения сопротивления.

Ситуация начинает меняться в начале 80-х годов, когда на оккупированных территориях Западного берега р. Иордан и сектора Газа возникают исламские движения, провозгласившие священную войну (джихад) в качестве единственной формы борьбы с Израилем. Наиболее известными среди них являются движение «Исламский джихад» (Харакат аль-джихад аль-ислами) и Движение исламского сопротивления – ХАМАС (аббревиатура из первых букв арабского названия организации – Харакат аль-мукавама аль-исламийа), каждое из которых претендует на то, что именно оно было вдохновителем и организатором первой интифады (1987–1991 гг.) на оккупированных территориях. Кроме того, они оказались наиболее активными противниками участия ООП в Мадридском мирном процессе и всех палестино-израильских соглашений. В настоящее время эти организации играют важную роль в политической жизни на территориях, находящихся под юрисдикцией Палестинской национальной администрации (ПНА).

Появление этих движений (а также ливанских шиитских организаций «Хизбалла» и «Амаль») наряду с активизацией радикальных еврейских религиозных движений в Израиле и все большим вмешательством в арабо-израильский конфликт определенных религиозных кругов (вернее, политических кругов, проникнутых определенными религиозными идеями) на Западе внесла качественно новую окраску в данный конфликт, стремясь перевести его в религиозное русло со всеми вытекающими из данного обстоятельства последствиями. В пред-

лагаемой статье мы ограничимся характеристикой различных аспектов движения «Исламский джихад», опираясь на некоторые документы этой организации, а также на весьма скудную информацию о ней, содержащуюся в ряде публикаций на арабском языке и в высказываниях представителей движения.

1. Общая характеристика движения «Исламский джихад»

В публикациях самого движения «Исламский джихад» его возникновение относят к началу 80-х годов. При этом обычно выделяется три этапа:

1. Формирование идеологии и выработки организационных принципов (1980–1983).
2. Вооруженная борьба против оккупантов (1984 – октябрь 1987).
3. Первая интифада (1987–1990) [1].

Название «Исламский джихад» стало регулярно употребляться в публикациях движения после одной из первых боевых операций против израильтян. До этого оно выступало под различными названиями: «Исламское сопротивление на оккупированной Родине» (Аль-Мукавама аль-исламия фи аль-ватан аль-мухталль), «Исламское движение на оккупированной Родине» (Аль-Харака аль-исламия фи аль-ватан аль-мухталль) и др. С 1982 г. в Лондоне под крышей так называемого «Исламского центра исследований и публикаций» стал выходить журнал «Исламский авангард» (Ат-Талиа аль-исламия), на страницах которого излагались идеи нового движения. Поэтому и само движение какое-то время было известно под этим названием. Позже уже на оккупированных территориях, прежде всего в секторе Газа «Исламский джихад» организовал выпуск газет «Аль-Муджахид» и «Аль-ислам ва филастын», журнала «Аль-Умма», а также множества брошюр, в которых разъяснялись позиция и цели движения.

«Исламский джихад» сразу же дистанцировался от других палестинских движений и организаций, в том числе и от местных «Братьев-мусульман», с которыми у него с самого начала сложились отношения соперничества. Первый генеральный секретарь «Исламского джихада» Фатхи Ибрахим Абд аль-Азиз Аш-Шакаки подчеркивал, что его организация не является продолжением или ответвлением какого-либо другого движения. Это не собрание десяти или двадцати представителей среднего класса, создавших элитарную партию, это и не Народный фронт, отпочковавшийся от Движения арабских националистов (ДАН), и не организация ФАТХ, вышедшая из недр Ассоциации «Братья-мусульмане» (АБМ) и вобравшая в себя остатки националистических партий. Члены нашего движения не состояли в АБМ, однако опыт современных исламских движений был одним из важнейших факторов его создания [2].

На самом деле ряды членов этого движения формировались сложными путями. В руководство «Исламского джихада» при его воз-

никновении вошли палестинцы, учившиеся одновременно с Фатхи Аш-Шакаки в Египте во второй половине 70-х годов: Рамадан Абдаллах Шаллах, Ахмад Садык, Ибрахим Муаммар, Нафиз Аззам, Рамадан Абдаллах аш-Шами, Мухаммад аль-Хинди, Джамиль Альян, Тайсир аль-Гута и Ахмад Шакир. Позже к ним присоединились шейх Абд аль-Азиз Ода и шейх Мисбах ас-Суvari. Многие из них в той или иной степени были связаны с АБМ.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подавляющее большинство перечисленных деятелей – люди, имеющие светское образование, причем, как правило, довольно высокого уровня. Так, сам аш-Шакаки окончил математический факультет университета в Бир-Зейте и даже работал некоторое время учителем математики в одной из школ Иерусалима, затем окончил медицинский факультет университета в Закаике (Египет) и работал врачом сначала в Иерусалиме, а затем в Газе. Рамадан Абдаллах Шаллах, ставший генеральным секретарем «Исламского джихада» после убийства Фатхи аш-Шакаки в 1995 г., окончил экономический факультет университета в г. Закаике. После возвращения в сектор Газа работал преподавателем на экономическом факультете местного Исламского университета. В 1986 г. уехал в Лондон, где получил степень доктора экономики в 1990 г. В течение нескольких лет руководил Центром исламских и международных исследований в США (штат Флорида), преподавал в местном университете и был главным редактором журнала «Политические чтения», выходявшего на арабском языке.

Среди рядовых членов «Исламского джихада», как уверяют его лидеры, немало крестьян, рабочих и представителей других слоев населения. Возможно, это и так. Однако несомненным является тот факт, что большинство участников этого движения – потомки палестинцев, изгнанных израильянами со своих родных мест в 1948 и 1967 годах и осевших в лагерях беженцев на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа.

Костяк первых боевых ячеек движения «Исламский джихад» сформировался из участников различных палестинских организаций, прошедших через израильские тюрьмы. В частности, в нем оказались бойцы так называемых «Народных сил освобождения», разгромленных израильскими силами безопасности в конце 60-х годов, представители ФАТХ и левых организаций, а также какое-то число бывших членов Ассоциации «Братья-мусульмане».

Выйдя на свободу в результате сделки по обмену пленными в 1985 г. между израильскими властями и «Народным фронтом освобождения Палестины (Общее руководство)», в результате которой израильяне выпустили на свободу 1200 палестинцев, члены «Исламского джихада» включились в борьбу против израильян.

«Исламский джихад» широко использовал мечети для осуществления пропагандистской работы. Хатыбы призывали молящихся к вы-

ступлениям против оккупантов. Пятничные проповеди, а также проповеди во время двух исламских праздников, на которые собирались тысячи верующих, выливались в политические демонстрации, сопровождавшиеся столкновениями с израильскими воинскими подразделениями.

Первой операцией боевиков «Исламского джихада» было убийство учащегося иудейской школы в Халиле в августе 1983 г. Сразу после этого израильские власти поместили под домашний арест лидеров движения Фатхи аш-Шакаки, Мухаммада Джувда, Рамадана Шаллаха и Абд аль-Азиза Оду. Позже аш-Шакаки был арестован и заключен в тюрьму. Одновременно с ним в тюрьмах оказались и 25 членов организации. 18 мая 1987 г. из израильской тюрьмы бежали 6 членов «Исламского джихада», в том числе шейх Мисбах ас-Сувари. Эта группа совершила ряд вооруженных нападений на израильские объекты в секторе Газа. С «Исламским джихадом» связывают несколько громких операций, в частности в Иерусалиме до начала интифады. Не случайно газета «Файнэншл таймс» (9.11.1987) отмечала, что это движение – новая угроза Израилю. Вне всяких сомнений, деятельность «Исламского джихада», в том числе его боевые операции, была одним из факторов обострения ситуации в секторе Газа и на Западном берегу р. Иордан, что, в конечном счете, вылилось в широкое восстание, получившее название интифада, на первых этапах развития которой движение играло заметную роль.

Однако уже с 1989 г. «Исламский джихад» становится менее заметным на общем фоне активности других палестинских организаций, особенно ХАМАС. Это объясняется как недостатками в его организационной структуре, так и ударами, которые были нанесены по нему израильскими органами безопасности (физическое уничтожение членов движения, аресты, а также высылка из страны многих его лидеров и активистов). Так, 17 ноября 1987 г. был выслан шейх Абд аль-Азиз Ода, в апреле 1988 г. Фатхи аш-Шакаки. За пределами Палестины (в основном в Сирии) находились Рамадан Абдаллах Шаллах, Ахмад Садык и некоторые другие видные члены движения. В феврале 1988 г. на Кипре была взорвана автомашина, в которой находились три руководителя военного крыла ФАТХ «Полки исламского джихада» (Сарайа аль-джихад аль-ислами), сотрудничавшего с «Исламским джихадом»: Мухаммад Басим ат-Тамими (Хамди), Марван Ибрахим аль-Кайали и Мухаммад Бахис. В 1989 г. в перестрелке в секторе Газа был убит шейх Мисбах ас-Сувари. Позже погибли и все члены его боевой группы.

К тому же в движении «Исламский джихад», которое практически никогда не имело строгой организационной структуры, появились признаки раскола. Так, в 1990 г. из него вышел один из активных членов – Ахмад Михна. Когда израильские власти выслали его из Палестины, он создал организацию под названием «Хизбалла/Филастын» Генеральным секретарем новой организации стал другой высланный

из Палестины член «Исламского джихада» – Сейид Барака. Если верить Тайсиру Джаббару, автору работы «Роль исламских движений в благословенной интифаде», то к 1992 г., движение «Исламский джихад» в Палестине представляло собой разрозненные группы, между которыми не было согласия в том, что касается методов борьбы и позиций по конкретным вопросам [3].

Начало Мадридского процесса и прекращение интифады поставили «Исламский джихад» в совершенно новые условия, что побудило его лидеров заняться организационными проблемами. В 1992 г. в одной из арабских стран состоялся первый съезд движения, на котором были приняты устав и программа, а также избраны его руководящие органы. В уставе говорится, что Общий съезд – высший орган, который вырабатывает стратегию деятельности движения. Участники съезда избираются от всех ячеек движения. Общий Консультативный совет (Маджлис аш-шура аль-амм) – исполнительный орган, его решения обязательны для всех членов организации. Он состоит из 15 членов, представляющих движение как на оккупированных территориях, так и за их пределами. Общий Консультативный совет избирает Генерального секретаря «Исламского джихада», который является высшим должностным лицом и официальным его представителем. На местах создаются местные консультативные советы, которым подчиняются первичные организации (секции и комитеты). При этом лидеры «Исламского джихада» отказались от того, чтобы преобразовывать движение в политическую партию, заявив, что в условиях израильской оккупации это не имеет смысла, кроме того, движение «Исламский джихад» не желает создавать впечатление, что его можно поглотить политически [4].

Принятые меры, однако, не усилили сплоченность рядов движения. В 1993 г. из организации вышел Салих Абд аль-Аль, который совместно с Мухаммадом Абу Самрой и шейхом Абд аль-Азизом Одой создал новую организацию – «Движение Исламский джихад в Палестине – Организационное бюро» (Харакат аль-Джихад аль-ислами фи филастын аль-мактаб аль-та сиси), которая, впрочем, довольно скоро прекратила свое существование, практически никак себя не проявив.

В марте 1993 г. стало известно, что за сотрудничество с Ясиром Арафатом из «Исламского джихада» был исключен Мухаммад Абу Самр. Другой член движения – Салих Абд аль-Аль – создал свою партию, пошел на сотрудничество с ПНА и был назначен на одну из должностей в министерстве снабжения. В 1994 г. движение заявило о том, что оно порывает всякие связи также с шейхом Абд аль-Азизом Одой – одним из основателей «Исламского джихада», обвинив его в сотрудничестве с ПНА.

Тем не менее «Исламский джихад» продолжал напоминать о себе вооруженными акциями против израильтян. Считается, что после заклю-

чения Соглашений в Осло и вплоть до 1995 г. эта организация осуществила 185 боевых операций, в том числе внутри Израиля. В 1995 г. в результате 7 операций подрывников-смертников, ответственность за которые взял на себя «Исламский джихад», погибли 30 человек и 239 было ранено. После этого израильтяне нанесли по движению сокрушительные удары. 26 октября 1995 г. на Мальте, как считают палестинцы, агенты Мосад ликвидировали генерального секретаря «Исламского джихада» Фатхи аш-Шакаки. По требованию Израиля власти ПНА арестовали многих членов движения, закрыли его информационные бюро, запретили деятельность активистов «Исламского джихада» в мечетях и т.д.

2. Идеологические и политические установки движения «Исламский джихад»

По словам Фатхи аш-Шакаки, создателя, духовного лидера и первого генерального секретаря движения «Исламский джихад», основы идеологии этого движения сформировались во второй половине 70-х годов, когда молодые палестинцы, обучавшиеся в Египте, пришли к выводу, что одной из слабостей Палестинского движения сопротивления является отсутствие в нем исламской составляющей. Новое движение было первой после 1948 г. попыткой вновь соединить религию, политику и патриотизм в борьбе палестинцев [5].

Сам Фатхи аш-Шакаки (он родился в лагере палестинских беженцев Рафах в 1951 г.) в школьные годы преклонялся перед Насером, но уже в 1968 г. стал членом Ассоциации «Братья-мусульмане» (АБМ). Его политические взгляды сформировались под заметным влиянием книги одного из идеологов радикального исламизма Сейида Кутба «Вехи на пути», а также книги «Сокровенная обязанность» Мухаммеда Абд ас-Саляма Фараджа – одного из основателей движения «Джихад» в Египте. Не остался без внимания и опыт ваххабизма в Саудовской Аравии.

Примечательно, что в одной из своих статей в 1983 г. Аш-Шакаки отметил особую роль ваххабизма в борьбе за возврат к чистоте праведных предков. Ваххабиты, писал аш-Шакаки, первыми осудили разложение, охватившее исламское общество, и предприняли серьезную попытку возвратиться к первичной чистоте ислама, которая была во времена Пророка, праведных халифов и праведных предков... Они боролись с ересью, призывали мусульман к умеренности, воздержанию и к джихаду во имя строительства исламского общества, открыли врата иджихада (интерпретации), до этого закрытые в течение многих веков... [6].

Вместе с тем Фатхи аш-Шакаки критиковал консервативные салафитские движения за то, что они не осознали объективные условия исламского возрождения и не смогли преодолеть современный кризис ислама, порожденный наступлением Запада [7].

Важными источниками вдохновения в идеологическом и практическом планах для Фатхи аш-Шакаки явились Исламская революция в Иране и книга Хомейни «Исламское решение и альтернатива», которую он опубликовал в 1979 г., находясь в Египте. Не случайно, в политической лексике лидеров «Исламского джихада» заметное место занимают термины, характерные для деклараций вдохновителей Исламской революции в Иране.

Как отмечает один из исследователей исламизма в Палестине Ияд аль-Баргути, ислам составляет основу идеологии движения «Исламский джихад», которое провозгласило и стремится реализовать на практике два фундаментальных тезиса: Палестина – центральная проблема современного исламского проекта, джихад – стратегическое орудие освобождения Палестины [8]. В программных документах «Исламского джихада» говорится, в частности, что исламизм движения заключается в том, что оно придерживается ислама как доктрины, закона (шариата) и системы жизни. Палестина от реки до моря – арабская исламская земля, отказ даже от пяди ее считается смертным грехом, существование сионистского образования противоестественно. Шариат запрещает признание его существования на любой части палестинской земли [9].

Лидеры «Исламского джихада» объявили открытую вооруженную борьбу против оккупантов. По их мнению, война против Израиля – необходимое условие исламского пробуждения и полного возврата к исламским ценностям.

Подобные идейно-политические установки сразу же породили серьезные противоречия между новым движением и существующими в Палестине политическими и религиозными силами. Отношения «Исламского джихада» с «Братьями-мусульманами», которые на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа до возникновения движения ХАМАС были представлены так называемым «Исламским комплексом» (аль-маджмаа аль-ислами) во главе с шейхом Ахмадом Ясином (эта структура была создана в г. Газа с разрешения израильских властей в 1979 г.), с самого начала приобрели характер соперничества. К тому же руководство «Исламского комплекса» рассматривало членов нового движения как группу, отколовшуюся от организации-матери, т.е. от АБМ.

Негативное отношение лидеров «Исламского джихада» к «Братьям-мусульманам» определялось тем, что последние отказывались от вооруженной борьбы как против израильтян, так и против неисламских арабских режимов. «Исламский джихад» не разделял враждебности «Исламского комплекса» по отношению к ФАТХ, приобретавшей временами характер вооруженных стычек между сторонами, а также критиковал «Братъев-мусульман» за то, что те объявили неверными шиитов-имамитов и не приняли Исламскую революцию в Иране.

Создание ХАМАС, а затем и активное участие этого движения в вооруженной борьбе несколько уменьшили напряженность в отношениях между «Братьями-мусульманами» и «Исламским джихадом», который даже предлагал лидерам ХАМАС сотрудничество в руководстве интифадой, что, как говорилось в заявлении от 3 мая 1990 г., было бы реализацией божественного и исторического требований [10].

А 6 октября 1991 г. «Исламский джихад» выступил с призывом к ХАМАС и другим исламским организациям в Палестине создать исламский фронт противостояния мирным планам ООП. В конце 1991 г. имели место встречи между лидерами двух исламских движений сначала в Хартуме, а затем в Тегеране, в ходе которых, как сообщал Фатхи аш-Шакаки, стороны договорились о координации действий с целью достижения полного единства [11]. Была даже подписана Хартия братства и сотрудничества, в которой подтверждалось единство двух движений на основе исламских принципов. Стороны брали на себя обязательство избегать применения силы при урегулировании взаимных противоречий, заявляли о стремлении найти формы сотрудничества и координации при работе в профсоюзах и среди студентов.

Тем не менее соперничество между двумя исламистскими организациями не было преодолено. Главная причина, по-видимому, заключается в борьбе за источники финансирования. В 1992–1993 гг. отношения между ХАМАС и «Исламским джихадом» приобрели весьма напряженный характер. Дело доходило даже до вооруженных столкновений между сторонниками этих двух движений. «Исламский джихад» обвинял ХАМАС в уничтожении его листовок, в нападениях на мечети, находившиеся под его контролем, и даже в попытках физического уничтожения его активистов.

Свои отношения с другими палестинскими организациями «Исламский джихад» выстраивает с учетом того, как та или иная организация относится к исламу; каким образом представляет себе пути решения палестинской проблемы и как относится к Израилю.

Организации, входящие в ООП, говорилось в одной из статей журнала «Ат-Талиа аль-исламия» (13.01.1984), устранив ислам и даже борясь с ним беспощадно (как это имело место со стороны некоторых организаций), совершили огромную ошибку, так как ислам – живая идеология, возрождающая народ, он – вера уммы (исламской общины), стержень ее истории и наследия. Именно поэтому ООП с самого начала не осознала настоящие масштабы борьбы с еврейским врагом и ошиблась в оценке израильского феномена. Борьба против Израиля имеет не национальный характер. Это борьба уммы в этом регионе, со всеми ее элементами, включающими ислам, историю и цивилизацию, против евреев и Запада [12].

В своем заявлении от 21 января 1990 г. движение «Исламский джихад» объявило все отряды ООП джахилийскими (т.е. доисламскими, неисламскими) силами, так как они отвергают ислам как програм-

му джихада нашего народа и борьбы за его освобождение [13]. «Исламский джихад» отвергает любую форму признания законности претензий сионистского врага. Он осудил все решения Национального совета Палестины, начиная с его сессии 1971 г., так как они, по мнению лидеров этого движения, противоречат Палестинским национальным Хартиям 1964 и 1968 годов, в которых не признается сионистское образование, берется обязательство вести против него вооруженную борьбу и провозглашаются лозунги: Палестина от реки до моря! и Полное освобождение палестинских территорий! [14].

Противоречия между «Исламским джихадом» и ООП приобрели острый характер после сессии НСП в Алжире, решения которой в публикациях «Исламского джихада» были расценены как посягательство на права палестинского народа и уступка важной части Палестины. В заявлении от 18 марта 1989 г., озаглавленном «Непричастность» (Аль-Бараа), говорилось: «Мы заявляем перед Аллахом о своей непричастности к любому компромиссу за счет нашего полного права на нашу Родину или уступки какой-либо части нашей священной земли. Мы также непричастны к любому призыву к так называемым выборам или международному конгрессу.» Отряды «Исламского джихада» отвергли идею проведения выборов на Западном берегу и в секторе Газа в качестве предпосылки мирного решения. «Эти выборы не имеют иных смысла и цели, кроме закрепления оккупации под зонтиком автономии, что отвергается всеми слоями народа. Интифада не начиналась во имя Кэмп-Дэвида» [15].

Вместе с тем «Исламский джихад» подтверждает наличие координации и сотрудничества с ФАТХ, относясь к этой организации положительно по причине исламского прошлого ее первых основателей. «Наша революционная исламская позиция, – говорилось в одном из заявлений «Исламского джихада», – требует от нас заботиться о том, чтобы ФАТХ не стал жертвой арабских и международных заговоров и чтобы не опустились винтовки, поднятые против врага» [16].

Тем не менее до начала Мадридского процесса лидеры «Исламского джихада» воздерживались от критических высказываний в адрес руководства ООП и не подвергали сомнению претензии этой организации на то, что именно она является единственным представителем палестинского народа. С другой стороны, руководство ООП также избегало открытых нападок на «Исламский джихад». Есть даже утверждения, что Ясир Арафат как-то высказался в том смысле, что «Исламский джихад» является религиозной структурой движения ФАТХ [17].

Однако уже в процессе подготовки к Мадридской мирной конференции тон высказываний лидеров «Исламского джихада» по поводу участия ООП в этом процессе приобретает крайне резкий характер. В одном из заявлений движения содержалась даже угроза убить главу палестинской делегации на Мадридской конференции Фейсала аль-Хусейни [18].

Непосредственно перед Мадридской мирной конференцией было объявлено о создании «Союза десяти», в который вошли 10 отрядов палестинского движения сопротивления, выступившие против Мадридской конференции, в том числе и «Исламский джихад». Представительства всех вошедших в союз отрядов находились в то время в Дамаске. Договоренность о создании такого союза была достигнута в кулуарах Всемирного конгресса в поддержку исламской революции в Палестине, состоявшегося в Тегеране 22 октября 1991 г. В заявлении, опубликованном 16 сентября 1992 г. от имени этого союза, говорилось о том, что палестино-израильские договоренности направлены на уничтожение священной палестинской проблемы и придают законность сионистской оккупации. В заявлении говорилось также, что делегация ООП на палестино-израильских переговорах не представляет палестинский народ и не уполномочена подписывать какой-либо документ или проект, ущемляющий законные права палестинского народа [19].

Правда, «Союз десяти» не оказал какого-либо воздействия на ситуацию на оккупированных территориях, если не считать всеобщей забастовки во время Мадридской конференции 28–30 октября 1991 г. В ноябре 1994 г. в Дамаске также при участии руководства «Исламского джихада» состоялось учредительное собрание Союза палестинских сил, оппозиционных палестино-израильским соглашениям. Однако и на этот раз дальнейшее дело не пошло.

После сообщений о палестино-израильских договоренностях в Осло Фатхи аш-Шакаки заявил, что палестинский патриотический проект, которым руководит ООП, перестал представлять палестинский народ. По мнению лидера «Исламского джихада», ООП не способна объединить палестинский народ и добиться освобождения Палестины [20].

Движение «Исламский джихад» отвергло и последующие палестино-израильские соглашения на том основании, что они закрепляют оккупацию и означают опасное ущемление прав палестинского народа. Любое соглашение, признающее сионистское образование и уступающее любую часть нашей священной Родины, – говорилось в одном из заявлений движения, – является незаконным и запретным по соображениям как религиозным, так и политическим [21].

В качестве альтернативы попыткам политического урегулирования арабо-израильского конфликта «Исламский джихад» выдвигает священную войну, которая обеспечит достижение свободы, независимости и единства палестинского народа, а также его возрождение [22]. «Исламский джихад» отказался участвовать в выборах в Законодательное собрание ПНА и в других мероприятиях, вытекающих из палестино-израильских соглашений.

Высказывания лидеров «Исламского джихада», а также официальные заявления этой организации в последующие годы не дают оснований думать, что ее позиции претерпели какие-либо существен-

ные изменения. Так, в ходе дискуссии в одной из программ спутникового телевидения «Аль-Джазира» (18 декабря 2001 г.) с Ясиром Абд ар-Раббо (в то время министром информации и культуры ПНА) Рамадан Абдаллах Шаллах заявил, что «Исламский джихад» не согласен с политикой постоянных уступок, которую проводит Я.Арафат. В ответ Ясир Абд ар-Раббо обвинил руководителя «Исламского джихада» в безответственности и в том, что своими действиями эта организация наносит вред борьбе палестинцев. На переговорах в Каире между палестинскими отрядами (конец ноября – начало декабря 2003 г.) представители «Исламского джихада», ХАМАС и некоторых других организаций заняли позицию, которая привела к неудаче усилий ПНА и египетского руководства, направленных на прекращение кровопролития на палестинской земле. Один из членов руководства ХАМАС – Муса Абу Марзук, выражая мнение всех оппозиционных ПНА отрядов, обвинил в срыве переговоров в Каире палестинское правительство, которое, по его словам, потребовало, чтобы эти отряды поддержали его усилия в мирном процессе. На что представители оппозиции заявили, что они не являются участниками этого процесса [23].

По словам этого деятеля, ХАМАС, «Исламский джихад», «ас-Сайка» и «Народный фронт освобождения Палестины» на переговорах в Каире выразили готовность взять на себя обязательство впредь не нападать на гражданских лиц при условии, что Израиль прекратит операции на палестинских территориях. Однако Израиль фактически проигнорировал это предложение. Более того, А.Шарон заявил, что его не интересует то, что происходит в Каире. Поэтому у этих организаций, – сказал Муса Абу Марзук, – нет оснований доверять Израилю после того, как его власти использовали перемирие, объявленное в июле 2003 г., для уничтожения лидеров палестинских организаций сопротивления [24].

Однако позже стало известно, что «Исламский джихад» готов смягчить свою позицию. Так, представитель «Исламского джихада» – Фаиз Аззам – заявил корреспонденту «Аль-Джазиры» (11 декабря 2003), что движение может временно согласиться на создание Палестинского государства в границах 1967 г., не признавая, однако, законности существования сионистского образования и сохраняя за собой право бороться за дело палестинцев. При всей жесткости своей критики в адрес ООП и ПНА лидеры «Исламского джихада» подчеркивают, что идеологические разногласия не должны принимать силовые формы борьбы между различными отрядами палестинского движения сопротивления. Отношение к политике этих светских организаций не распространяется на повседневные отношения между отдельными лицами, – говорится в одном из документов «Исламского джихада» [25].

«Исламский джихад» проявляет определенную гибкость и в том, что касается других религиозных общин в Палестине. В отличие от остальных исламистских движений и организаций, стержнем политической идеологии которых являются идеи создания исламского госу-

дарства, исламского сообщества (аль-джамиа аль-исламийа), исламского халифата и которые относятся враждебно ко всем силам, не разделяющим их религиозные и политические позиции, «Исламский джихад» исходит из того, что в условиях Палестины политическое исламское движение может достичь своих целей только в рамках национального сообщества (аль-джамаа аль-ватанийа), объединяющего все слои палестинского населения, представителей как неисламских общин, так и социальных сил и потоков, которые испытали на себе влияние Запада, но не стали врагами ислама [26].

После неудачи переговоров в Каире спираль насилия продолжает раскручиваться. Причем военные операции против израильтян проводят не только боевики «Исламского джихада» и ХАМАС, но других организаций, в том числе и ФАТХ. В ответ на операцию израильской армии (в середине декабря 2003 г.) в лагере беженцев Рафах (сектор Газа), в результате которой погибло большое число женщин и детей, а также разрушено множество жилых домов и прочих построек, 25 декабря 2003 г. прогремел взрыв в предместьях Тель-Авива, унесший жизнь 7 израильских военнослужащих. Было также много раненых. Ответственность за эту операцию взял на себя Народный фронт освобождения Палестины. В ночь с 25 на 26 декабря израильский вертолет выпустил ракету по автомашине на одной из улиц Газы, в которой находились два руководителя «Полков Иерусалима» (Сарая аль-Кудс) – военного крыла движения «Исламский джихад». Погибли все пассажиры автомашины (5 человек), ранены несколько случайных прохожих.

7 февраля 2004 г. ракета, выпущенная израильским вертолетом по автомашине, в которой находился один из командиров отрядов военного крыла «Исламского джихада» Абд аль-Азиз аш-Шами (сын члена руководства «Исламского джихада» шейха Абдаллаха аш-Шами), уничтожила всех находившихся в ней пассажиров. Был убит оказавшийся неподалеку мальчик. 29 февраля 2004 г. ракетой, выпущенной из израильского вертолета, был убит еще один командир отрядов военного крыла «Исламского джихада» в г. Газа Махмуд Джавда.

Итак, характеристика идеологии и политической практики движения «Исламский джихад» позволяет сделать вывод о том, что его следует отнести к религиозно-политическим движениям так называемого джихадистского (от слова джихад) типа, к которому принадлежат такие структуры, как, например, «аль-Джихад», «аль-Гамаа аль-исламийа» в Египте, «Партия освобождения», «аль-Каида» и другие исламистские организации, отдающие предпочтение вооруженным методам борьбы, в том числе и тактике террора, ссылаясь при этом на религиозные догмы. Общим для членов всех этих организаций является слепой фанатизм, жестокость и неспособность к компромиссам. Спецификой «Исламского джихада» по сравнению с подавляющим большинством ис-

ламистских организаций является то, что в его программных документах фактически отсутствует задача создания исламского государства. К особенностям данного движения можно отнести также то, что в нем весьма слабо представлены религиозные деятели.

Значение движения «Исламский джихад» в политических процессах на оккупированных территориях определяется не численностью непосредственных участников в нем, а влиянием его лозунгов, отвечающих настроениям значительной части палестинцев, особенно молодежи, а также его методов борьбы. Появление и деятельность движения «Исламский джихад» имели весьма противоречивые последствия для развития всего арабо-израильского конфликта. Соединив в своей идеологии идеи палестинского национализма и радикального исламизма, это движение положило начало процессу воссоздания религиозной (исламской) составляющей в арабо-израильском конфликте, внося в него тем самым дополнительную остроту и существенно осложнив поиски политического урегулирования этого конфликта. Причем произошло это тогда, когда ООП, претерпев существенную трансформацию, созрело для такого урегулирования. Правда, и в израильском обществе начали набирать политический вес силы, в том числе и религиозные (фундаменталистские иудейские организации), отвергающие идею создания палестинского государства в любой его форме.

Подчеркивая деструктивный характер роли, которую играет религиозная составляющая в арабо-израильском конфликте, ливанский христианский священник Самир Халиль Самр заметил, что в настоящее время два движения – еврейское фундаменталистское и исламское фундаменталистское – извратили смысл арабо-израильского конфликта, переместив его из политических рамок в религиозные... Однако известно, что религиозные войны не имеют конца и не поддаются урегулированию [27].

Нам кажется, что этот священнослужитель несколько драматизирует ситуацию, считая, что речь уже идет о религиозной войне между мусульманами и евреями. Тем не менее тенденция к усилению роли религиозной составляющей в арабо-израильском конфликте налицо, и «Исламский джихад» внес в развитие этой тенденции очевидный вклад. Возникновение и быстро растущая популярность нового движения среди населения оккупированных территорий побудили «Братьев-мусульман» отказаться от своей прежней позиции и принять решение о создании движения ХАМАС, объявившего священную войну Израилю. Лидеры ООП также вынуждены вносить определенные коррективы в свою тактику и даже в свою лексику, для которой стали характерны цитаты из Корана и другие религиозные атрибуты. Им приходится все время учитывать фактор наличия радикального религиозного потока в палестинском движении сопротивления, представители которого резко критикуют ООП

за ее готовность идти на компромиссы с Израилем и США, за коррупцию в ее руководстве и прочие грехи и недостатки. Не лишены, по-видимому, оснований и обвинения израильской стороны в адрес Я.Арафата в том, что он, если и не поддерживает непосредственно терроризм, то не предпринимает эффективных мер борьбы с ним. Не кажутся случайными теракты, совершаемые в последнее время боевиками ФАТХ, «Народного фронта освобождения Палестины» и некоторыми другими отрядами, входящими в ООП. ФАТХ фактически объявил Израилю войну, приняв 28 февраля 2004 г. на заседании своего Революционного совета решение проводить военные операции против израильтян на территории, находящейся под юрисдикцией ПНА.

1. Мухаммад, Ибрахим и др. Аль-Ахзаб ва аль-харакат ва аль-джамаат аль-исламийа. Дамаск: Аль-Марказ аль-араби ли ад-дирасат аль-истратиджийа, 2000. Ч. 2. С. 165.

2. Масират аль-джихад аль-ислами фи филастын. Бейрут: Бейт аль-мукаддас ли ас-сахафа ва ат-тибаа ва ан-нашр ва ат-тавзи. Ч. 1., 1989. С. 125.

3. Джаббара, Тайсир. Давр аль-харакат аль-исламийа фи аль-интифада аль-му барака. Амман: Дар аль-фуркан, 1992. С. 135–136.

4. Аль-Вахда. Бейрут, ноябрь 1998. С. 24.

5. Цит. по: Мухаммад, Ибрахим и др. Указ. соч., с. 159.

6. Ат-Талиа аль-исламийа. Лондон, ноябрь 1983. Цит. по: Мухаммад, Ибрахим и др. Указ. соч., с. 275.

7. Там же, с. 276.

8. Аль-Баргути, Ияд. Аль-Аслама ва ас-сияса фи аль-арады аль-филастинийа аль-мухталля. Аль-Кудс: Марказ аз-Захра ли ад-дирасат ва аль-абхас. Т.1, 1990. С. 65.

9. Там же, с. 66.

10. Цит. по: Мухаммад, Ибрахим и др. Указ. соч., с. 219.

11. Там же, с. 220.

12. Ат-Талиа аль-исламийа. Лондон, 13.01.1984. Цит. по: Мухаммад, Ибрахим и др. С. 209.

13. Там же, с. 211.

14. Там же, с. 213.

15. Там же.

16. Там же, с. 138.

17. Там же, с. 214.

18. Там же.

19. Там же, с. 216.

20. Там же, с. 223.

21. Там же, с. 224.

22. Там же.

23. Аль-Джазира. 9.12.2003.

24. Там же.

25. Мухаммад, Ибрахим и др., с. 212.
26. Там же, с. 214.
27. Цит. по: Абу ан-Наср, Фадль. Хизбалла: хакаиќ ва абад. Бейрут: Аш-Шарика аль-аламийа ли аль-ќитаб, 2003. С. 261.

АРАБСКИЙ ВОСТОК: КОРНИ СЕПАРАТИЗМА

Спустя четыре – пять десятилетий после обретения многими арабскими странами политической независимости и государственности в некоторых из них не прекращается активность и даже вооруженная борьба сепаратистских движений. Среди них – различные политические, вооруженные движения и группы, принадлежащие к христианской конфессии на юге Судана, курды на севере и шииты на юге Ирака, берберы (амазиги) в Алжире, Марокко, различные племена и кланы в Сомали и Джибути.

Наиболее широкий размах сепаратизм получил в некоторых странах Северной Африки во многом из-за низкого уровня жизни, значительно уступающего, к примеру, соответствующему показателю в государствах Арабского Машрика, в особенности Персидского залива. Проявления сепаратизма в различных его формах особенно ощутимы в одной из крупнейших стран Арабского Востока – Судане, которому уже более трех десятилетий реально угрожает раздел на северную – исламскую и южную – христианскую части. Борьба с сепаратизмом, гражданская война несут неисчислимые потери – людские, материальные, финансовые, надолго блокируют развитие страны. Достаточно сказать, что человеческие жертвы в Судане составили примерно 2 млн. (!), война продолжается почти тридцать лет, дезорганизуя всю нормальную жизнь общества, ежедневно она поглощает 1 млн. долл. в этой одной из беднейших стран мира. В прошлом единое государство Сомали пало жертвой сепаратизма, де-факто разделившись на несколько мини-государств по этническому, вернее – клановому признаку. Нарушен один из основополагающих принципов постколониальной Африки, признанный практически всеми африканскими странами, в том числе и арабскими, – нерушимость границ, зафиксированных на момент обретения независимости, и нашедший отражение в Уставе Организации африканского единства (ОАЕ), предшественнице нынешнего Африканского союза (АС), сепаратистские движения существуют и активно действуют на севере и северо-востоке, впрочем, как и в других частях континента.

Более того, в последние полтора – два десятилетия в отдельных арабских странах Северной Африки наметилась тенденция к усилению сепаратизма, появлению новых или реанимации старых партий, движений и кланов сепаратистского толка. Одним из наиболее оче-

видных примеров в этом отношении является Алжир, где вследствие гражданской войны, начавшейся в 90-е годы прошлого столетия, резко активизировались движения этнических меньшинств. В особенности это проявилось в начале XXI в. в Кабилии, где среди населения преобладают берберы (амазиги). Однако и в Марокко отмечено оживление берберского сепаратизма, имеющего даже более широкую базу среди населения, чем в Алжире, ведь, по разным оценкам, от 30 до 50% жителей этой страны – берберы, трудно поддающиеся «арабизации». Это показали неоднократно предпринятые попытки и кампании, направленные, по мнению одних экспертов, на ассимиляцию берберского населения, других – на более или менее мягкую и глубокую интеграцию берберов в арабское общество. Здесь острота проблемы несколько приглушена мощной националистической кампанией, поднятой еще с середины 70-х годов прошлого века за присоединение к королевству Западной Сахары. Можно не сомневаться, что если бы не это обстоятельство («внешняя угроза целостности страны»), берберская проблема в королевстве сегодня выглядела бы в совершенно другом свете. Сказанное выше актуализирует вопрос о причинах, корнях сепаратизма на Арабском Востоке в целом и в Северной Африке, в частности, о потенциале сепаратистских движений, ближайших и более отдаленных перспективах их развития, воздействия на внешний мир, на соседние страны и регионы и, наконец, о возможностях решения проблемы политическими средствами, о формах и методах противостояния тенденции к распаду государственности, угрожающей ряду государств (хотя степень этой угрозы в каждом из них различна).

В основе живучести сепаратизма, активизации различных сепаратистских движений лежит комплекс причин. Питательной почвой для них являются прежде всего сохраняющаяся на протяжении всего постколониального периода экономическая отсталость ряда арабских стран, сделавших во второй половине XX в. выбор в пользу огосударствления экономики, а в некоторых из них – подавления или ограничения деятельности местного частного и иностранного капитала. В отдельных конкретных случаях к числу важных факторов следует отнести искусственный характер (части) государственных границ некоторых стран, неокрепшую государственность, а точнее говоря, кризис государственности, коррупцию, поразившую правящие режимы. Отсутствие или слабость демократической традиции в политической жизни также является одной из фундаментальных причин развития сепаратистских тенденций. Росту последних способствуют региональные и межгосударственные конфликты, стремление этнических меньшинств и их лидеров к обособлению, усиливающемуся в условиях неэффективного управления. Обострению «болезни» сепаратизма в особенности способствует деспотический, авторитарный характер режимов, резко ограничивающий весь переговорный потенциал цен-

тральной власти с оппозиционными и сепаратистскими силами и потому – подрывающий центростремительные тенденции в обществе. Сказанное выше в полной мере относится к истокам конфликта на юге Судана, оживлению в 90-е годы сепаратизма в Алжире и т.д. В целом комплекс причин, обозначенный выше, дает представление о масштабах и глубине проблем, порождающих сепаратизм.

Еще одним важным фактором, подпитывающим те или иные сепаратистские движения, является установление ими контроля (или борьба за контроль) над богатыми месторождениями промышленного сырья, прежде всего нефти, важными транспортными коммуникациями, другими источниками доходов. Одной из главных причин длительных кровопролитных конфликтов является бескомпромиссная борьба за многомиллиардные доходы от эксплуатации месторождений нефти. Такова, в частности, ситуация на юге Судана, где найдены богатые месторождения углеводородов, а также в ряде других стран Арабского Востока.

Общей основой для существования большинства сепаратистских движений служат сохранившие свое особое, исключительное значение в жизни общества спустя почти полвека после обретения политической независимости племенные или этнические, а также конфессиональные различия, особенно живучие в наиболее экономически отсталых странах и регионах. Регионы проживания «периферийных» этносов, в особенности в условиях проявлений этнического шовинизма (отсутствие полноценного представительства этнических меньшинств в государственных структурах, репрессии со стороны центральных властей и т.п.), нередко становятся опорой сепаратизма. Как известно, проблема южного Судана – во многом порождение ограничительного, репрессивного курса в различных областях – политической, хозяйственной, культурной жизни, проводившегося длительное время центральными властями страны, пытавшимися насадить нормы шариата в южных провинциях, населенных христианами.

Обострившиеся в течение последних десятилетий социальные болезни, главным образом падение уровня жизни значительной части населения, в особенности массовая безработица, стали своеобразным «спусковым крючком» для активизации сепаратизма.

Сепаратистские движения в настоящее время, когда в прошлое ушла опора на одну из противоборствующих мировых сил – США и СССР, нередко опираются на связи с незаконными поставщиками оружия, услуги которых оплачиваются за счет нелегального оборота наркотиков, ценных видов сырья и т.п.

Определенную роль в укоренении сепаратистских движений, главным образом в последнее десятилетие, играет имевший в начале 90-х годов прецедент, когда движение за отделение Эритреи от Эфиопии, где у власти находился авторитарный режим Менгисту, в ходе длительной, упорной вооруженной борьбы и ле-

гитимно проведенного референдума добилось выхода этой бывшей провинции из Эфиопии.

Одной из причин жизнеспособности сепаратистских движений является поддержка, оказываемая им в различных формах со стороны правящих режимов соседних стран. Отдельные сепаратистские группы и движения не только порой получают с их территории оружие, но и имеют возможность временно укрывать часть своих вооруженных формирований, обустроить лагеря для подготовки боевиков и т.д. Попытки мирового сообщества пресечь деятельность наркобизнеса и международных торговцев оружием дают лишь скромные результаты, и многие эксперты справедливо указывают на недостаточную эффективность и невозможность полностью перекрыть каналы получения повстанцами денежных средств и оружия. Тем не менее деятельность международных организаций по пресечению незаконной торговли оружием и наркотиками имеет важное значение в комплексе мер, направленных на профилактику вооруженных конфликтов, в том числе с участием сепаратистов. Она дает, пусть и ограниченные, но конкретные позитивные результаты. Остро стоит вопрос о соблюдении некоторыми правительствами основополагающих принципов международных отношений. Дефицит ответственности ряда лидеров и правительств, оказывающих содействие сепаратистским движениям, сохраняет свое значение. В последние годы наметилась тенденция к более ответственному подходу со стороны некоторых руководителей к проблеме сепаратизма. Этому способствовали как коллективные акции руководителей стран континента, направленные на поиск путей разрешения противоречий и конфликтов, так и более активная роль, которую играют в этой области авторитетные международные организации, включая ООН и отдельные страны – ее члены. Однако закрепление и углубление данной тенденции также потребует определенного времени, значительных организационных усилий и немалых материальных затрат. Накопленный опыт в противодействии сепаратизму указывает на то, что нередко режимы в соседних странах все еще продолжают руководствоваться конъюнктурными соображениями, пытаются извлечь политические и (или) материальные выгоды из сложившихся конфликтных ситуаций. Становится очевидным, что существующая правовая основа международных отношений настоятельно требует обновления, в особенности в части повышения персональной ответственности государственных деятелей за действия, предпринимаемые в конфликтных ситуациях, в том числе за нарушения прав человека, использование вооруженных сил за пределами своих государств, поддержку движений и групп, уличенных в наркобизнесе, занимающихся международным терроризмом и т.д.

Продолжительность активных действий отдельных сепаратистских движений в арабских и африканских странах – более трех деся-

тилетий – также указывает на степень укоренения сепаратистских настроений, масштабы препятствий, которые необходимо преодолеть на пути примирения противоборствующих сил. Негативные плоды сепаратизма – распад отдельных африканских государств, таких как Мали (отделение Сенегала), Эфиопии (отделение Эритреи), Сомали (образование Сомалиленда и других мини-«государств») – подтверждают, что ряд иных государственных образований носил искусственный характер. Надо признать, что попытки военного решения проблемы в рамках сохранения единого государства со стороны центральных правительств были, как правило, неэффективными. Собственно, об этом свидетельствует не только пример отдельных стран Ближнего Востока, Азии, Африки, но и Европы, Северной Америки.

Сказанное выше в особенности следует подчеркнуть, т.к. иллюзии относительно возможностей военным путем решить проблему борьбы с сепаратизмом довольно широко распространены. Самое большее, что удавалось добиться с помощью методов силового давления на сепаратистов – это оттянуть неизбежное политическое решение, несколько ограничить, и то временно, зону влияния сепаратистов, установить контроль над ограниченной территорией, имеющей определенное хозяйственное или политическое значение для центральных властей.

При этом, однако, и путь политических переговоров отнюдь не ведет автоматически к скорому решению проблемы сепаратизма. Показателен пример того же юга Судана: длительные переговоры при участии международных посредников пока приносили лишь ограниченные результаты – временные прекращения боевых действий между формированиями повстанцев и войсками центрального правительства – и, в принципе, не привели к окончательному урегулированию проблемы.

Оптимальный путь урегулирования, как показывает практика, – хорошо дозированное сочетание различных форм решения проблемы с тщательным учетом меняющейся ситуации при упоре на широкую палитру способов ведения переговорного процесса.

Важную роль может сыграть более широкое подключение к переговорам неформальных общественных организаций, видных представителей различных этноконфессиональных групп, оппозиционных партий, в особенности церкви и представителей умеренного, как правило, наиболее массового течения в исламе, занимающих конструктивную позицию в интересах прекращения насилия, хаоса и деградации общества.

Решающим фактором в ликвидации вооруженного противостояния и решении проблемы сепаратизма могло бы стать четко артикулированное общественное мнение. Однако в обществах, где слабы, ограничены или отсутствуют институты и традиции политической демократии, независимые СМИ, вряд ли такое возможно или достижимо

в ближайшей перспективе (собственно, это и является одной из основных причин живучести, проявлений сепаратизма).

Мировой опыт свидетельствует о том, что общими необходимыми предпосылками достижения решающего прогресса на пути урегулирования конфликта являются организация прямых переговоров между центральными властями и сепаратистами и, что не менее важно, признание всеми участниками переговорного процесса того, что вооруженное противостояние не решает проблемы, лишь ведет к новым жертвам и тяжелым материальным потерям, а политическому переговорному процессу нет разумной альтернативы. Такие переговоры готовят почву, формируют атмосферу для принятия каждой из противоборствующих сторон таких компромиссных решений, которые максимально учитывают интересы каждой из сторон во всей их палитре.

Следует отметить, что в свете вышесказанного в Судане при всей сложности и неоднозначности происходящего в последнее десятилетие достигнут несомненный прогресс. Стороны не только признали отдельные основополагающие моменты (необходимость достижения политического решения, оценка позитивной роли международных посредников, необходимость приостановить вооруженное противостояние и т.д.), но и опробовали конкретные механизмы постепенного продвижения по пути переговорного процесса. Похоже также, что власти в Алжире и Марокко в последние годы проявляют признаки стремления лучше понять ситуацию вокруг берберской проблемы и выработать взаимоприемлемые и конструктивные механизмы сотрудничества и ее разрешения.

Вместе с тем в Судане сохраняются если не пропасть, то значительные различия принципиального характера между позициями противоборствующих сторон. Проведенные в последние годы раунды переговоров не оставляют сомнений в том, что по главному вопросу – о предоставлении широкой автономии югу Судана – кардинальных подвижек к сближению сторон пока не произошло.

Опыт десятилетий борьбы с сепаратистскими движениями дает основания для некоторых выводов.

1. Длительные, в особенности вооруженные конфликты между сепаратистами и центральными правительствами отвлекают огромные средства от социально-экономического развития и порой являются непомерной ценой за сохранение единства страны. В ряде случаев политическое решение в виде предоставления де-факто независимости (де-юре – по меньшей мере широкой автономии) «мятежным» территориям является наименьшим злом из всех имеющихся вариантов.

Однако шансы на такое решение по южносуданской проблеме, в принципе не исключенное, в последние годы уменьшились, по крайней мере, на ближайшую и, возможно, среднесрочную перспективу. Нынешнее центральное правительство Судана вряд ли пойдет на отделение южных провинций, богатых нефтью, добыча которой явля-

ется крупным источником иностранной валюты и основным энергоносителем в этой стране. Кроме того, оно, как показал опыт, в состоянии контролировать районы, богатые нефтью, и обеспечить ее добычу и экспорт даже в условиях активного вооруженного противостояния.

2. Кризисные явления в отдельных странах региона настоятельно требуют скорейшего политического решения конфликтов, в том числе образовавшихся на почве сепаратизма. В некоторых наиболее трудных случаях, где особенно велики людские жертвы и материальные потери, и которые угрожают утратой государственности (что убедительно показал опыт Сомали) либо дестабилизацией ситуации в рамках региона и в более широких масштабах, и где уже потерпела неудачу такая крайняя (и эффективная мера), как интеграция структур сепаратистов в центральные органы власти (парламент, правительство и т.п.) компромиссным решением может стать признание широкой автономии (де-факто – неполной независимости) или полной политической независимости мятежного региона.

Ситуация на юге Судана близка к такому варианту развития, что, впрочем, пока не исключает ни один из вышеназванных вариантов хода событий, включая дальнейшее продолжение кровопролития, поскольку центральное правительство получило новый крупный источник финансирования военной кампании против южан за счет разработки и экспорта месторождений нефти.

Что касается стран, где сепаратистские движения не вышли за рамки мирной борьбы, широкого, но мирного гражданского протеста против неэффективного управления и подавления гражданских свобод, то здесь положение во многом отлично от южносуданской проблемы. Реальные перспективы смягчения и решения проблемы сепаратистских движений связаны с интеграцией их ядра в сложившиеся государственные структуры, перераспределением ресурсов в интересах развития провинций, где получило широкий размах протестное движение, и т.п.

3. В постконфронтационную эпоху становится очевидной особая роль мирового сообщества в решении проблем, связанных с сепаратистскими движениями. Значительно большим может быть вклад политических и экономических региональных организаций, авторитетных международных структур. В мире накоплен немалый опыт положительного решения в наиболее конфликтогенных зонах проблем, порожденных вооруженными конфликтами. И различным международным посредникам, чья роль в данном процессе исключительно важна, есть на что опереться в своей деятельности.

4. Опыт второй половины XX в. свидетельствует о том, что преодоление экономической отсталости и устранение питательной почвы для сепаратизма в различных регионах мира, включая Ближний Восток и Северную Африку, займет целый исторический период. Оно потребует значительных интеллектуальных сил и материальных ре-

сурсов. Однако вопрос о том, в состоянии ли те или иные тоталитарные и деспотические режимы мобилизовать интеллектуальные, материальные и иные ресурсы, необходимые для ликвидации причин сепаратизма и предотвращения распада государственности, нередко носит риторический характер. И в этом – корень многих проблем.

5. Хотя, как свидетельствует история западных демократий, развитое гражданское общество не служит полной гарантией против возникновения сепаратистских тенденций, институты и структуры политической демократии являются трудно- или вовсе непреодолимым препятствием на пути зарождения и подъема сепаратизма, какими бы истоками он ни питался. В этом смысле арабские страны весьма уязвимы и профилактика сепаратизма тесно связана с перспективами формирования основ гражданского общества – процесса, который начался в широких масштабах на Ближнем Востоке и в Северной Африке относительно недавно и протекает весьма сложно.

**К ПРОБЛЕМЕ
ИСЛАМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ИРАНЕ**

Проблема совместимости религии и политики всегда рассматривалась и трактовалась в Иране, как и во всем мусульманском мире, по-разному. Идея о законном праве и целесообразности участия духовенства в управлении государством имела и имеет, как известно, своих сторонников и противников даже среди самих священнослужителей. Последовательным ее поборником был основоположник Исламской Республики Иран Р.Хомейни. Формируя теократическую государственную власть, он исходил из принципа «веляте факих» (наместничество или власть факиха – знатока мусульманского права). Для обоснования своих взглядов, пропагандировавшихся задолго до исламской революции, Р.Хомейни приводил следующие аргументы.

Механизмы управления уммой существовали еще при пророке Мухаммеде, миссия которого заключалась не только в том, чтобы донести до людей повеления Господа, но и в их претворении в жизнь¹. Таким образом, религия и политика уже тогда были неотделимы. В соответствии с Кораном действие законов Божьих не ограничено во времени и пространстве. Поэтому после Пророка эти законы должны исполняться вечно, для чего необходимы власть и управленческий аппарат².

С другой стороны, исламское право охватывает все сферы жизнедеятельности человека. Сущность и качество мусульманских законов позволяют создать исламское государство и управлять политическими, экономическими и культурными делами общества на основе норм шариата³.

«Веляят» подтверждается действиями Пророка, который определил задачи наместника для управления делами, связанными с выполнением законов Божьих⁴. Значит, «веляят» – и есть власть, обеспечивающая исполнение норм шариата. Достойный мусульманин, обладающий необходимыми качествами, может проявить инициативу и создать государственную власть для управления обществом и, будучи тем самым факихом, реализовать таким образом принцип «веляте факих».

Позиции Р.Хомейни по этой весьма запутанной и спорной проблеме явно не хватало основательности, поскольку его мысли и наставления не находили прямого подтверждения ни в Коране, ни в

Суне. Куда более убедительными и доходчивыми были рассуждения о том, что светская форма государственности навязана империалистами и их приспешниками, целью которых было изолировать религию от процесса формирования мусульманского общества, а духовенство от борьбы народа за свободу и независимость и завладеть его богатствами.

В целом, однако, идея сработала, концепцию построения теократического государства во главе с факихом удалось реализовать: исламская революция в Иране состоялась, народ сознательно поверил бразды революционного движения, а в дальнейшем и иранского государства духовенству, проголосовав в ходе двух референдумов 1979 г. сначала за исламскую республику, потом за исламскую конституцию.

Для понимания нынешней ситуации в стране важно, на наш взгляд, учитывать, что одна из причин победы духовенства состояла в его особом месте в иранском обществе, важной роли, которую оно играло в социальных и политических процессах, происходивших в Иране, по крайней мере, в течение прошлого столетия. Напомним об активном, а часто и инициативном участии видных религиозных деятелей в конституционном движении 1905–1911 гг., борьбе за национализацию иранской нефти начала 50-х годов, выступлениях против шахской диктатуры 60–70-х годов двадцатого века. Высокий авторитет духовенства был связан и со спецификой шиитского направления ислама, искренней религиозностью большинства иранцев, сохраняющейся и по сей день. Один из отличительных атрибутов шиизма – это институт высшего мусульманского юриста, то есть наиболее компетентного в вопросах толкования исламского права религиозного деятеля, служащего для остальных верующих образцом для подражания (марджияте таглид). В настоящее время большинство иранцев вне зависимости от степени своей религиозности, иногда невысокой (здесь имеются в виду примеры, когда иранцы, порой сознательно нарушая некоторые нормы шариата, считают себя тем не менее правоверными мусульманами, соблюдают пост, совершают паломничество и т.д.), имеют своего «марджее таглид» в качестве духовника и наставника. Таких священнослужителей (великих аятолл) в Иране сейчас восемь.

Позже диктаторский характер новой власти, ее неспособность не только создать, как было обещано, общество исламского благоденствия и справедливости, но и обеспечить преодоление накопившихся социально-экономических проблем и искоренение традиционных пороков – коррупции, казнокрадства, местничества, протекционизма и т.д. – стали причиной постепенной утраты доверия иранцев к правящему духовенству, усилению протестных настроений в отношении теократического режима.

В последние годы в условиях определенной общественной раскрепощенности, наступившей в результате проводимого президентом С.М.Хатами курса на установление «исламской демократии», система

«веляте факих» стала подвергаться открытой критике. При этом противники теократии часто обращаются к историческому опыту. В частности, речь пойдет о дискуссии по поводу целесообразности борьбы за построение исламского государства, развернувшейся в период упомянутого конституционного движения 1905–1911 гг. Видный теолог того времени А.Хорасани, объясняя опасность религиозной формы государственного правления, приводил доводы, весьма актуальные по своей сути для сегодняшней иранской действительности.

Установление теократической власти в Иране, по мысли А.Хорасани, привело бы к ухудшению отношения к исламу немусульманских стран, изоляции шиитского Ирана в исламском мире, осложнению положения шиитов за рубежом. Государство сефевидов, основанное, как утверждает А.Хорасани, на шиитском фанатизме, привело к неисчислимым бедствиям для приверженцев этого течения ислама в других мусульманских странах, в частности, их массовому истреблению в Османской империи.

Духовенство, управляя делами общества и олицетворяя собой государственную власть, может стать преградой в борьбе с ее недостатками и пороками, поскольку исламский строй должен быть непогрешимым по определению.

А.Хорасани считал, что политическая власть и связанные с ней привилегии усилят противоречия среди духовенства.

Священнослужители, пришедшие к власти, должны быть компетентными как в религиозных, так и государственных делах. Отсутствие всей полноты знаний мирской жизни приведет к подрыву доверия к государству и духовенству, которое обвинят во всех грехах.

Весьма вероятные просчеты и злоупотребления аппарата и окружения правящего духовенства опять же нанесут урон его позициям и авторитету.

А.Хорасани предупреждал, что уход ученых-теологов в политику, в государственные структуры ослабит религиозные институты и нанесет серьезный ущерб исламскому вероучению⁶.

Сегодня в Иране в реформаторских, в том числе религиозных кругах придерживаются, как минимум, четырех различных точек зрения на проблему взаимодействия политики и религии, исламской формы государственной власти в целом.

Первая – наиболее радикальная. Ее сторонники настаивают на том, что теократическая система оказалась полностью несостоятельной и должна быть ликвидирована. Примечательно, что они чаще всего говорят о проблемах, возникновение которых предвидел А.Хорасани. В развитие его предостережений исламский режим публично обвиняют в политическом лицемерии, авторитаризме, препятствовании общественным, в том числе социально-экономическим преобразованиям⁷.

Подход других не столь однозначен. Преподаватель богословия одного из университетов утверждает, в частности, что мусульманское вероучение оказалось в Иране в кризисном состоянии. Причина в том, что после исламской революции в толковании религиозных законов и норм произошел некий крен в сторону социальной и экономической проблематики. Такое положение сохраняется и теперь, что приводит к забвению главного предназначения ислама – нравственного воспитания человека. Подчеркивается, что религия – это прежде всего духовная субстанция. Вера в Господа должна быть в душе, она не может быть навязана силой закона. Итак, Ислам неотделим от общественной жизни, всех ее проблем, политических, социальных, экономических, однако заниматься ими необходимо с позиции нравственных установок Корана и шариата. Из этого вытекает, что религия несовместима с управлением государством⁸. Тезис о внегосударственном участии религии в общественных делах имеет много сторонников среди духовенства.

Третья точка зрения наиболее популярна. Смысл ее заключается в том, что духовенство, хотя и составляет важнейшую часть иранского общества, однако не должно единолично вершить государственные дела. Руководство страной следует осуществлять на конкурентно-демократической основе. Право возглавлять государственную власть может принадлежать не только религиозным, но и светским деятелям, включая представителей немусульманских вероисповеданий⁹.

И наконец, взгляд противников разрушения исламской государственности. К ним относятся, по крайней мере на нынешнем этапе, президент Ирана и его сподвижники, которые считают возможным демократизировать иранское общество в рамках действующего теократического режима.

В преддверии парламентских выборов, которые должны состояться в феврале будущего года, С.М. Хатами довольно резко высказался по поводу возможности демонтажа нынешнего государства. Он заявил о допустимости критики иранского законодательства, однако не в целях отказа от исламской системы, что было бы предательством перед народом¹⁰.

Как представляется, отношение большинства иранцев к действующим порядкам, правящему духовенству, несомненно, негативное. Однако то же большинство не готово к силовым действиям против режима, тем более, что на сегодняшний день не видит ему реальной альтернативы. Реформаторская оппозиция продемонстрировала политическую инертность, а главное, оказавшись во властных структурах, преследуя меркантильные цели, по существу, слилась со своими политическими противниками.

В дальнейшем судьба исламской власти, на наш взгляд, будет зависеть от настроений в традиционно политизированных городских слоях: интеллигенции, мелкой и средней буржуазии, учащейся моло-

дежи. При этом упование противников режима на боевитость молодого поколения пока в большой степени не оправдано. Лишь незначительная часть молодых людей настроена агрессивно, основная же масса подвержена влиянию родителей, стремится к материальному благополучию, расположена к продвижению по службе. Необходимо учитывать моральное состояние вооруженных сил (при этом надо, разумеется, различать армию и привилегированный Корпус стражей исламской революции). Напомним, что именно армия играла определяющую роль в важнейших событиях прошлого столетия: в свержении каджаров и приходе к власти последней в истории Ирана династии Пехлеви, разгроме массового общенационального движения за национализацию иранской нефти и, наконец, в победе исламской революции.

При анализе ситуации важно также иметь в виду, что определенным сдерживающим фактором в общественном поведении иранцев в отношении исламского государства является их религиозность. Тем не менее здравомыслящие люди в Иране, в том числе и искренние мусульмане, очевидно, хотели бы избавиться от довлеющей власти консервативного духовенства и его сторонников, однако, не ценой собственного благополучия, тем более жизни, и без нанесения ущерба своим религиозным убеждениям.

¹ Хомейни Р. Велаяте факих. – Тегеран, 1981, с. 21, 22.

² Там же, с. 29.

³ Там же, с. 32.

⁴ Там же, с. 21.

⁵ Там же, с. 63.

⁶ Тондар, 11.11.2003.

⁷ Тондар, 25.11.2003.

⁸ Афтабе Йезд, 18.11.2003.

⁹ Тондар, 11.11.2003.

¹⁰ Джомхурие эслами, 2.12.2003.

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Духовную и культурную основу подавляющей части населения стран Северной Африки в течение веков формировал ислам. Наряду с элементами и базовыми принципами европейского права Коран и законы шариата определяют правовые нормы, которые в большей или меньшей степени являются составными частями многих конституционных актов и положений стран региона.

Опыт и практика независимого развития стран Северной Африки придали религиозному фактору новое значение, сделав его одним из важнейших компонентов внутривнутриполитического развития, неотъемлемой частью процесса формирования имиджа политических деятелей¹.

В Тунисе и Алжире в силу исторических особенностей развития этих стран произошло отделение светской власти от ведущей религии – ислама. В Марокко, несмотря на то, что король – верховный правитель и в то же время высшее духовное лицо – прямой потомок пророка Мухаммеда, так же, как в Алжире и Тунисе, доминанта светской власти очевидна².

Вместе с тем ислам во всех арабских странах Африки провозглашен государственной религией, глава государства лично демонстрирует свое полное уважение нормам морали, канонам ислама, в частности, принимает участие в богослужении в главной мечети по праздникам и т.д. Но на практике официальный статус ислама поддерживается в разных странах по-разному, в зависимости от особенностей политического курса и характера режима.

В Алжире в 70-х годах во всех государственных учреждениях, учебных и других заведениях, на промышленных предприятиях в обязательном порядке были выделены и оборудованы специальные помещения для молитв. Было создано министерство исламского образования и религии. Партийно-государственные органы пропагандировали через средства массовой информации основы ислама как религии и исламской морали, а вместе с ними – классический литературный арабский язык. В проведении таких мероприятий правящий режим видел средство национальной консолидации в стране, где пятую часть населения составляют кабилы и другие берберские народности.

В Тунисе либерально-авторитарный режим Бургибы, а затем и его преемника бен Али последовательно проводит политику секуля-

ризации и модернизации ислама. В 1956 г. законодательно ликвидируются система шариатских судов и запрещено многоженство. В 1958 г. была секуляризована система образования, в средних школах отменяется преподавание религиозных предметов. Мусульманский университет аз-Зитуна преобразовали в факультет богословия и религиозных наук в составе созданного в то время Тунисского государственного университета. В школах и государственных учреждениях предписывалось ношение европейской одежды, осуждалось ношение хиджаба (чадры).

Повсеместно государственная власть стремилась контролировать исламское духовенство и исламское образование. Поставив под свой контроль хабусы, тунисское государство взяло на содержание исламское духовенство. В 1962 г. все главные мечети были разделены на четыре категории, в зависимости от которых определялся штат духовенства и размер жалованья. Цель преобразований заключалась не столько в ускоренном создании новой исламской элиты, сколько в образовании особого слоя государственных служащих – улемов, не только лояльных режиму, но и активно пропагандирующих его установки с минаретов мечети.

Для осуществления подобной цели в Алжире было открыто более двух десятков исламских институтов, а при Алжирском университете в 1970 г. – факультет мусульманского права и центр шариатских исследований. От преподавателей и студентов этих учебных заведений, как и от всего исламского духовенства, руководители государства на протяжении трех десятилетий постоянно требовали всемерной поддержки в проведении правительственного политического курса.

Важнейшей составной частью концепции алжирской самобытности стал ислам, представлявший в то же время самостоятельный фактор социальной реальности. Правящие режимы рассматривали мусульманскую религию как существенный фактор преобразований в обществе наряду с революционными догматами, как средство мобилизации масс на решение конкретных проблем. В дальнейшем ислам стал служить законодательным и идейно-мировоззренческим фундаментом проводимых преобразований. Так, традиционный лозунг – джихад был преобразован алжирскими правителями в «производственный джихад», призывающий к совместной хозяйственно-производственной деятельности на благо общества. Осуществляя «социалистические» преобразования, правящий режим стремился донести до народа, что они отнюдь не противоречат исламу. Президент Хуари Бумедьен неоднократно подчеркивал, что «ислам по своему духу не противоречит социализму, так как он является религией единства, справедливости, равенства и гарантирует равные возможности для всех»³. Построение алжирского социализма отождествлялось с расцветом мусульманских

ценностей, которые идеологи трактовали как «основополагающую составную часть самобытности алжирского народа».

Развивая эту мысль, алжирский теолог К.Маммери писал, что ислам и социализм являются «двумя основами алжирского режима». Сопоставляя и анализируя основные положения алжирской конституции и Национальной хартии, он утверждал, что «социализм и ислам великолепно совмещаются, ... существует гармония между этой религией и обществом социалистического типа»⁴.

В обновленной конституции Алжира 1989 г. религии уделяется возросшее внимание. В преамбуле говорится, что «Алжир – земля ислама», а сама конституция, предусматривавшая создание Высшего исламского совета при президенте республики, признавала и ограждала «собственность религиозных общин и различных религиозных фондов»⁵. Усиление роли религии, и до того являвшейся важным компонентом идеологической концепции алжирских правящих кругов, объясняется стремлением нового руководства как бы выправить «левый уклон» в идеологической платформе предшествующих правителей.

Оно, используя некоторые положения ислама, стремилось придать политической власти миссию исполнителя высшей воли и таким образом воздействовать на сознание населения, чтобы привлечь его к участию в выполнении поставленных задач, в реализации алжирской модели общественного устройства, создании новой социально-политической системы.

В 80–90-е годы происходившие в мире перемены (распался СССР, прекратилось противостояние двух великих держав) затронули и арабские государства. Пришедшие к власти политики стремились разрешить социально-экономические, политические противоречия, вывести свои страны из кризиса. Однако проводившиеся демократические реформы и модернизация по многим причинам не могли принести быстрых положительных результатов. Изменения традиционной формы бытия, углубление различных общественных противоречий связывались в сознании широких малоимущих слоев населения с экономической и культурной экспансией Запада, порождая неприятие «порочной» западной идеологии и культуры. Непродуманная деятельность политического руководства, нерешенность многих социально-экономических проблем привели к укреплению позиций радикальных исламистов, призывавших к свержению существующих «прозападных» режимов, «неверных» мусульманских политиков, к возрождению ислама и построению исламского государства по законам шариата. В сложившейся обстановке более понятными и близкими большинству населения оказались идеи представителей крайнего спектра исламистов, опиравшихся на коранические нормы и законы шариата. К тому же в условиях жесткого авторитарного правления радикальный исламизм оказался практически единственным оппозиционным правящему режиму движением,

через которое можно было выразить недовольство своим положением и существующими порядками.

В разных арабских странах отношение властей к исламистам неоднозначно.

Политическая ситуация в Алжире, например, представляет непрерывную борьбу руководства страны с исламскими экстремистами. Ни конституционный запрет деятельности исламских группировок, ни попытки вести с ними переговоры, ни карательные операции властей против вооруженных отрядов экстремистов не подавили антиправительственные вооруженные движения.

Находящийся в настоящее время у власти в Алжире президент Бутефлика начал свою деятельность с принятия закона о «гражданском согласии», основная суть которого сводилась к реабилитации некоторых категорий бывших участников исламистских вооруженных формирований и взаимодействию с исламистскими партиями, признанными «умеренными». Несмотря на осуждение подобной политики как со стороны части радикальных исламистов, так и представителей демократического лагеря, положительным результатом ее проведения можно назвать самороспуск Исламской армии спасения (боевого крыла Исламского фронта спасения – запрещенной исламистской организации страны). Параллельно с проводимой президентом политикой гражданского согласия в Алжире начал формироваться антиинтегральный фронт. Его стремится создать ряд светских политических партий и общественных организаций. Их декларируемая цель – не допустить сползания страны к ситуации, когда внутреннюю обстановку в ней будут определять исламисты. Согласно точке зрения инициаторов создания антиинтегрального фронта, которых процитировала газета «Матэн», «многочисленные обещания Бутефлики о мире и возрождении экономики рискуют спровоцировать наступление периода социально-политической нестабильности»⁶. Эту ситуацию используют «усиленные амнистированными боевиками» исламисты, с тем чтобы «перегруппироваться на национальной политической сцене и предстать в виде альтернативы обанкротившейся власти».

В этих условиях (вооруженные исламские формирования продолжают свои акции, от которых страдает мирное население; исламские партии, представители двух из них входят в состав коалиционного правительства Алжира, усиливают давление на власти) президент Бутефлика идет на все большие уступки. Например, при формировании действующего правительства министром иностранных дел был назначен А.Белькадем, считающийся близким к запрещенным в Алжире «Братьям-мусульманам», но официально состоящий в ФНО, где примыкает к «миротворческому крылу», выступающему за всеобъемлющее политическое урегулирование внутриалжирского кризиса, в частности, реабилитацию ИФС и освобождение его лидеров. Группа «примирителей» внутри ФНО (Фронт национального освобождения)

противостоит «терминаторам», проповедующим полное искоренение исламизма. Таким образом, можно говорить о том, что в правительстве не существует единого мнения в отношении исламистов. А в целом Бутефлику критикуют со всех сторон. Либералы и демократы недовольны тем, что они называют «заигрыванием» с исламистами, снижением эффективности действий алжирских силовых структур против радикалов, стремлением Бутефлики к монополизации власти. Легально действующие в стране исламистские партии подтверждают масштаб сделанных президентом уступок. Не остаются в стороне даже политические партии, входящие в правительственную коалицию. Многие из них выражают разочарование тем, что глава государства принимает важные решения без консультаций с ними. Недовольные политикой действующего президента полагают, что, по сути, изменений обстановки в стране не происходит, радикальные исламисты бесчинствуют, считая, что единственный действенный способ оказания давления на правительство – пролить как можно больше крови.

Более жесткой и последовательной политики в отношении исламских фундаменталистов придерживались марокканские монархи. Правящий режим при каждом удобном случае подчеркивает верность принципам ислама. Государство вмешивается в религиозные дела, что выражается в монопольном праве властей на интерпретацию ислама, а также контроле над текстами проповедей. Средства массовой информации во многом трактуют ислам с выгодной для власти позиции. На исламе основана этатистская конструкция Марокко. Для государства характерна довольно широкая интерпретация Корана.

В течение 80-х годов король Хасан II предпринял ряд мер, направленных на обеспечение поддержки режима со стороны официального духовенства. В феврале 1980 г. монарх создал Высший совет улемов, в функции которого входит распространение традиций «классического» ислама, борьба со всевозможными подрывными течениями, религиозная поддержка всех акций властей, решение принципиальных вопросов теологического характера. Король разрешил региональным советам улемов иметь свой бюджет, их представителям работать в государственных учреждениях, заниматься пропагандистской деятельностью, приглашать улемов из других мусульманских стран; было увеличено число и объем передач религиозного характера на радио и телевидении, назначены стипендии студентам-богословам для получения религиозного образования в мусульманских университетах стран Ближнего и Среднего Востока. Правительство расширило сеть высших исламских учебных заведений. Иными словами, правящий режим проводил «исламизацию сверху».

Примерно с 1993 г. власти в Марокко взяли курс на неконфронтационное сосуществование с исламистами. В результате амнистии, проведенной в 1994 г., свыше 100 исламистов были выпущены на свободу и получили разрешение вернуться из эмиграции. Утвержда-

ют, что в этот период существовала особая инструкция избегать любых столкновений с исламистами.

Политика властей имеет целью выбить почву из-под ног у исламистов и самим частично занять их позиции. Некоторые университеты пользуются покровительством монарха, в них созданы отделения исламских исследований. Государство оказывает всемерную помощь кораническим школам. Власти поощряют печатание проповедей периодическими изданиями.

Говоря о соблюдении предписаний мусульманской морали, Хасан II отмечал: «Самое худшее из бедствий, которое угрожает современной цивилизации – это пренебрежение моралью»⁷.

По государственному устройству Марокко – «конституционная демократическая и социальная» монархия. В одних случаях ее называют теократической и абсолютистской, в других – парламентской и демократической. Тем не менее бесспорным является тот факт, что королевская власть играет первостепенную роль в социально-экономической и политической жизни страны.

В Марокко сильна традиция абсолютизма, что подтверждают слова Хасана II: «... Ислам запрещает мне создавать конституционную монархию, в которой король передал бы все свои полномочия и царствовал не правя».

Сталкиваясь с проблемой подъема движений политического ислама, король Хасан II имел определенные преимущества по сравнению с другими главами арабских государств, т.к. являлся прямым потомком Пророка через его племянника имама Хасана бен Али. Монархи имеют титулы «Наместник Бога на земле» и «Повелитель верующих», что поднимает их авторитет среди подданных.

Из-за опасения вызвать сопротивление структур мусульманского общества в Марокко никогда не предпринимались попытки проведения светских реформ в системе образования, как это было в Алжире и Тунисе.

Одну из причин распространения исламизма Хасан II видел в низком уровне грамотности населения. В январе 1992 г. в интервью французской газете «Фигаро» он сказал: «... Необходимо заставлять лучше учить арабский язык, так как он является языком Корана. Мусульманин, который плохо знает арабский язык, вынужден обращаться к переводчику – мулле, который, прикрываясь Кораном и Пророком, может говорить что угодно. Я убежден, что если бы каждый мусульманин мог непосредственно читать Коран, было бы меньше исламистов»⁸. По его мнению, лучшим способом борьбы с исламизмом является «свобода и хорошее образование». Такого же мнения придерживается новый король Марокко Мохаммед VI, видящий основу исламского фундаментализма в «жестокости и невежестве», которые необходимо искоренять.

Ислам всегда играл существенную роль в политической системе Марокко. Его значение в современном марокканском обществе двойно. С одной стороны, ислам способствует усилению позиций режима, укреплению системы органов государственной власти, с другой – противостоит им. Последнее обстоятельство связывают со стремлением монархии монополизировать не только светскую, но и духовную власть, что приводит к значительной радикализации некоторых мусульманских деятелей.

Возникавшие исламские организации сначала пользовались благосклонным отношением со стороны режима, так как их тактические цели совпадали с интересами двора: фундаменталисты выдвигали лозунги борьбы с сионизмом, марксизмом, левыми профсоюзами, антимонархически настроенными представителями интеллигенции. По заявлению одного из лидеров Ассоциации исламской молодежи, его организация была создана для «ликвидации влияния политических и интеллектуальных деятелей, являвшихся врагами ислама». Однако по мере выдвижения исламскими организациями политических требований, затрагивавших устои государственного устройства, они начали подвергаться суровым преследованиям. Власти были вынуждены для борьбы с исламистами использовать силу.

Исторически в Марокко сложился ряд факторов, препятствующих развитию исламизма. Это, во-первых, сильная структуризация религии, которой власти отводят только культурную и общеобразовательную роль. Во-вторых, наличие в стране сект марабутов, не допускающих иных интерпретаций ислама, кроме традиционной. В-третьих, развитие радикального исламизма сдерживается благодаря особой роли монарха, являющегося духовным лидером марокканцев.

В Тунисе росту радикального ислама препятствовал жесткий контроль со стороны государства. С первых дней самостоятельного существования правительство приняло меры, направленные на ослабление позиций мусульманского духовенства, которое на протяжении всей истории национально-освободительного движения находилось в оппозиции к Новому Дустуру. Расходы культа стали оплачиваться государством. Была реорганизована вся система традиционного религиозного образования – ликвидированы куттабы и современные коранические школы.

Однако влияние исламского движения постепенно росло, особенно среди традиционных слоев мелкой буржуазии, студенчества, части интеллигенции. Они выступали против «вестернизации», отождествляемой ими с прозападным курсом правительства Бургибы. В обращении к фундаментальным ценностям ислама многие из них видели опору в борьбе с социальными недугами⁹.

Рост фундаменталистского движения и расширение его деятельности привели к тому, что правящие круги резко осудили «меньшинство, которое использует ислам как предлог для распространения

анархии и кощунственной спекуляции на религиозных принципах». В прессе подчеркивалось, что цели и деятельность Движения исламского направления (основное движение исламских фундаменталистов в Тунисе в 80-е годы) противоречат истинному исламу. Проправительственные газеты призывали народ защитить национальные завоевания и отразить происки террористических сил, прикрывающихся исламскими лозунгами. Была проведена серия арестов, в результате движение было обезглавлено – все его видные деятели приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Правительство страны в своей пропаганде постоянно подчеркивало, что основные принципы доктрины правящей партии (Социалистической дустуровской партии) не только не противоречат, но полностью соответствуют положениям ислама. Были предприняты и конкретные шаги, призванные подчеркнуть возрастающую роль ислама в стране (увеличение числа часов на преподавание религии и введение дополнительных религиозных дисциплин, регулярные передачи на религиозные темы по радио и телевидению, строительство новых мечетей, ежегодные конференции и семинары по вопросам ислама и т.д.).

Правящие круги стремились привлечь на свою сторону верхушку мусульманского духовенства. С этой целью в 1980 г. при СДП была создана Комиссия по вопросам мусульманской идеологии и религиозным делам, куда наряду с представителями партийно-правительственных кругов вошли высшие религиозные авторитеты вместе с главным муфтием республики. В правительстве была учреждена должность служителя культа при премьер-министре, служителям культа значительно повышено жалование. В мае 1987 г. по распоряжению Бургибы был создан Высший исламский совет, состоявший из десяти человек, под председательством главного муфтия.

Новый президент Бен Али, пришедший к власти в ноябре 1987 г., в отношении фундаменталистов остался на позициях прежнего руководства. Хотя и был издан декрет о помиловании значительной части исламистов – членов Движения исламского направления и Партии исламского освобождения.

Руководство Туниса придерживается позиции, состоящей в том, что жесткий контроль и здоровая экономика могут сдерживать экстремистские движения, стремящиеся силой навязать исламские законы. Исламистская оппозиция поставлена вне закона. Президента Зин аль-Абидина Бен Али поддерживают сильная и вездесущая полиция, лояльная пресса и конституция, закрепляющая за его партией постоянную власть. Священнослужители в стране подотчетны министерству по делам религии, и их еженедельные проповеди контролируются.

Часть тунисцев, так же как и многие дипломаты, считает, что правительство преувеличивает исламскую угрозу, чтобы оправдать свою

авторитарную власть и не позволить открыто действовать законным оппонентам, осуждающим коррупцию в высших эшелонах власти.

«Тунисский опыт показывает, – как утверждает сотрудник «Монд дипломатик», – что президент Бен Али и его правительство не терпят оппозицию ни в какой форме. Исламистская угроза, о которой они упоминают, на деле – лишь предлог для того, чтобы обречь на молчание любого индивидуума, группу лиц или газету, заподозренных в малейших поползновениях к оппозиции власти»¹⁰. Президент делает все, чтобы выглядеть «защитником отечества и религии».

Постоянно подчеркиваемая в повседневной деятельности Бен Али его приверженность исламу, мусульманским ценностям и традициям, поддержка существующих в стране религиозных институтов одобрительно воспринимаются не только духовенством, но и основной массой населения.

Бен Али, утверждая «демократию» через консолидацию различных политических сил, сделал все, чтобы фундаменталисты «выпали» из развивавшегося в стране политического процесса. Было запрещено фундаменталистское движение «Нахда». Бен Али выдвинул лозунг: «Мы все защитники ислама и мы вместе против тех, кто пытается его монополизировать», мы за «религию для всех»¹¹. Мечети для Аллаха, никому не позволено их использовать во имя политики, государство должно уважать ислам, не теряя в этом вопросе своей нейтральности. Оно поддерживает религию и помогает ей. Религиозные организации, стоящие вне политики, занимаются преподаванием основ подлинного ислама, издают школьные учебники и книги для детей – такова, вкратце, позиция президента Туниса.

Политика Бен Али по отношению к исламу в Тунисе учитывает, во-первых, мусульманский характер страны, во-вторых, проводит политику «контролируемого ислама». Президент усилил значение Высшего исламского совета. За время его правления было построено более тысячи мечетей. В стране поощряется изучение Корана, для лучших знатоков которого учреждены президентские премии. Благодаря этим мероприятиям ислам утверждается не связанным с политикой. Таким образом, «руководители Туниса, с одной стороны, старались использовать антиисламские настроения некоторой части либеральной оппозиции, одновременно поощряя внутренние разлады в самом исламском движении, а с другой, – заимствуют части их лозунгов, привлекая на свою сторону некоторых критически настроенных религиозных деятелей»¹².

Известный французский исследователь О.Роу следующим образом характеризует влияние религиозного фактора на политическое развитие: «... Ислам с самого момента своего появления был тесно связан с политикой... Тем не менее современные оппозиционные исламские движения имеют особый характер: ислам больше стал политической идеологией, чем религией...»¹³.

После явного провала панарабизма и арабского социализма арабы в общем оказались перед выбором между двумя идеологиями: исламским фундаментализмом и либеральной демократией. В странах, где пробовали пойти по пути плюралистической демократии, исламские фундаменталисты воспользовались большей свободой выражения взглядов и проведением выборов для укрепления своей силы и соперничества с властями. Длительная неспособность арабских режимов удовлетворить основные нужды своих народов создала благоприятную почву для этой идеологии¹⁴.

Большая или меньшая значимость исламского компонента и его влияния на политическую систему определяется не только «традиционалистским» или «модернистским» курсом противоборствующих политических направлений, а и официальной идеологией государства. От умения политических лидеров создать благоприятную обстановку для дальнейшего развития нации и, соответственно, обуздать экстремистов зависит дальнейшая судьба региона.

Религия, представляя неотъемлемую часть общества, его духовной жизни, оказывает непосредственное влияние на проводимую главами государств политику и, следовательно, является важным фактором формирования политической культуры правящей элиты. Умение лидера сочетать религиозные нормы с осуществляемыми демократическими преобразованиями и укреплении религиозного авторитета правящей элиты – важные условия политической стабильности общества.

¹ Африка: особенности политической культуры. – М., 1999, с. 85.

² Северная Африка: ислам и общество. – М., 1999, с. 5.

³ Discours du president Boumediene. – Alger, 1970, с. 64.

⁴ Mamery Kh. Reflexion sur la Conctitution algérienne (de 22 novembre 1976). – Alger, 1979, с. 21.

⁵ Сапронова М.А. Проблемы демократизации общественно-политической жизни Алжира (80–90-е гг.) и поиск национальной идентичности // Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока. – М., 1999, с. 34.

⁶ Компас, 18.05.2000, № 20.

⁷ MAP, Rabat, 19.04.1995.

⁸ Le Figaro. P., 15.01.1992.

⁹ Новейшая история арабских стран Африки. – М., 1990.

¹⁰ Компас, 13.03.1997, № 11, с. 53.

¹¹ Садок Шаабан. Тунис: путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина бен Али. – М., 1996, с. 84.

¹² Комар В.И. Эволюция политических систем в некоторых странах Африки: исламизм, оппозиция и традиции (80–90-е гг.). – М., 1995, с. 52.

¹³ Projet, P., 1998, № 214, с. 71.

¹⁴ Сапронова М. Цит. соч.

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИРИ

Некоторые специалисты утверждают, что в XXI веке пресная вода станет одним из важнейших стратегических ресурсов нашей планеты, и вопросы ее использования, сохранения и раздела между отдельными странами могут приобрести первостепенное значение. В нашем случае такой страной является Исламская Республика Иран, проблемы которой мы попытаемся кратко изложить, обратив внимание на два важнейших аспекта: недостаток воды в стране и взаимоотношения с соседними странами.

Гидросфера Земли составляет более 1,5 млрд. куб. км, из которых 96% составляет горько-соленая вода морей и океанов. Запасы пресной воды на Земле не превышают 90 млн. куб. км, причем сосредоточена она в основном в виде ледников и разнообразных подземных «морей».

Благодаря круговороту воды общее ее количество на Земле практически не уменьшается и запасы ее неисчерпаемы. Однако если в среднем на поверхность планеты ежегодно выпадает почти метровый слой влаги, то распределяется она по земной поверхности крайне неравномерно. В экваториальных тропических зонах и некоторых других районах ее выпадает больше, в некоторых – меньше (в Индии есть районы, в которых количество ежегодных осадков достигает 10–12 м, в Синайской пустыне и в Сейстане ежегодно выпадает 10–15 мм осадков, на юге Аравийского полуострова дожди бывают не каждый год, а в Ливийской пустыне их не бывает вообще).

Неравномерно распределяются осадки и по сезонам. В районах с континентальным климатом, тропиках и муссонных областях 60–70% осадков выпадает летом, в субтропиках – зимой, в экваториальных областях – в марте-апреле и сентябре-октябре.

Накапливающиеся в водоносных слоях земли грунтовые воды являются после осадков вторым важнейшим источником водоснабжения населения. Они существуют практически везде, даже в пустынях, причем их распределение по земной поверхности более равномерно, чем поверхностных вод, они меньше загрязняются, имеют постоянный состав и температуру.

Если учесть, что примерно две трети всех запасов пресной воды сосредоточено на полюсах нашей планеты в виде льда, то проблема

рационального использования имеющихся в распоряжении человека запасов пресной воды с каждым годом становится все актуальней. Особенно это относится к странам с аридным климатом, который господствует на большей части территории Ирана. Около трети площади страны занято пустынями, сухими озерами и солончаками без воды и какой-либо растительности, треть территории Ирана покрыта горными цепями. В Иране выпадает в среднем 252 мм осадков в год, тогда как азиатские страны получают ежегодно 645 мм, Европа – 520, а Африка – 710 мм. Для ведения устойчивого земледелия количество осадков должно составлять не менее 500 мм в год. Следует также иметь в виду, что на территории самого Ирана количество выпадающих осадков крайне неравномерно. Более половины их выпадает в Прикаспийских районах, площадь которых составляет четверть площади Ирана, и только 20% в южных и восточных районах страны. Также неблагоприятно с точки зрения земледелия и распределение осадков по сезонам. Основная масса их выпадает в то время, когда вегетационный период еще не наступил, в то же время, когда растения больше всего нуждаются во влаге, количество выпадающих осадков и уровень воды в реках минимален.

Водные источники

Объем ежегодно выпадающих на территорию Ирана осадков составляет в среднем 335 млрд. куб. м (что соответствует 335 км³) с колебаниями от 280 до 520 млрд.¹ Из выпавшего количества 225 млрд. куб. м испаряется, а остальное пополняет ручьи, реки, озера и просачивается в землю. Однако даже то количество воды, которое остается в водоемах, не может быть полностью использовано: озера и болота большей частью засолены и могут рассматриваться как источник водоснабжения только в перспективе, когда будет решена проблема их рассоления. Таким образом, основным источником получения пресной воды в Иране в настоящее время являются реки, и поэтому понятно то внимание, которое в последние годы иранское руководство уделяет упорядочению использования речной воды. Так, если на начало 1973 г. общий объем водохранилищ, построенных на реках, составлял около 17 млрд. куб. м, то в 1978 г. он был увеличен до 26 млрд., а к 1999 г. был доведен до 38 млрд. куб. м². При помощи этих плотин потребности сельского хозяйства удовлетворялись на 58–60%, промышленности и бытового потребления – на 65–70%.

Все реки страны можно условно разделить на две категории: первая – полноводные реки, берущие начало в районах с большим количеством осадков или в горах северных и западных районов страны, где выпадают дожди летом и снег зимой. К таким рекам можно отнести пять рек Хузестана: Кархе, Карун, Дез, Марун и Захре, общий сток которых составляет в среднем 26 млрд. куб. м. На сельскохозяйственные, промышленные и бытовые нужды из этого количества используется не более 28%.

Ко второй группе относятся реки, имеющие следующие общие признаки: слабое течение, периодичность водотока, внезапные паводки, особенно летом, полное отсутствие воды какую-то часть года.

Что касается грунтовых вод, то они изучены еще недостаточно (около половины площади пустынь еще ждет своих исследователей), однако по имеющимся подсчетам, за счет фильтрации из рек, каналов, озер, болот, а также дождей и тающего снега запасы грунтовых вод пополняются ежегодно на 31–32 млрд. куб. м.

Интенсивность использования грунтовых вод в различных районах страны зависит от состояния экономики в целом, а также от естественных условий и сложившихся обычаев. В Хорасане, Тегеране и северных провинциях страны обилие грунтовых вод приводит к тому, что более 50% их используемого объема извлекается с помощью глубинных колодцев. В Сейстане и Белуджистане, а также в Кермане и Бандар-Аббасе до 60% используемых грунтовых вод добывается при помощи канатов. В западных и северных районах Хузистана две трети используемых грунтовых вод получают из ключей и горных источников, собирающих дождевую воду на склонах хребтов горной системы Загрос.

Использование воды

Водные ресурсы страны используются для удовлетворения нужд сельского хозяйства, промышленности, городского населения и выработки электроэнергии. Как уже говорилось, из среднего объема 335 млрд. куб. м осадков, ежегодно выпадающих на территории Ирана, 225 испаряется, то есть ежегодно используется около 110 млрд. куб. м, в том числе 73 млрд. куб. м – на удовлетворение нужд сельского хозяйства, промышленности и городского населения³.

Сельское хозяйство

Основным потребителем воды в Иране является сельское хозяйство. По данным Планово-бюджетной организации Ирана, в 1974 г. площадь обрабатываемых земель в стране составляла 17,5 млн. га, из них 11,3 млн. га было занято посевами, в том числе 4,2 млн. га (37,2%) орошалось. Для полива этой площади в течение года требовалось около 40 млрд. куб. м воды.

Строительство государством крупных современных ирригационных сооружений дало возможность использовать для полива в 1973 г. около 10,8 млрд. куб. м, а к концу 1978 г. предполагалось увеличить этот объем в полтора раза, в результате чего орошаемые площади в стране могли бы быть увеличены более чем вдвое. С началом эксплуатации ирригационных и сельскохозяйственных объектов, находящихся в стадии строительства или начатых в этот период, площадь используемых орошаемых земель возросла примерно на 642 тыс. га. Объекты, по которым сделаны проекты, но окончательное решение о строительстве не было принято, могли добавить еще 474 тыс. га. Если учесть объекты, по которым проведены только исследовательские

работы, то площади орошаемых земель могли быть увеличены еще на 163 тыс. га, а более интенсивное использование грунтовых вод – дать прирост еще в объеме 131 тыс. га. Таким образом, осуществление всех имеющихся проектов могло дать возможность увеличить фонд орошаемых земель на 1,4 млн. га, что для такой страны, как Иран, имеет немаловажное значение.

Для того, чтобы обеспечить всем необходимым страну с населением в 60 млн. человек (на 1996 год), необходим фонд орошаемых земель примерно в 10–11 млн. га, и в этом случае для нужд сельского хозяйства ежегодно потребуется до 85 млрд. куб. м воды. Поскольку обеспечить получение такого объема воды только для нужд сельского хозяйства затруднительно, выполнение программы обеспечения страны продовольствием за счет только внутреннего производства представляется нереальным, что подтверждают следующие данные: в 2000 г. из общего фонда сельскохозяйственных угодий (15,4 млн. га) обрабатывалось около 12 млн. га, в том числе орошалось 4,6 млн.⁴ Если в 1995 г. Иран собрал всего около 15,4 млн. т зерновых, то в 1999 г. сбор не превышал 11,7 млн. т при средней урожайности 27 ц с гектара на поливных и 7 ц – на богарных землях. Если учесть быстрый рост городского населения (в 1986 г. в стране было 496 городов, в которых проживало 54% жителей страны, а в 1996 г. насчитывалось уже 614⁵ городов, где было сосредоточено 61,3% всего населения), то становится ясно, что страна начинает испытывать затруднения с продовольствием. Импорт продовольственных товаров возрос за период 1986–2000 гг. с 3,5 до 9,6 млн. т⁶, цена пшеницы и ячменя на внутреннем рынке поднялась в 17 раз, а хлопка – в 28 раз. Такой рост цен, а следовательно, и ухудшение условий жизни, неизбежно приводят к созданию социальной напряженности в стране.

Промышленность

Точное определение объемов воды, нужной для обеспечения нужд национальной промышленности, затруднительно, поскольку нужды крупных объектов, имеющих собственные водозаборы, могут быть подсчитаны без особых затруднений, однако точный учет потребностей мелких предприятий (где занято менее 10 человек), рассеянных по всем городам и городским предместьям и получающих нужную им воду или из собственных скважин, или путем присоединения к городским водопроводам, представляет известные трудности.

Использование воды крупными промышленными предприятиями в 1972 году оценивалось в 224 млн. куб. м, причем 49% этого объема использовал Эсфаханский металлургический завод, 34% шло на нужды района Тегерана, 7,6% – района Фарса, 8% – других промышленных районов. В районах Кермана, Бандар-Аббаса, Сейстана и Белуджистана вода для промышленных нужд почти не использовалась. Однако развитие в Иране тяжелой индустрии (металлургии, горнодобы-

вающих предприятий, крупных энергетических объектов) потребует значительного роста потребления пресной воды.

Одной из проблем, которая должна быть решена в ближайшие годы, является вопрос повторного использования воды промышленными предприятиями, поскольку потребности промышленности в воде в будущем могут увеличиться в несколько раз.

Бытовое использование воды в городах

В городах вода используется, как правило, для бытовых потребностей, полива парков, садов, нужд пожарных команд, наполнения городских бассейнов, а также обеспечения мелких промышленных предприятий. По имеющимся оценкам, потребление воды городским населением в 1972 г. составляло около 500 млн. куб. м в год. В это время около 40% городского населения приходилось на район Тегерана, где подушевое потребление составляло около 113 литров в сутки. В 1975 г. в Тегеране и Эсфахане ежедневно расходовалось соответственно 182 и 150 л воды на человека. По имевшимся оценкам, в 1976 г. в Тегеране на человека расходовалось 200 л воды в сутки. В целом же, несмотря на быстрый рост городского населения и количества городов, продажа воды государством за 1996–2000 гг. практически не увеличилась, оставаясь на уровне 2,7–2,8 млрд. куб. м в год⁷.

Возможности развития водоснабжения в Иране

Та важная роль, которую играет в жизни Ирана и его населения вода, требует тщательного изучения всего комплекса вопросов, связанных с возможностью увеличения запасов и более рациональным использованием имеющейся воды в Иране. Эти вопросы можно разделить на две категории:

а) факторы, зависящие от природных условий;

б) трудности общественного и административного характера, происходящие от неумелого управления или неудачной структуры либо существующие как укоренившиеся обычаи и привилегии.

Недостаток воды и наличие пустынь можно считать результатом действия климатических, географических и геологических условий, которые действуют следующим образом:

1. Неравномерное распределение осадков и неблагоприятное распределение осадков по сезонам.

2. Недостаток осадков в южных районах страны. Климатические условия препятствуют возврату на территории Ирана испаряющейся из Персидского и Оманского заливов влаги и способствуют тому, что на южном берегу Ирана дожди очень редки, идут в виде ливней, приводящих к сильным паводкам и селям, воду которых нельзя использовать.

3. Высокая испаряемость. Сильно греющее солнце, жаркая погода в большинстве районов страны, сезонные ветры в некоторых регионах – все это увеличивает испаряемость до значительного уровня, что влечет за собой как увеличение потребностей растений в воде, так и излишние потери воды в виде испарений.

4. Засоление пресных вод. Во многих районах страны, особенно в центральных и южных, вода, выпадающая в виде осадков, протекая по засоленным площадям и просачиваясь через засоленные пласты грунта, делается непригодной к использованию как сама, так и превращает в непригодную воду тех источников, в которые она, в конце концов, попадает.

5. Бедные почвы на склонах гор. В большинстве площадей водосборов слабый грунтовый покров приводит к тому, что атмосферные осадки проникают вглубь на незначительную величину и образуют поверхностные потоки, что ведет к размыву поверхностного слоя и к быстрому исчезновению воды из пределов досягаемости.

6. Большие расстояния между источниками воды и районами ее использования.

Общественные и организационные трудности

Способы использования воды в Иране и эксплуатация водных источников не только не претерпели сколько-нибудь значительных изменений, но в некоторых районах ничуть не изменились с древних времен. Кроме того, накопление, распределение и использование воды различными организациями страны ведется без нужной координации, что, в свою очередь, приводит к таким трудностям, как:

1. Большие потери воды в каналах. Поскольку наибольший расход воды в каналах приходится на зиму и весну, когда канатная вода обычно не используется для нужд сельского хозяйства, получается, что от одного до шести месяцев каналы расходуют воду бесцельно. Как показали исследования, в 1973 г. 20% воды, полученной из каналов, были безвозвратно потеряны.

2. Потери воды в городах. Во многих городах до сих пор сохраняются старые водозаборные сооружения (земляные или деревянные плотины), подающие воды в арычную сеть. Каждый паводок обычно наносит значительный ущерб этим сооружениям, разрушает плотины, заносит каналы илом, что кроме прямого материального ущерба влечет за собой также потери значительных объемов воды, проходящей по этим каналам.

3. Аккумулирование и распределение воды. Успехи, достигнутые в области сооружения распределительных систем, по сравнению с деятельностью по строительству водохранилищных плотин были гораздо более скромными, что приводит к разнице во времени между использованием капитальных вложений в сельскохозяйственные объекты и отдачей от них и, в конечном счете, также и к потерям воды.

4. Программа обеспечения водой городов. Отсутствие долгосрочной программы обеспечения водой городов с учетом их быстрого роста и развития приводит к возникновению серьезных проблем во многих из них.

5. Недостаток квалифицированных кадров. Усиление деятельности по развитию водных источников страны и увеличение спроса привели

к дефициту иранских специалистов, особенно в области долгосрочного планирования и осуществления крупных проектов, вроде строительства водохранилищных плотин. В настоящее время подавляющая часть таких объектов сооружается при помощи иностранных советников.

Анализируя все сказанное выше, можно прийти к выводу, что трудности, вызываемые несовершенством государственных организаций, могут быть преодолены в течение довольно короткого времени, однако проблемы, возникающие как следствие социальных условий, укоренившихся привычек и обычаев, а также природных условий, требуют для своего разрешения гораздо более длительного периода.

Использование пограничных рек

Все реки Ирана можно разделить на две группы:

а) реки, берущие начало на территории Ирана и уходящие на территорию соседних стран, как, например, р.Сирван, стекающая с гор Альванд и уходящая в Ирак;

б) реки, имеющие истоки в соседних странах и втекающие на территорию Ирана или текущие по границе, как Аракс, Атрек, Харируд (Теджен на территории Туркменистана) и Гильменд.

В целом ежегодно из Ирана на территорию соседних стран утекает около 14 млрд. куб. м воды, что составляет 17,7% поверхностного стока всей страны. С другой стороны, с территории соседних стран ежегодно на территорию Ирана втекает 6,7 млрд. куб. м воды и, таким образом, несмотря на имеющийся дефицит воды в Иране, он отдает другим странам в среднем 7,3 млрд. куб. м воды каждый год⁸.

В международной практике совместное использование водных ресурсов двумя или более государствами находит все большее распространение. Имеются примеры использования рек, проходящих транзитом по территории ряда государств. Так, например, использование вод Нила Египтом потребовало учета интересов Судана. США и Канада совместно используют Ниагару и Колумбию, которые разделены государственной границей таким образом, что верхнее течение этих рек находится в Канаде, а нижнее – в США. Имеются также случаи совместного использования водотоков, проходящих по границе сопредельных стран. К таким случаям следует отнести совместное использование Румынией и Югославией Дуная (ГЭС Золотые ворота), Ираном и республиками бывшего СССР рек Араке и Атрек, Мексикой и США водных ресурсов реки Рио-Гранде-дель-Порте, Россией и Норвегией гидроэнергетических ресурсов пограничной реки Раатсо-Йока.

До настоящего времени международная практика не выработала каких-либо установившихся правил и законов, регламентирующих распределение водно-энергетических ресурсов. В каждом отдельном случае заинтересованные стороны заключают соглашения, определяющие правила использования и эксплуатации рассматриваемых ресурсов. Очевидно, это связано с тем, что при совместном исполь-

зовании водотока встречаются весьма разнообразные географические, природные, экологические и экономические условия, которые не поддаются обобщению. Все это многообразие фактов может быть регламентировано только двусторонними соглашениями, которые могут учесть все специфические особенности, характерные для каждого конкретного случая. Разнообразие условий соглашений можно проиллюстрировать целым рядом примеров как в случае, когда граница разделяет реку на верхнюю и нижнюю часть, так и в случаях, когда река служит границей между государствами.

Если в отношении использования воды рек Аракс и Атрек в настоящее время никаких противоречий не существует, то в отношении некоторых других рек они уже возникали или могут в обозримом будущем возникнуть. Это, в первую очередь, относится к реке Харируд, берущей начало в Центральном Афганистане, протекающей частично по границе между Ираном и Афганистаном и под названием Теджен теряющейся в песках Туркмении. Если афганцы решат построить на Харируде плотину в районе Салма, как это предусматривалось еще в начале 70-х гг., то поступление воды из этой реки для орошения земель на иранской территории практически прекратится.

Еще одним узлом противоречий может стать нижнее течение реки Гильменд на ирано-афганской границе. Дело в том, что вся площадь водосбора этой реки со среднемноголетним стоком в 16 куб. км расположена на территории Центрального Афганистана, а питает она систему Сейстанских озер-хамунов, частично расположенных на территории Ирана. Поскольку эти озера служат единственным источником снабжения населения питьевой и хозяйственной водой, Иран не заинтересован в том, чтобы на афганской территории строились какие-либо ирригационные сооружения, уменьшающие сброс воды в озера. Афганцы же, наоборот, еще 50 лет назад начали с помощью США осваивать долину Гильменда, построив несколько плотин и каналов. По ряду причин освоение земель в новых районах шло медленно, и отбор воды для целей ирригации был сравнительно небольшой. Теперь же, в связи с ростом населения и потребностей в сельскохозяйственной продукции, освоение земель в долине Гильменда может идти гораздо интенсивнее, и приток воды в озера сократится. Еще более ста лет назад англичане несколько раз пытались разрешить афгано-иранские споры о воде в низовьях Гильменда (комиссия генерала Гольдсмита в 1872 г, Мак-Магона в 1903 г.и др.). Интересно отметить, что решения, принимавшиеся этими комиссиями, были диаметрально противоположными. В 1872 г. было решено, что Иран имеет право на 2/3 стока реки, решением 1903 г. Афганистан в свою очередь получал право использовать на своей территории 2/3 стока. В 1939 г. страны достигли соглашения о делении стока реки поровну⁹. В начале 60-х гг. по решению Мухаммада Найма (двоюродного брата короля, министра иностранных дел и второго зам. премьера афган-

ского правительства) была организована специальная экспедиция из афганских и советских специалистов различного профиля, которая должна была обследовать низовье р. Гильменд и постараться найти место для строительства плотины, которая помогла бы сохранить всю воду реки на афганской территории. Равнинный характер местности не позволяет создать водохранилище такого объема, одна впоследствии афганцы небольшую плотину в этом районе все же выстроили.

Таким образом, интенсивное использование воды Гильменда на афганской территории неизбежно вызовет отрицательную реакцию Ирана.

Есть еще один узел противоречий из-за воды – река Шатт-эль-Араб на ирано-иракском пограничном участке. Длительное время Ирак претендовал на единоличное право распоряжаться этим участком реки, и конфликт бы. с трудом урегулирован, но опасность его возобновления существует.

Возможности дальнейшего развития водоснабжения

Как показано выше, Иран все больше нуждается в пресной воде и для решения этой проблемы может воспользоваться несколькими способами.

1. Опреснение воды. Только 0,1% имеющейся на земле воды может быть использовано без какой-либо обработки. В Иране, имеющем на севере и юге выходы к морям, может быть организовано опреснение морской воды, особенно в районах Персидского и Оманского заливов, где потребность в пресной воде особенно велика.

В настоящее время в Иране работает несколько опреснительных установок, в основном – в портах и на островах Персидского залива. Крупнейшей из них является установка на о.Харк производительностью 1400 куб. м воды в сутки, более мелкие, общей производительностью 4–5 тыс. куб. м в сутки эксплуатируются на островах Лаван, Киш и некоторых других. После окончания строительства крупной установки по добыче соли в Чахарбахаре она может давать одновременно с основной продукцией до 60 тыс. куб. м пресной воды в сутки. При начале строительства атомных электростанций в Бушире также предусматривалось создание при них опреснительных установок и предполагалось, что они смогут давать от 100 до 300 тыс. куб. м пресной воды ежедневно.

Перспективным планом развития электроэнергетики, разработанным еще в шахское время, предусматривалось создание 20 атомных электростанций, 8 из которых брались построить США. Две трети атомных электростанций планировалось установить в районе Персидского и Оманского заливов, и выработка опресненной воды этими станциями могла составить 1350 млн. куб. м в год.

2. Улучшение качества существующей воды.

В Иране многие мелкие реки проходят по солончаковым или известковым породам, и воду этих рек часто нельзя использовать даже

для нужд сельского хозяйства. Воды некоторых из этих рек можно улучшить путем изменения течения или отвода соленых притоков. Таким образом, можно увеличить число как поверхностных источников, улучшив качество воды, так и увеличить используемые запасы грунтовых вод.

3. Расширение лесных массивов и лесопосадок

Посадки деревьев кроме многих экономических выгод играют еще очень важную роль в увеличении количества выпадающих осадков, запасов грунтовых вод и предотвращении излишней испаряемости. Опытами было установлено, что в районах с густым лесным покровом дождей выпадает гораздо больше, чем над районами, лишенными растительности. Деревья способствуют более быстрому проникновению в почву дождевой воды, что ведет к увеличению запасов грунтовых вод, а также сокращает испаряемость влаги с поверхности почвы.

В Иране леса занимают площадь 18 млн. га, что несколько больше 10% общей площади страны. Принимая во внимание то влияние на увеличение водных ресурсов, которое имеют лесопосадки, следует всячески поощрять программы создания новых парковых и лесных массивов.

4. Уменьшение испаряемости.

В большинстве районов Ирана географическая широта местности, высота над уровнем моря и сухость воздуха привели к появлению пустынного и полупустынного климата, в результате чего испаряемость увеличилась и составляет в настоящее время до 3000 мм в год.

Большая часть потерь от испаряемости приходится на водохранилища и озера, теряющие ежегодно 668–730 млн. куб. м воды. Снижение этих потерь вдвое могло бы обеспечить водой 35 тыс. га новых земель. Испарения с поверхности рек и каналов, а также с поверхности орошаемых полей никем не учитываются, но они также составляют немалый объем. Что касается каналов и арычной сети, то здесь уже применяются такие способы, как подача воды по трубам, закрытым лоткам и др. Сокращение испаряемости с полей может быть достигнуто также путем посева трав. Создание ветрозащитных полос может тоже иметь значительный эффект и уменьшить испарение в сухих районах на 5–10%.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что на территории Ирана насчитывается до 2500 различных рек¹⁰, подавляющая их часть не может быть использована по различным причинам.

2. Быстрый рост народонаселения не сопровождается адекватным увеличением запасов пресной воды, что уже подвело Иран к черте, за которой нехватка воды будет сказываться не только в земледелии и скотоводстве, но и в жизни городского населения, которое также быстро увеличивается.

3. Невозможность увеличения производства зерна и мяса (основных компонентов питания населения) делает страну зависящей от импорта этих товаров, который в последние годы постоянно увеличивается, что приводит к росту цен и наряду с другими факторами – к усилению социальной напряженности. Конечно, пока цены на нефть держатся на высоком уровне, Иран может закупать за рубежом все необходимое, включая продовольствие, но в случае падения мировых цен на нефть что будет со страной, которая получает более 90% всей валюты только от экспорта нефти.

4. Неурегулированность вопросов деления вод пограничных рек (главным образом Харируда и Гильменда) может привести к серьезным политическим и даже военным конфликтам (примером такого политического конфликта может служить спор о водах Амударьи между Туркменистаном и Узбекистаном после распада Советского Союза).

Таким образом, даже приведенный выше краткий перечень проблем, с которыми Иран может столкнуться в будущем, дает основание утверждать, что пресная вода является для него одним из факторов обеспечения национальной безопасности страны, и государство должно приложить максимум усилий для того, чтобы сохранить и преумножить запасы воды, а также договориться с соседними странами о взаимовыгодном использовании пограничных рек.

Все это будет способствовать укреплению не только экономической независимости, но и национальной безопасности Ирана в будущем.

¹ Квартальный отчет «Банке Меллийе Иран» № 177, (март-май 1978), с. 34.

² Статистический ежегодник Ирана, 2000/2001, с. 264.

³ Квартальный отчет «Банке Меллийе Иран» № 177, (март-май 1978), с. 35.

⁴ Статистический ежегодник Ирана, 2000/2001, с. 120, 121.

⁵ Там же, с. 58.

⁶ Там же, с. 341–344.

⁷ Квартальный отчет «Банке Меллийе Иран» № 177, (март-май 1978), с. 38.

⁸ Там же, с. 41.

⁹ Ежов Г.П. Экономическая география Афганистана. – М., 1990, с. 9–10.

¹⁰ Аббас Джафари. Страноведение. Т. 2. Реки Ирана. С. 8.

КОНСТИТУЦИЯ 2004 г. В КОНТЕКСТЕ АФГАНСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

27 января 2004 г. председатель переходного правительства Афганистана Хамид Карзай своим указом за номером 103 объявил об официальном вступлении в силу нового Основного закона Исламской Республики Афганистан, принятого до этого на Лойа Джирге – всеафганском собрании народных представителей.

Это действительно выдающееся событие в жизни народа и афганского государства произошло после 25 лет гражданской войны, анархии, беззакония и произвола. Главным достоинством новой конституции является, на наш взгляд, то, что она унаследовала многие демократические положения прежних конституций (в частности, 1964 г.), сумела сохранить раздираемую этническим сепаратизмом страну в виде унитарного государства и обещала всем гражданам Афганистана, безо всякой дискриминации, равные права и свободы.

Возникает вопрос: какова будет судьба новой, послевоенной афганской Конституции, удастся ли будущему правительству наполнить реальным содержанием декларируемые в ней права и свободы или ее ждет участь предшествующих Основных законов, многие статьи которых так и остались на бумаге.

Чтобы приблизиться к пониманию поставленных выше вопросов, было бы бесполезно обратиться к истории афганского конституционализма.

Отцом афганского конституционализма следует считать эмира Абдуррахман-хана (1880–1901 гг.), который по его собственным словам, заложил «краеугольный камень конституционного управления государством»¹ и даже создал прообраз будущего парламента из представителей аристократии (сардары), духовенства (муллы) и феодальной верхушки (ханы).

Заметим, что уже тогда эмир давал своим наследникам мудрые советы, которые не потеряли своей актуальности и сегодня – при проведении реформ и введении конституционных органов: не торопиться, не спешить, делая все это «исподволь для того, чтобы население постепенно свыкалось с новыми учреждениями и не злоупотребляло полученными привилегиями и реформами»² (как показала последующая история, многие руководители государства игнорировали его предупреждения, что во многом обусловило трагические события в Афганистане).

В своем развитии афганский конституционализм прошел долгий и сложный путь. Было время, когда власти страны предлагали весьма радикальные меры против сторонников конституции. Так, например, в 1920 г. тогдашний премьер-министр Афганистана Абдул Куддус-хан в своем письме на имя известных афганских улемов братьев Моджаддиди следующим образом выразил свое заветное желание: «Лечение этой болезни (т.е. конституционализма – *Р.С.*) возможно лишь путем введения смертной казни для сторонников конституции, как то следует из закона шариата...»³.

Первая афганская конституция – «Незамнаемие доулате алиие Афганистан» («Уложение высокого афганского государства») была принята в 1923 г. по инициативе короля Амануллы-хана (1919–1929). Ко времени подготовки последней конституции Афганистана 2004 г. в стране в разные периоды действовало несколько Основных законов (1931 г., 1964 г., 1977 г., 1987 г.) и один временный конституционный акт (1980 г.). Изучение текстов всех афганских конституций позволяет прийти к выводу, что все они, начиная с первой 1923 г. и кончая последней 2004 г., несли на себе отпечаток конституций некоторых зарубежных стран (Турции, Ирана), которые в свою очередь на этапе своего становления испытали влияние европейских законов. Афганские Основные законы опирались при этом на национальные особенности, устои религии, традиционные социально-правовые институты. Они постепенно эволюционировали, отражая преемственность ряда принципиальных положений, но вместе с тем приспособлялись к требованиям времени. За годы конституционализма монархическая форма правления была заменена на республиканскую, но содержание властных прерогатив главы государства изменилось мало. Так, президентская власть мало чем отличалась от королевской, разве что отсутствием упоминания имени президента в хутбе, произносимой во время пятничной молитвы, или права выпуска денежных банкнот (секке), что всегда было прерогативой мусульманских владык.

Компетенция парламента при всех конституциях ограничивалась, по существу, совещательно-консультативными функциями. Даже право интерпелляции, вынесения вотума недоверия правительству и законодательной инициативы то изымалось из компетенции парламента (Конституция 1977 г.), то восстанавливалось (Конституция 1987 г.).

Особо значимое место в афганских Основных законах всегда занимал раздел «Права и обязанности граждан», статьи которого по-разному трактовались в монархических и республиканских конституциях и которые то урезали права граждан, то увеличивали их. И нигде кроме этого раздела Основных законов статьи не носили столь явный декларативный характер и игнорировались на практике (укажем хотя бы на постоянно декларируемые положения «равенства мужчин и женщин», «о свободе мысли и слова» и т.п.).

Однако основной вывод, к которому можно прийти на основе изучения всех конституций, включая Конституцию 2004 г., состоит в следующем.

История афганского конституционализма – это история борьбы между светской и духовной властями, борьбы, которая шла с переменным успехом.

При этом четко проявилась одна закономерность этого противостояния: по мере ослабления светской власти усиливались позиции духовенства, и, наоборот, укрепление светской власти приводило к ослаблению влияния духовенства.

Напомним, что первый удар по позициям мусульманского духовенства нанес тот же эмир Абдуррахман, лишивший его экономической базы. «...Земли, всякого рода собственность, а также деньги и другие ресурсы, – писал эмир в своей автобиографии, – которые раньше служили для поддержки мулл, были обращены в правительственную казну...»⁴. Взамен эмир назначил представителям духовенства ежемесячное жалование, тем самым переводя их в разряд обычных государственных чиновников. Внук Абдуррахман-хана, король Аманулла-хан продолжил его дело.

Известно, что мусульманское духовенство традиционно считало своей вотчиной две важные сферы общественной жизни – судопроизводство и образование. Остановимся на этом подробнее.

Судебная реформа, предпринятая королем Аманулла-ханом, нанесла серьезный удар по позициям духовенства, которое до этого больше действовало согласно собственным понятиям, нежели по закону. Вот, что писал по этому поводу М.Г.М.Губар в своей книге «Афганистан на пути истории»: «...Раньше судья считал себя полномочным в отношении определения наказания. Оно определялось не только до доказательства виновности, но и в зависимости от воли и настроения судьи»⁵.

Уголовный кодекс Амануллы «Тамассук уль-куззат уль-амания» серьезно ограничил полномочия шариатских судов, ввел четыре вида судов: примиренческие, первичные, апелляционные, кассационные и, наконец, отделил «подсудные богу» от дел, «подсудных человеку»⁶. Вместе с тем хотя Основной закон 1923 г. устанавливал гласный порядок судопроизводства, принцип невмешательства в судебное разбирательство, он делал уступку духовенству, юридически закрепив приоритет шариата при ведении дел в судах. Ст. 21 гласила: «Судебные дела разрешаются в судах по шариату и в соответствии с правилами гражданского и уголовного судопроизводства»⁷.

Конституция 1931 г., подтверждая принцип невмешательства и гласности судопроизводства, еще отчетливее формулировала верховенство шариатского суда, признав его единственной формой судебной практики при абсолютном приоритете норм суннитского ислама ханафитского толка. Статья 88 определяла: «В шариатских судах споры разрешаются в соответствии с всеочищающим ханафитским уче-

нием»⁸ (Заметим, что именно это положение всегда вызывало недовольство шиитов, выступавших за то, чтобы их дела рассматривались в соответствии с нормами джафаритской религиозно-правовой школы).

Именно в период правления короля Надир-шаха (1929–1933) духовенство, окрыленное своей победой над Амануллой-ханом, требовало от властей больших уступок. Под его давлением был создан Высший совет улемов и восстановлен один из старейших исламских надзорных органов – полиция нравов «Ихтисаб». И только в Конституции 1964 г., когда власть монарха стала достаточно сильной, влияние духовенства на судебную сферу было ограничено. Статья 102 подчеркивала, что при рассмотрении дел суды в первую очередь руководствуются Конституцией и Законами государства и лишь в тех случаях, когда в указанных документах нет соответствующих статей для вынесения решения по разбираемому делу, суды могут выносить решение согласно «всеобщим принципам ханафитской юриспруденции шариата ислама», да и то только «в пределах, установленных данной Конституцией»⁹.

Кстати, эта формулировка без всяких изменений была внесена в Основные законы 1977 и 1987 гг.

Обратимся теперь к сфере образования, которое также традиционно находилось под влиянием духовенства.

Первая афганская Конституция 1923 г. (ст. 15) определила, что все школы страны находятся под надзором государства. Однако преподавание и воспитание в них должно было осуществляться без нарушения предписаний ислама и без какого-либо вмешательства последователей других конфессий (ахле зимма), находящихся под покровительством ислама¹⁰.

В Конституции 1931 г. «преподавание исламских наук» объявлялось свободным, а воспитание и преподавание в школах, согласно ст. 22, никоим образом не должно было противоречить «воззрениям и заповедям ислама»¹¹.

Но уже в Основном законе 1964 г. руководство и контроль всей сферой образования в соответствии со ст. 34 объявлялись «обязанностью государства». В той же статье государство брало на себя обязанность в соответствии с законом «разработать и осуществить эффективную программу для гармонического распространения просвещения по всему Афганистану»¹². Любопытно, что при этом никаких упоминаний о роли религии в сфере воспитания и образования не имелось. Точно так же о роли ислама ничего не было сказано в первой республиканской Конституции 1977 г., в которой, согласно ст. 10, правительство брало на себя обязательство по обеспечению «бесплатного начального образования» и расширению бесплатного «среднего, профессионального и высшего образования»¹³.

Изложив некоторые основные положения прежних Основных законов и сделав акцент на отражении в них двух, на наш взгляд, принципиально важных направлений противостояния светской и духовной

власти, мы полагали необходимым остановиться на некоторых статьях новой Конституции.

Во-первых, духовенство добилось конституционного закрепления его главенствующей роли не только в сфере образования, но и во всей системе идеологического воздействия на население, особенно на молодежь. Так, ст. 17 обязала государство принять необходимые меры для «повышения образования на всех уровнях, развития религиозного обучения, упорядочения и улучшения положения мечетей, медресе и религиозных центров»¹⁴.

Еще более показательна в этом отношении ст. 45, гласящая: «Государство разрабатывает и претворяет в жизнь единую программу обучения, основывающуюся на законах священной религии ислама и национальной культуры, а также готовит программу религиозных наук для школ (мактаб) на основе исламских толков, существующих в Афганистане»¹⁵.

Это означает, что религиозные науки отныне станут основой обучения не только в медресе (религиозных школах), но и в мактабах (светских школах).

Во-вторых, согласно новой Конституции, судейский корпус по-прежнему составляют мусульманские правоведа с высшим религиозным образованием, знатоки шариата и фикха.

Новый Основной закон сохранил положение прежних конституций, наделявших судей правом использовать положения фикха при разбирательстве судебных дел, но при определенном условии. Так, ст. 130 разрешала судьям во всех случаях, когда для разбирательства судебного дела ни в Конституции, ни в других законах не имелось соответствующих указаний, воспользоваться «законами ханафитского толка фикха», и решить дело «по справедливости и наилучшим образом»¹⁶.

Правда, в новой Конституции была, наконец-то, сделана уступка последователям шиизма. Ст. 130 гласила: «Суд при рассмотрении дел приверженцев шиизма, если оно касается персонального дела, обязан привести положения шиитского мазхаба в соответствие с положениями Конституции. Во всех остальных случаях, если в Основном законе и других законах нет указаний по существу разбираемого дела, суд решает дело согласно шиитскому мазхабу»¹⁷.

Итак, подводя итоги сказанному, следует выделить главное: ни одной из противоборствующих сторон и на этот раз не удалось добиться окончательной победы. Новая Конституция закрепила компромисс между светской и духовной властью. Иного было трудно ожидать. Это закономерный результат, отражающий реалии внутриполитической обстановки в стране, которую по-прежнему во многом определяют бывшие религиозно-политические лидеры муджахедов, обладающие реальной властью. Этим людям сегодня называют «вождями джихада», руководившими «национальным сопротивлением». (Не случайно, что в новой Конституции официальными праздниками объявлены две даты: 28 асада (18 августа) – день восстановления не-

зависимости Афганистана и 8 саура (27 апреля 1992 г.) – день прихода к власти муджахедов.) В завершении обзора некоторых положений новой афганской Конституции полагаем необходимым остановиться на ст. 61, главы 3 «Президент», в которой сформулированы принципы избрания главы Государства. В связи с этим следует напомнить, что ни в одной из прежних афганских конституций не предусматривалось, чтобы глава государства избирался путем «свободного, всеобщего, тайного и прямого» волеизъявления народа. История Афганистана свидетельствует, что прежние короли получали корону и трон либо по наследству, либо захватывали их силой. Утверждение их представителями народа носило чисто формальный характер. Точно так же обстояло дело с выборами президентов, которые усаживались в президентское кресло в результате государственных переворотов и заговоров. Последующие так называемые выборы их на Лойа Джирге также были формальным актом.

Сегодня ситуация изменилась коренным образом. Перед наиболее вероятным кандидатом на пост президента Хамидом Карзаем стоит серьезная задача – получить более 50% голосов всех избирателей.

Трудно сказать, как развернутся события летом текущего 2004 г. во время всеобщих выборов. Учитывая сложную военно-политическую обстановку в стране, нельзя исключать, что эти выборы могут послужить еще одним импульсом для очередной конфронтации различных политических и этнорелигиозных сил.

¹ Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. – С.-Петербург, 1901. с. 248.

² Там же, с. 251.

³ Мир Гулам Мухаммад Губар. Афганистан на пути истории. – М., 1987. с. 149.

⁴ Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана, с. 271.

⁵ М.Г.М. Губар. Афганистан на пути истории, с. 138.

⁶ Азад Афганистан, июль-сентябрь 1999, № 2, с. 213.

⁷ Дурденевский В.Н., Лундшувейт Е.Ф. Конституции Востока. – Л., 1926, с. 74.

⁸ Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. – М., 1956, с. 15.

⁹ Конституция Афганистана (русский текст). – Кабул, 1964, с. 61.

¹⁰ Цит. по тексту Конституции 1923 г. на языке пушту из книги Абдул Али Аргандави «Жванди хатири». – Пешавар, 1997, с. 454.

¹¹ Конституции государств Ближнего и Среднего Востока, с. 16.

¹² Конституция Афганистана (русский текст), 1964, с. 25.

¹³ Джомхуриат, 28.02–1.03.1977.

¹⁴ Основной Закон Афганистана (на языках пушту и дари). – Кабул, январь 2004.

¹⁵ Там же, с. 14.

¹⁶ Там же, с. 46.

17 ???

НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИРАКСКОГО КОНФЛИКТА

Несмотря на все усилия США повернуть иракский конфликт в сторону реального урегулирования, ситуация в этой стране продолжает деградировать, причем отзвуки кризиса периодически проявляются и за рубежом в виде терактов исламистских экстремистов, преподносимых как «акции возмездия» за вторжение коалиции в Ирак.

Подписание в Багдаде в марте 2004 г. Временной конституции не дало ощутимого позитивного результата, хотя внешне это событие подано как серьезный шаг на пути передачи суверенитета иракскому народу. Сам по себе этот документ, содержащий скорее набор благих намерений, нежели отражающий реалии страны и ее нынешнего состояния, вряд ли можно рассматривать как серьезный план переустройства Ирака на демократической основе, поскольку в нем заложены опасные мины, способные подорвать любые усилия по стабилизации обстановки. Не решает он главной задачи – урегулирования отношений между основными этноконфессиональными группами в долгосрочной перспективе. Не понятно, как будет сбалансировано соотношение ислама и государства, каким будет реальный глава государства по форме и полномочиям. А принцип федерализма, провозглашенный в документе, явно нуждается в существенной детализации. Остается открытым вопрос и о том, кто после 30 июня будет реально управлять страной – новый вариант иракского правительства или же оккупационная администрация, тем более что госсекретарь К.Пауэлл продекларировал намерение Вашингтона сохранить военное присутствие в Ираке до конца 2005 г. Ведь при таком раскладе ни о каких самостоятельности и суверенитете не может быть и речи, а новые власти страны в сущности останутся не более чем механизмом штамповки решений, спускаемых П.Бремером. Такая ситуация ставит вопрос о внутренней и международной легитимности очередного правительства, создаваемого и на этот раз из людей, напрямую зависящих от пожеланий США.

Не решена и такая важная проблема, как будущее иракских курдов, составляющих 15% населения страны. Пока что, пользуясь особой поддержкой американцев, курды чувствуют себя «на коне», пытаются де-факто добиться особой самостоятельности, да еще и прирас-

* Статья отражает исключительно личную точку зрения автора.

тив себе территорию. Особенно усердствует в этом ПСК во главе с Дж.Талабани, сыгравший в ходе войны откровенную роль прямого пособника вторжения в Ирак. Такое усердие понятно. Ведь нужно завуалировать перед Вашингтоном старые грехи, когда руководители ПСК регулярно ездили в Багдад на поклон С.Хусейну, обивая пороги кабинетов Т.Рамадана, Т.Азиза и И.Ибрагима, заверяя иракское правительство в лояльности и желании найти формулу примирения. Дж.Талабани хотелось бы забыть и свое левацкое прошлое, и интенсивный диалог с Тегераном, и дружбу с исламистами в лице ИДИК (Исламское движение Иракского Курдистана) и пр., и укрывание на своей территории лагерей боевиков «Ансар-аль-Ислам», тесно сотрудничавших с «Аль-Каидой». ПСК в своей прыти пытается обойти основных конкурентов в лице ДПК, возглавляемой М.Барзани, которые смотрят на вещи прагматично и без экстремизма и к тому же имеют экономические преимущества в виде общей границы с Турцией. Ведь именно через сектор ДПК проходят нефтепровод Киркук-Юмурталек и основные торговые пути в Турцию, являющуюся крупнейшим поставщиком в Ирак продовольствия и потребительских товаров.

Особенно опасны домогательства курдов в отношении провинций Мосул и Киркук, включая северные нефтепромыслы. Вряд ли арабское большинство Ирака смирится с утратой этих территорий, хотя де-факто курды уже стараются закрепиться там. Не ясно и то, какой правовой статус в рамках федеративного Ирака получат курды. В свое время при С.Хусейне они добились достаточно широкой автономии в виде КАР (Курдского автономного района), что вызвало негативный резонанс в соседних Турции и Иране, где курды составляют значительное меньшинство. Если сейчас пойти дальше и дать иракским курдам особый статус, близкий к независимому образованию в рамках федерации, то это подтолкнет «сопредельных» курдов к мощному национальному движению. И тогда вновь в Юго-Восточной Анатолии развернется партизанская война против турецких властей. В Сирии же, где курды составляют 9% населения, волнения на этой почве уже начались.

Американцы своей политикой фактически обрекают курдов на мрачное будущее, поскольку рано или поздно, как только иракская государственность будет восстановлена, арабы захотят взять реванш. И тогда уже некому будет прийти им навстречу извне. Курдский фактор в Ираке нужен Вашингтону сейчас для решения конкретных задач, а во все не для обеспечения прав этого национального меньшинства.

Поощрение американцами линии на травлю суннитов тоже вряд ли назовешь дальновидным. США мстят за то, что те не сложили оружия и продолжают оказывать активное сопротивление оккупации. Вашингтон откровенно потворствует разжиганию неприязни шиитов и курдов к суннитам, выдавая эту вражду за естественное стремление ранее угнетенных сегментов иракского общества отыграться перед теми, кто ассоциируется с основной опорой режима С.Хусейна. Одна-

ко почему-то забывается, что жертвами репрессий Саддама были все конфессии Ирака, а в иракском руководстве шииты занимали видное место, ничуть не смущаясь насилия против своих единоверцев. Кроме того, игнорируется и чисто идеологический аспект: во многом светский режим баасистов боролся с религиозным фундаментализмом и радикальным исламом в шиитских районах, которые представляли серьезную опасность для власти С.Хусейна. А многие партийно-правительственные деятели Ирака, включая председателя парламента С.Хаммади, целый ряд ключевых министров (М.Саххаф, А.Муртада и т.д.), верхушку правящей партии и командование армии, были шиитами. Да и курдов в бывшей политической элите страны было немало, начиная с вице-президентов Т.Рамадана, Т.Мааруфа и членов регионального руководства партии БААС. Теперь же суннитов делают «козлами отпущения», хотя их преследовали ничуть не меньше, чем других. Надо отметить, что даже многие члены правящего клана ат-Тикрити подвергались гонениям со стороны своего родственника, если их подозревали в нелояльности. Жертвой этого стал даже лучший друг Саддама А.Хайрулла (брат жены президента Саджихды), когда его популярность как военного командира и министра обороны начала тревожить С.Хусейна. Итог – гибель в вертолетной катастрофе.

Если бы американцы были помудрее, они бы с самого начала нашли общий язык с суннитскими лидерами, включая вождей племен Западного и Центрального Ирака. Вместо этого их с самого начала унижали, подвергая публичным расправам и оскорблениям, отдавая на суд толпы. Теперь приходится пожинать плоды собственной политики, поскольку есть вещи, которые автоматически попадают под понятие кровной мести. Создана и благоприятная почва для работы в суннитской среде представителей исламских экстремистских течений, включая «Аль-Каиду». А так называемые представители суннитов в ВУС и временном правительстве кроме уныния ничего не вызывают. Этих людей, за исключением бывшего мининдел А.Пачачи, в Ираке просто не знали до американской оккупации, т.к. все они уютно жили в эмиграции, предпочитая комфортные квартиры в Лондоне борьбе в подполье против столь ненавистного диктатора. Не нужно быть провидцем, чтобы догадаться, какая судьба ждет этих деятелей, как только американцы вынуждены будут покинуть Ирак. Главное для них сегодня – набивать карманы из финансовых потоков, направляющихся на восстановление страны. Понятно, почему эти суннитские «представители» спокойно чувствуют себя только в т.н. «зеленой зоне» Багдада, да и то под усиленной охраной. Это, кстати, отличает их от большинства курдских и шиитских деятелей ВУС, которые в своем большинстве имеют корни в своих общинах и конфессиях, пользуясь поддержкой конкретных слоев местного населения. Таких шиитов, как Алляуи и Челяби, все-таки меньшинство, и их смело

можно относить к категории прямых марионеток оккупационных властей.

Всех, конечно, интересует ответ на главный вопрос: а как поведут себя в предстоящие месяцы шииты – демографическое большинство иракского народа и наиболее угнетенная часть населения страны при С.Хусейне. Пока что они не идут на открытые массовые выступления против американцев, ограничивая свое недовольство политикой США демонстрациями и акциями политического характера. Это сказалось, в частности, во время последнего этапа подготовки временной конституции, когда часть шиитских лидеров отказалась ее подписать. В конечном счете конфликт на поверхности был улажен. Однако изнутри кризис просто «заморожен» на некоторое время. Американцам очень не хочется передавать власть естественному демографическому большинству страны путем обычных парламентских выборов, где победа шиитам заранее обеспечена. Вашингтон не верит им, и это недоверие взаимно. Шииты помнят, кто способствовал сохранению С.Хусейна у власти после войны в Заливе 1991 г., когда иракские войска самым жестоким образом подавили восстание в южных провинциях, а американская армия спокойно взирала на эту кровавую расправу. Не забыто и то, что опасаясь распространения хомейнистской революции, которая вполне могла привести к падению монархий Аравийского полуострова с их нефтяными запасами, именно США толкнули Саддама на кровопролитную войну с Ираном, которая за 8 лет истощила страну, причем особенно сильно опустошив шиитский Юг. Иракские шииты убивали иранских, защищая американские нефтяные интересы в Персидском заливе. Вашингтон же не верит шиитам, опасаясь их радикальных взглядов, поскольку угнетенное положение толкало их либо в сторону коммунистической, либо исламистской идеологии. Кроме того, американцы боятся, что нынешней ситуацией воспользуется Тегеран и в конечном счете получит себе мощного союзника в арабском мире со всеми неприятными последствиями для все тех же нефтяных интересов Америки.

Поэтому нынешние переходные схемы США – это всего лишь очередные попытки Вашингтона оттянуть неизбежный конец в надежде на то, что вдруг все рассосется, и в Ираке появится образцовое демократическое государство, которое, по замыслам стратегов типа П.Бремера, будет брать пример с американской модели. Уж больно не хочется администрации Дж.Буша признать, что иракская авантюра все больше оборачивается политическим поражением, причем с реальной перспективой ударить как по американской, так и по всей мировой экономике. В Ираке идет гражданская война, а американские войска стараются не вмешиваться в ее ход, т.к. сами подвергаются ежедневным нападениям со стороны иракского сопротивления. Потери растут, моральный дух падает, а в темное время суток американские солдаты просто отсиживаются на своих базах. Фактически в Баг-

даде под контролем США находится только «зеленая зона» центральной части столицы, да и то время от времени иракские партизаны пытаются проникнуть и туда. С наступлением в апреле жаркого сезона прогнозируется резкий рост вооруженной активности против оккупационных войск, как, впрочем, и против тех, кто им служит.

Опасность, однако, не в этом, а в том, что иракская война уже давно вышла за границы страны. Последний ее всплеск дотянулся уже и до Западной Европы. Теракты 11 марта в Испании, унесшие жизни 200 ни в чем не повинных жителей, были осуществлены в отместку за безоговорочную поддержку правительством Х.Аснара американской агрессии против Ирака. К сожалению, как всегда народ платит за ошибки своих правителей. Уже не вызывает сомнений причина того, почему Испания превратилась в мишень исламских радикалов. Кто следующий? Англия уже подверглась атакам, правда, пока на турецкой территории. Не трудно вычислить список потенциальных «целей» – Италия, Япония, Польша, Нидерланды и т.д. Однако «самый лакомый кусок» – это сами США. Тем более, как показали теракты в Испании, экстремисты бьют избирательно и по времени – ведь не случайно это случилось накануне парламентских выборов в этой стране, в итоге которых партия Х.Аснара проиграла. Не трудно догадаться, когда исламисты захотят отомстить Дж.Бушу.

Президент США и его команда после трагедии 11 сентября 2001 г. начали справедливую борьбу против международного терроризма. Их поддержали в этом все цивилизованные страны. Однако затем, увлекшись силовыми методами, американцы откровенно перешли границу международной законности, оккупировав суверенную страну в обход резолюциям СБ ООН. ОМУ, кстати, в Ираке так и не найдено. Как впрочем, американцам так и не удалось выявить причастность Багдада к теракту 11 сентября и уличить режим С.Хусейна в связях и сотрудничестве с «Аль-Каидой». Все это делает американскую аргументацию, оправдывающую вторжение в Ирак, не просто необидительной, но явно подогнанной под реализацию конкретной цели, а именно – поставить у власти послушное Белому дому правительство, которое бы обеспечило полный контроль США над иракской нефтью. Уже мало кто скрывает в Вашингтоне, что война стала семейным делом Бушей, а не поиском решения иракского кризиса. А платит за все американский налогоплательщик. Правда, на этот раз платят и союзники США. Более того, американская администрация де-факто начала войну против всего ислама, а это уже опасно для международной безопасности. Речь идет о вражде с миллиардом мусульман. Можно, конечно, облекать все это в красивую упаковку демократизации т.н. Большого Ближнего Востока от Мавритании до Пакистана. Однако этими лозунгами вряд ли сейчас кого-либо обманешь.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПАКИСТАНЕ

Степень развития и цивилизованности общества определяется во многом его отношением к женщине. Важнейшим фактором повышения социально-экономического и культурного уровня женщин является их образование, сочетающее в себе современные и традиционные компоненты. Однако в обществах, функционирующих на религиозно-общинной основе, развитие женского образования сталкивается порой с барьерами консерватизма и жесткого традиционализма. Примером тому может служить процесс исламизации женского образования, имевший место в Пакистане.

Надо сказать, что мусульманская система образования традиционно была ориентирована на мужчину, а женское обучение осуществлялось на дому. Наряду с обучением чтению и письму в процессе повседневной жизни девочки овладевали искусством ведения домашнего хозяйства, приготовления пищи, рукоделием и т.п. Просвещение женщин сводилось к усвоению ими правил и норм поведения в семье и обществе, закреплению за ними определенных социальных ролей (в первую очередь жены и матери), основанных на исламских традициях и обычаях.

Просвещение женщин-мусульманок впервые стало рассматриваться в качестве составной части системы народного образования в период колониального господства британцев (конец XVIII в. – середина XX в.). Взаимодействие индийских мусульман с индустриальным Западом привело к созданию здесь системы образования по образцу метрополии. И хотя количество женских учебных заведений было незначительным, данный факт сам по себе имел прогрессивное значение, женское население (в основном представительницы местной знати, проживающие в городской местности) получило доступ к современным научным европейским знаниям. Так, в своей автобиографической повести «От парды к парламенту» (1963) известная общественная и государственная деятельница Пакистана Шайста Икрамулла (1915 г.р.) высоко оценивает роль непрерывного качественного образования (домашнего, школьного, университетского), позволившего ей раскрыть свои творческие способности и самореализоваться как личности, удачно сочетая традиционную роль жены и матери с дипломатической карьерой, считавшейся в мусульманском обществе исключительно прерогативой мужчин. Вместе с тем Ш.С.Икрамулла

подчеркивает, что ей удалось достичь таких профессиональных высот лишь благодаря постоянной поддержке, пониманию и одобрению со стороны членов семьи (прежде всего ее мужской половины)¹.

Действительно, счастливая судьба Ш.С.Икрамуллы является больше исключением, чем правилом для большинства мусульманских женщин, чей круг социальных ролей строго регламентировался (а во многом продолжает определяться и по сей день) традициями и обычаями феодально-патриархального общества. Мир женщин в основном ограничивался рамками семьи, а их внешние контакты сводились к минимуму, практически лишая мусульманок возможности получения образования вне дома, в открывавшихся для них учебных заведениях. Отношение мусульман Британской Индии к образованию женщины нашло отражение в автобиографической книге «Дочь Востока» (1991), написанной лидером Пакистанской народной партии, первой женщиной-премьер-министром мусульманского государства Беназир Бхутто (1954 г.р.), где она, в частности, отмечает следующее: «Мой дед Шах Наваз первым из Бхутто начал отходить от феодального образа жизни, тормозившего развитие целого общественного слоя. Он дал образование всем детям, даже дочери учились в школе, что по феодальным меркам было делом просто скандальным... Дед убедился в том, какие преимущества дает образование. ... Отправляя учиться своих детей, сэр Шах Наваз хотел показать пример и другим синдским землевладельцам, чтобы после раздела Индии и создания независимого Пакистана обществу не пришлось бы прозябать в невежестве»².

С обретением независимости (1947) государство приступило к разработке национальной политики в области образования, учитывая и необходимость развития женского просвещения, находившегося в особенно тяжелом положении. Анализ материалов и документов образовательных реформ (1970, 1972) и других мероприятий государства показывает, что их реализация привела к значительному росту количественных показателей в области женского образования, хотя он и отставал от высокого уровня прироста населения. За период с 1947 г. по 1974 г. отмечалось почти десятикратное увеличение начальных учебных заведений для девочек, восьмикратное – неполных средних школ, а также почти двенадцатикратное увеличение учениц на всех ступенях общеобразовательной школы (1,7 млн. девушек). Количество студенток в 8 университетах страны превысило 4,1 тыс. человек. Соотношение девушек и юношей-студентов составило 1:5³. Все это стало возможным благодаря существенному увеличению ассигнований на нужды женского образования, введению бесплатного обучения в государственной общеобразовательной школе, усилению внимания к подготовке женских педагогических кадров. Расширялся доступ женщин к образованию и через систему неформального обучения: в центрах по ликвидации неграмотности среди взрослых, от-

крытом университете имени выдающегося пакистанского поэта и философа М.Икбала и т.д.

Образовательная политика демократизации женского просвещения в период правления гражданского правительства З.А.Бхутто (1971–1977) способствовала повышению общественного статуса пакистанской женщины, расширению ее социальных ролей и широкому вовлечению в активную экономическую деятельность. Пакистанки получили доступ к законодательной, административной и дипломатической работе, к службе в полиции и в государственной авиакомпании Пакистана, к работе в средствах массовой информации (в качестве дикторов на радио и телевидении, журналистов, редакторов, фото-корреспондентов), а также в различных отраслях народного хозяйства (фармацевтической, обрабатывающей, строительной и т.д.). Конституция страны 1973 г. (ст.ст. 25, 26, 27, 32, 34, 35, 37, 38) гарантировала женщинам равные права с мужчинами во всех сферах жизнедеятельности, включая и образование⁴. Наблюдался рост общественной и политической активности женского населения, объединявшихся в профессиональные, студенческие, спортивные, благотворительные организации. В 1975 г. в стране возникла первая феминистская организация либерального толка «Ширкат Гах», выступившая за практическую реализацию конституционных прав и свобод женщин в полном объеме.

Позднее, когда процесс раскрепощения пакистанской женщины был заморожен политикой исламизации, проводимой военной администрацией Зия-уль-Хака (1977–1988), именно эта организация стала основой для создания в стране первого общенационального движения женщин в борьбе за свои права. Она консолидировала все либеральные и прогрессивные женские организации в женский форум действий (1985), который выступил единым фронтом против массового нарушения гражданских прав женщин, против их дискриминации во всех областях жизнедеятельности, в том числе и в сфере образования.

Предпринятая военным руководством страны реформа образования (1978) была направлена на соотнесение содержания обучения и воспитания с «особенной ролью женщины в пакистанском обществе». Данные установки носили регрессивный характер, так как жесткое, фундаменталистское истолкование военными заповедей ислама возвращало женщину к общественной изоляции, затворничеству, закрепляло ее фактически бесправное, подчиненное положение по отношению к мужчине, легализовало дискриминацию женщин и ущемляло их права. В реформе указывалось на необходимость осуществления раздельного обучения девушек и юношей во всех звеньях системы образования, на создание в стране женских школ и университетов. Вводилось ношение чадры в высших учебных заведениях

ях, девушки отстранялись от участия в спортивных и культурных мероприятиях.

Особый интерес представляет то, каким образом политика исламизации нашла отражение в содержании программ гуманитарных предметов пакистанской школы.

В учебнике английского языка (1984) для 11–12 классов при рассмотрении темы «Совместное обучение», например, говорится, что несмотря на экономические и социальные преимущества, оно все же имеет больше недостатков. В качестве одного из аргументов выдвигается следующее положение: «Мы верим в изоляцию полов во всех сферах жизни. Так как юноши и девушки в нашем обществе заняты в жизни отличными друг от друга видами деятельности, то глупо давать им одинаковое образование»⁵.

Раскрывая такую тему учебника, как «Место женщины в нашем обществе», автор учебника Ш.Ахмад далее подчеркивает, что «данный вопрос возник для нас в результате принятия нами западного образа жизни. Во всех сферах деятельности мы стремимся быть современными, соответственно и наши женщины стали требовать во всем равноправия. Они хотят иметь равное количество мест в Ассамблеях (имеются в виду Национальное и провинциальные законодательные собрания страны – прим. И.С.), одинакового участия в правительственных структурах, равных шансов на свободу и передвижение в обществе, равных прав в семейной жизни.

Современные женщины избегают своих обязанностей материнства и предпочитают работать в школах, больницах и офисах. Таким образом, полностью разрушается восточное понимание женской сущности, а новые идеи воспринимают как признак прогресса и цивилизованности»⁶. Учащиеся убеждают в том, что мужчины и женщины устроены по-разному и соответственно выполняют отличные друг от друга функции. Включение женщины в активную деятельность ведет, по мнению автора, к тому, что «она совершает двойное преступление: во-первых, игнорируя свою работу по дому, она пытается избежать исполнения своих материнских обязанностей; и, во-вторых, стремясь выполнять мужские обязанности, она берется за работу, которая ей физически непосильна. ... Это не означает, что ислам отстраняет женщин от участия в социальной, политической, экономической или культурной жизни. ... Но все это второстепенные виды деятельности, и ислам одобряет их, если это не мешает женщинам выполнять их основные обязанности матери. Таким образом, мусульманское общество хочет, чтобы его женщины работали, но не наравне с мужчинами, а в кооперации с ними. Поэтому в первую очередь мусульманская женщина должна думать о своем доме, а не о внешнем мире»⁷.

Из 27 тем, изучаемых в другом учебнике английского языка (1990) для 10 класса, лишь две темы «Мудрая жена» и «Покупки» по-

священы женщинам, где вновь рассматриваются их основные социальные роли жены и матери, хотя и в более привлекательной форме практичной хозяйки, опытной воспитательницы и умудренной супруги⁸.

При изучении такой темы учебника, как «Обычаи различных регионов Пакистана», делается попытка объяснить причины предпочтения со стороны родителей и родственников рождению в семье ребенка мужского, а не женского пола (особенно, если в семье появляется первенец): «Сила племени определяется количеством мужчин. Рождение сына поэтому считается божьим даром. Гордый отец возвещает о рождении сына выстрелами из ружья»⁹.

В учебнике по исламиату для 9–10 классов средней школы в разделе по исламской этике, в главе 2 «Уважение к женщине» учащимся сообщается о том, что в доисламский период женщина была лишена каких бы то ни было прав и к ней относились, как к рабыне. Для мужчин не существовало ограничений в количестве жен, а жены умершего отца передавались по наследству его сыну. Далее указывается на то, что «с приходом ислама положение женщины в обществе улучшилось, она стала уважаема и почитаема им. Таким образом, ислам выступил в качестве освободителя и благодетеля женщины»¹⁰. При этом вновь подчеркивается, что основные роли женщины сводятся к исполнению ею обязанностей матери, сестры, жены и дочери.

Подобное освещение материала характерно для многих пакистанских учебников, а также для всех средств массовой информации (телевидения, радио, многотиражных газет и журналов, в особенности публикуемых на местных языках, а не на английском, служащим средством общения для «вестернизированной» пакистанской элиты). Учитывая их воспитательную нагрузку, можно представить, какое воздействие оказывается на формирование общественного сознания пакистанцев и выработку их ценностных ориентиров и установок по отношению к женщине, ее месту и роли в обществе. Массовое сознание продолжает оставаться окутанным традиционными стереотипами «естественного предназначения женщины», легализуя вековой порядок ее подчиненности мужчине и изоляции в обществе.

Политика исламизации в сфере женского образования сказалась на снижении его качественного уровня, уменьшении возможностей для женщин в получении знаний и овладении грамотой. Она не отвечала потребностям социально-экономического развития государства. Женщины были фактически полностью исключены из сферы общественной жизни, не могли заниматься государственной и политической деятельностью. По справедливому замечанию пакистанского правозащитника Н.Сакиба, женщины лишились всех своих завоеваний, и теперь «они были вынуждены бороться даже за право быть услышанными»¹¹. Пакистанки крайне незначительно участвовали в

материальном производстве. По данным переписи 1981 г., 79,5% девочек в возрасте, соответствующем обучению в средней школе (от 10 до 14 лет), занимались домашним хозяйством, 2,8% – работали на производстве, а школу посещали лишь 17,3% школьниц¹².

Находясь в служебной командировке в Пакистане (1983–1984), автор данной статьи имел возможность наблюдать практически полное отсутствие женщин среди персонала строительства и эксплуатации металлургического завода в г.Карачи, а также среди учащихся и преподавателей учебного центра, функционировавшего при нем. Создавалось впечатление, что Пакистан – это государство мужчин, так как увидеть женщину не только на производстве, но и в общественных местах (на рынках, в магазинах, музеях, кинотеатрах, на выставках и т.д.) удавалось нечасто, а если и случалось, то ее всегда сопровождал кто-нибудь из мужчин.

С установлением в стране с 1986 г. конституционно-парламентской формы правления было провозглашено намерение приступить к восстановлению гражданских прав женщин. Заметно оживились процессы гуманизации и демократизации женского образования: пересмотр приоритетов в государственном бюджете в пользу просвещения женщин; поэтапное введение обязательного начального обучения; расширение инфраструктуры формального и неформального образования (особенно в сельской местности) для обеспечения их доступа к получению знаний и профессиональной подготовке, а также для сокращения гендерных различий на всех ступенях обучения; увеличение выпуска учебников и включение в них материалов, создающих позитивный образ женщины, ее роли в общественном развитии; введение в учебные дисциплины общеобразовательной школы нового курса по правам человека; развитие сети профессиональных и реабилитационных центров для женщин, пострадавших в результате проявления всякого рода насилия (физического, сексуального, психологического), осуществление просветительской работы по проблемам планирования семьи в целях улучшения демографической ситуации в стране и т.д.

Однако политика исламизации пакистанского общества, консервация феодальных отношений способствовала сохранению в общественной жизни и сознании пакистанцев устойчивых патриархальных, родоплеменных пережитков (насильственные и ранние браки, выкупы невест, кровная месть, торговля женщинами, женский фетицид и инфантицид и т.д.), ведущих к грубым массовым нарушениям прав пакистанских женщин. Данная тема получила широкое освещение в автобиографическом романе пакистанской писательницы Техмины Дуррани (1953 г.р.) «Мой Господин-феодал» (1990), в котором впервые в литературной форме была предпринята попытка нарушить традиционное замалчивание женских проблем в закрытом феодально-патриархальном пакистанском обществе, где домашнее насилие яв-

ляется моделью поведения, а не случайным эпизодом и носит системный характер. Автор выступает против проявления по отношению к пакистанкам гендерного насилия и дискриминации, в защиту их прав с призывом к мусульманским женщинам «научиться выступать против несправедливости» и «бороться с угнетением», которым они подвергаются как в семье, так и со стороны общества¹³.

По данным правозащитных организаций (1999), от 70% до 90% пакистанок становятся ежегодно объектами жестокого обращения в семье и жертвами домашнего насилия, что отрицательно сказывается на семейно-брачных отношениях, воспитании детей, здоровье нации в целом. Руководство страны осознает, что эта проблема выходит за рамки сугубо частной жизни и приобретает политическое звучание, становится предметом государственной политики по искоренению гендерного насилия и дискриминации. Подобные явления получают и международную огласку, как в случае с послом Исламской Республики Пакистан в США Муниром Акрамом, нанесшим телесные повреждения проживавшей вместе с ним подруге¹⁴. В самом Пакистане с января по апрель 2002 г. только в одной провинции Синд было зарегистрировано 629 случаев убийств женщин на бытовой почве, а 351 женщина получила тяжкие телесные повреждения. Жертвами так называемых «убийств в защиту чести», относящихся к жестокой практике родоплеменных обычаев, стали 123 женщины в провинции Синд, 59 жительниц провинции Пандаб, 17 пакистанок из Белуджистана и 12 женщин из Северо-Западной пограничной провинции Пакистана¹⁵. Все это происходит в стране, присоединившейся в 1996 г. к Международной Конвенции по ликвидации всех форм дискриминации женщин, обязавшейся тем самым соблюдать все нормы международного права, включая права женщин на жизнь, физическое и психическое здоровье и неприкосновенность, свободу от истязания, одинаковую защиту со стороны закона, равенство в семье и обществе.

Между тем укрепляющиеся в стране позиции исламистов в результате последних парламентских выборов (октябрь 2002) ставят под вопрос возможность реализации гражданских прав и основных свобод женщин. Так, старейшины племен Северо-Западной пограничной провинции, где все еще сильны идеи «талибанизации» пакистанского общества, выступают против обучения девочек на дому женщинами-учителями, направляемыми в эти труднодоступные районы страны различными неправительственными благотворительными организациями для предоставления им хотя бы минимального неформального образования. Старейшины племен пригрозили, что подожгут дома всех тех, кто осмелится предоставлять убежище учителям-волонтерам¹⁶. А лидер парламентского блока религиозных партий (ММА) Х.Ахмад выступил против практики совместного обучения юношей и девушек, за создание специальных женских учебных заве-

дений в стране, что свидетельствует о намерении реанимации исламизации женского образования¹⁷.

Надо отметить, что участие самих женщин в данных выборах было незначительным (от 3% до 10% женского населения участвовали в голосовании). И хотя их представительство в парламенте впервые составило 17% от общего числа, оно не способно радикально изменить положение женщин в лучшую сторону, так как носит больше номинальный характер¹⁸. Примером тому может также служить и участие женщин в органах местного самоуправления, выборы в которые состоялись в стране в 2001 году. Около 33% женщин представлены в их структурах, но их властные полномочия носят ограниченный характер по сравнению с мужчинами и не позволяют в должной мере решать женские проблемы, финансировать различные программы и проекты по развитию женских ресурсов на местном уровне¹⁹. Попытка изменить ситуацию в лучшую сторону, руководство страны приступило в 2002 г. к реализации проекта по вовлечению женщин в общественно-политическую деятельность, который рассчитан на два года. В соответствии с ним планируется осуществить профессиональное обучение 40 тыс. женщин-представительниц окружных, районных и местных органов самоуправления, призванных на практике осуществлять провозглашенную впервые в истории страны Государственную политику по развитию женских ресурсов и привлечению женщин во властные структуры (2002) с целью улучшения их жизненного уровня и повышения социального статуса²⁰.

Действительно, тяжелое социально-экономическое положение большинства пакистанок характеризуется процессами феминизации бедности и неграмотности: из 30% населения страны, проживающего ниже прожиточного минимума, женщины составляют 17%; лишь 16% женщин от общей рабочей силы заняты производительным трудом в сельском хозяйстве и 9% трудятся в городской местности, получая за равный труд с мужчинами только 59% их заработной платы; уровень грамотности среди женщин составляет по стране 33% (лишь 21% сельских жительниц обучены грамоте, а в городской местности количество грамотных женщин достигает 59%), при этом высоким остается уровень отсева девочек из начальных школ (до 56% учениц покидают школу по причинам социально-экономического характера и отсутствия мотивации к обучению). Неблагополучны и демографические показатели: высокий уровень прироста населения (2,6%) сопровождается высоким уровнем смертности среди женщин, их численность постепенно уменьшается (на каждых 100 мужчин приходится 36 женщин), они хуже питаются, им оказывают недостаточную медицинскую помощь (только 18% родов принимаются специалистами-медиками). По индексу гендерного развития Пакистан занимает 102 место среди 135 стран мира²¹.

Социально-экономическое положение женщин, характеризующееся феминизацией бедности и неграмотности, способствовало зарождению такого нового для Пакистана феномена, как исламский феминизм. Его лидеры, представляющие как правое крыло (Фархат Хашми – исламский богослов, возглавляет с 1994 г. Институт исламского образования «Аль-худа» в Исламабаде), так и левое (Рифат Хасан – ученый исламовед Кентуккского университета США, основавшая в 1999 г. международную сеть организаций по защите прав пакистанских женщин), поднимают вопрос о праве мусульманок (обладающих богословскими знаниями) на иджтихад – свободное суждение по тому или иному вопросу общественной или частной жизни, основываясь на их женской интерпретации Священного Корана и Сунны. Они считают, что классические каноны исламской теологии были заложены много столетий назад богословами-мужчинами и не всегда отражают интересы женщин-мусульманок. Ислам пытаются использовать в патриархальном пакистанском обществе для легитимизации дискриминации женщин и совершения против них преступлений. Между тем ислам, на их взгляд, защищает интересы и права мусульманок, важно только «делать различия между Кораническим текстом и исламской традицией»²².

Феминизация ислама свидетельствует о том, что идея реформации ислама все больше находит поддержку среди женщин-мусульманок. Этот процесс имеет место не только в Пакистане, но и в других странах (Сирии, Ливане, Кувейте, Египте и т.д.). Исследованию данной проблемы в странах арабского мира посвящена, например, книга М.Кук «Нормирование исламского феминизма посредством литературы: женщины претендуют на ислам» (2001)²³. Перемены в общественном сознании женщин-мусульманок, связанные, в том числе, и с их образованием, сказываются на стремлении пересмотра ими социальных аспектов ислама и использовании его для защиты своих прав и интересов. Доступ современных мусульманских женщин к мультимедийной среде открывает им новую возможность по объединению совместных усилий в борьбе за практическую реализацию их прав. Таким образом, исламский феминизм, который можно определить как своего рода правозащитное женское движение в рамках исламской парадигмы, постепенно набирает силу и мощь не только на страновом, региональном, но и на международном уровне. Необходимость единения мусульманских женщин в борьбе за свои права и свободы в соответствии с исламскими принципами и ценностями была высказана и на состоявшемся в Пакистане международном форуме (2003), организованном Международным Союзом женщин-мусульманок, на который собрались представительницы из 40 стран мира²⁴.

В целом следует отметить, что негативные последствия политики исламизации пакистанского общества, включая женское образова-

ние, изживаются медленными темпами, несмотря на все предпринимаемые руководством страны меры, и Пакистану предстоит еще долгий путь по их преодолению.

¹ В готовящемся переиздании данной книги на урду автор с сожалением замечает, что положение женщин в современном пакистанском обществе не претерпело значительных позитивных изменений, и доступ женщин к образованию, профессиональной карьере, властным структурам отстает от требований нового тысячелетия. Подробнее о роли образования в становлении и развитии женщины-мусульманки см.: Ikramullah S.S. *From Purdah to Parliament*. L.: Oxford University Press, 1963. – С. 191.

² Бхутто Б. *Дочь Востока: Автобиография*. – М.: Высшая школа, 1983. – С. 48–49.

³ *Pakistan Economic Survey 1983–84*. – Government of Pakistan, Economic Adviser's Wing, Finance Division. Islamabad. – С. 222–225.

⁴ *The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan*. Islamabad: Printing Corporation of Pakistan Press, 1973. – С. 13–19.

⁵ Ahmad, M.S. *Fundamentals of English Grammar and Composition*. Part I and Part II for Intermediate Students / Arts, Science and Commerce/. 19-th Revised Edition 1984–86. Lahore: Tariq Brothers, 1984. – С. 261–262.

⁶ *Ibidem...* – С. 287–288.

⁷ *Ibidem...* – С. 288.

⁸ Usmani M.A., Fymed S.K., etc. *Secondary Stage English*. Book Two for Class X. Karachi: Mashhoor Offset Press, 1990. – С. 123.

⁹ *Ibidem...* – С. 115.

¹⁰ Farkhanda Noor Muhammad. *Islamiyat for Studies*. (Class IX-X – High school). Lahore-Rawalpindi-Karachi: Ferozsons (Pvt.) LTD. – С. 138–139.

¹¹ Saqib N. *Human Rights and the Pakistani Woman*. // *Pakistan. Struggle for Human Rights*. Singapore: CCA-IA, 1986. – С. 30.

¹² *Economic Survey 1985–86*. Government of Pakistan, Finance Division, Economic Adviser's Wing. – Islamabad, 1986. – С. 8–10.

¹³ Durrani T. *My Feudal Lord*. London: Corgi Books, 1998. – С. 381.

¹⁴ *The News*. Islamabad, 13.01.2003, с. 6.

¹⁵ *Dawn*. Karachi, 7.08.2002, с. 22.

¹⁶ *The News*. Islamabad, 30.09.2003, с. 1.

¹⁷ *The News*. Islamabad, 10.11.2002, с. 4.

¹⁸ *Dawn*. Karachi, 11.10.2002, с. 12; *The News*. Islamabad, 10.11.2002, с. 24.

¹⁹ *The News*. Islamabad, 10.11.2002, с. 25.

²⁰ *The News*. Islamabad, 28.12.2002, с. 4.

²¹ *Dawn*. Karachi, 15.12.2002, с. 25; 22.12.2002, с. 19; *The News*. Islamabad, 6.01.2004, с. 1; *The Pakistan Observer*. Islamabad, 6.01.2004, с. 1.

²² *Newsline*. Karachi, April 2001. – С. 84.

²³ Cooke M. *Creating Islamic Feminism Through Literature: Women Claim Islam*. Routledge, NY, L., 2001. – С. 175.

²⁴ The News. Islamabad, 7.10.2003, c. 2.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ АФГАНИСТАНА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Каждая страна вне зависимости от уровня своего социально-экономического развития, наличия природных и человеческих (интеллектуальных) ресурсов, состояния внутривнутриполитической обстановки и ряда других факторов вступает во внешнеэкономические отношения и участвует в системе международной торговли товарами и услугами. Степень участия этих стран во внешней торговле зависит от их зависимости факторами производства. На современном этапе любая страна в той или иной области экономики (производстве или реализации определенного вида товаров и услуг) является зависимой от внешнего производителя. Все страны, особенно такие экономически отсталые, например, как Афганистан, находясь в течение десятилетий в конфликтной обстановке, тем не менее продолжают развивать торгово-экономические отношения с внешним миром.

В настоящей статье рассматриваются состояние и тенденции внешней торговли Афганистана за последние десять лет, главным образом за постконфликтный период, изменение ее товарной структуры, географического направления, а также проблемы дальнейшего развития внешней торговли и внешнеторговых отношений. Известно, что большая часть внешнеторговых операций Афганистана с соседними и другими странами производится контрабандным путем, а значит, во-первых, не облагается таможенными пошлинами и, во-вторых, не учитывается статистическими органами. При анализе и оценке внешнеэкономической деятельности страны исследователями всегда в основном использовались статистические данные соседних с Афганистаном стран. Поэтому анализ проблемы, приведенный в данной работе, не может составить подлинно реальной картины, а лишь очерчивает направление и характер развития внешней торговли Афганистана за рассматриваемые годы.

Афганистан обладает большой территорией, природными и трудовыми ресурсами. По размеру площади (655 тыс. кв. км) эта страна занимает 40-е, а по численности населения (по оценочным данным 2003 г. с учетом беженцев 28,7 млн. человек) – 38-е место в мире.

В системе мировой экономики Афганистан и в довоенные годы относился к группе самых отсталых стран мира. Бюджет государства за счет внутренних источников ни разу так и не был полностью фи-

нансирован, а почти все программы экономического развития страны (не только важнейшие, но и средние по масштабам) всегда реализовывались за счет внешнего кредита или помощи. На сегодняшний день по всем макроэкономическим показателям и уровню социально-экономического развития Афганистан относится к одной из крайне бедных и отсталых стран мира. По оценкам, относящимся к 2002/03 г., валовой внутренний продукт здесь на душу населения в этот год был равен 186 долл. США¹. Это один из самых низких показателей в мире.

Для того чтобы дать оценку нынешнему состоянию внешней торговли Афганистана, определить ее характер, изменения в географии и товарной структуре, кратко рассмотрим историю ее развития за годы независимости страны.

С провозглашением независимости Афганистана правительство эмира Амануллы наряду с политическими преобразованиями проводило ряд важных социально-экономических реформ, которые в дальнейшем и послужили основой для изменения курса внешнеэкономической политики страны в 30-е годы. Если десятилетием раньше все экспортно-импортные операции находились под контролем иностранных купцов (индийских), то уже в 30-х гг. правительство предоставило национальному капиталу условия, чтобы тот монополизировал данную сферу и путем создания ряда внешнеторговых ширкетов (компаний) полностью вытеснил иностранных посредников из торговой сферы. Изменилась товарная структура импорта, о чем более подробно будет сказано ниже².

Низкий уровень экономического развития замедлил внешнеторговый оборот Афганистана, а сальдо платежного баланса почти всегда оставалось отрицательным. География, объем и структура внешней торговли Афганистана вплоть до начала гражданской войны заметно изменились: в целом торговля имела тенденцию роста. Расширились торгово-экономические отношения со многими западными странами, открывались предприятия по обработке сельскохозяйственной продукции, ориентированной на экспорт, увеличилась номенклатура импортируемых товаров. С каждым годом Афганистан устанавливал торговые отношения со все новыми странами дальнего и ближнего зарубежья. В 20-х годах на афганском рынке доминировали товары, произведенные в таких странах, как СССР, Англия и Индия, а начиная со второй половины 30-х годов и позже к этому списку добавились Иран, Китай, Япония, Германия (ФРГ и ГДР), США, Чехословакия, Швейцария, Болгария, Бирма и другие страны.

Особое место во внешней торговле Афганистана принадлежало СССР. Удельный вес СССР во внешнеторговом обороте Афганистана существенно возрос в период после апрельской революции 1978 г. В эти годы объем торговли с некоторыми западными странами и госу-

дарствами Ближнего Востока, ориентированными на Запад, по политическим мотивам сократился.

Накануне апрельской революции (в 1977/78 г.) товарооборот с Советским Союзом составил 166,1 млн. долл. США, что равно примерно 26% от общего объема. Более заметно было участие СССР в экспортных операциях этой страны – на его долю приходилось 37,5% общего экспорта Афганистана. За два года (с 1977/78 по 1979/80 гг.) советско-афганский товарооборот вырос в 2,7 раза, а его удельный вес во внешней торговле Афганистана – на 49%. Таким образом, в 1979/80 г. удельный вес СССР в экспорте Афганистана составил 51,7%, а в импорте – 46%, то есть по сравнению с аналогичными показателями 1977/78 г. рост соответственно составил 14,2% и 30,8%³.

Пакистан хотя и продолжал занимать во внешней торговле Афганистана второе место, его удельный вес в экспорте этой страны за указанные годы (1977/78–1979/80 гг.) снизился на 1,5%, а в импорте – на 0,2%, Англии – соответственно на 5,2% и 2,8%. Только у США экспорт сократился на 2,9%, а импорт вырос на полтора процента. Заметное место в импорте Афганистана занимала Япония. По удельному весу в афганском импорте она опередила и СССР, но за два года после апрельской революции ее удельный вес также сократился. Так, с 1977 по 1978 г. импорт товаров из Японии сократился с 31% до 24,4%, а к 1979 г. еще до 17% от всего импорта Афганистана. Индия по объему общего товарооборота с Афганистаном занимала третье место: удельный вес этой страны в экспорте Афганистана за рассматриваемый период вырос на 0,9%, а в импорте сократился на 2,7%. Из соседних стран во внешнеторговых отношениях с Афганистаном самым слабым было участие Ирана. В 1979/80 гг. на него приходилось всего 0,3% экспорта и 0,4% импорта Афганистана⁴.

Изменились также товарная структура и объем внешней торговли. Страна экспортировала хлопок, свежие и сухофрукты, орехи, каракулевые шкурки, кожевенную продукцию, шерсть, ковры, паласы и некоторые другие виды продукции. Хотя в номенклатуре экспортируемых товаров до конца 70-х годов добавились только природный газ и химические удобрения, но их удельный вес, особенно первого продукта, в экспорте страны был велик и имел тенденцию к увеличению. Природный газ экспортировался в центральноазиатские республики СССР – нынешние Туркменистан и Узбекистан. Удельный вес природного газа в экспорте страны в 80-е годы увеличился благодаря росту цен на нефтепродукты на мировых рынках. Доля природного газа в 1975/76 г. равнялась 20%, в 1979/80 – 21%, а к 1985/86 г. – 54,6%, т.е. больше половины всего экспорта Афганистана⁵. Продолжительная гражданская война в стране, в ходе которой разрушилась вся народнохозяйственная система, в том числе промышленность, к 90-м годам изменила товарную структуру экспорта страны. Добыча и

экспорт природного газа начали сокращаться и в итоге окончательно приостановились.

Объем сельскохозяйственной продукции в структуре экспорта Афганистана имел тенденции к возрастанию. Этому в значительной степени способствовало создание обрабатывающей промышленности, в основном хлопкоочистительных предприятий и предприятий по консервированию фруктов. По абсолютным показателям объем продукции сельского хозяйства во внешнеторговом обороте до конца второй половины 80-х годов вырос, а ее относительный объем по указанной выше причине постепенно сократился.

Промышленность Афганистана развивалась весьма медленными темпами. Страна экспортировала продукцию единственного в стране химического завода по производству азотных удобрений в Мазари-Шарифе. Данные о доходах от экспорта химических удобрений говорят об их относительно незначительных размерах в системе экспорта: в 1985/86 гг. – всего 4,8 млн. долл. США. Другими товарами экспортного назначения являлись ковровые изделия, производимые в кустарной промышленности. Кустарные производители в большинстве своем продукцию изготавливали в домашних условиях ручными ткацкими станками. К 1980/81 г. вывоз ковровых изделий Афганистана вырос (в натуральном выражении) до 1040 тыс. кв. км против 842 тыс. в 1977/78 году⁶. Доходы от их экспорта в целом постепенно снизились и к 1985/86 г. составили 26,8 млн. долл. США (4,7% от всего экспорта)⁷.

Внешняя финансово-техническая помощь и кредиты играли заметную роль в формировании афганской промышленности, реализации комплексных государственных программ по экономическому развитию, особенно афганских пятилетних планов. Особое место в оказании технико-экономической помощи стране принадлежало СССР, на долю которого, по данным первой половины 70-х годов, приходилось от 50 до 60% всей внешней помощи. США в этом плане занимали второе место⁸.

Что касается импорта, то только в 30-х годах в нем произошли заметные структурные изменения – страна начала закупать товары производственного назначения (машины, механизмы, оборудование, автотранспортные средства, нефтепродукты, строительные материалы, резинотехнические изделия и т.п.). До этого импорт страны почти полностью составляли потребительские товары – сахар, чай, нефтепродукты, хлопчатобумажные изделия и др. Закупка машин и оборудования была обусловлена строительством предприятий обрабатывающей и горнодобывающей промышленности, развитием транспорта, связи, здравоохранения, образования, социальной и других сфер экономики. Таким образом, удельный вес товаров производственного назначения в импорте Афганистана к 1938/39 г. составил 5%, в 1950 г. – 25,7%, в 1969/70 г. – свыше 55%, а к 1985/86 г. – 56,5%⁹.

Фабрично-заводская промышленность Афганистана лишь частично обеспечила внутренний рынок необходимыми потребительскими товарами, основная часть импортировалась извне. Страна, к примеру, сама начала производить ткани на трех основных и самых крупных текстильных фабриках Афганистана, построенных в Пули-Хумри (провинция Баглан), Джабаль ус-Сирадже и Гульбахаре (провинция Парван), однако они не были в состоянии полностью обеспечить спрос населения и к тому же производили низкокачественную продукцию. Несмотря на строительство Багланского сахарного завода, который производил до 10 тыс. т сахарного песка в год, страна к 70-м и 80-м годам продолжала импортировать ежегодно 45–60 тыс. т сахара¹⁰.

Победа апрельской революции и ввод советских войск в Афганистан изменили политическую обстановку в стране и оказали негативное влияние на ее экономическую ситуацию, в данном случае на внешнеэкономические связи, о чем частично было сказано выше. За весь период правления НДПА сальдо внешнеторгового баланса страны было отрицательным – разрыв между импортом и экспортом постепенно увеличился, и к 1990 г. дефицит платежного баланса составил 701 млн. долл. США (таб. 1).

С приходом к власти правительства муджахедов какие-либо положительные изменения в рассматриваемом направлении не наблюдались, а появление движения «Талибан» на политической арене страны и захват им власти довели экономику до критического состояния. К 1997 г. внешнеторговый оборот Афганистана сократился примерно до уровня 1978 г. и составил 748,7 млн. долл., а с 1990 по 1997 гг. данный показатель сократился в полтора раза.

Таблица 1

**Динамика внешней торговли Афганистана
за период гражданской войны (млн. долл. США)**

| Годы | Общий внешнеторговый оборот | Экспорт | Импорт | Сальдо |
|------|-----------------------------|---------|--------|--------|
| 1977 | 634,7 | 313,4 | 321,3 | -7,9 |
| 1979 | 915,1 | 493,7 | 421,4 | +72,3 |
| 1985 | 1500,1 | 566,8 | 933,3 | -366,5 |
| 1990 | 1174,5 | 235,1 | 939,4 | -701,3 |

| | | | | |
|------|---------|-----------|-----------|------------|
| 1997 | 748,7* | 144, 4 | 604, 3 | - 459,9 |
| 1998 | 612,8 | 150, 3 | 462, 5 | - 312,2 |
| 1999 | 10242 | 122, 0 | 1012 0 | - 368,3 |
| 2000 | 11905,8 | 145, 8 | 1176 0 | - 489,7 |

Источники: Краткий статистический сборник состояния и развития отраслей национальной экономики и социальных служб ДРА. Кабул, 1980, с. 26; Афганистан (справочник). М., 2000, с. 147; Islamic State of Afghanistan: Rebuilding a Macroeconomic Framework for Reconstruction and Growth. September 2003. IMF Country Report № 03/299, с. 29.

* Включая реэкспорт.

В военные годы в системе экспорта Афганистана доля продукции сельского хозяйства, только временно уступившая место экспорту природного газа, традиционно оставалась высокой. В 1979/80 г. из сельхозпродуктов наибольший доход стране, в частности, принес экспорт сухофруктов и орехов (35,5% от всего экспорта), хлопка-волокна (7,4%), каракулевых шкур (5%). Доход от экспорта свежих и сухофруктов относительно начала 80-х годов к середине десятилетия сначала возрастал, а затем постепенно уменьшился. Например, если в 1979/80 г. валовой доход от экспорта свежих фруктов составил 31,2 млн. долл., то к 1983/84 г. данный показатель вырос до 66,4 млн., а в 1985/86 он снизился до 26,2 млн. – до уровня 1978/79 года. Удельный вес свежих фруктов за указанные годы изменился примерно следующим образом: 6,3%, 9,1% и 4,6%¹¹.

Как уже было отмечено выше, экономика Афганистана в наибольшей степени пострадала в период войны между движением «Талибан» и тогдашним правительством страны – то есть в последнем десятилетии XX века. Некоторые регионы страны (часть северо-восточного региона) на время были отрезаны от внешнего мира, в других шла непрерывная война между различными вооруженными группировками, что дестабилизировало экономическую обстановку, вследствие чего увеличилась степень риска вывоза продукции крестьян и скотоводов для реализации в других провинциях, а также за рубежом.

Несмотря на все эти трудности, Афганистан по мере возможностей сохранял торговые отношения с внешним миром, в первую очередь с соседними странами. Уже ко второй половине 90-х годов по сравнению с предыдущим десятилетием объем и структура внешней торговли изменились. Здесь прежде всего следует указать на экспорт товаров. Так, если в 1985/86 г. было экспортировано товаров на общую сумму в 566,8 млн. долл., то к 1997 г. этот показатель, по дан-

ным официальных отчетов, сократился примерно в четыре раза и был равен 144,4 млн. долл. (см. табл. 1).

Данные, приведенные в отчетах афганской статистики и международных организаций, показывают, что товарная структура экспорта страны сократилась, а некоторые важнейшие виды продукции, которые несколько лет назад занимали особое место в нем, вышли из оборота. К ним можно отнести в первую очередь природный газ, химические удобрения и ковровые изделия. Завод по производству азотных удобрений в Мазари-Шарифе работал и при талибах, однако об объеме экспортированной им продукции данных не имеется.

Значительно сократился также объем экспорта важнейших видов сельскохозяйственной продукции. Помимо нестабильной военной обстановки данное сокращение, особенно в конце 90-х годов явилось результатом сильной трехлетней засухи. Кроме этого, усиливалась роль контрабандной торговли в районах, приграничных с Пакистаном.

Из имеющихся данных можно сделать вывод, что продукция садоводства в период правления движения «Талибан» на внешний рынок поступала в весьма ограниченных объемах. Экспорт свежих фруктов, например, в 1998 г. был равен 5,8 млн. долл., 1999 г. – 8,4 млн., 2000 г. – 4,2 млн., в 2002 г. – около 5,6 млн. долл., что по сравнению с вышеприведенными показателями 80-х годов почти в десять раз меньше. По удельному весу в системе экспорта Афганистана свежие фрукты находились на третьем месте и по указанным годам имели соответствующие показатели: 3,5%, 6,1%, 6,2% и 5,6%. Самым высоким был удельный вес сухофруктов и орехов, достигший в 2000 г. 37%, а в 2002 г. около 41% от всего экспорта. Сухофрукты и орехи и 20 лет назад считались одной из главных статей экспорта сельскохозяйственной продукции Афганистана, однако тогда их объем во внешнеторговом товарообороте относительно последних лет был намного больше. Если сравнить данные второй половины 90-х годов с данными, скажем, середины 80-х, то очевидно, что в данном плане (экспорте сухофруктов и орехов) Афганистан намного отстает от времен разгара гражданской войны¹².

Другими важными статьями экспорта по-прежнему остаются дикорастущие лекарственные растения и пряности, которые вывозятся в Пакистан и Индию. Объем их зарегистрированного экспорта в 2000 г. составил свыше 2,4 млн. долларов¹³.

Таблица 2

**Экспорт сухофруктов и их удельный вес в разные годы
(млн. долл. США)**

| Г оды | Экспорт сухо- фруктов и орехов | Удельный вес в об- щем объеме (%) | В % к 1983 г. |
|----------|-----------------------------------|--------------------------------------|------------------|
| | | | |

| | | | | |
|-----|---|------|------|-----|
| 983 | 1 | 192 | 26,3 | 100 |
| 985 | 1 | 94,5 | 16,6 | 49 |
| 998 | 1 | 9,3 | 6 | 4,8 |
| 999 | 1 | 16,4 | 11,2 | 8,5 |
| 000 | 2 | 23 | 15,7 | 12 |

Источники: Афганистан (справочник). М., 2000, с. 147; Islamic State of Afghanistan: Rebuilding a Macroeconomic Framework for Reconstruction and Growth. September 2003 IMF Country Report № 03/299, с. 32.

Афганистан в относительно меньших объемах по-прежнему экспортирует каракулевыми шкурки, мерлушки, овечью шерсть и некоторые другие виды животноводческой продукции, доход от которых менее значим для экспорта страны. Засуха, военные действия и отсутствие ветеринарной службы в последние годы привели к падежу поголовья скота в стране. До 2001 г. животноводческой отрасли был нанесен наибольший ущерб. Поголовье скота как у оседлых жителей, так и у кочевых племен – основных поставщиков животноводческой продукции на внешний рынок – сократилось, что должно было отрицательно сказываться на внешнеторговом балансе страны. Афганские скотоводы, несмотря на все эти проблемы, продолжали экспортировать животноводческую продукцию на внешний рынок.

Для наглядности в качестве примера приведем данные по двум основным видам продукции – шкурок и шерсти. Если по состоянию на 1997 г., по зафиксированным данным, было вывезено каракулевых шкурок (всего кожевенной продукции) и шерсти соответственно на сумму всего 539 и 700 тыс. долл., через год доходы от первого товара выросли в четыре раза (2116 тыс. долл.), а от второго – на 81% (1266 тыс. долл.). Эти данные говорят о весьма низком удельном весе данных товаров в экспорте Афганистана. В последующие годы имеющиеся данные указывают на рост доходов от экспорта этих товаров. За последние годы торговля шкурками наивысший доход Афганистану принесла в 2000 г. – свыше 13,6 млн. долл., что составляло 20% от всего экспорта, в то время как два года до этого удельный вес этой продукции был равен 1,3% экспорта страны. То же самое можно наблюдать в системе торговли шерстью на внешнем рынке, доходы от которой превысили 2,9 млн. долл. Удельный вес шерсти также за последние годы впервые в процентной шкале находился выше единицы и составил 4,7%¹⁴.

Вывоз прочих видов сельскохозяйственной продукции, драгоценных камней и некоторых товаров кустарного производства (ковры,

паласы и т.д.) за указанные годы составлял до 9/10 и выше части всего экспорта. Удельный вес прочих товаров, в том числе ковровых изделий, с 1997 (97,2%) по 2000 гг. (31,4%) постепенно сокращается. Сокращение экспорта ковровых изделий, как показывают источники, происходило за счет миграции в ходе войны кустарей-ковроделов за рубежом. По информации министра торговли Афганистана С.М.Казими, до последних лет в Пакистане ковроделием занимались около 500 тыс. афганских беженцев¹⁵.

Контрабанда или нелегальная торговля товарами в Афганистан исчисляется несколькими миллиардами долларов в год. Еще больше выгоды Афганистан продолжает получать от торговли запрещенными веществами и товарами – продукцией опийного мака. Если в статях платежного баланса учитывать и доходы от торговли наркотическими веществами, то сальдо внешнеторгового баланса страны становится положительным и в несколько раз будет превышать стоимость ввезенных товаров¹⁶.

Увеличение удельного веса сельскохозяйственной продукции во внешнеторговом обороте в 90-х годах по сравнению с предыдущим десятилетием происходило за счет выхода из ее состава такого важного продукта, как природный газ. Спрос на продовольственные товары со стороны Афганистана вырос, ведь вторая половина 90-х и 2001 годы были самым тяжелым испытанием в социально-экономической и политической жизни Афганистана.

Низкая покупательная способность афганского потребителя не позволяет стране импортировать высококачественные товары как производственного, так и потребительского назначения. Число потенциальных потребителей страны остается ограниченным, и поэтому на внутренний рынок Афганистана поступают в основном низкокачественные, в большинстве случаев старые (просроченные) импортные товары из разных стран мира.

После распада СССР, основного внешнеторгового партнера Афганистана, каждая из новых независимых стран, образовавшихся на его пространстве, наладила официальные дипломатические и экономические отношения с ним. Однако в статистике экспортно-импортных операций Афганистана из числа этих новых партнеров в список основных входят только Россия, Казахстан и Туркменистан. Их общая доля по сравнению как с некоторыми странами дальнего зарубежья, так и ближнего Афганистану, а также с объемом торговли с СССР, остается низкой.

В товарной структуре импорта основными всегда оставались товары производственного назначения – машины и оборудование, нефтепродукты, металлопрокат, химические и конструкторские материалы, бытовая электротехника, а также хлопчатобумажные изделия (одежда), обувь, хозяйственные товары и медикаменты. Иными сло-

вами, страна импортировала и продолжает импортировать все виды необходимых товаров производственного назначения.

Увеличился импорт продовольственной продукции. Обострение ситуации с продовольствием в Афганистане привело к тому, что в 1999 г. импорт продуктов питания достиг 250,6 млн. долл. и в последующие годы продолжал оставаться примерно на том же уровне (табл. 3).

Данные второй половины 90-х годов показывают, что несмотря на введение запрета и применение талибами карательных мер за курение табачных изделий и употребление спиртных напитков, объем импорта этих товаров каждый год возрастал. Так, в 1997/98 г., по зарегистрированным данным, их импорт примерно в два раза превышал импорт нефтепродуктов (табл. 3).

Объем официального коммерческого импорта показывает, что страна во всех направлениях внешнеторговых сделок имела одни проигрыши. В реальности большая часть всех этих расходов (закупка импортных товаров), особенно в период правления движения Талибан покрывалась за счет доходов, полученных от наркоторговли.

Таблица 3

**Удельный вес основных видов товаров
в импорте Афганистана**

| | 20 | 20 | В % от об- | | 20 |
|--------------------------------|-----------------|-----------------|------------|----------|----------------|
| | 00 г. | 02 г. | щего | | |
| | (млн. долл.) | (млн. долл.) | 200 | 200 | 02 г. к |
| | | | 0 г. | 2 г. | 2000 г. (%) |
| Машины и оборудо- вание | 51 2,4 | 85 5 | 30, 2 | 36, 8 | |
| Нефтепродукты | 12 ,3 | 14 ,4 | 0,7 | 0,6 | |
| Металлопрокат | 3, 5 | 6, 7 | 0,2 | 0,3 | |
| Химические материа- лы | 39 ,7 | 17 2,6 | 2,3 | 7,4 | |
| Одежда и обувь | 47 2,6 | 34 5,3 | 27, 9 | 14, 9 | |
| Хозтовары и медика- менты | 39 2,2 | 62 2,4 | 23, 1 | 26, 8 | |
| Продовольственные товары | 21 4,4 | 20 1,3 | 12, 6 | 8,7 | |
| Сигареты и спиртные напитки | 23 | 46 ,6 | 1,4 | 2 | |
| Всего | 16 | 23 | 100 | 100 | |

| | | | | | |
|--|------|------|--|--|--|
| | 96,5 | 22,6 | | | |
|--|------|------|--|--|--|

Источник: Islamic State of Afghanistan: Rebuilding a Macroeconomic Framework for Reconstruction and Growth. September 2003. IMF Country Report № 03/299, с. 32.

Изменение политической обстановки в Афганистане в конце 2001 г. несомненно увеличило надежды на мирную жизнь, развитие экономики страны и, в частности, расширение внешнеторговых и экономических связей с другими странами. Военно-политическая ситуация в Афганистане все еще остается напряженной, но в страну начала поступать безвозмездная внешняя технико-экономическая помощь, международные финансовые институты и ведущие страны мира выдали первые долгосрочные ссуды.

Общий внешнеторговый оборот Афганистана в 2001 г., согласно оценочным данным Центральной статистической службы, составил 4188 млн. долл., в 2002 г. вырос до 5895 млн. долл. (на 41%). Общий объем экспорта страны в 2001 г. составил 1657 млн. долл., из которой продукция собственного производства была на сумму всего 68 млн., или 4,1% от всего экспорта – 1,7% от стоимости ВВП страны. Остальная часть (1589 млн. долл.) приходилась на долю транзитной торговли – реэкспорта. Из последней суммы внешнеторговые операции в объеме 63 млн. долл. (около 4% от всего реэкспорта) были официальными, а 1526 млн. долл. (96%) – неофициальными или контрабандными¹⁷. В первый год после ликвидации режима талибов (2002 г.) объем экспорта относительно предыдущего года, по некоторым оценкам, резко вырос (на 38,2%) и равнялся 2290 млн. долл., а удельный вес чистого экспорта достиг 100 млн. долл. То есть, несмотря на его относительный рост, удельный вес продукции собственного производства (4,3%) в экспорте оставался почти на прежнем уровне. Из реэкспортированных товаров на общую сумму в 2190 млн. долл. опять-таки только 100 млн. (или 4,5%) являлись официальными, а 95,5% – неофициальными¹⁸.

Такая тенденция наблюдалась и в части импорта товаров. Не все операции по импорту товаров были официально зарегистрированы. Объем импорта товаров в 2001 г. в денежном выражении, включая и продовольственную помощь, составил 2531 млн. долл. Из этой суммы официально зарегистрированы сделки на сумму 1696 млн. долл. (67%). Из этих же данных видно, что сальдо платежного баланса было отрицательным – дефицит внешнеторгового баланса составил 874 млн. долл. За 2001–2002 гг. рост импорта товаров был несколько выше относительно их экспорта – 3605 млн. долл., или на 42,4% больше предыдущего года. Разрыв между импортом и экспортом страны в 2002 г. также вырос: дефицит равнялся 1315 млн. долл. США¹⁹.

Для оживления внешней торговли, снижения дефицита платежного баланса, увеличения объема товарооборота Афганистану в краткосрочной перспективе предстоит сделать упор на экспортные отрасли сельскохозяйственной сферы. Здесь нужно поступить так, чтоб не только страна в целом выиграла от внешней торговли, но и каждый крестьянин и скотовод, производящий сельскохозяйственный продукт, ориентированный на экспорт, получил определенную выгоду, так как раньше внешнеторговые монопольные кампании продукцию у них закупали по заниженным ценам. Что касается экспорта продукции обрабатывающей промышленности, то для восстановления и развития данной отрасли экономики и всей промышленности Афганистана в целом еще требуется время.

Афганистан на сегодняшний день развивает внешнеторговые и экономические отношения со своими действующими, бывшими и новыми партнерами. Более тесными становятся отношения с северными соседями, двери которых для Афганистана за период правления режима талибов были закрыты (за исключением Туркмении, имевшей торгово-экономические отношения с правительством талибов). Открылась дорога через мост в Термезе, началось строительство ряда мостов на участках таджико-афганской границы, реконструируются автомобильные дороги, примыкающие к границам этих стран. Все эти мероприятия и окончательная реализация других намеченных планов создают реальные благоприятные условия и предпосылки для развития более тесных внешнеторговых и экономических отношений с этими странами, и, безусловно, с Россией.

Переходное правительство Афганистана во главе с президентом Х.Карзаем пересматривало торговые и транзитные соглашения, подписанные раньше с Пакистаном, Индией, Ираном, подписало новые подобные документы с Узбекистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном, разрабатывает проект торгового соглашения с Таджикистаном. Отношения со странами Запада и Японией также продолжают развиваться.

Однако все эти мероприятия являются лишь формальной частью в решении проблем развития внешней торговли, внешнеторговых и внешнеэкономических отношений. На самом деле для устранения диспропорции платежного баланса, увеличения общего внешнеторгового оборота Афганистану, как уже отмечалось, необходимы немалые средства и время. Ведь продолжительная гражданская война в Афганистане нанесла колоссальный ущерб хозяйственной системе страны – выведены из строя практически все предприятия промышленного назначения, средства коммуникационной и транспортной связи, объекты ирригации, больницы, школы и административно-хозяйственные здания. Начало восстановительных работ во всех сферах и отраслях народного хозяйства страны одновременно, как с финансовой точки зрения, так и технически, – задача весьма трудная и невыполнимая.

Поэтому страна должна выходить на внешний рынок с продукцией собственного производства, а не довольствоваться их транзитом из третьих стран.

Другим определяющим фактором во всех отношениях является полная и окончательная стабилизация политической и военной обстановки в стране. Отдельные радикальные вооруженные группировки и остатки отрядов «Талибан», находящиеся в оппозиции правительству Х.Карзая, проводят диверсионные акты, направленные против иностранцев – как военных, так и сотрудников международных гуманитарных организаций, а также представителей силовых структур переходного правительства страны. Многие сотрудники этих организаций в ходе выполнения своих обязанностей были похищены, а впоследствии убиты. Низкий уровень безопасности снижает эффективность выполнения работ по восстановлению экономики страны, увеличивает их издержки²⁰.

Наряду с налаживанием отношений с соседними странами также необходимо восстановить экономическую и административную инфраструктуру внутри страны, полное подчинение регионов центральной власти, с тем чтобы всякая экономическая деятельность, проводимая на территории каждой провинции, служила общенациональным интересам, а не отдельным лицам или группам. Ведь именно через приграничные районы, подконтрольные отдельным региональным лидерам, проходит транзит товаров через Афганистан в другие страны. Таможенные пошлины от ввоза и вывоза товаров приносят приличные доходы. Но не всегда и не полностью все сборы поступают в государственную казну, большая их часть растворяется в этих же регионах. И к тому же, по утверждению правительства Афганистана, в некоторых случаях региональные лидеры ведут самостоятельную политику, что снижает эффективность и объем внешнеторгового оборота страны. По состоянию на октябрь 2002 г., к примеру, в центральный бюджет страны доход от таможенных сборов из всех регионов поступил в размере всего 786 млрд. афгани, то есть примерно 16,4 млн. долл. США (по курсу 48 тыс. афгани за 1 долл. США), что весьма и весьма маленькая цифра²¹.

Перспективы развития внешней торговли и торгово-экономических отношений Афганистана, рост товарооборота тесно связаны также с реконструкцией главных магистральных автомобильных дорог, примыкающих к границам соседних стран. Плохое состояние главных автомагистралей увеличивает транспортные расходы на ввоз и вывоз товаров. Основная часть товаров всегда поступала автотранспортом на афганский рынок по шести основным направлениям, а речным транспортом – по реке Амударья через порты Шерхан, Хайратан и Келиф. С Пакистаном Афганистан имеет транспортное сообщение на двух участках границы – это автодорога Торхам-Джалалабад (провинция Нангархар) и Спинбулдак-Кандагар (провин-

ция Кандагар). На северо-западе страны, в провинции Герат, товарооборот с Ираном осуществляется через магистраль Исламкаала-Герат, а с Туркменией – Торгунди-Герат. На севере, как выше отмечалось, сообщение с Узбекистаном проходит по автодороге Хайратан-Мазари-Шариф, на северо-востоке, на таджико-афганском участке границы автомагистраль Кызылкала-Пули-Хумри и далее до Кабула.

На сегодняшний день из всех приграничных регионов Афганистана внешнеторговые отношения в большей степени приходится на южные, юго-восточные и северо-западные. Все импортные товары следуют транзитом через территорию Пакистана, Ирана и в последние годы частично Туркменистана. Товары китайского производства на афганский рынок поступают через третьи страны, главным образом через Пакистан. Внешнеторговые отношения с Таджикистаном пока ограничиваются только приграничной торговлей в малых объемах. Через территорию этой страны также продолжает поступать внешняя помощь мирового сообщества Афганистану, а строительство указанных выше мостов в перспективе может увеличить товарооборот между этими двумя странами. То же самое можно сказать и относительно Узбекистана.

Роль Пакистана во внешней торговле Афганистана выросла за время пребывания у власти правительства талибов. Последние внешнюю торговлю Афганистана полностью ориентировали на эту страну. Основная масса поступающих из Пакистана на афганский рынок товаров производится в третьих странах. А товары же пакистанского производства по своему удельному весу в импорте Афганистана в 1997 и 1998 гг. (соответственно 3,4% и 9%) занимали второе, а в 1999 и 2000 гг. (соответственно 18,3% и 21,3%) первое место²². Нужно повторить, что это только официально зарегистрированные данные, а на самом деле объем контрабанды между этими странами доходит до нескольких млрд. долларов. Так, в 1996 г., по некоторым данным, контрабанда товаров из Афганистана в Пакистан дошла до 2 млрд. долларов.

На границе с Пакистаном, в районе Спинбулдака, Кандагарской провинции, в послевоенные годы сформировался крупнейший по афганским масштабам торговый центр – рынок электротехники. На рынке к осени 2002 г., по данным афганской прессы, насчитывалось свыше двух тыс. торговых контейнеров, а ежедневно туда к этому времени поступали до 30 контейнеров электротехники – видео и аудиоманитофоны, фото- и видеокамеры, телевизоры, компьютерная техника и другие товары производства Японии, Кореи, Китая, Сингапура, Малайзии и других стран. Основными внешними партнерами на рынке выступают пакистанские и иранские торговцы, и свыше половины торговых сделок приходится на долю последних. Данный торговый центр электротехникой снабжает города Кабул, провинции Герат, Балх, Хост и Джалалабад²³.

По информации афганских торговцев, товары, поступающие на этот рынок, считаются просроченными (старыми), и из-за этого они их приобретают по заниженным ценам на рынках Дубая, откуда они транзитом через иранский порт Бендер-и Аббас, в районе Исламкала (Герат) проникают на территорию Афганистана, а оттуда поступают в торговый центр в Спинбулдак. Эти товары не сопровождаются какими-либо инструкциями, техническими документами, гарантийными талонами, и покупатели не имеют возможности заранее получить информацию об их техническом состоянии. Исходя из этого, цена просроченного товара по сравнению с новым снижается примерно на 60–70%²⁴.

Афганская пресса сообщает, что самая стабильная политическая обстановка во всем Афганистане царит в Герате. Там уже, по мнению журналистов, имеются все предпосылки для реализации экономических проектов, а инвестиционный климат считается здоровым для частных капитальных вложений. Во всем этом видится заслуга действующего губернатора и одного из самых влиятельных региональных лидеров – Исмаил-хана. Однако представители органов власти не согласны с подобными утверждениями. Министерство торговли Афганистана в конце декабря 2003 г. сообщило, что в середине 2004 г. на границе с Ираном в провинции Нимроз правительством Афганистана планируется открытие международного торгового центра «Нимроз-Регистан». Провинция Герат, подконтрольная губернатору, по их мнению, уже стала таким центром. Туда ежедневно поступают товары из соседнего Ирана и Туркмении, однако «неправильная политика руководства» провинции, утверждает указанное ведомство, намного снижает товарооборот данного торгового центра²⁵.

Для экспорта товаров производства Индии на афганский рынок и их транзита в центральноазиатские страны через территорию Ирана планируется открытие нового международного транспортного коридора. В этих целях между правительствами Афганистана, Ирана и Индии было подписано трехстороннее соглашение. Индийские товары будут поступать в иранский порт Чахебехар, оттуда до ирано-афганской границы в районе Зарандж (афганской провинции Нимроз) и до афганской кольцевой автодороги в местечке Диларам. Согласно достигнутому соглашению, таможенные пошлины Ираном будут уменьшены вдвое²⁶.

Как показывают вышеприведенные данные, на сегодняшний день транзит товаров и услуг (реэкспорт) составляет основную массу экспорта Афганистана. Если политическая обстановка в стране окончательно стабилизируется, то в будущем транзит товаров Афганистану может принести определенные инвалютные доходы. Речь идет о транспортировке товаров в третьи страны. Исходя из этого, страна возлагает большие надежды на реализацию проекта по прокладке газопровода из Туркменистана в Пакистан, который должен прохо-

дять через его территорию. Трансафганский газопровод, который, согласно проекту, должен проходить по маршруту Герат-Кандагар-Мултан, общей протяженностью свыше 1,5 тыс. км, мог бы стать еще одним источником поступления иностранной валюты в государственный бюджет. Кроме того, реализация этого проекта, как заявил сам президент Х.Карзай, могла бы создавать рабочие места для нескольких тысяч афганских безработных, однако его воплощение в жизнь по известным пока причинам затягивается²⁷.

Афганистану в формальном плане необходима разработка нового закона о таможенно-тарифном регулировании, усовершенствование структуры таможенного комитета и министерства торговли, определение роли центра по вопросу распределения и использования доходов от таможенных сборов через государственный бюджет страны. Вдоль автодороги в сторону Кабула во всех направлениях установлены многочисленные незаконные патрульные посты, взимающие пошлины за ввозимые товары, сообщает министр торговли Афганистана. Страна от этого несет большие финансовые потери. Всемирный банк уже выделил 31 млн. долл. для реформирования таможенной системы и усовершенствования структуры министерства торговли, для борьбы с коррупцией и взяточничеством в соответствующих ведомствах и органах власти²⁸.

Центральное правительство стремится подобными и всеми другими методами (правовыми и законодательными инструментами) укрепить свои позиции в регионах и взять контроль полностью в свои руки. Каковы будут результаты этих мероприятий, трудно предсказать, ибо в стране решающая роль остается за региональными лидерами.

Таким образом, основными проблемами современного Афганистана в сфере внешней торговли можно считать хронический дефицит платежного баланса, слабую и неорганизованную структуру централизованной государственной таможенной службы, неопределенность в отношениях центра и регионов, а также невыполнение соответствующих законов о таможенно-тарифном регулировании. Результатом всего этого является то, что государственный бюджет продолжает лишаться ординарных доходов от внешнеторговых операций, а объем контрабанды товарами каждый год растет. Решение этих проблем, в свою очередь, зависит от ряда важнейших внутренних социально-экономических и политических обстоятельств, преодолеть которые надлежит стране. Речь идет о восстановлении всего разрушенного народного хозяйства Афганистана. Пока механизм хозяйствования не будет нормально функционировать, на внешнеторговом направлении положительных изменений стране не стоит ожидать.

¹ World Fact book 2003.

² Об этом более подробно см.: Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. – М., 1981.

³ Краткий статистический сборник состояния и развития отраслей национальной экономики и социальных служб ДРА. – Кабул, 1980, с. 26–27.

⁴ Там же.

⁵ Краткий статистический сборник ... с. 27–28; Афганистан. – М., 2000, с. 148.

⁶ Бюллетень иностранной коммерческой информации. Всесоюзный орден Трудового Красного Знамени научно-исследовательский конъюнктурный институт. – М. 1982, с. 94.

⁷ Афганистан. – М., 2000, с. 148.

⁸ Afghanistan in the 1970s. N.Y., 1974, с. 95.

⁹ Краткий статистический сборник ... с. 28–29; Афганистан. – М., 2000, с. 149.

¹⁰ Бюллетень иностранной коммерческой информации... с. 95.

¹¹ Краткий статистический сборник ... с. 28; Афганистан. – М., 2000, с. 148.

¹² Islamic State of Afghanistan: Rebuilding a Macroeconomic Framework for Reconstruction and Growth. September 2003. IMF Country Report No. 03/299, с. 31.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Эктесад. Кабул, 2004, с. 11.

¹⁶ Islamic State of Afghanistan: Rebuilding... с. 27.

¹⁷ Ibid, с. 19; 26.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Стрешнев Р. – Афганистан сегодня: война закончилась, мир... не наступил <<http://www.redstar.ra>>.

²¹ Арман-е милли, (14) 1.10.2002; Пайам-е моджахед, 10.10.2002.

²² Islamic State of Afghanistan: Rebuilding... с. 29.

²³ Фарда, 29.09.2002.

²⁴ Там же

²⁵ Анис, 26.09.2002; Правительство Афганистана готовится открыть большой международный торговый центр на западе страны, <<http://www.rbc.ru/rbcfreeneews.shtml7/20031210061406.shtml>>.

²⁶ Эктесад. Кабул, 2004, с. 12.

²⁷ Газ пройдет через Афганистан, <<http://www.utro.ru/articles/20021227161457119197.shtml>>.

²⁸ Эктесад. Кабул, 2004, с. 14; 21.

**БОРЬБА С БЕДНОСТЬЮ В ПАКИСТАНЕ:
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Голод и нищета существуют на Земле уже несколько тысячелетий, с момента зарождения человеческой цивилизации, однако впервые о бедности как о глобальной проблеме, с которой нужно бороться всем сообществом, заговорили лишь в середине прошлого столетия. В принятом в октябре 1945 г. Уставе ООН была особо отмечена необходимость содействия «повышению уровня жизни, полной занятости населения и условиям экономического и социального прогресса с целью создания условий стабильности и благополучия» (ст. 55).

Как было сформулировано в Декларации, принятой на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро, «все государства и народы должны совместными усилиями бороться с бедностью – это одно из необходимых условий устойчивого развития с целью сокращения диспропорций в жизненных стандартах и удовлетворения потребностей большинства жителей планеты». В одном из разделов Декларации было признано, что поскольку бедность является «комплексной и многогранной проблемой, имеющей как национальное, так и международное значение», «невозможно найти единое решение на глобальном уровне». Напротив, необходимы выработка «программ, учитывающих специфику проблемы борьбы с бедностью для каждого государства, а также международные усилия по поддержанию национальных программ»¹.

Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции 47/92 от 16 декабря 1992 г. определила основные направления социального развития, в том числе: дальнейшую реализацию целей Устава ООН; достижение необходимого равновесия между экономической эффективностью и социальной справедливостью в рамках ориентированного на рост справедливого и устойчивого процесса развития в соответствии с национальными приоритетами; новаторское решение проблемы взаимосвязи социальной роли государства, реакции рынка на социальные потребности устойчивого развития; определение общих проблем социально маргинализированных и находящихся в неблагоприятном положении групп населения и содействие вовлечению этих групп в жизнь общества с уделением особого внимания необходимости уравнивания возможностей для всех членов общества; мобилиза-

цию ресурсов в целях социального развития на местном, национальном, региональном и международном уровнях².

Все эти направления легли в основу Декларации тысячелетия, принятой на Саммите ООН в сентябре 2000 г. и предусматривающей снижение вдвое уровня крайней бедности, приостановление распространения СПИДа и обеспечение всеобщего начального образования к 2015 г.

Следует особо подчеркнуть, что именно в последние десятилетия, то есть на рубеже тысячелетий появились новые силы глобального характера, которые ни одно государство не способно контролировать в одиночку. В первую очередь речь идет о загрязнении окружающей среды, экологической деградации, распространении болезней и транснациональных миграционных потоках, появлении мощных преступных группировок и, наконец, о международном терроризме (11 сентября 2001 г. прозвучал роковой сигнал для всего человечества).

Показательно, что в период «холодной войны» проблема бедности распространялась исключительно на развивающиеся страны – в отечественной литературе она, как правило, ассоциировалась с голодом и нищетой, классовым расслоением общества и политикой империализма. «Чем шире и решительнее отпор империалистической политике наращивания вооружений, чем действеннее выступления в различных районах планеты против политики эксплуатации, военного диктата, агрессивных поползновений империализма, тем полнее будут раскрываться созидательные потенции сбросивших колониальное и неоколониальное иго народов, тем большую помощь для преодоления экономической отсталости, сопутствующих ей голода и нищеты смогут оказать развивающимся странам их подлинные друзья и союзники на мировой арене», – писал в этой связи журнал «Проблемы мира и социализма» в 1986 г.³

Развал СССР и начатая на его просторах политика развития рыночных отношений вызвали много новых проблем, заставили в открытую говорить о наличии бедности как в России, так и в других странах СНГ, приблизив их в рассуждениях к категории развивающихся стран и поставив под сомнение возможность устойчивого развития на постсоветском пространстве. Так, по данным на май 2003 г., приведенным тогдашним вице-премьером правительства РФ Галиной Кареловой, 69,5% семей, имеющих детей, живут в России за чертой бедности, а 472845 семей живут в «экстремальной бедности»⁴. По данным Госкомстата на 2003 г., «расслоение населения увеличивается, а борьба с бедностью, объявленная президентом, имеет пока относительный успех... каждый пятый гражданин России живет за чертой бедности. На долю 10% наиболее обеспеченных слоев населения в 2003 г. приходилось 30% общего объема доходов (в 2002 г. этот показатель составил 29,3%). В то же время на долю 10% наименее обеспеченных

слоев населения в прошлом году пришлось 2,1% доходов (этот показатель остался на уровне 2002 г.)»⁵.

Для Пакистана в отличие от России проблема бедности не является новой – она существует на территории данной страны с момента обретения государством независимости в августе 1947 г. Специфика бедности в пакистанском обществе характеризуется, на наш взгляд, тремя аспектами, которые, тесно переплетаясь между собой, определяют современные черты и возможные пути решения – как текущие, так и долгосрочные; как реальные перспективы, так и несколько завышенные прогнозы.

Во-первых, это географическое положение Пакистана в южно-азиатском регионе, который издавна отличался широким распространением бедности, особенно в сельской местности⁶. По данным ООН, в конце XX века большая часть бедных и абсолютно бедных – около 50% – проживала в регионе Южной Азии. 17 июля 1999 г. на Земле родился 6-миллиардный житель, а в XXI в. человечество вступало обремененным 1 млрд. голодающих, 1 млрд. неграмотных, 1 млрд. безработных, 2 млрд. человек, оказавшихся в условиях относительного или абсолютного аграрного перенаселения, 1,5 млрд. обездоленных, живущих за «чертой бедности», в том числе 1 млрд. человек, находящихся в «крайне бедственном» положении⁷.

Во-вторых, это специфика развития Пакистана в качестве независимого исламского государства «на окраине мусульманской цивилизации», которая, по мнению директора Центра международных исследований А.И.Уткина, «превратила внешние границы своего мира... в подлинные фронты XXI века»⁸. И здесь особое значение имеет фактор демографии. В 1900 г. численность мусульман в мире составляла 4,2 %, в 2025 г., по прогнозу, – 19,2%. (Правда, доля промышленного производства поднимется с 2,9% мирового валового продукта в 1950 до 15% в 2025 г.)⁹. Пакистан занимает особое положение среди прочих мусульманских стран по своим крайне высоким темпам роста населения – 2,1% в год. В 2003 г. население страны составило 149 млн. человек (7-е место в мире); при сохранении таких темпов роста в 2020 г. в Пакистане уже будет проживать 217 млн. человек. «При нынешних темпах роста экономика не сможет справиться с растущим населением, и в результате снижение уровня жизни перечеркнет все достижения правительства в социальной сфере», – отмечает в Экономическом обзоре Пакистана за 2002–2003 финансовый год¹⁰.

В-третьих, бедность в Пакистане является хроническим явлением, тесно связанным с колониальным прошлым, равно как и с перегибами социальной политики, проводимой всеми правительствами и военными режимами после 1947 г. В этой связи можно вспомнить принятую вскоре после обретения Пакистаном независимости программу «Сельскохозяйственное и промышленное развитие деревни»

(V-AID), утвержденную при М.Айюб-хане «Программу сельских работ» (Rural Works Programme), «Комплексную программу развития деревни» (Integrated Rural Development Programme) правительства З.А.Бхутто, программу исламизации экономики М.Зия-уль-Хака, Программы социального действия (Social Action Programmes), осуществление которых началось в 1993 г. и было запланировано до 2000 г.¹¹

Согласно оценкам МБ и МВФ, нижней чертой уровня бедности является ежедневный доход в 1 доллар, в то время как верхний предел оценивается в 2 доллара. Данные обзора пакистанского Центра по социальной политике и развитию (Social Policy and Development Centre) строятся, исходя из 2800 рупий в месяц на человека или 4700 рупий на семью (домовладение) из 6 человек¹². Это составляет приблизительно 45 и 75 долларов, то есть в принципе соответствует оценкам международных организаций. В настоящее время примерно каждый третий житель живет ниже уровня бедности – около 46 млн. человек. Абсолютное количество бедных за 90-е годы выросло почти вдвое. Согласно данным Центра по социальной политике, в начале 90-х за чертой бедности проживала каждая пятая семья, в то время как в 2002 соотношение составляло 1:3. Наибольшая часть бедняков проживает в сельской местности, особенно в Синде и Белуджистане. Согласно данным Азиатского банка развития, в 5 округах Синда уровень бедности достигает 82%, где 60% семей имеют дневной доход менее 1 доллара¹³.

В 1996–97 г. бюджетные ассигнования на борьбу с бедностью составили 93607 млн. рупий (в том числе 42604 млн. на образование, 13434 млн. на здравоохранение, 9847 млн. на ирригацию и 10101 млн. на продовольственные субсидии. В 1997–98 г. данная статья расходов возросла до 100378 млн., а в 1998–99 г. – до 103890 млн. рупий. Однако в среднем ежегодные расходы на борьбу с бедностью в течение 1995–2000 гг. ежегодно сокращались на 0,25% от ВВП¹⁴.

Таблица 1

Бюджетные расходы на борьбу с бедностью
в 1996–2000 гг. (млн. рупий)

| Сектора | 199 6–1997 | 199 7–1998 | 199 8–1999 | 199 9–2000 |
|-----------------------------|---------------|---------------|---------------|---------------|
| Дороги и мосты | 464 4 | 517 4 | 604 3 | 513 4 |
| Водоснабжение и канализация | 495 3 | 610 0 | 529 4 | 555 3 |
| Образование | 426 04 | 490 84 | 494 06 | 540 02 |

| | | | | |
|------------------------------------|-----------|------------|------------|------------|
| Здравоохранение | 134 34 | 147 31 | 155 47 | 173 42 |
| Планирование демографии | 185 8 | 197 4 | 259 3 | 343 9 |
| Социальная защита | 243 4 | 194 7 | 202 2 | 206 9 |
| Стихийные бедствия | 222 | 214 | 107 4 | 124 3 |
| Ирригация | 984 7 | 972 2 | 914 7 | 837 4 |
| Почвенная реclamation | 419 | 541 | 815 | 939 |
| Сельское развитие | 309 1 | 355 2 | 485 2 | 651 3 |
| Продовольственные суб-сидии | 101 01 | 733 9 | 709 7 | 985 0 |
| Программа продовольственной Помощи | 0 | 0 | 0 | 0 |
| Всего | 936 07 | 100 378 | 103 890 | 114 358 |
| % ВВП | 4,2 | 5 3,7 | 3,5 | 3,6 |

Подсчитано по: Economic Survey 2002–03. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, с. 53–54; Statistical Appendix, с. 13.

В эти годы борьба с бедностью велась в основном в рамках Программ социального действия (Social Action Programmes of Pakistan) – САП-I и САП-II¹⁵. Главные цели программ сводились к подъему уровня начального образования, основ медицинского обслуживания, благосостояния народа за счет ассигнований на планирование семьи и сельского водоснабжения и канализации. Первая программа была рассчитана сроком на три года (1993–1996 гг.). Она была направлена прежде всего на сельские районы и менее развитые провинции. Расходы на САП-1 были оценены в 150 млрд. рупий и включали бюджетные (годовые) и капитальные затраты. Из всей суммы правительство обеспечило 75% за счет внутренних ресурсов, 25% – через Консорциум доноров – Международное агентство развития, а также от правительств Великобритании и Нидерландов¹⁶. Вторая программа САП

(1996–2000) должна была перейти от макроуровня реформ к эффективному районному уровню, шире использовать федеральные и провинциальные власти в выполнении программ, а также частный сектор и неправительственные организации. Был увеличен общий объем инвестиций до 270 млрд. рупий (11% должно было выделить федеральное правительство и 89% – провинциальные), иностранные вложения должны были составить 32,7 млрд. рупий¹⁷.

Однако практическое осуществление программы САП-II не было завершено, поскольку в конце 90-х годов Пакистан уже находился на пороге глубокого экономического кризиса. В сентябре 1999 г. министерство финансов представило парламенту проект федерального бюджета на 1999–2000 с мерами упрощения налогового режима, стимулирования рынка капиталов, сокращения государственных расходов для обеспечения экономического роста. Пакистан попытался преодолеть последствия санкций Запада (последовавших после ядерных испытаний весной 1998 г.) и привлечь больше иностранных инвестиций, расширить экспорт. Бюджетный дефицит предполагалось снизить до 3–3,1% по сравнению с 4–4,3% в 1998–99 г. Новый бюджет был рассчитан на получение займов в 1,6 млрд. долл. и во многом соответствовал требованиям МВФ. Однако даже к моменту принятия бюджета Пакистану не удалось выполнить эти требования.

Как писал «Геральд» накануне военного переворота в августе 1999 г., «пакистанские элиты не осознают своей социальной ответственности и не могут ожидать от Запада продолжения подпитки их расточительного стиля жизни, пока они ничего не делают для своей страны. Недавно Пакистан присоединился к клубу ядерных держав. Также его высшие классы часто накапливают сказочные богатства. В то же время страна является большим получателем помощи на развитие. Может ли его богатство не быть использовано для борьбы с бедностью?».

Кто бы ни исследовал перспективы Пакистана в течение последнего десятилетия, каждый имеет неизменное представление о возобновляющейся политической напряженности в стране и внутренних вооруженных конфликтах, высоких темпах роста населения – более 3%, уровне неграмотности примерно в 80%. Вырисовывается картина полной бедности. Но те, кто путешествует по Пакистану, видят резко отличную картину.

Например, в Карачи, чье население составляет 12–14 млн. – это включает город в число 10 крупнейших мировых мегаполисов, уже построено бесчисленное количество высоких, в футуристическом стиле офисов и особняков. Около дюжины престижных клубов было открыто в последние годы. Дорогие парусные и моторные яхты, импортированные из Европы и США, заполнили их частные причалы... Аналогичные картины частного богатства можно видеть и в других крупных городах Пакистана: Хайдарабаде, Фейсалабаде, Лахоре или

Исламабаде. Очевидная бедность правительства и пакистанская массовая нищета крайне плохо соответствуют растущему частному богатству¹⁸.

Переворот 12 октября 1999 г., в результате которого к власти пришел генерал Первез Мушарраф, вновь поставил под большое сомнение вероятность реализации запланированных задач. В качестве экономических факторов необходимости смены власти широко использовался развал экономики, обнищание народа и коррупция. Так, газета «Ньюс» писала на следующий день после прихода к власти Мушаррафа: «В конце 90-х годов увеличился разрыв между богатыми и бедными. Доля наиболее бедных семей (20%) в общем доходе сократилась с 8% в конце 80-х до менее 7%; аналогично доля самых богатых семей (20%) увеличилась с 43,7% до примерно 45% за этот же период. Низкие темпы экономического роста за последние 5–6 лет и высокие темпы инфляции сократили покупательную способность простых людей – это привело к тому, что почти 1/3 населения живет ниже черты бедности. Существует опасность, что если увеличение налогов коснулось в первую очередь бюджетников и интеллигенции, то гос. расходы довольно быстро отразятся на реальных ценах. Социальная напряженность увеличивается с ростом абсолютного количества бедных, неграмотных и безработных, так как условия занятости и уровня зарплаты сокращаются вследствие стагнации экономики. Такие условия вряд ли могут способствовать политической и социальной стабильности, без которой постоянный рост будет оставаться далекой мечтой»¹⁹.

В основном пропаганда велась со стороны пакистанской прессы, но, видимо, подобная критика социальной политики государства, равно как и негативные социально-экономические прогнозы на перспективу были не совсем объективны. Следует в этой связи отметить, что в течение последних десятилетий в Пакистане не наблюдалось резкого расслоения общества (как это произошло в России после начала рыночных реформ).

Пакистанская официальная статистика свидетельствует, что в 1987–2003 гг. доля бедных в общем населении (Head-count) составляла 29–30%, причем этот показатель оставался стабильным и для городского, и для сельского населения (см. таблицу 2). Относительное повышение доли бедных произошло в аграрной сфере. Но уже после прихода к власти П.Мушаррафа, хотя здесь первопричиной стали не столько несовершенство политики, сколько неблагоприятные природно-климатические условия.

Таблица 2

**Уровень бедности в Пакистане,
1987–2003 (%%)**

| | 1 987– 1988 | 1 990– 1991 | 1 992– 1993 | 1 993– 1994 | 1 996– 1997 | 1 998– 1999 | 2 000– 2001 | 2 003 |
|--|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|-----------|
| Доля бедных в об- щем населе- нии | 2 9,2 | 2 6,1 | 2 6,8 | 2 8,7 | 2 9,8 | 3 0,6 | 3 2,1 | 3 1,8 |
| Город- ское населе- ние | 3 0,3 | 2 6,6 | 2 8,3 | 2 6,9 | 2 2,6 | 2 0,91 | 2 2,67 | 2 2,39 |
| Сельское население | 2 9,3 | 2 5,2 | 2 4,6 | 2 5,4 | 3 3,1 | 3 4,67 | 3 8,99 | 3 8,65 |

Источник: Economic Survey 2002–03. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, с. 49.

15 декабря 1999 г. была провозглашена Программа экономических реформ, которая, повторяя по своей сути экономические программы прежних лет, вновь была выполнена в рамках требований МВФ.

Так, все вопросы по поводу реструктуризации внешнего долга были решены еще правительством Н.Шарифа; новый режим осуществлял лишь контроль за формализацией соглашений с Парижским клубом. Военное правительство избрало путь популизма, заявив, что полученные от реструктуризации долга деньги будут использованы для борьбы с бедностью, однако государство не располагало никакими источниками для пересмотра финансовых возможностей. Деньги, ассигнованные в бюджете на обслуживание долга, оставались при своем предназначении лишь с тем отличием, что вместо возврата их кредиторам, они должны были находиться на консолидированном счете Госбанка Пакистана.

В программе 15 декабря 1999 г. были выдвинуты две конкретные меры для достижения экономического роста – развитие мелкой и средней промышленности, а также сельского хозяйства. Однако их практическое воплощение выглядело трудноосуществимым. Единственным инструментом для подъема мелкой промышленности могла бы стать прямая кредитная линия через банки и другие финансовые институты. Но такая интервенция противоречила бы реформам, рекомендованным МВФ и МБ банковской системе в течение 1994–1999 гг.

Главным аспектом политической части программы Мушаррафа является борьба с бедностью посредством расширения субсидий и государственных инвестиций в социальный сектор, а также введение широкой программы общественных работ. Однако оставалось неясным, за счет каких средств правительство намерено выполнить свои обещания и насколько эффективными окажутся предлагаемые ини-

циативы. Так, создание Банка для бедноты – это, в принципе, повторение Фонда борьбы с бедностью, созданного правительством Н.Шарифа при поддержке МБ. Распределение госземель между безземельными крестьянами также выглядит популистским лозунгом, позаимствованным у Шарифа. Показательно, что при этом в стороне остался вопрос о земельных реформах, на радикальное проведение которых рассчитывали некоторые пакистанцы (не столько безземельные крестьяне, сколько представители среднего класса, желающие вложить деньги в землю и современное предпринимательское хозяйство).

П.Мушарраф пообещал, что на программу общественных работ (создание дополнительных рабочих мест) из бюджета будет выделено 7 млрд. рупий – за счет сокращения расходов на оборону. Министр финансов, в свою очередь, заявил, что подобное сокращение оборонного бюджета «не повредит национальной безопасности»²⁰.

«Можно было бы приветствовать развернутую в предлагаемой программе реформ инициативу общественных работ и выделение на эти цели 7 млрд. рупий из бюджета на оборону. Но, с другой стороны, если это сокращение оборонного бюджета не повредит национальной безопасности – как было обещано министром финансов, – было ли военное руководство довольно таким резким сокращением поступлений от налогоплательщиков в прошлом? Подобные инсинуации могут продолжаться до тех пор, пока детали военного бюджета не станут достоянием широкой гласности. Что касается программы общественных работ, целью которой является создание дополнительных рабочих мест, то она окажется неэффективной при привлечении военных для строительства оросительной системы. Можно поэтому предположить, что общественные работы не имеют никакого отношения к борьбе с бедностью», – писала газета «Геральд» в январе 2000 г.²¹

Оставалось, однако, непонятным, как должна отнестись к данному сокращению непосредственно военная элита. Скорее всего, подобные заявления носили чисто пропагандистский характер. Они были призваны, с одной стороны, продемонстрировать МВФ начало сокращения военных расходов, а с другой, – рядовым пакистанцам их социальную поддержку со стороны нового правительства.

В этом отношении П.Мушарраф не внес радикальных изменений в социальную политику государства – скорее он пошел по пути прежних правительств, сменив лишь форму, но не содержание программы борьбы с бедностью. При этом некоторые механизмы он успешно позаимствовал у своих предшественников: например, широкое внедрение исламского налога в пользу бедных – *закят* началось еще при М.Зия-уль-Хаке, а программы общественных работ, нацеленные на борьбу с безработицей, проводились практически всеми правительствами (начиная от М.Айюб-хана и кончая Наваз Шарифом).

Тем не менее главной стратегией своей социальной политики, направленной на борьбу с бедностью, правительство Мушаррафа провозгласило программу увеличения доли бюджетных ассигнований – за счет сокращения прочих статей расходов и повышения налогообложения.

В июне 2000 г. министр финансов Шаукат Азиз заявил о том, что программа борьбы с бедностью объявляется приоритетным направлением экономической политики государства. Основными элементами программы назывались комплексная программа общественных работ, программа продовольственной помощи, распространение налоговой системы *закят*, создание системы мелких кредитных банков, улучшение социальной инфраструктуры. Сокращение бедности должно было улучшить распределение доходов среди населения²².

Как свидетельствовали данные официальной статистики, в целом бюджетные ассигнования на борьбу с бедностью по сравнению с 1999–2000 г. неуклонно возрастали в их абсолютном исчислении – со 114,358 млрд. рупий в 1999–2000 г. до 122,349 млрд. в 2000–01 и 133,495 млрд. рупий в 2001–02 г. (таблицы 2, 3). В то же время наблюдалось сокращение их удельного веса в ВВП с 4,2% в 1996–97 г. до 3,57 и 3,58% в 2000–01 и 2001–02 гг. По окончательным итогам 2002–03 г. эта цифра должна была приблизиться к 4%. Основная часть бюджетных ассигнований по-прежнему направлялась на развитие образования и здравоохранения.

Таблица 3

**Бюджетные ассигнования на борьбу с бедностью,
2000–2003**

| Сектора | 2000–01 | | 2001–02 | | 2002–03 (июль–март) | |
|-----------------------------|---------------|------|---------------|------|------------------------|------|
| | Млн. рупий | % | Млн. рупий | % | Млн. рупий | % |
| Дороги, мосты | 8332 | 6,8 | 6340 | 4,7 | 5043 | 5,1 |
| Водоснабжение и канализация | 4497 | 3,8 | 4644 | 3,5 | 1988 | 2,2 |
| Образование | 56536 | 46,2 | 66290 | 49,7 | 51280 | 52,1 |

| | | | | | | |
|----------------------------------|------------|-----------|------------|-----------|-----------|-----------|
| Здравоохранение | 1750 8 | 1 4,3 | 192 11 | 1 4,4 | 134 57 | 1 3,7 |
| Планирование демографии | 1588 | 1 ,3 | 133 1 | 1 ,0 | 179 8 | 1 ,8 |
| Социальная защита и др. | 1576 | 1 ,3 | 366 4 | 2 ,7 | 797 | 0 ,8 |
| Стихийные катастрофы | 912 | 0 ,7 | 189 | 0 ,1 | 293 | 0 ,3 |
| Ирригация | 8154 | 6 ,7 | 101 33 | 7 ,6 | 817 9 | 8 ,3 |
| Восстановление земель | 1380 | 1 ,2 | 183 8 | 1 ,4 | 109 7 | 1 ,1 |
| Сельское развитие | 1141 5 | 9 ,3 | 123 25 | 9 ,2 | 998 2 | 1 0,1 |
| Продовольственные субсидии | 9390 | 7 ,7 | 551 3 | 4 ,1 | 320 0 | 3 ,3 |
| Программа помощи продовольствием | 1061 | 0 ,8 | 201 7 | 1 ,5 | 125 6 | 1 ,3 |
| Итого | 1223 49 | 1 00,0 | 133 495 | 1 00,0 | 983 70 | 1 00,0 |
| %% в ВВП | | 3,57 | | 3,58 | | 3,98 |

Подсчитано по: Economic Survey 2002–03. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, с. 54.

Одновременно наблюдалось постепенное увеличение внебюджетных ассигнований с 3667 млн. рупий в 2000–01 г. до 7750 млн. рупий в 2001–02 г. – в основном за счет поступлений в фонд *закят* (см. таблицу 4). Однако по отношению к бюджетным ассигнованиям общая сумма этих поступлений в 2000–01 г. составила лишь 3% и 5,8% в 2001–02 г.

В 2000–01 г. через систему *закят* было распределено около 2 млрд. рупий, сумма, запланированная на 2002–03, по словам Мушаррафа (в его обращении к нации 5 апреля 2002 г.), должна была возрасти до 5 млрд. рупий. Посредством системы микробанков планировалось распределять кредиты до 30 тыс. рупий между наиболее бедными слоями населения²³.

Количество людей, получивших помощь от фонда *закят*, также постепенно возрастало наряду с увеличением средней суммы, выделяемой на одного нуждающегося, – с 2 тыс. рупий в 2000–01 г. до 3 тыс. в 2001–02 и более 4 тыс. рупий в 2002–03. Исходя из того, что курс пакистанской рупии оценивался Государственным банком Пакистана в рассматриваемый период в 62 рупии и 58,7 рупии к 1 долл. США, помощь «нуждающимся беднякам» возросла с 33 до соответственно 48,3 и 75 долларов.

Количество пакистанцев, получивших кредиты через систему микробанков, также увеличилось, однако средний размер кредита сократился с 12 тыс. рупий (193 долл.) до 8 тыс. (150 долл.) (подсчитано по данным табл. 4).

Общее количество пакистанцев, получивших помощь в рамках программы борьбы с бедностью, возросло с 2,6 млн. в 2000–01 г. до 4,3 млн. в 2001–02. Исходя из того, что за чертой бедности в Пакистане проживают 46 млн. человек, можно утверждать, что пока этой программой охвачено менее 10% нуждающихся. Если же исходить из средних размеров льготных кредитов и социальной помощи посредством *закята*, можно предположить, что пока данная программа распространяется не столько на самые низшие слои общества, сколько на мелких предпринимателей и зажиточное крестьянство.

Показательны в этом плане данные по распределению земель из государственного фонда в рамках все той же программы борьбы с бедностью (см. таблицу 4). В 2000–01 г. государство распределило среди 14419 «нуждающихся безземельных крестьян» 153197 акров (около 61 тыс. гектаров) земли, то есть в среднем каждый крестьянин получил 4 га. Аналогично, в 2001–02 г. эта цифра составила уже 6,8 га, однако в 2002–03 г. (по предварительным данным) она все же несколько опустилась – до 3,3 га. Для сравнения можно привести цифры пакистанской сельскохозяйственной переписи 1990 г.²⁴, согласно которой средний размер земли, приходящийся на одно хозяйство, составлял 1,23 га; в стране насчитывалось 4,1 млн. хозяйств (81% от

всего количества) размерами менее 3 га, включая 679 тыс. хозяйств (13%) размерами менее 0,5 га.²⁵

Таблица 4
Внебюджетные расходы на бедность (млн. рупий)

| Сектора | 2000–01 | 2001–02 | Июль–декабрь 2002–03 |
|--|-------------|-------------|----------------------|
| Закят | 1829 | 5169 | 2731 |
| Пенсионный фонд | 1261 | 1366 | 777 |
| Микрокредиты | 577 | 1215 | 1986 |
| Всего | 3667 | 7750 | 5494 |
| Распределенные земли (акры) | 15319 7 | 5380 3 | 2538 |
| Количество граждан, получивших социальную защиту | | | |
| Программа помощи по- довольствием | 11365 46 | 2200 916 | 1009330 |
| Закят | 93022 3 | 1700 189 | 617000 |
| Пенсионный фонд | 10038 4 | 1032 31 | 132000 |
| Микрокредиты | 48252 | 1487 28 | 225000 |
| Временная работа | 40091 6 | 2703 33 | 318089 |
| Получатели гос. земель | 14419 | 3144 | 310 |
| Общее количество | 26064 45 | 4365 657 | 1010932 |

Составлено по: Economic Survey 2002–03. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, с. 54.

Можно предположить, что в ближайшей перспективе основные направления (формы и методы) социальной политики государства по борьбе с бедностью не будут претерпевать существенных изменений. В принципе, об этом свидетельствуют и официальные данные по стратегии развития на 2002–2006 гг. (См. таблицы 5 и 6). Государство по-прежнему планирует поступательное расширение программы за счет увеличения государственных и внебюджетных ассигнований, равно как и за счет донорской подпитки со стороны международных организаций.

Таблица 5
Внебюджетные расходы на стратегию сокращения бедности в 2002–2006 гг. (млн. рупий)

| Расходы | Фактические расходы | Проектируемые расходы | | | |
|-------------------|---------------------|-----------------------|---------|---------|---------|
| | | 2001–2002 | 2002–03 | 2003–04 | 2004–05 |
| Закят | 5169 | 9545 | 9650 | 9258 | 5401 |
| Социальная защита | 1366 | 1489 | 1608 | 1753 | 1894 |
| Микрокредиты | 1588 | 3354 | 5823 | 9288 | 13858 |
| Всего | 8123 | 14389 | 17081 | 20299 | 21153 |

Источник: Economic Survey 2002–03. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, с. 55.

Таблица 6

Проектируемые бюджетные ассигнования на сокращение бедности

| Расходы | Фактические расходы | Планируемые расходы | | | |
|------------------------------------|---------------------|---------------------|-----------|-----------|-----------|
| | | 2001–2002 | 2002–2003 | 2003–2004 | 2004–2005 |
| Развитие | 36836 | 44537 | 53366 | 60621 | 68965 |
| Текущие | 96659 | 116957 | 134267 | 154407 | 177568 |
| Всего | 133495 | 161529 | 187633 | 215028 | 246533 |
| Рыночное и социальное обслуживание | | | | | |
| Дороги и мосты | 6340 | 7671 | 8807 | 10128 | 11647 |
| Водоснабжение и канализация | 4644 | 5619 | 6451 | 7419 | 8531 |

| Социальная защита населения | | | | | |
|------------------------------|--------|------------|------------|------------|------------|
| Образование | 66290 | 80 211 | 92 082 | 10 5894 | 12 1779 |
| Здравоохранение | 19211 | 23 245 | 26 686 | 30 688 | 35 292 |
| Планирование демографии | 1331 | 16 11 | 18 49 | 21 26 | 24 45 |
| Социальная защита | 3664 | 44 33 | 50 90 | 58 53 | 67 31 |
| Стихийные бедствия | 189 | 22 9 | 26 3 | 30 2 | 34 7 |
| Расходы на сельское развитие | | | | | |
| Ирригация | 10133 | 12 261 | 14 076 | 16 187 | 18 615 |
| Восстановление земель | 1838 | 22 24 | 25 53 | 29 36 | 33 77 |
| Сельское развитие | 5513 | 66 71 | 76 58 | 88 07 | 10 128 |
| Продовольственные субсидии | 5513 | 66 71 | 76 58 | 88 07 | 10 128 |
| Продовольственная помощь | 2017 | 24 41 | 50 00 | 50 00 | 50 00 |
| Всего | 133495 | 16 1529 | 18 7633 | 21 5028 | 24 6533 |
| Доля расходов в ВВП, %% | 3,58 | 3, 98 | 4, 23 | 4, 42 | 4, 62 |

Источник: Economic Survey 2002–03. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, с. 55.

В начале 2004 г. МБ дал официальное согласие выделить Пакистану в качестве донорской помощи 800 млн. долл. непосредственно на борьбу с бедностью, а в случае целенаправленного использования выделенных средств увеличить оказываемую помощь в 2004–05 г. до 1 млрд. долл. (В 2002–03 Пакистан уже получил от МБ 238 млн. долл. на борьбу с бедностью и 200 млн. долл. на дорожное строительство (так называемую программу по ремонту дорог). В целом пакистанскую программу по борьбе с бедностью, помимо МБ, выразили желание поддержать Япония, Германия, Франция, США, Великобритания, а также донорские организации типа ЮНДП, МОТ, ЮНИСЕФ и др.²⁶

По мнению Джеффри Сакса, директора Центра международного развития в Гарвардском университете, «многие страны явно не получают выгод от глобализации и все дальше и дальше отстают, оставаясь в условиях экстремальной бедности... Несмотря на обещания финансовой помощи доноров, и МВФ, и МБ, которые находятся под контролем богатых стран, сделали очень мало»²⁷. Поэтому, считает Сакс, человечеству нужна новая стратегия глобализации, которая гарантировала бы прибыль от расширения мирового рынка для большей части мира. «Богатые страны могут сделать гораздо больше, чтобы помочь бедным странам стать частью информационно-технологической революции. Они также должны поддержать ученых и университеты в бедных странах, которые способны найти технологические решения для самых глубоких преобразований в борьбе с инфекционными заболеваниями, низкой сельскохозяйственной производительностью и деградацией окружающей среды. Только 10 долл. в год на человека могли бы привести к увеличению иностранной поддержки на 10 миллиардов долларов, стать причиной глубоких перемен в качестве жизни и обеспечить выгоду от глобализации для беднейших народов мира»²⁸.

Вместе с тем существует и иная точка зрения, присущая не столько западным спонсорам, сколько определенным кругам пакистанской интеллигенции. Как писал пакистанский «Геральд» еще в августе 1999, «борьба с бедностью в мире не должна рассматриваться как задача западных доноров. От бесчисленных благотворительных доноров Запада, равно как и от западных налогоплательщиков нельзя утаить, что в странах-получателях, подобно Пакистану (он не является единственным в этой сфере), с одной стороны, правительство призывает к иностранным проектам и значительной помощи, а с другой стороны, огромное богатство концентрируется нелегальным путем в руках небольшого класса. Это в равной степени неприемлемо для иностранцев и с трудом понимается страдающими людьми, когда внешние финансовые средства, выделенные на борьбу с бедностью с

требованием, чтобы бедные делили эти средства, разворовываются, элита обогащается от крупных проектов»²⁹.

В целом за 2000–2003 гг. правительству Мушаррафа удалось достичь определенных успехов в деле реализации плана борьбы с бедностью. Так, в октябре 2003 г. газета «Доон» отметила, что к июню 2003 расходы на борьбу с бедностью составили 158 млрд. рупий (или 98% от запланированных 161 млрд.) – рост по сравнению с 2002 г. составил 18,3%. При этом федеральные расходы возросли на 34,2%, в Пенджабе – на 27,5%, в Белуджистане – на 66,3%. В то же время показатели по Синду и СЗПП сократились по сравнению с 2002 г. соответственно на 0,8% и 27,1%. По отношению к ВВП бюджетные и внебюджетные расходы на борьбу с бедностью оставались на уровне 4,32% (170 млрд. рупий) вместо 4,31% по плану, однако превысили показатель по 2002 г. (3,8% ВВП или 141 млрд. рупий). Доходы от сбора *закята* составили 20 млрд. рупий, что было ниже запланированного объема на 5 млрд. рупий³⁰.

В декабре 2003 был опубликован доклад Государственного банка Пакистана, где особо подчеркивалось, что за последние 15 лет уровень бедности увеличился в стране с 15% до 33% и что сократить его в ближайшие годы можно будет лишь при условии сохранения темпов роста ВВП не ниже 6% в течение 5 лет. Тот факт, что бедность расширила свое распространение в последние годы, объясняется, по мнению экспертов банка, целым комплексом экономических предпосылок. Во-первых, это относительно низкие темпы роста ВВП. Во-вторых, постоянный рост цен, который, хотя и ослабел в последние годы, все же снизил покупательную способность беднейших слоев. В-третьих, возросли различные косвенные налоги и сборы (например, налог с продаж), которые также отразились на бедноте. В-четвертых, сказались негативные последствия небывалой засухи, приведшей к большим потерям сельскохозяйственной продукции. И, наконец, в стране возросла численность официально зарегистрированных безработных – с 2,33 млн. в 1999 г. до 3,32 млн. человек в 2003 г. (или с 5,89 до 7,82% экономически активного населения)³¹.

Наконец, в январе 2004 был опубликован доклад «Социальное развитие в Южной Азии 2003: вызов занятости», подготовленный Центром Махбуб-уль-Хака. В Докладе прямо отмечалось, что проводимая под руководством и при поддержке МБ и МВФ программа борьбы с бедностью, призванная перестроить всю социально-экономическую структуру, привела к негативным результатам. Так, в докладе отмечается, что женская экономическая активность в Пакистане является самой низкой во всей Южной Азии – 15,4% по сравнению с 43,5% в Индии, 57,2% в Бангладеш и 85% в Непале. Уровень безработицы составляет в Пакистане 7,8% в 2000–01 по сравнению с 7,3% в Индии, 3,3% в Бангладеш, 1,1% в Непале. В Докладе особо отмечено, что на протяжении всей второй половины XX века в Паки-

стане наблюдался «*рост без развития*», ибо страна «систематически отставала» по таким социальным и политическим индикаторам, как образование, здравоохранение, рождаемость, гендерное равноправие, коррупция, политическая нестабильность и демократия³².

Итоги первых пяти лет правления генерала Первеза Мушаррафа дают основание полагать, что выбранный им путь социального развития страны (и прежде всего программа борьбы с бедностью) не является самым оптимальным, но отражает современную специфику пакистанского общества. Пока же борьба велась и ведется с последствиями, но не с причинами, порождающими бедность, нестабильность и конфликты.

В XXI веке облик Пакистана, равно как и всего мира (включая современную Россию) определяют такие факторы, как истощение невозобновимых природных ресурсов и деградация окружающей среды. При этом положение Пакистана существенно осложняется демографической проблемой – по общей численности населения он уже обогнал Россию. В целях устойчивого развития при таких обстоятельствах неизбежен вынужденный отказ от приоритета экономики над социальным развитием и экологией. Видимо, в перестройке нуждается система государственного управления экономикой Пакистана, но для этого нужно заинтересовать в подобных реформах все традиционные слои общества.

¹ Attacking Poverty. World Summit for Social Development. Copenhagen, 6–12 March 1995. The UN Department of Public Information, N.Y. 1994, с. 5.

² Всемирная встреча на высшем уровне в интересах социального развития: обзор. Доклад Генерального секретаря (A/CONF.166/PC/9). N.Y. 1993.

³ Голод в афро-азиатских странах: проблемы ждут решения. Обзор материалов международного симпозиума // Проблемы мира и социализма. – Прага, 1986, № 2, с. 45.

⁴ Коммерсантъ-Власть, 10.06.2003, с. 7.

⁵ Время новостей, 29.01.2004.

⁶ Этой проблеме было посвящено немало исследований отечественных и зарубежных авторов. См., например, работы В.Я.Белокрыцкого: Низшие слои в социальной структуре восточного города // Народы Азии и Африки, 1983, № 2; Структура нефабричного пролетариата Пакистана // Нефабричный пролетариат и социальная структура стран зарубежного Востока. – М., 1985; Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX – 80-е годы XX в.). См. также: Пакистанское общество. Экономическое развитие и социальная структура. – М., 1987; Панарин С.А. Страны Востока: проблема обнищания крестьянства и попытки ее решения. – М., 1985; Growth of Inequality in Pakistan. L., N.Y., 1972; Poverty and Landlessness in Rural Asia. Geneva, 1977; Sen A.K. Poverty, Inequality and Unem-

ployment: Some Conceptual Issues in Measurement. – Poverty and Income Distribution in India. Calcutta, 1974.

⁷ Attacking Poverty. World Summit for Social Development... с. 2; Независимая газета, 14.07.1999.

⁸ Независимая газета, 01.09.2000.

⁹ Там же.

¹⁰ Economic Survey 2002–2003. Government of Pakistan, Islamabad, 2003, с. 177.

¹¹ Подробнее о ходе реализации этих программ, а также о причинах их неудач см.: Жмуйда И.В. Исламские принципы в экономике Пакистана // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. – М., 1982; Тюрин В.И. Аграрные проблемы Пакистана. – Саратов, 1968; Шенин С.Ю. «Общинное развитие»: теория и практика (на примере Пакистана в 50–60-х гг. XX в). Дисс. канд. ист. наук. Саратовский гос. университет, 1990; Яковлев М. Аграрный Пакистан. – М., 1968.

¹² Dawn Economic and Business Review, May 6–12, 2002, с. V.

¹³ Dawn Economic and Business Review, May 6–12, 2002, с. V.

¹⁴ Economic Survey 2002–03, с. 53–54.

¹⁵ Подробнее см.: Жмуйда И.В. Региональные аспекты экономической политики в Пакистане. – М., 2001 (рукопись депонирована в ИНИОН), с. 32–42.

¹⁶ Report on Social Action Programme of Pakistan. Islamabad, 1997, с. 3.

¹⁷ Ibidem, с. 7.

¹⁸ The Herald, August 1999, vol. 30, № 8, с. 83–84.

¹⁹ The News, 13.10.1999.

²⁰ The Herald Special '99, January 2000, vol. 31, № 1, с. 53.

²¹ The Herald, January 2000, vol. 31, № 1, с. 54.

²² Pakistan Observer, 2000, June 16.

²³ President of Pakistan General Pervez Musharraf's Address to the Nation. Islamabad. April 5, 2002, с. 12.

²⁴ Последняя перепись была проведена в 2000 г., однако пока ее данные не были официально опубликованы.

²⁵ Подсчитано по: Pakistan Statistical Yearbook 2001. Government of Pakistan. Karachi, 2001, с. 115.

²⁶ Dawn, 13.01.2004.

²⁷ Независимая газета, 11.10.2000.

²⁸ Там же.

²⁹ The Herald, August 1999, vol. 30, № 8, с. 85.

³⁰ Dawn, 6.10.2003.

³¹ The News. 08.12.2003.

³² Dawn, 13.01.2004.

ЭКОНОМИКА ИРАКА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Иракская экономика с 80-х годов испытывала на себе значительное влияние различных факторов. На экономическое развитие страны оказали воздействие восьмилетняя ирано-иракская война 1980–1988 гг., иракско-кувейтский кризис 1990–1991 гг., а также последние военные действия американо-британской коалиции. Постоянная милитаризация страны требовала масштабных расходов. К тому же для иракской экономики было характерно чрезмерное вмешательство государства в хозяйственную жизнь, а введение экономических санкций ООН привело к экономической и политической изоляции страны. Из-за этого ВВП на душу населения упал с 3600 долл. в начале 80-х годов до 596 долл. в 2002 г. Только с 2001 по 2002 г. ВВП Ирака снизился с 19,1 млрд. долл. до 15,2 млрд.¹ Уровень безработицы достиг, по официальным данным, 17,5% (1997), инфляция составила в 2001 г. 29%. Дефицит государственного бюджета к началу 2003 г. достиг 8 млрд. долл. или 55% ВВП Ирака. По оценке экспертов ООН и Вашингтонского Центра стратегических исследований, внешний долг страны вырос до 127 млрд. долл., что составило почти 900% от его ВВП или 1000% от экспортных доходов, которые значительно снизились после введения экономических санкций ООН². Часть доходов от экспорта присваивалась правящим режимом, который в нарушение международных санкций занимался контрабандой нефти через соседние страны и свои морские порты. По некоторым данным, иракские власти ежегодно получали от этих операций 2–2,5 млрд. долл.³

Фактическое отсутствие реальной информации о состоянии отраслей экономики Ирака, кроме нефтяной, не позволяет представить полную картину. Из-за вмешательства государства в экономику и малоэффективного управления ее рентабельность и конкурентоспособность были низкими, это усугублялось и уменьшением выделяемых госпредприятиям бюджетных средств. Только за последние пять лет крах потерпели примерно 600 государственных компаний. Частный сектор не играл большой роли и был представлен мелкими фермерскими хозяйствами и семейными торговыми предприятиями. Засуха 1999–2000 гг. еще больше ухудшила положение в сельском хозяйстве, а импорт продовольствия в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» (резолюция СБ ООН № 986) привел к

снижению цен на местную сельхозпродукцию и сделал ее производство невыгодным.

Основу иракской экономики составляет нефтяная промышленность. Нефть является фактически единственным источником доходов страны. На нее приходилось $\frac{3}{4}$ ВВП в 2002 г. По доказанным запасам нефти (примерно 112 млрд. баррелей) Ирак стоит на втором месте в мире после Саудовской Аравии. Кроме того, по некоторым оценкам, в стране имеется еще 220 млрд. баррелей возможных запасов нефти⁴. Иракская нефть, добываемая на доступных для разработки нефтяных полях, характеризуется низкой себестоимостью добычи (от 1 до 1,5 долл. за баррель) и высоким качеством. В 2002 г. добыча нефти в Ираке снизилась до 2 млн. баррелей в сутки (в 2000 г. она составляла 2,5 млн.). Ежедневно внутри страны потреблялось около 0,5 млн. баррелей. По оценке Международного энергетического агентства, на Ирак до войны приходилось около 3% мирового нефтяного рынка⁵. Развитие других отраслей экономики находилось под влиянием многих факторов, связанных с международными санкциями, государственным вмешательством и падением инвестиций.

По мнению экспертов МВФ, у Ирака до 2003 г. существовало несколько бюджетов: инвестиционные и текущие расходы, расходы в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» и отдельный бюджет трех северных провинций. Дефицит официального бюджета Ирака покрывался в основном за счет выпуска казначейских векселей, покупаемых крупными государственными банками. Доходы страны в 2002 г. (кроме нефтяных) составляли 725 млн. долл., из них 169 млн. приходилось на прибыль госпредприятий, 171 млн. – доходы от услуг, 260 млн. составляли налоговые поступления⁶.

Денежно-кредитная политика страны была тесно связана в последние годы с налоговыми интересами. Безналичная система расчетов отличалась неэффективностью и практически отсутствовала, все финансовые сделки осуществлялись в основном наличными. Выпуск местной валюты фактически не контролировался Центральным банком, поэтому отсутствуют данные о количестве денежной массы в обращении в довоенный период. В обращении были два вида банкнот – иракский динар, выпускаемый ЦБ Ирака с 1990 г., и «швейцарский динар», выпущенный в 1979–89 гг. и находившийся в обращении в северных курдских провинциях.

После окончания военной операции временные коалиционные власти и новая гражданская администрация Ирака сконцентрировали свои усилия на восстановлении экономики страны. Из-за военных действий добыча нефти сократилась на 40%, производство электроэнергии – на 30%, более 50% госпредприятий было закрыто, часть из них разрушена. По мнению некоторых экспертов, восстановительный период продлится, как минимум, пять лет. Переориентацию командно-административной экономики Ирака на рыночную будет трудно

осуществить, если не удастся обеспечить эффективность ее управления и достичь политической стабильности внутри страны.

Основные усилия по восстановлению и развитию экономики страны в 2003 г. были направлены на возобновление хозяйственной деятельности, либерализацию цен, укрепление денежного обращения и ликвидности, восстановление добычи и экспорта нефти, а также деятельности ЦБ и финансовой системы, исполнения бюджета и пр. Примерно 1/3 госпредприятий снова стала функционировать и получать небольшие дотации из бюджета. Но основная часть средств на эти цели должна поступить с иракских счетов, ранее «замороженных» в США и других странах (они составляют примерно 1,7 млрд. долл.). В конце августа 2003 г. США разработали программу «Iraqi jump-start program», в которой предусмотрено восстановление нефтедобычи, распределение ключевых контрактов в телекоммуникационной сфере и предоставление займов мелкому бизнесу для укрепления роли частного сектора. В октябре 2003 г. был принят закон, разрешающий 100%-ное иностранное участие в иракских предприятиях во всех отраслях, кроме нефтяной. В нем предусмотрено, что иракцы должны составлять не менее 80% от числа работающих на этих предприятиях.

После окончания военных действий основная часть госслужащих приступила к работе, была также осуществлена реорганизация основных министерств. Чиновники и сотрудники силовых ведомств второго и более низких уровней были востребованы новой властью благодаря их знаниям и опыту. Временная администрация Ирака рассчитывает с их помощью создать эффективную систему управления страной. С мая 2003 г. начались регулярные выплаты заработной платы в министерствах и ведомствах и на государственных предприятиях. По имеющимся официальным данным, в Ираке насчитывается 1 млн. госслужащих, 496 тыс. работников госпредприятий и 996 тыс. пенсионеров. Расходы на первоначальные разовые выплаты составили примерно 40 млн. долл.⁷

С июня 2003 г. Центральный банк приступил к выпуску новых банкнот достоинством в 250 динар, а с июля этого же года было разрешено обменивать населению старые банкноты на доллары США, но не более чем по 2 тыс. долл. на человека. Программа по выпуску новой иракской валюты фактически завершилась в январе 2004 г. Планируется также пустить в свободное обращение в Ираке доллары США, евро, сирийские фунты и кувейтские динары. В октябре 2003 г. обменный курс иракского динара составил примерно 2100 за 1 долл. США. Международные валютные резервы ЦБ Ирака в июле 2003 г. составляли около 500 млн. долл. В настоящее время готовится новый закон, регулирующий деятельность ЦБ. Однако восстановление денежно-кредитной системы и обменного курса сдерживается отсутствием соответствующих финансовых инструментов, нормальной

банковской инфраструктуры, частично разрушенной во время военной операции, незначительными размерами международных валютных резервов Ирака.

Ранее около 90% всех банковских активов страны было сосредоточено в двух крупных государственных банках – «Рафидейн» и «Аль-Рашид». В основном они были размещены в казначейские векселя или кредиты, выданные госпредприятиям. В настоящее время эксперты МВФ оценивают общие активы банковской системы Ирака в 2 млрд. долл. Ряд иностранных банков предложил свое участие в реструктуризации банковской системы страны. Предполагается в ближайшем будущем разрешить иностранным банкам инвестировать средства в иракскую экономику и участвовать в банковском капитале. Эксперты МВФ предложили шести иностранным банкам в течение ближайших пяти лет участвовать в капитале иракских банков, включая «Рафидейн» и «Аль-Рашид», вплоть до выкупа ими 100% акций. Остальные иностранные банки будут иметь возможность выкупать до 50% акций местных банков. В дальнейшем планируется постепенно приватизировать банковский сектор, ввести минимальный размер банковского капитала в 25 млн. долл., внедрить новые банковские технологии и др.

Приоритетное внимание Временная коалиционная администрация и новые иракские власти будут уделять развитию нефтяной промышленности. Добыча нефти была восстановлена уже в июле 2003 г., так как ущерб от боевых действий для нефтяных промыслов удалось свести к минимуму. Она составила в конце августа 2003 г. 1,3 млн. баррелей в сутки, а в декабре должна была достигнуть 2,0 млн.⁸ По прогнозам Временной коалиционной администрации, экспорт иракской нефти в 2003 г. должен был составить 325 млн. баррелей (в 2002 г. эта цифра была 500 млн. баррелей), а доходы от экспорта – 9,3 млрд. долл.⁹ Эти нефтедоллары предполагалось направить на финансирование восстановительных работ в иракской экономике. Резолюция СБ ООН № 1483 от 22 мая 2003 г. предусматривала создание фонда развития Ирака для сбора доходов от нефти и завершения оставшихся контрактов в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие». Этот фонд находится под контролем Временной коалиционной администрации, МВФ, Всемирного банка и ООН.

В конце июня 2003 г. на рассмотрение Временной коалиционной администрации был представлен проект бюджета на вторую половину 2003 г. Его доходы состоят из поступлений от экспорта нефти в размере 2,5 млрд. долл., 0,3 млрд. – отчисления от прибыли госпредприятий и 2,7 млрд. – субсидии США. Расходная часть состоит из текущих расходов, включая импорт товаров в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» (9,3 млрд. долл.) и расходы на выплату зарплаты госслужащим и инвестиции – 4,5 млрд. долл.

Предполагаемый бюджетный дефицит в 2,3 млрд. долл. будет погашаться за счет контрактов в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» (0,8 млрд. долл.) и финансовых средств Ирака, находящихся за границей. По инициативе Временной администрации в июле 2003 г. был создан Торговый банк Ирака для финансирования импортных операций иракских компаний и предприятий и осуществления связи между ними и иностранными поставщиками товаров и услуг. Этот банк должен работать вместе с консорциумом иностранных банков и отвечать за эмиссию торговых аккредитивов.

На конференции стран-доноров в Мадриде, состоявшейся 23–24 октября 2003 г. в Мадриде, эксперты МВФ предложили амбициозную программу восстановления и развития иракской экономики на 2003–2004 гг. Она направлена на создание рыночной экономики, либерализацию цен, приватизацию и доступ иностранных инвестиций. Однако реализация этой программы сдерживается отсутствием стабильности в стране в целом, адекватной институциональной основы, нормально-го энерго- и водоснабжения, притока внешних финансовых ресурсов, так необходимых для восстановления экономики Ирака.

В начале сентября 2003 г. Временная коалиционная администрация и министерство финансов Ирака подготовили бюджет страны на 2004 г., в который были внесены некоторые изменения после его рассмотрения Управляющим советом и предложений стран-доноров на конференции в Мадриде. Впервые за много лет в этот документ были включены три северные провинции Ирака. Доходы от нефти планируются в размере 12 млрд. долл. с учетом восстановления нефтедобычи на уровне 2,7 млн. баррелей в сутки к концу 2004 г. Налоговые поступления должны составить только 0,8 млрд. долл., так как Временная коалиционная администрация считает, что введение низких налоговых ставок будет стимулировать экономический рост, предусмотренный предложенной МВФ программой макроэкономического развития страны на 2004 г. в пределах 7–12% в год.

Расходная часть бюджета на 2004 г. планируется в размере 21,322 млрд. долл., из них 8,75 млрд. пойдет на приобретение товаров и услуг, которое на 70% будет финансироваться за счет существующих контрактов в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие». На инвестиционные расходы придется лишь 1,4 млрд. долл., так как ожидается, что основная часть проектов по восстановлению иракской экономики будет финансироваться за счет стран-доноров.

Дефицит госбюджета на 2004 г. предусматривается в размере 8,5 млрд. долл. или 55% ВВП, он будет покрываться за счет контрактов программы «Нефть в обмен на продовольствие» (7,8 млрд. долл.) и части иракских активов, «замороженных» за границей (0,7 млрд. долл.)¹⁰.

По оценке экспертов Всемирного банка, ООН, иракских временных властей и администрации США для восстановления экономики Ирака хотя бы до уровня 2003 г. потребуется 9 млрд. долл. в 2004 г. и 26 млрд. долл. в 2005–2007 гг. Реализация этих планов во многом зависит от стабилизации внутренней обстановки в Ираке, способности нынешних институтов власти планировать и реализовывать эти проекты, а также от состояния инфраструктуры и электроснабжения. Пока Всемирный банк проанализировал и рассмотрел лишь 19 проектов на сумму в 5,2 млрд. долл.¹¹

В рамках погашения и обслуживания иракской задолженности в бюджете 2004 г. предусмотрена лишь выплата процентов по казначейским обязательствам (1,5 млрд. долл.) и военных репараций в рамках резолюции № 1483 СБ ООН (0,6 млрд. долл.). По соглашению с Парижским клубом погашение остальных долговых платежей приостановлено до конца 2004 г. Переговоры о реструктуризации иракских долгов продолжаются, этот процесс, как ожидается, будет сложным, длительным и спорным и, возможно, не будет завершён к концу 2004 г., как этого хочет Парижский клуб. Предполагается, что около 60% задолженности будет списано, так как долг только тормозит рост иракской экономики. Кредиторами Ирака являются 15 стран, к крупнейшим из них относятся Саудовская Аравия – 25 млрд. долл., Россия – 9 млрд. долл., Германия – 4,3 млрд., Франция – 1,8 млрд. На эти страны со стороны США и Великобритании, осуществляющих в настоящее время контроль в Ираке, но не являющихся его кредиторами, будет оказано давление с требованием списания долгов, Россия, Германия и Франция отказались войти в число доноров по восстановлению Ирака. К нему будут допущены в основном американские и английские компании, поэтому страны-кредиторы надеются найти компромисс с США и Великобританией и пойти по пути реструктуризации, а не списания задолженности.

Бюджет 2004 г. отражает пока еще ведущую роль государства в экономике Ирака. Так, на социальные нужды планируется направить 4,9 млрд. долл., а госпредприятиям – 1 млрд. долл. На субсидирование нефтяной промышленности должно пойти 33% планируемого на 2004 г. ВВП. По оценкам МВФ и ВБ, от поставок товаров по программе «Нефть в обмен на продовольствие» пока продолжает зависеть до 60% населения страны¹². Сложившаяся система обеспечения товарами первой необходимости сдерживает развитие частной инициативы, но резкая ее перестройка может привести к ухудшению положения в социальной сфере. Поэтому Управляющий совет Ирака и Временная коалиционная администрация предусматривают поэтапный переход от программы «Нефть в обмен на продовольствие» к системе оплаты товаров и услуг за наличный расчет. Первый этап перестройки распределительной системы начнется с ее постепенной приватизации.

Программа денежной политики Ирака из-за отсутствия данных о наличной денежной массе в обращении, нестабильного спроса на валюту, нехватки инструментов ее осуществления требует постоянного пересмотра и доработки с тем, чтобы избежать нежелательных отклонений от намеченного уровня инфляции. Пока речь идет о введении гибкого курса иракской валюты в условиях сильной зависимости иракской экономики от нефтяной отрасли, временного отсутствия адекватной налоговой системы и небольших валютных резервов. Поэтому ЦБ Ирака должен аккумулировать валютные резервы и осуществлять продажу иностранной валюты на торгах, чтобы направить часть нефтяных доходов на развитие частного сектора, тем самым поощряя нормальное денежное обращение. Для поддержания денежно-валютной стабильности и усиления резервного фонда ЦБ Ирака будет переведено 1,2 млрд. долл. из иракских активов, «замороженных» за границей.

Временная коалиционная администрация и переходные иракские власти уже приступили к разработке экономической стратегии развития страны до 2005 г. Она заключается в восстановлении экономического роста на базе рыночной политики, включая либерализацию цен, приток иностранных инвестиций, регулирование банковской системы, снижение дотаций госпредприятиям и налогов. В закон об иностранных инвестициях планируется внести статьи об усилении роли частного сектора и особенно иностранных инвесторов для оздоровления хозяйственной деятельности. Однако Управляющий совет Ирака, являющийся не вполне легитимным органом власти, вряд ли сможет в полной мере осуществлять контроль за проведением в жизнь новых законов, в том числе в экономической сфере, а реализация рыночных реформ будет сдерживаться рядом факторов. Во-первых, стратегия экономического развития страны в основном базируется на нефтяных доходах и притоке иностранной помощи, объемы которой могут оказаться гораздо меньше планируемых, в том числе из-за политической нестабильности и регулярных терактов. Во-вторых, нестабильность может привести к падению экономической активности и сдерживать участие стран-доноров в восстановлении страны, не говоря уже о частных инвесторах. В-третьих, непоследовательное осуществление реформ и недостаточно сильная государственная власть могут привести к макроэкономической нестабильности и социальным беспорядкам и затормозить долговременный экономический подъем. В-четвертых, отсутствие адекватной институциональной системы, поддерживающей функционирование рыночной экономики и банковской системы, сведет на нет проведение реформ. В-пятых, отсутствие достоверных данных по Ираку осложняет составление и осуществление среднесрочной экономической стратегии.

В связи с этим эксперты МВФ предлагают обратить внимание на введение новой системы налогообложения, в том числе повышения

ряда налогов, включая налог на импорт от 5 до 10%, учитывая масштабы восстановительных работ. Они также считают необходимым исключить в будущем систему дотаций госпредприятий. Но с учетом трудностей восстановления и развития инфраструктуры и высокого уровня безработицы (до 70% по некоторым данным) этот процесс, по мнению МВФ, займет определенный период времени, и в 2004 г. большинство госпредприятий вряд ли будет закрыто. Одним из предложений фонда является также поэтапное снижение субсидирования внутренних цен на нефтепродукты, чтобы избежать социальной напряженности.

На конференции стран-доноров в Мадриде было обещано собрать на восстановление иракской экономики 32 млрд. долл., из них 22 млрд. – это безвозмездная помощь. По оценке некоторых экспертов, всего Ираку потребуется до конца 2007 г. 56 млрд. долл. США обещали выделить 18,6 млрд. долл., Япония – 1,5 млрд. Всемирный банк, отвечающий за программу реконструкции Ирака, заявил о создании траст-фонда, в котором будут аккумулироваться деньги стран-доноров. В рамках этой программы уже рассмотрено 700 проектов на общую сумму 7 млрд. долл.¹³ На конференции также был создан новый, независимый от Временной коалиционной администрации фонд восстановления Ирака с общей суммой контрактов на 13 млрд. долл.

Отмена санкций ООН открыла путь к возвращению в Ирак иностранных компаний. Большинство контрактов, подписанных иностранными компаниями с иракским правительством в 90-е годы (на сумму в 57 млрд. долл.), в основном в области энергетики, может быть аннулировано, в том числе контракты с российскими фирмами. Поэтому страны-кредиторы Ирака в определенной степени заинтересованы договориться о размене иракской задолженности на участие своих компаний в восстановлении иракской экономики или же на возобновление подписанных ранее контрактов.

В настоящее время администрация США работает над созданием механизма финансирования восстановительных работ в Ираке. Схема, предложенная Вашингтоном, напоминает использованную в 90-е годы в России, когда у нее был ограниченный доступ на мировой рынок капиталов. В качестве обеспечения полученных иностранных кредитов выступали доходы от продажи нефти и газа, находившиеся на валютных счетах.

В начале 2004 г. Бюро по управлению программами Ирака объявило о приеме предложений по 17 контрактам на сумму 5 млрд. долл. по восстановлению иракской экономики. Наиболее крупных контрактов в Ираке добились пока американские компании Bechtel и Halliburton (ее возглавлял в 1995–2000 гг. нынешний вице-президент США Р.Чейни), а также KBR, дочерняя структура последней, их общая стоимость уже превысила 7 млрд. долл.¹⁴ Эти контракты напря-

мую связаны с восстановлением нефтеперегонных заводов и энергетической системы Ирака.

На состоявшейся в Абу-Даби в конце февраля встрече стран – доноров Ирака было принято решение о внесении 1 млрд. долл. в два траст-фонда для их последующего инвестирования в экономику Ирака в 2004 г. Однако временные иракские власти жалуются, что из общей суммы в 32 млрд. долл., обещанной на конференции в Мадриде, пока ни один доллар не был инвестирован в иракскую экономику. Это сильно тормозит осуществление программы реконструкции и восстановления страны, усиливает и без того сложную политическую и социальную обстановку в Ираке.

¹ International Monetary Fund. Iraq: Macroeconomic Assessment. October 21, 2003.

² Business Week, 14.04.2003.

³ БИКИ, № 60, 31.05.2003.

⁴ International Monetary Fund. Iraq: Macroeconomic Assessment. October 21, 2003.

⁵ Ibid.

⁶ БИКИ, № 60, 31.05.2003.

⁷ ОПЕК Bulletin сентябрь/октябрь 2003.

⁸ International Monetary Fund. Iraq: Macroeconomic Assessment. October 21, 2003.

⁹ Ibid.

¹⁰ Le Monde, 05.10.2003, Financial Times, 25–26.10.2003.

¹¹ International Monetary Fund. Iraq: Macroeconomic Assessment. October 21, 2003.

¹² Le Monde, 28.02. – 01.03.2004.

¹³ Financial Times, 01.03.2004.

¹⁴ Эксперт, № 2, 19–25.01.2004.

**О НОВОМ РУКОВОДИТЕЛЕ
ЕГИПЕТСКИХ «БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН»**

14 января 2004 года в Каире прошла «инаугурация» нового руководителя египетских «Братьев-мусульман». После смерти престарелого Мамуна аль-Ходейби, пробывшего на посту «верховного наставника» организации немногим более года, «Братство» возглавил 76-летний Мухаммед Махди Акеф.

Избрание нового руководителя «Братьев-мусульман» вызвало широкий отклик в египетских и арабских СМИ. Многие обозреватели и наблюдатели усмотрели в нем залог едва ли не неизбежной радикализации старейшего в арабском мире исламистского движения – радикализации, которая еще больше осложнит и без того конфликтные отношения между «Братством» и египетскими властями. Такой прогноз аналитики делали, исходя из биографии Мухаммеда Махди Акефа.

Седьмой по счету «верховный наставник» является в прямом смысле современником «Братства». Он родился в деревне Кафр-Авад-эс-Сенейта провинции Дакахлия (Нижний Египет) 12 июля 1928 г. – через четыре месяца после создания Ассоциации «Братья-мусульмане».

Окончив начальную школу в городке Эль-Мансура, он получил среднее образование в школе имени короля Фуада I в Каире. С «Братьями-мусульманами» он познакомился, когда ему было всего 12 лет. Подросток увлекался спортом, а руководство Ассоциации всячески поощряло это увлечение у подрастающего поколения, готовя его к борьбе с «врагами ислама». Вступление в Ассоциацию, которая в 40-е годы переживала период бурного развития, сразу же внесло коррективы в жизненные планы юноши. Так, по окончании средней школы он собирался учиться на инженера, однако по воле (или по совету) основателя Ассоциации Хасана аль-Банна он поступил в Высший институт физкультуры, где у «Братства» не было своих людей. Но главное, в тот же период Мухаммед вступает в «особый аппарат» (*аль-джихаз аль-хасс*) – «элитную» структуру, созданную по инициативе аль-Банна в начале 40-х годов и предназначенную для проведения «силовых» (по сути – террористических) акций против врагов

«Братства». Мухаммед становится верным учеником Абд ар-Рахмана ас-Санади, основателя «особого аппарата»¹. Впрочем, согласно официальной биографии нынешнего лидера «Братства», среди его учителей были улемы и шейхи Ассоциации во главе с самим аль-Банной, а самым любимым своим наставником он считал шейха Мухибб ад-Дина аль-Хатыба².

В 1950 г. Акеф окончил институт физкультуры, а через год поступил в Каире на юридический факультет университета Ибрахима-паши (ныне – университет Айн-Шамс). В 1951–1952 гг., в период партизанской войны против англичан в зоне Суэцкого канала, он руководил университетскими лагерями, а после антимонархической революции 1952 г. передал эту функцию Камаль ад-Дину Хусейну, в то время – командующему Национальной гвардией.

До 1954 года Акеф занимал еще один пост в «Братстве»: в штаб-квартире Ассоциации он возглавлял студенческую секцию, а также секцию спортивного воспитания молодежи.

1 августа 1954 г., в ходе начатой режимом Гамалая Абдель Насера кампании репрессий против «Братьев-мусульман», Акеф был арестован. Его обвинили в похищении Абдель Монейма Абд ар-Рауфа – генерала египетской армии, руководившего ссылкой короля Фарука (по другим сведениям – в организации покушения на Насера), и приговорили к смертной казни, однако потом приговор был смягчен: Акеф «отделался» пожизненной каторгой.

На свободу он вышел лишь в 1974 г., хотя многие активисты «Братьев-мусульман», репрессированные в годы правления президента Насера, вернулись из мест заключения еще в 1971–1972 гг. по указам нового главы страны – Анвара Садата, который небезуспешно использовал исламистов в качестве противовеса египетским левым и насеристам.

Два года Акеф проработал генеральным директором Управления по делам молодежи (ведомстве при министерстве реконструкции и развития). Однако вскоре после состоявшегося в 1977 г. визита Анвара Садата в Иерусалим, открывшего эру «нормализации» египетско-израильских отношений, но резко испортившего отношения между режимом и исламистами, Акеф уехал в Саудовскую Аравию, куда еще в 60-е годы эмигрировали многие «братья-мусульмане» из Египта и других арабских стран, в которых они подвергались гонениям. В Эр-Рияде Акеф занял должность советника в организации «Всемирная ассамблея мусульманской молодежи» (основанной в 1972 г.), в которой отвечал за организацию исламских летних лагерей и проведение молодежных конференций. Такие лагеря были им организованы во многих странах мира: Саудовской Аравии, Иордании, Малайзии, Бангладеш, Турции, Австралии, Мали, Кении, Северном Кипре, Германии и США.

Из Саудовской Аравии Акеф ненадолго вернулся в Египет, но в сентябре 1981 г., за несколько дней до массовых арестов «Братьев-мусульман» в Египте, вместе с Мустафой Машхуром (в то время – «верховным наставником» «Братства») выехал в Германию. Он основал и возглавил Исламский центр в Мюнхене, который наряду с аналогичными центрами, уже действовавшими к тому времени в Женеве и Лондоне, стал одной из главных структур сети, созданной «Братьями-мусульманами» в Западной Европе. В европейских странах, как и в США, благодаря демократическому законодательству и свободе слова «Братья» имели широкую возможность не только проводить работу среди местных мусульманских общин, но и вести борьбу против правящих режимов.

Именно в Мюнхене Акеф вместе с пятым «верховным наставником» Мустафой Машхуром в сентябре 1981 г. основал структуру, известную под названием Всемирной организации братьев-мусульман (*ат-танзым аль-алями лиль-ихван аль-муслимин*)³. Акеф принял активное участие в разработке устава этой организации, о создании которой было официально объявлено в мае 1982 года⁴. Учреждение Всемирной организации дало ему возможность еще больше укрепить связи с исламистскими движениями и группировками в различных странах мира и сыграть заметную роль в ряде международных кампаний «Братьев-мусульман», в первую очередь – в кампании по оказанию поддержки афганскому «джихаду»⁵.

Вернувшись в Египет, Акеф в 1987 г. был избран членом Руководящего бюро «Братьев-мусульман». В том же году он стал одним из 37 депутатов от «Братьев-мусульман» в Народном собрании (парламенте) Египта.

С тех пор, как в 1984 г. египетские «Братья-мусульмане» впервые в истории получили возможность вступить на арену парламентской деятельности, статус официально запрещенной организации, свобода действий которой целиком определялась внутривнутриполитическими соображениями правящего режима, стал для них серьезной проблемой⁶. Все попытки лидеров «Братства» добиться его легализации наталкивались на неизменный отказ властей. С другой стороны, идея создания легальной политической партии под другим названием (как это сделали, например, «братья-мусульмане» в Иордании или турецкие исламисты – последователи Неджметтина Эрбакана) разделялась в руководстве египетских «Братьев» не всеми. С 80-х годов Акеф был горячим сторонником именно этой идеи. Его план состоял в следующем: некая группа «Братьев-мусульман» официально объявляет о разрыве с организацией и создает собственную партию, в которую привлекает некоторых представителей христианской (коптской) общины. Добившись легального статуса, члены партии возвращаются в ряды организации, или, наоборот, «Братья-мусульмане» присоединяются к ней и таким образом приобретают

собственную партию. Акеф излагал эту идею и Омару ат-Тилимсани, третьему «верховному наставнику» (1974–1986), и его преемнику Мухаммеду Хамеду Абу ан-Насру (1986–1996), но оба лидера отвергли ее. Хотя Мустафа Машхур одобрил этот «маневр», осуществить его не удалось⁷.

В 1996 г. в условиях резко обострившихся отношений между правительством Хосни Мубарака и «Братьями-мусульманами» Акеф был арестован. Военный суд приговорил его к трем годам тюремного заключения по обвинению в причастности к созданию Всемирной организации братьев-мусульман. В 1999 г. он вышел на свободу, чтобы спустя пять лет, «неожиданно для него самого», как утверждает сам Акеф, возглавить «Братство».

В отличие от своего предшественника Мамуна аль-Ходейби, избранного «верховным наставником» лишь через две недели после похорон прежнего лидера «Братства» – Мустафы Машхура, избрание Акефа прошло легко, без проволок⁸. Объяснялось это главным образом поддержкой его кандидатуры со стороны зарубежных «Братьев-мусульман» (известно, что Мамун аль-Ходейби этой поддержкой не пользовался). Очевидно, что данный факт можно рассматривать как предпосылку усиления на ближайшие годы влияния «Всемирной организации» на египетских «Братьев-мусульман». Следует отметить, что согласно уставу «Братства», его может возглавлять не только представитель Египта и даже не обязательно араб: практика избрания «верховным наставником» исключительно египтян является традицией, а также данью признания «исторической роли» египтян в становлении и развитии организации. Нельзя считать случайностью и тот факт, что одним из своих заместителей (представляющим «верховного наставника» за пределами Египта) Акеф назначил проживающего в Лондоне сирийца Хасана Ховеиди⁹. Примечательно и то, что Акеф открыто признал сам факт существования Всемирной организации братьев-мусульман (и даже заявил, что он гордится вынесенным ему в 1996 г. приговором за причастность к ее созданию), в то время как Мамун аль-Ходейби вообще отрицал, что такая организация существует.

Избрание Мухаммеда Махди Акефа «верховным наставником» породило в арабских СМИ новую волну спекуляций на тему конфликта между «старой гвардией» (ветеранами движения, находящимися сегодня в возрасте 80 и более лет) и пятидесятилетними активистами, которые вступили на арену исламистской деятельности в египетских университетах в 70-е годы. На протяжении минувшего десятилетия на эту тему писали многие арабские и западные исследователи. Именно с этим «конфликтом поколений» связывали, в частности, упомянутую выше попытку создания партии «Васат» на более либеральной идеологической платформе (открытость партии для вступления в ее ряды коптов и женщин, провозглашение курса на защиту де-

мократических прав и свобод и т.д.). Трудно судить, имеет ли такой конфликт место в действительности. Все без исключения лидеры «Братства», в том числе и Акеф, всегда опровергали подобные утверждения (признавая лишь возможность «споров» по тем или иным вопросам). Следует учесть и то, что организация вообще не склонна посвящать посторонних в свои внутренние дела; не способствует открытости и то, что «Братству» приходится действовать в полуполюгальных условиях, подвергаясь постоянному давлению со стороны властей. Но даже если этот конфликт существует, хотя бы в латентной форме, есть все основания полагать, что с приходом Акефа на пост руководителя «Братства» он утратит остроту.

«Говорить о том, что избрание Махди Акефа предотвратит взрыв внутри организации... было бы преувеличением. Однако оно, по крайней мере, устранил «застой крови» в организации и позволит снять ряд проблем, являющихся для нее взрывоопасными источниками напряженности», – пишет в одной из своих статей Хусам Тамам, египетский специалист по исламистским движениям.

Как отмечает Х.Тамам, новый руководитель «Братства» занимает срединное положение между двумя поколениями в Руководящем бюро: так называемой «старой гвардией» и «срединным поколением»¹⁰. Но дело не только в возрасте как таковом. Будучи моложе своего предшественника, Акеф вступил в «Братство» на десять лет раньше его, а принадлежность в прошлом к «особому аппарату», участие в партизанской войне против англичан в зоне Суэцкого канала и, наконец, причастность к созданию Всемирной организации братьев-мусульман придает ему дополнительный авторитет. Таким авторитетом не мог пользоваться Мамун аль-Ходейби, который вышел на арену в качестве одного из руководителей «Братства» лишь в 80-е годы.

Оценивая политические взгляды Акефа, некоторые аналитики причисляют его к «ястребам», якобы всегда выступавшим против примирения «Братьев-мусульман» с режимом Мубарака, который с середины 90-х годов регулярно обрушивал на «Братство» суровые репрессии (только за период с 1995 по 2000 год в стране состоялось пять крупных процессов над его активистами). Упрекают его и в неприязненном отношении к христианам-коптам¹¹. Но по мнению большинства экспертов, Акеф принадлежит как раз к числу наименее консервативных представителей «старой гвардии», занимающей ключевые позиции в Руководящем бюро¹². О его гибкости и даже «реформаторской» ориентации наглядно свидетельствует упоминавшийся выше эпизод с его участием в создании партии «Васат».

Судя по первым заявлениям Акефа, сделанным им после избрания на пост «верховного наставника», он отнюдь не является сторонником конфронтации «Братства» с властями. Практически во всех своих интервью он подчеркивает, что организация не считает себя

находящейся в состоянии конфликта с режимом и предлагает правительству «диалог».

Заявления Акефа по палестинской проблеме, по Ираку и по другим вопросам, касающимся современного «положения мусульманской уммы», носят резко антиизраильский и антиамериканский характер, но в целом они не выходят за рамки традиционных для «Братьев-мусульман» позиций. В палестинском вопросе – это полная солидарность с движением «ХАМАС», отрицание права Израиля на существование и критика политики Палестинской национальной администрации, признающей идею переговоров с израильским руководством. Так, в письме лидеру ливанского шиитского движения «Хизбаллах» по случаю состоявшегося между ним и Израилем в конце января 2004 г. обмена пленными Акеф подчеркнул, что только «переговоры с позиции силы могут приводить к успеху, так как «единственным языком, который понимает сионистский враг, является язык силы и отпора»¹³.

В иракском вопросе «Братья-мусульмане» по-прежнему выступают за избавление Ирака от американского присутствия и исходят из признания за иракцами права на использование «любых средств в борьбе с оккупантами».

«Братство» продолжает считать правительство США «главным сатаной», злейшим врагом арабов и мусульман и союзником всех «тиранических режимов» в мусульманском мире, к каковым «Братья» относят и свергнутый режим Саддама Хусейна. В этой связи уместно привести высказывание, сделанное Акефом еще до избрания на пост «верховного наставника». В середине декабря 2003 г. Акеф в интервью интернет-изданию «Ислам онлайн» подверг критике арабские спутниковые каналы, сосредоточившие все внимание на теме поимки Саддама Хусейна. «Подавать ситуацию таким образом, – сказал он, – значит отвлекать людей от сути происходящей борьбы, а она состоит в угнетении и тирании, которым подвергаются арабские и мусульманские страны, что яснее всего видно на примере палестинского и иракского народов, терпящих бедствия от рук американцев и сионистов». Саддама Хусейна Акеф назвал «лишь одним из преступных тиранов, каких сегодня много». Эти тираны, добавил он, «по-прежнему правят арабскими и мусульманскими странами, убивая людей и лишая их крова при помощи сил мирового империализма, которые говорят о поддержке демократии и нравственных ценностей, но сами далеки от этих ценностей как никто»¹⁴.

Что касается позиции нового руководителя «Братьев» мусульман в отношении режима Хосни Мубарака и вообще участия организации в политической жизни Египта, то она в целом сохраняет преемственность по отношению к прежнему курсу Ассоциации. Однако есть основания полагать, что при Акефе попытки «Братьев» утвердиться на египетской политической арене в качестве «конструктивной оппозиции», отражающей чаяния подавляющего большинства народа и

пользующейся его поддержкой, примут более активный и целенаправленный характер.

По-прежнему самой актуальной для «Братства» задачей является прекращение полицейских и судебных репрессий в отношении его активистов. Уже очевидно, что с избранием Акефа борьба за создание египетскими «Братьями-мусульманами» собственной легальной политической партии будет одним из главных направлений их деятельности. И хотя об этой цели говорили и прежние лидеры египетских «Братьев», новый руководитель явно намерен бороться за нее более активно, чем его предшественники. В конце января 2004 г. Акеф в интервью кувейтской газете «Ар-Рай аль-Амм» высказал надежду на то, что египетские власти дадут организации «зеленый свет» на создание собственной партии. Правда, при этом он отказался уточнить, будет ли она существовать наряду с «Братством» или само оно преобразуется из «общества» (*джамма*) в политическую партию (*хизб*), заявив, что решение этого вопроса является сугубо внутренним делом «Братства»¹⁵. Несколько более подробно на эту тему высказался член Руководящего бюро «Братства» Абдель Монеим Абуль Футух. «Мы заявили, что хотим быть партией, потому что они говорят, что мы запрещены, и об этом же говорит закон. Но конституция этого не говорит. Действующая египетская конституция даже без внесения в нее каких-то поправок предоставляет нам право провозгласить себя партией под названием «Партии братьев-мусульман», так как она не запрещает создания религиозной партии. Но мы не хотим становиться религиозной партией, созданной по религиозно-общинному признаку», – сказал Абдель Футух, отметив, что еще Мамун аль-Ходейби не возражал против вступления в будущую партию христиан-коптов, если они будут признавать ее программу. «Более того, – добавил Абдель Футух, – мы вообще хотим быть не религиозной, а гражданской (*мадани*) партией, опирающейся на авторитет религии»¹⁶.

О несомненной активизации «Братьев-мусульман» на внутриегипетской политической сцене свидетельствует выдвижение ими в начале марта 2004 г. инициативы по проведению в Египте «всеобъемлющей реформы». Выступив на устроенной специально по этому поводу пресс-конференции, заместитель «верховного наставника» Мухаммед Хабиб отметил, что «Братья-мусульмане» выступили с этой инициативой исходя из веры в то, что лишь возвращение к исламу является «подлинным выходом из всех наших неурядиц – внутренних и внешних, политических и экономических, социальных и культурных».

Программа реформ, предложенная «Братством», охватывает все сферы египетской жизни – политическую, социальную, воспитательную, судебную, культурную и пр. Важнейшим ее элементом провозглашается политическая реформа. Призывая к ней, «Братья» подчер-

квивают свою приверженность «демократическому конституционному парламентскому республиканскому строю в рамках принципов ислама». И вообще этот раздел выдержан в сугубо «демократическом духе» и не содержит даже намека на переход страны к «теократическому» режиму. Так, «Братство» провозглашает, что «источником власти во всех ее формах является народ»; уважает принцип сменности путем «свободного всеобщего голосования»; признает «свободу каждого на личные убеждения» и «свободу отправления религиозных обрядов для последователей всех признанных богооткровенных религий»; утверждает незыблемость политических и гражданских свобод и т.д.

В числе политических преобразований, предлагаемых «Братьями-мусульманами», содержится и ряд положений, прямо направленных против существующих порядков. Это и отстранение армии от участия в политике («министр обороны должен быть гражданским лицом, как и остальные министры»), и жесткое ограничение президентских полномочий двумя мандатами, и пересмотр ряда «одиозных» законов (в том числе о печати и о профсоюзах), и освобождение политзаключенных, и прекращение практики пыток в египетских тюрьмах¹⁷.

Появление мартовской «инициативы» стало серьезной заявкой «Братьев» на занятие своей ниши в египетской политической жизни в качестве одного из отрядов «демократической оппозиции». Время покажет, как будут складываться отношения властей с «Братством» при его новом руководстве. Однако можно предположить, что безоблачными они по-прежнему не будут. Более того, чем «умереннее» и «современнее» будет выглядеть политическая платформа «Братьев-мусульман», чем успешнее они будут «выбивать аргументы» у истеблишмента, обвиняющего их в экстремизме и поддержке терроризма, тем большую опасность для режима они будут представлять. Вероятнее всего, боязнь повторения «алжирского сценария», при котором исламистам в 1991 г. едва не удалось прийти к власти на парламентских выборах, будет заставляя режим находить поводы для новых репрессий против «Братьев-мусульман».

¹ Аш-Шарк аль-Аусат. 20.01.2004.

² <http://www.ikhwanonline.com/Article.asp?ID=4097&LevelID=1&SectionID=491>

³ Le Monde. 23.01.2004, с. 3.

http://www.diwanalarab.com/article.php?id_article=573

⁴ «Братство» уже в первое десятилетие своего существования превратилось в международное движение (в 30–40-е годы его отделения открылись в Палестине, Трансиордании, Сирии, Судане и Йемене). Однако после разгрома «Братьев-мусульман» в Египте в 1954 г. эти местные филиалы фактически превратились в «национальные» организации, не имевшие единого центра. Попытки наладить более тесную координацию между органи-

зациями «Братьев-мусульман» предпринимались с 60-х годов (в частности, основателем Исламского центра в Женеве Саидом Рамаданом). Однако официально создать такую координирующую структуру, впрочем, так и не преодолевшую автономности действий «национальных» организаций и разногласий между ними, удалось лишь в 1981–1982 гг.

⁵ Al-Jazeera.net. 21.01.2004.

(http://www.aljazeera.net/point_views/2004/1/1-21-1.htm).

⁶ Не имея возможности участвовать в выборах под собственной «вывеской», в 1984 г. «Братья-мусульмане» были вынуждены блокироваться с партией «Новый Вафд», что позволило им провести в Народное собрание 8 своих кандидатов. На выборах 1987 г. они объединились в блок («Исламский альянс») с Либерально-социалистической партией (ЛСП) и Социалистической партией труда (СПТ). Блок получил 60 депутатских мест, из которых 37 досталось кандидатам от «Братьев-мусульман».

⁷ Об этом свидетельствует история с созданием – при закулисной участии Акефа – партии «Васат» (араб.: «центр», «середина»). Формальный лидер этой партии – Абу Аля Мады дважды (в 1995 и 1996 гг.) пытался добиться ее регистрации, однако оба раза получил отказ от Комитета по партиям. Члены партии были исключены из рядов «Братьев-мусульман» и в дальнейшем не смогли вернуться в состав организации, что повлекло за собой массовый уход последователей «Васат» из рядов «Братства». Остается до сих пор неясным, имел ли тогда место действительный раскол в рядах «Братьев-мусульман», вызванный конфликтом между поколением «сорокалетних» (образовавших костяк сторонников «Васат»), о чем писали многие арабские и иностранные наблюдатели, или речь шла о продолжавшемся маневре с созданием «лжепартии», которая должна была вернуться в состав «Братства» после своей легализации.

⁸ Возможно, Мухаммед Махди Акеф не был единственным кандидатом на этот пост. В частности, в прессе появилась информация, что пост «верховного наставника» предлагался Юсефу аль-Карадави – известному во всем мусульманском мире богослову и идеологу исламизма, египтянину, уже давно живущему в Катаре. Впрочем, сам аль-Карадави, который в молодости был членом «Братства», но потом отошел от него (хотя и сохранил с ним тесные связи), заявил, что с таким предложением к нему никто не обращался. В интервью телеканалу «Аль-Джазира» он сказал, что давно уже принял решение не связывать себя ни с одной из исламистских организаций, и отметил, что после смерти в 1973 г. второго «верховного наставника» Хасана аль-Ходейби он дважды отказывался от предложения возглавить организацию «Братья-мусульмане». См.: Al-Jazeera.net. 01.01.2004

(<http://www.aljazeera.net/news/arabic/2004/1/1-12-6.htm>).

⁹ Двумя «основными» заместителями назначены египтяне Мухаммед Хабиб и Мухаммед Хайрат аш-Шатер.

¹⁰ Al-Jazeera.net. 21.01.2004.

(http://www.aljazeera.net/point_views/2004/1/1-21-1.htm).

¹¹ http://www.menewslines.com/stories/2004/january/01_16_2.html.

¹² Buccianti A. Les Freres musulmans egyptiens rajeunissent leur direction // Le Monde. 23.01.2004, с. 3.

¹³ <http://www.elbehira.com/wmview.php?ArtID=524>.

¹⁴ <http://www.elbehira.com/wmview.php?ArtID=459>.

¹⁵ Ар-Рай аль-Амм. 27.01.2004.

(<http://www.alraialaam.com/27-01-2004/ie5/international.htm>).

¹⁶ Al-Jazeera.net. 20.01.2004.

(<http://www.aljazeera.net/news/arabic/2004/1/1-20-11.htm>).

¹⁷ <http://www.ikhwanonline.com/Article.asp?ID=5174&LevelID=1&SectionID=218>.

**К ВОПРОСУ
ОБ ИРАНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

Безопасность и стабильность на Кавказе, в зоне Каспийского моря и во всем регионе южного «подбрюшья» России в немалой степени зависит от состояния ирано-азербайджанских отношений.

Исламская Республика Иран (ИРИ) и Азербайджанская Республика (АР) занимают важнейшее геостратегическое положение.

Иран является и кавказской, и средневосточной, и центрально-азиатской, и каспийской страной, омываемой водами Персидского и Оманского заливов Индийского океана. Все болевые точки региона так или иначе сопряжены с Ираном. Все, казалось бы, сугубо внутреннее проблемы отдельных частей региона, будь то этнические или религиозные, военные или экономические, проблемы беженцев и борьбы с наркобизнесом, терроризмом и сепаратизмом могут эффективно решаться только при содействии Исламской Республики Иран. Излишне напоминать, что Иран как источник углеводородных природных ископаемых, а также как территория транспортировки нефтегазопродуктов обладает несомненной ценностью. Более того, семидесятимиллионный Иран, имеющий одну из самых многочисленных армий в мире (около 800 тыс. человек), объективно, вне любой как внешне-, так и внутривосточной конъюнктуры, является важным фактором западно-азиатской региональной политики.

Азербайджан для региона Западной Азии представляет собой стратегическую ценность. Он центр каспийской нефтедобычи и освоения биоресурсов Каспия. Это важнейший международный транспортный узел и одна из развитых индустриальных стран региона, успешно осваивающая новейшие технологии.

Поэтому ирано-азербайджанские отношения всегда были и остаются существенным звеном международной политики. Эти отношения характеризуются сложнейшим комплексом проблем, каждый аспект которых требует специального глубокого изучения и анализа. В данной статье мы лишь обозначим контуры самых основных из них.

Иран на протяжении веков имел и имеет тесные экономические и культурные связи с народами Закавказья. При этом особой спецификой отличаются отношения Ирана с Азербайджаном. И это понятно.

Так уж исторически сложилось, что по Гюлистанскому договору 1813 г., подписанному Российской Империей и Персией, азербай-

джанцы оказались разделены между двумя державами. Причем большинство этнических азербайджанцев проживает на территории Ирана. По оценкам специалистов, их число в этой стране достигает 17–18 миллионов человек (порядка 20–25% населения). Некоторые источники приводят цифры от 16 (CIA World Factbook) до 35 миллионов иранских азербайджанцев. В то время как в самом Азербайджане проживает меньшая их часть – около 8 миллионов.

Азербайджанцев и персов объединяет не только территориальная близость, но и религия: те и другие исповедуют шиизм, что, естественно, оказало влияние на формирование схожих нравов и обычаев двух этносов.

Все это, безусловно, сближает два народа. Многое притягивает Иран и Азербайджан друг к другу, но многое и отталкивает. Так, уникальность азербайджанского сознания состоит в сочетании шиитской ментальности (объединительный фактор) и собственно тюркской национальной основы. Последнее и есть камень преткновения между Ираном и Азербайджаном.

На протяжении почти двух столетий часть азербайджанцев была подданными одной империи – Персидской, часть – другой – Российской. Это не могло не сказаться на изменении национального сознания «южных» и «северных» азербайджанцев, причем суть перемен лежит в разных системах координат. В Иране – в плане постепенной, иногда насильственной ассимиляции азербайджанцев с титульной персидской нацией (после исламской революции 1979 г. – на фундаменте хомейнизма, во главу угла ставящего единство в исламе). В России – при сохранении национальной автономии, но секуляризации и европеизации азербайджанцев. Особенно активно этот процесс пошел в Советском Азербайджане, когда коммунистические идеологи и политики, выкорчевывая из сознания азербайджанского народа «религиозные пережитки», формировали «нового человека» на базе единства в пролетарском интернационале или позднее – единства в новой общности людей – советском народе.

Таким образом, к началу 90-х годов, к моменту распада СССР различия в национальном сознании «северных» и «южных» азербайджанцев были значительны. Как недавно заявил председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль, «азербайджанцы Ирана по отношению к Северному Азербайджану выступают с достаточно высокомерных, имперских позиций. Они рассматривают его как психологически и морально деградировавшую часть Азербайджана, которую нужно хорошенько встряхнуть и поднять до своего уровня. То есть они считают себя людьми крепкими, инициативными, высоко организованными, имеющими принципы и идеалы. В то время как своих северных соотечественников они считают людьми, которые в значительной степени расслабились, потеряли стимулы, умение контролировать жизнь, обеспечивать себя, соблюдать традиционные нормы. И

они считают азербайджанцев Севера виновными за утрату части национальной территории в силу очевидного расслабления и каких-то дефектов характера».

Однако это не помешало как с одной, так и с другой стороны выдвигать идеи объединения азербайджанцев. Это, естественно, крайне взволновало официальный Тегеран, который, предвидя нарастание национального сепаратизма в многонациональном Иране под влиянием социально-политических процессов в СССР, без радости воспринял факт распада Советского Союза.

С момента провозглашения независимости бывшего Советского Азербайджана начался новый этап в истории ирано-азербайджанских связей, характеризуемый уже межгосударственными отношениями Тегерана и Баку. При этом старые, традиционно-исторические этно-религиозные проблемы оставались и даже разрастались до уровня межгосударственных, наполняясь новым политическим содержанием.

Суть проблем, которые охватывают многие аспекты региональных взаимоотношений, правомерно искать в гегелевском законе диалектики о единстве и борьбе противоположностей.

При единстве конфессиональных (у персов и азербайджанцев) и этнических (у азербайджанцев двух стран) черт, имело и имеет место несовпадение взглядов у правящих элит в Тегеране и Баку по вопросу приоритетов в государственных и национальных интересах.

В конце 80-х – начале 90-х годов Иран, только что вышедший из восьмилетней войны с Ираком, делал переоценку своих доктринальных постулатов, разработанных уже покойным к тому времени лидером исламской революции аятоллой Хомейни. Конечно, в Тегеране не стоял вопрос об отказе от учения Хомейни, скорее – о наилучшем его приспособлении к изменяющемуся миру. Так, оставив в качестве стержня своей военно-политической доктрины идею об «экспорте исламской революции», иранские клерикалы переместили акценты с силовых методов его осуществления на идеолого-культурологические. Поскольку хомейнизм не делает различия между религией, идеологией и политикой, то, естественно, иранская пропаганда за рубежом была и остается религиозной по своей сути.

Во всех регионах бывшего Советского Союза, где проживают мусульмане, иранцы предприняли идеологические атаки с целью завоевания умов и сердец своих единоверцев. Это целый комплекс мероприятий, призванных поднять уровень религиозного самосознания у бывших «советских мусульман», но главное – создать положительный образ исламской республики как реального воплощения принципа «веляят-е факих». То есть сакрально-политизированного выражения религиозной духовности, нацеленного на институализацию исламского канона, воплощенного во власти общепризнанного, справедливого богослова-правоведа, представляющего собой высшую инстанцию духовной, шиитской авторитетности – «марджа-е таглид».

Иранская идеологическая машина осуществляет свою деятельность во многих странах мира. Так, под руководством министерства культуры и исламской ориентации были созданы и ныне активно действуют около 70 культурных центров ИРИ во многих странах Европы, Азии и Америки. Их работа включает в себя содействие и координацию всей агитационно-пропагандистской деятельности ИРИ в конкретных странах, с учетом специфики каждой из них.

В целом государственные идеологические институты Ирана, как правило, используют несколько каналов:

- издание и распространение за рубежом многочисленных печатных изданий, в том числе Корана, других религиозных книг и брошюр, а также пропагандистских материалов;

- организацию и строительство мечетей, религиозных школ-мадрас, исламско-культурных центров, библиотек и т.д.;

- поддержку мусульманских общин за рубежом;

- использование многочисленных шиитских общин за рубежом в интересах политики ИРИ;

- агитационно-пропагандистскую активность официальных иранских представителей за границей в рамках обычной дипломатической деятельности;

- подготовку, отправку за рубеж и руководство шиитскими религиозными миссионерами;

- использование паломничества мусульман к святым местам, прежде всего к шиитским святыням в Иране;

- создание и управление специальными международными исламскими фондами;

- использование иранской молодежи, студентов, обучающихся за границей;

- идеологическую обработку иностранных студентов, обучающихся в Иране, с целью последующего их использования в качестве проводников идей исламской революции в своих странах;

- использование иранской диаспоры во многих странах мира в интересах шиитской агитации и пропаганды;

- организацию целенаправленного комплекса мероприятий по исламизации общественного сознания населения государств Центральной Азии и Кавказа (в том числе и Азербайджана) с учетом их национальных и религиозных особенностей и степени готовности воспринять идеи исламской революции.

Не трудно догадаться, что Азербайджан остается в числе первых и основных целей ирано-шиитского гегемонизма.

Однако, как считает российский востоковед Нина Мамедова, тенденции эволюции исламского режима, происшедшей за 25 лет, позволяют говорить о том, что прогноз начала 90-х годов об опасности распространения в странах региона фундаментализма со стороны

Ирана оказался неоправданным. Сегодня угроза иранского шиитского фундаментализма скорее гипотетическая, нежели реальная.

Конечно, Иран не отказывается от распространения своего религиозного влияния. Показательным в этом отношении является деятельность такого исламского фонда, как Комитет имама Хомейни в Нахичеванской республике Азербайджана. Отделение этого Комитета несколько лет ведет благотворительную деятельность в этом автономном анклаве Азербайджана, и сама по себе деятельность Комитета представляет собой пропаганду преимуществ исламской системы, элементом которой являются подобные фонды.

Но все же вопреки желаниям Тегерана бурного всплеска исламского фундаментализма в Азербайджане не произошло. Специалисты-политологи, в том числе Алексей Малашенко, объясняют это несколькими причинами. Во-первых, высоким уровнем урбанизации Азербайджана, интернациональным характером его столицы, европеизированностью значительной части азербайджанской интеллектуальной элиты. Во-вторых, и это немаловажно, – любое усиление влияния Ирана в Азербайджане отождествляется в азербайджанском обществе (в том числе и среди верующих шиитов) с ростом иранской угрозы, что заведомо ограничивает перспективы распространения в Азербайджане шиитского фундаментализма.

Можно констатировать, что в Азербайджане степень готовности местного населения воспринять идеи исламской шиитской революции чрезвычайно мала.

Параллельно с позиционированием Ираном шиитского фактора в двух странах «раскручивался» и тюрко-этнический сюжет.

«Азербайджанский вопрос» явился одной из причин межгосударственной напряженности между Ираном и Азербайджаном. Еще на заре азербайджанской независимости бывший в то время президент Азербайджана Эльчибей заявил, что азербайджанцам следует объединиться в единое государство и создать Великий Азербайджан. Но это было расценено иранским правительством, как попытка раскола их государства. Пришедший на смену Эльчибею новый президент Гейдар Алиев значительно смягчил эту напряженность, но проблема осталась. В частности, в стране действует объединение «За единый Азербайджан», которое в свое время основал экс-президент Эльчибей. В Азербайджане продолжают разговоры об азербайджанском единстве, порождающие антииранские настроения, подогреваемые шпионскими скандалами. В стране неофициально действует такая сепаратистская организация иранских азербайджанцев, как «Национально-освободительное движение Южного Азербайджана».

В самом Иранском Азербайджане ситуация относительно спокойная.

Как свидетельствует история, в 1945–46 гг. была попытка образования независимого государства иранских азербайджанцев. Однако

она жестоко подавлена шахскими войсками. С тех пор Тегеран очень внимательно следит за ситуацией с национальными движениями на окраинах, в том числе и Иранском Азербайджане.

Необходимо отметить, что государственная идеология ИРИ – «хомейнизм» официально отрицает наличие национального вопроса в «единой исламской общине – умме», где национальная принадлежность ее членов не имеет никакого значения и где главное – приверженность учению Мохаммада, исламским законам и канонам шариата.

На сегодняшний день сложно определить, насколько сильна энергия национальной идентичности в районах Ирана, где проживают азербайджанцы. Уникальность ситуации заключается в том, что многие этнические азербайджанцы, проживающие в Иране, уже настолько ассимилировались с персами, что не дефиницируют себя азербайджанцами.

Кроме того, значительное число иранских азербайджанцев, со знающих и признающих свои этнические корни, так успешно, прочно и глубоко интегрировались в иранское общество, в том числе и правящую элиту страны (на всех уровнях и во всех сферах), что считают себя прежде всего иранцами. В этом длинном ряду называют имена духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи, бывшего министра иностранных дел д-ра Велаяти, членов парламента, представителей местных органов власти, руководителей крупных иранских компаний, бизнесменов и так далее. Иранские азербайджанцы уверены, что более половины личного состава иранской армии – азербайджанцы.

При этом все же значительная часть иранских азербайджанцев, особенно проживающих в сельской местности, живут собственной жизнью, далекой от политики больших городов и от проблем национального самоопределения.

Как говорят классики, бытие определяет сознание. Поэтому, естественно, у различных слоев азербайджанского населения Ирана – различные взгляды (если они вообще есть) на азербайджанскую проблематику в ИРИ.

Разброс во мнениях чрезвычайно широк: от полного отделения Иранского Азербайджана от Ирана, создания независимого государства (здесь, правда, есть нюансы – некоторые выступают за объединение с бывшим Советским Азербайджаном и создание Великого Азербайджана, другие – за существование двух независимых Азербайджанов) до предоставления компактно проживающим азербайджанцам элементарных культурно-национальных прав.

Однако, как отмечают наблюдатели, в последние годы общий накал национальных движений, в том числе и азербайджанцев, в Иране несколько спал. Хотя некоторые политизированные иранские азербайджанцы высказывают противоположные мнения. Так, активист движения в защиту национально-культурных прав иранских

азербайджанцев и политический диссидент Махмудали Чехрегани, бывший профессор Тебризского университета, побывавший в иранской тюрьме, а в настоящее время проживающий в Соединенных Штатах, заявил, что в Иране среди азербайджанцев нарастают националистические настроения. Он сказал также, что если требования этого «движения» не будут удовлетворены, то могут начаться беспорядки. По прогнозам Чехрегани, в ближайшие 3–5 лет в Иране возможны перемены, и эти перемены будут вызваны волнениями, во главе которых встанут многочисленные населяющие Иран азербайджанцы.

Сторонники Чехрегани в Турции и Азербайджанской Республике исходят из того (и публично заявляют об этом), что азербайджанская община в Иране должна будет воссоединиться с Азербайджаном. Эта идея, однако, не находит практически никакого отклика среди иранских азербайджанцев, с чем согласно большинство местных наблюдателей.

Понимая это, Чехрегани публично отмежевался от идеи объединения, заявив о необходимости более решительного отстаивания национально-культурных прав азербайджанцев и формирования в будущем иранского государства с «федеративным устройством, как в Соединенных Штатах, в котором азербайджанцы могли бы иметь собственный флаг и собственный парламент».

Действительно, стремясь к расширению своих национально-культурных прав, иранские азербайджанцы не обнаруживают практически никаких сепаратистских поползновений и не считают, как Чехрегани, что впереди возможны волнения на межэтнической почве. Идеи отделения от Ирана или объединения с Азербайджанской Республикой не пользуются у них популярностью. Лишь немногие выражают политическое, общественное и экономическое недовольство (настроения, которые разделяет большинство иранцев) на языке межэтнических разногласий.

По мнению Хасана Джавади, уроженца Тебриза, получившего образование в Кембридже, специалиста по азербайджанской литературе и профессора персидской, азербайджанской и английской литературы Университета им. Джорджа Вашингтона, иранским азербайджанцам и так хватает забот, чтобы беспокоиться еще и о защите своих национально-культурных прав. «Иранские азербайджанцы, как и вся остальная страна, участвуют в движении за реформы и демократию», – неоднократно заявлял Джавади, добавляя при этом, что организации сепаратистского толка не пользуются популярностью основной массы населения, находясь на «периферии мышления». Джавади заявил EurasiaNet: «У меня не создалось впечатления, что эти проблемы отдельной национальной культуры перевешивают общенациональные, не думаю также, что широкое хождение имеют разговоры об отделении».

Иранские азербайджанцы, точно так же, как персы, курды, белуджи и другие этнические группы, выражают недовольство политическим тупиком, в который зашла страна под руководством шиитских аятолл, вне зависимости от этнических корней самих клерикалов. Иранские азербайджанцы недовольны экономической слабостью Ирана и отсутствием в стране политических свобод. По сути дела, иранские азербайджанцы всегда играли ключевую роль в разрывании общеиранских политических и экономических движений на всем протяжении двадцатого столетия. Сегодня азербайджанский город Тебриз широко известен наряду с Тегераном как оплот самого активного и прогрессивного студенческого демократического движения, продолжающего долгую традицию тебризско-тегеранской национально-демократической оппозиции, история которой началась с конституционной революции 1905–1911 гг.

Безусловно, в настоящее время этнорелигиозные факторы сказываются на развитии межгосударственных отношений Азербайджана и Ирана. Однако масштаб политико-экономических и военных проблем в регионе и, в частности, на Кавказе настолько велик, что сегодня эти факторы можно смело назвать сопутствующими, но ни коим образом не решающими.

И Азербайджанская Республика и Исламская Республика Иран играют в регионе свои собственные роли, исходя прежде всего из своих национальных интересов. Кроме того, в кавказском регионе сплелись интересы многих стран. Прежде всего России, Турции, США.

Поэтому вектор региональной политики каждой из этих держав определяется множеством факторов, порожденных особенностью двусторонних и многосторонних отношений в своеобразной геометрической фигуре – кавказском семиугольнике: Азербайджан – Иран – Россия – США – Турция – Армения – Грузия. Невозможно, анализируя отношения любых двух из этих государств, не учитывать характер всего комплекса их связей на этом региональном политическом поле.

Что касается азербайджано-иранских отношений, то на них, естественно, оказали влияние два исторических события: исламская революция 1979 г. и провозглашение независимой Азербайджанской Республики в августе 1991 г.

Из всего многообразия сфер в межгосударственных ирано-азербайджанских отношениях выделяют четыре, пожалуй, основные:

- проблема правового статуса Каспийского моря;
- транспортировка углеводородного сырья, а также транспортный коридор «Север – Юг»;
- проблема Карабаха;
- роль США и Израиля в регионе.

Проблема выработки правового статуса Каспия уже более 10 лет занимает пять прикаспийских стран, которые пока не могут достигнуть

общего консенсуса. В последний год по этому вопросу наблюдается сближение позиций. Как известно, на севере Каспия Азербайджан, Россия и Казахстан практически достигли согласия. На юге между Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном – наиболее сложное положение. Вспомним хотя бы ирано-азербайджанский инцидент лета 2001 г. на нефтяных месторождениях. Конфликт начался после того, как Тегеран разместил в Каспийском море свой флот, что привело к обострению в отношениях с Азербайджаном. Это связано с контролем над нефтяными месторождениями, находящимися в открытом море. Оба государства начали конфликтовать после того, как корабли ВМС Ирана блокировали азербайджанские суда, оснащенные аппаратурой для проведения нефтеразведки в интересах «Бритиш Петролеум».

Иран выступает за пересмотр договоров, подписанных еще в эпоху существования Советского Союза, чтобы контролировать не 13%, а 20% площади Каспийского моря, включая нефтяные месторождения Алов, Шарг и Араз, которые Азербайджан планирует разрабатывать в сотрудничестве с британской нефтяной компанией. Тегеран настаивает на разделе бассейна Каспийского моря на пять равных частей.

Надо сказать, и здесь также наметился прогресс. В ближайшее время состоятся ирано-азербайджанские консултации по каспийской проблематике, а затем в Москве пройдет пятисторонняя встреча руководителей внешнеполитических ведомств.

В вопросе демилитаризации Каспия у сторон нет особых противоречий. Так, комментируя высказывания президента Азербайджана Ильхама Алиева о демилитаризации Каспия, посол ИРИ в Баку Газаи сказал, что Иран полностью поддерживает эту идею. Каспий должен быть морем мира и согласия, чтобы все прикаспийские государства могли спокойно использовать его богатства.

Нет сомнений, что общая пятисторонняя договоренность по Каспию самым положительным образом скажется и на двусторонних азербайджано-иранских отношениях.

Еще одним источником напряженности было определение маршрутов нефтепроводов из Баку к открытым морям. Иран рассчитывал, что одна нитка трубопровода пройдет через его территорию и кратчайшим путем выйдет к терминалу у Персидского залива. Запасным проектом служил маршрут через иранскую и турецкую территории к порту Джейхан на Средиземном море. Однако оба эти проекта под давлением США были отвергнуты и в итоге не приняты Государственной нефтяной компанией Азербайджана (ГНКАР). Таким образом, Иран не был допущен не только к добыче бакинской нефти, но и к ее транспортировке. Теперь, как известно, строится нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум. Все это, несомненно, без воодушевления было встречено в Тегеране.

С другой стороны, грандиозный проект транспортного коридора «Север – Юг», основателями которого были Россия, Иран и Индия, пока остается без Азербайджана. Проект предусматривает постепенное перемещение потока грузов от Суэцкого канала в коридор «Север – Юг», с перспективой достижения фантастического объема перевозок – 100 млн. тонн ежегодно.

Проект настолько заманчив, что огромное количество стран регионов Индийского океана, Персидского залива, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Северной Европы и, конечно, Кавказа уже обратилось в секретариат с просьбами о присоединении к этому проекту. Однако до сих пор Азербайджан в число стран-участниц транспортного коридора официально не вошел. Хотя достаточно посмотреть на карту направления основных грузопотоков, чтобы понять: на маршруте этого транспортного коридора ключевыми странами являются Азербайджан, Россия, Иран.

Впрочем, специалисты не утверждают, что сотрудничество между Азербайджаном и Ираном в транспортной сфере практически отсутствует. Стоит напомнить, что 16 февраля в азербайджанской Астаре прошла встреча между представителями транспортных структур Азербайджана и Ирана. На этой встрече были обсуждены вопросы выбора места для пограничных автомобильного и железнодорожного мостов на реке Астара, их проектирования, строительства и финансирования. Рассматривались также аспекты второго важного проекта – строительства автомобильной дороги Алят-Астара, для чего иранская сторона намерена выделить \$40 млн. После согласования проектов готовые документы будут представлены на подписание на высшем уровне.

Наиболее сложная проблема межгосударственных отношений на Кавказе – это проблема Карабаха.

Иран, первоначально оказавший Азербайджану многоплановую помощь, включая предоставление кредитов, поставки оружия и боеприпасов, выступал с инициативой о посредничестве в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Однако постепенно прагматизм в государственной политике Тегерана стал превалировать над идеологическими соображениями, прежде всего в сфере безоговорочной поддержки единоверцев-шиитов. Это выразилось не только в отказе от силового экспорта идей исламской революции и прямолинейной пропаганды исламского фундаментализма, но и в корректировке позиции Ирана в азербайджано-армянском конфликте.

Симпатии Ирана стали смещаться к Армении, которой он предоставил транзитный коридор (закрытый со стороны Турции) с целью расширения возможностей ее внешней торговли. Более того, Иран стал настойчиво осваивать армянский рынок, сопровождая свои действия предоставлением кредитов и вложением капитала. В определенной мере это содействовало выходу из изоляции как Ирана, так и

Армении. При этом тот факт, что Армения официально не имеет военного контингента в Карабахе, укрепление отношений с ней Ирана, по мнению Тегерана, не может рассматриваться как поддержка страны-агрессора, а политическое, экономическое и военно-техническое сотрудничество с Ираном позволяет Армении поддерживать свой экономический потенциал.

Иран стал придавать Армении особое значение в связи с подписанием Турцией и Азербайджаном договора о стратегическом сотрудничестве, одной из целей которого служит создание пантюркистского сообщества. Армения с Нагорным Карабахом как бы делит тюркскую дугу на две части, препятствуя их объединению. Поэтому, конечно, такая ситуация не служит укреплению азербайджано-иранских отношений.

Однако при этом, как подчеркнул недавно иранский посол в Баку Ахад Газаи, Иран поддерживает любое решение по карабахскому урегулированию, предполагающее территориальную целостность Азербайджана. Посол Газаи отметил, что Иран выступает за освобождение оккупированных территорий Азербайджана и мирное разрешение этой проблемы. «Решение конфликта отвечает интересам не только Баку, но и Тегерана», – заявил А.Газаи.

Немаловажную роль в отношениях Баку и Тегерана играет и фактор Вашингтона. Известно, что уже на протяжении почти 25 лет для Исламской Республики Иран главный враг – «великий сатана» – США. Для Америки Иран продолжает оставаться звеном мировой «оси зла». Аналитики не исключают, что Соединенные Штаты могут предпринять активные действия против этой страны, тем более, что после февральских выборов в иранский парламент в нем укрепили свои позиции консервативные силы.

Если США что-то и планируют по Ирану, то прежде всего – для начала – ослабление иранского режима изнутри.

Многие аналитики сходятся на том, что одной из наиболее реальных основ для ослабления Ирана перед возможными силовыми акциями действительно является азербайджанский фактор.

По некоторым данным, Госдепартамент прилагает усилия для активизации азербайджанского сепаратизма в Иране. Во всяком случае, в ежегодном отчете по правам человека, который издает Госдепартамент, в последние годы основной акцент делается именно на ущемлении прав этой этнической группы.

Напомним, поддерживаемый американцами уже упоминавшийся Махмудали Чехрегани, которого на Западе считают негласным лидером национально-освободительного движения иранских азербайджанцев, отмечал в своих выступлениях, что национальное движение иранских азербайджанцев набирает темпы. При этом Чехрегани подчеркивал, что для победы движения необходима поддержка со стороны «прогрессивных международных сил».

Таким образом, по крайней мере, одной из главных сюжетных линий сценария игры США вокруг Ирана может быть именно ставка на азербайджанский сепаратизм в Иране.

Кроме того, Тегеран крайне обеспокоен даже гипотетической возможностью создания на территории Азербайджана американских военных баз и размещения там воинских контингентов вооруженных сил США. Внешнеполитическая доктрина ИРИ не допускает и препятствует усилению влияния нерегиональных держав на Кавказе, в зоне Каспийского моря, да и во всей Западной Азии.

В то же время известно, что Баку имеет и развивает дружеские отношения не только с Вашингтоном, но и с Тель-Авивом. Израиль в таблице о рангах врагов ИРИ занимает после США второе место и именуется в Иране никак не иначе как «малый сатана», «сионистский режим», «режим, оккупировавший палестинские территории».

Естественно, что подобная внешнеполитическая ориентация Азербайджана раздражает многих в Тегеране.

Несмотря на сложные моменты в двусторонних отношениях между Ираном и Азербайджаном в последние месяцы наметились позитивные тенденции. Так, пропагандистская риторика обоюдных обвинений затихает. Активизировалась взаимная деятельность внешнеполитических ведомств. Официальные лица и в Тегеране, и в Баку стали делать многообещающие заявления. Так, недавно посол Исламской Республики Иран в Азербайджане Ахад Гази выступил с заявлением о том, что Иран готов сотрудничать с Азербайджаном в военной сфере. Подобного рода заявление озвучивается представителем официального Тегерана впервые, и ранее о подобном сотрудничестве Азербайджана с Ираном и речи не было.

В этой связи известный азербайджанский политолог Зардушт Ализаде отметил, что подобное военное сотрудничество, если предположить, что такое произойдет, будет носить формальный характер. По его словам, между Азербайджаном и Ираном не может быть и речи о военном альянсе. Во-первых, сказал Ализаде, азербайджанская армия оснащена оружием российского производства, иранские же военные силы получают оружие американского образца. Единственным положительным аспектом предполагаемого военного сотрудничества, по мнению Ализаде, может стать лишь «фактор обмена опытом в вопросах патриотизма». Как выразился Зардушт Ализаде, в сфере формирования военной техники и ведения успешных военных действий сотрудничество Азербайджана с НАТО являет собой наиболее выгодный вариант. «Переговоры между Ираном и Азербайджаном в области военного сотрудничества являются ничем иным, как политической игрой. Обе стороны пытаются представить свои взаимоотношения как широкомасштабное, в том числе и военное, сотрудничество», – отметил политолог.

Подтверждая факт ориентации Баку на Запад, Зардушт Ализаде считает, что предполагаемое военное сотрудничество между Азербайджаном и Ираном «не вызовет раздражения» у Запада, так как Азербайджан связан крепкими узами с США. «Главным фактором остается транспортировка нефти на Запад, а также прозападный курс официального Баку. Более того, Иран в военной сфере не является конкурентом для США», – сказал политолог.

И все же. И все же...

В последние годы между ИРИ и АР было заключено почти два десятка договоров и соглашений. Среди них Договор «О принципах отношений дружбы и сотрудничества», ряд транспортных и экономических соглашений. Большое значение приобрел «Меморандум взаимопонимания по сотрудничеству в области контроля за наркотиками и деятельности, направленной против легализации незаконно полученных денег, между Азербайджанской Республикой, Грузией, Исламской Республикой Иран и программой Организации Объединенных Наций по международному контролю за наркотиками». Чрезвычайно полезными для двух стран являются связи по линии министерств внутренних дел и юстиции.

Так, заместитель министра юстиции Азербайджанской Республики Айдин Касымов положительно охарактеризовал сотрудничество судебных и правоохранительных органов Азербайджана и Ирана. По словам Касымова, подписанные между двумя странами соглашения о сотрудничестве судебных и правоохранительных органов и о выдаче преступников и экстрадиции осужденных правонарушителей создают хорошую основу для развития и углубления правовых отношений между Баку и Тегераном. Касымов оценил сотрудничество двух стран по экстрадиции преступников как успешное и сказал, что эти контакты непрерывны и ожидается – Баку и Тегеран выдадут друг другу ряд осужденных преступников. По его словам, судебные органы Азербайджана официально признают вердикты и решения иранских судебных органов в отношении азербайджанских граждан и применяют их в своей системе правосудия по прибытии осужденного в распоряжение азербайджанских органов.

Важными вехами на пути укрепления двусторонних отношений станут встречи на высшем уровне. В настоящее время готовятся визиты президента Азербайджана Ильхама Алиева в Тегеран и визит президента Ирана Мохаммада Хатами в Баку. Безусловно, эти визиты иницируют новые шаги навстречу друг другу.

В заключении следует отметить, что сегодня Тегеран и Баку вполне способны преодолеть все трудности на пути укрепления взаимопонимания. Дружеские отношения между Ираном и Азербайджаном чрезвычайно важны не только для двух этих стран, для безопасности региона, но и для России, которая имеет хорошие партнерские

связи, как с Исламской Республикой Иран, так и с Азербайджанской Республикой.

1. Алания М.А. Политика Турции в Закавказье в 90-е годы // Восточный сборник. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока (ИИИиБВ), 1999.

2. Малащенко А.В. Ислам и исламоведение в СНГ в 90-е годы. – Институт востоковедения РАН. – М., 1998.

3. Малышева Д.Б. Иран и проблемы региональной безопасности Закавказья // Сборник научных статей. Вып. 9, М.: ИИИиБВ, 2000.

4. Мамедова Н.М. Экономические связи Ирана и стран СНГ // Иран и СНГ. – М.: ИВ РАН и ИИИиБВ, 2003.

5. Раванди-Фадаи. Иран и политический ислам в СССР и СНГ (1990–2002) // Иран и СНГ. – М.: ИВ РАН и ИИИиБВ, 2003.

6. Сажин В.И. «К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах // М.: ИИИиБВ, 1998.

7. Старченков Г.И. Иран в глобальном и региональном аспектах // Ближний Восток и современность. Вып. 5. 5. Исламская Республика Иран в 90-е годы. – М.: ИВ РАН, 1998.

8. Информационные агентства: ИТАР-ТАСС, РИА Новости, Туран (2003–2004 гг.).

9. Материалы радио «Голос России»; «Би-Би-Си» (2003–2004).

10. Информационные и аналитические интернет-сайты (2003–2004).

25 ЛЕТ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИРАНЕ
(Промежуточные итоги и возможные перспективы)

2004 год по христианскому летоисчислению – юбилейный для Исламской Республики Иран. 25 лет назад 11 февраля 1979 г. в Иране победила исламская революция. Последний шахиншах Персидской империи Мохаммад Реза Пехлеви был свергнут. 2500-летняя персидская монархия прекратила свое существование.

Нет сомнений, что исламская революция в Иране явилась важным событием XX века. В мире существует много стран с преобладающим мусульманским населением. Однако их государственно-политическая система, как правило, или сугубо исламская (Саудовская Аравия) или республиканская по западному образцу (Турция, Египет). В Иране четверть века назад впервые в новейшей истории была сделана попытка соединить исламское правление с общедемократическими институтами. 1 апреля была провозглашена Исламская республика, обеспечивающая принцип, провозглашенный вождем революции аятоллой Хомейни – «Велайате Факих». То есть принцип сакрально-политизированного выражения религиозной духовности, нацеленный на институализацию исламского канона, воплощенного во власти общепризнанного, справедливого богослова-правоведа, представляющего собой высшую инстанцию духовной, шиитской авторитетности – «марджа-е таглид».

Именно этот принцип, положенный в основу государственного строительства стал основой главных противоречий, подтачивающих основы исламской республики. Учение пророка Мохаммада явилось формообразующим фактором государственных и общественных органов и организаций. Лозунг «Наша религия – это наша идеология, наша идеология – это наша политика» был воплощен в жизнь.

Любая революция является социальным потрясением, несущим разрушительные последствия. Исламская в Иране не была исключением. В течение всего трех – четырех лет были низвергнуты шахские политические и государственные структуры, уничтожена наиболее непримиримая оппозиция новому исламскому режиму.

За 25 лет своей бесспорной эволюции исламская революция в Иране прошла через военные, политические, экономические и социальные испытания. Наиболее мощным потрясением стала навязанная режимом Саддама Хусейна ирано-иракская война, продолжавшаяся

яся восемь лет и унесшая сотни тысяч жизней иранцев. Однако при всей трагичности этой войны она сплотила иранский народ перед внешней угрозой. Более того, именно мобилизационный характер революционной исламской экономики («таухидной») позволил избежать экономического краха. Но все-таки из войны ИРИ вышла экономически истощенной. Возникает вопрос: могли ли идеи, опыт и практика первых лет исламской революции вывести страну из послевоенного кризиса. Нет, не могли. Требовались новые подходы. В экономическом плане тогдашний президент ИРИ Али Акбар Хахеми Рафсанджани, находившийся на этой должности в период с 1989 по 1997 г., расставшись с «таухидной» экономикой, сделал крутой поворот к рынку. Он инициировал экономические рыночные реформы, позволившие раскрепостить иранский бизнес и выйти из послевоенного кризиса. Нынешний президент Мохаммад Хатами с 1997 г. продолжил реформаторский курс. Однако вскоре он убедился, что без общедемократической перестройки общества достичь долговременных экономических успехов невозможно. Ревностный мусульманин Мохаммад Хатами считает, что «политика есть искусство достижения высшей степени примирения между идеалом и возможным». Другими словами, цель его прихода в политику – примирить идеалы ислама с демократией. В принципе он добился немало: в Иране все-таки появилась относительно свободная пресса, исчезла с улиц исламская полиция нравов, публичная жизнь начала отделяться от частной. Иран открылся для мира не только в экономическом, но и политическом плане. Тегеран вернул себе достойное место в мировой и региональной политике, укрепились многосторонние связи ИРИ с арабскими странами, Западом и Японией. Это, конечно же, привлекло к президенту и соответственно – к реформаторам-либералам большинство иранской молодежи и женщин, которые стали основной социальной опорой реформаторов.

Однако, как справедливо отмечают многие востоковеды, либеральная перестройка за буксовала в политике. Она уперлась здесь в основной управляющий принцип хомейнистской революции – «Велаяте Факих». Если абстрагироваться от философских дефиниций этого принципа, его основная практическая суть заключается в следующем: во главе исламской, шиитской уммы, а также исламского государства и его народа должен стоять выдающийся теолог, обладающий непрекрасаемым авторитетом среди верующих. Его задача, а также обязанности подчиненных ему напрямую религиозных структур – наставлять народ на истинный путь и контролировать все институты государства, в том числе изначально демократические, республиканские ветви власти, а также «поведение» светских властных органов во всех областях жизни. В настоящее время Духовным лидером ИРИ, Главой государства и Верховным главнокомандующим является исламский юрист-теолог – аятолла Али Хаменеи, пожизненно выбранный после

смерти аятоллы Хомейни на этот высочайший пост. А правой его рукой в осуществлении контроля над светской властью, согласно конституции, является как раз пресловутый Наблюдательный совет (НС): половину его членов Хаменеи назначает единолично, а вторую половину направляет на утверждение парламента. И коренное противоречие президента Хатами, философа и идеалиста, состоит в том, что, выступая против Наблюдательного совета, он все-таки считает принцип «Велайате Факих» своим революционным идеалом.

Историческая наука утверждает, что любая революция изменяется в своем развитии и в итоге заканчивается. Важно то, способны ли революционеры понять тенденции и динамику современного развития своего общества и мировых социально-экономических процессов и скоординировать внутри- и внешнеполитические векторы, обеспечив тем самым своему народу достойную жизнь, или нет. Именно противоречия между потребностями социально-экономического и политического развития страны и закостенелыми революционными нормами привели в итоге к расколу не только правящей элиты ИРИ, но и всего иранского общества. Понимал ли это президент Хатами?

Пожалуй, можно сказать, что двойственность позиции президента Хатами, нежелание, а также невозможность осуществления им и его сторонниками в руководстве страны коренных преобразований послужили причинами недовольства демократически настроенных иранцев и привели к сокрушительному поражению на выборах. Консерваторы победили.

Но кто они – эти консерваторы? До последнего времени большинство политологов «малевало» их исключительно в черном цвете, не различая существенных оттенков в палитре их политических взглядов. А напрасно. Иранские клерикалы-консерваторы неоднородны. Диапазон их политических пристрастий распространяется от примитивного «махрового» фундаментализма до реального прагматизма.

«Махровые (или «по-научному» – ортодоксальные) консерваторы» выступают за «консервацию» политико-идеологической системы, сложившейся в первые годы исламской революции под руководством ее лидера аятоллы Хомейни, за полное и безоговорочное восстановление самых ортодоксальных норм жизни и правил поведения иранцев во всех ее сферах. Они готовы вытравить из иранского общества тот дух свободы, который иранцы сумели вкусить за последние годы. При этом ортодоксы полагают, что Иран должен развиваться под знаменем идей аятоллы Хомейни собственным уникальным ирано-шиитским путем во всем – в экономике, политике, культуре, образовании и так далее под лозунгом первых дней революции: «ни Запад, ни Восток – только исламская революция».

Однако число подобных консерваторов-ортодоксов незначительно. Сегодня они уже не играют существенной роли в принятии реше-

ний в консервативном лагере, хотя и влияют на «идеологическую чистоту» этих решений.

Большинство же нынешних иранских консерваторов составляют прагматики. Их бессменным лидером, по всей видимости, является бывший президент аятолла Рафсанджани. Сейчас Хашеми-Рафсанджани возглавляет важнейшую религиозную структуру – Совет по целесообразности. Это арбитраж, который принимает окончательное решение в спорах между парламентом и контролирующим его законодательную деятельность Наблюдательным советом. Следует подчеркнуть, что именно благодаря Совету по целесообразности парламент, где большинство имели реформаторы – сторонники президента Хатами, не смог провести две трети принятых законопроектов, поскольку они были заблокированы Наблюдательным советом и после вторичного одобрения депутатами парламента не нашли поддержки в ведомстве Рафсанджани.

В новом составе иранского парламента большой вес будет иметь «Партия благополучия исламского Ирана». Возглавляет партию Хаддад Адель – зять Духовного лидера ИРИ аятоллы Хаменеи. В партию входят политики, ученые, служащие, которые имеют тесные связи с Али Акбаром Хашеми-Рафсанджани.

Вокруг него сконцентрировалась группа соратников, близких к Рафсанджани еще со времен его президентства. Это глава Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) аятолла Хасан Роухани, ставший главным переговорщиком по иранским ядерным программам с МАГАТЭ и Евросоюзом, тому же реальный кандидат на президентский пост на выборах 2005 г., а также советники Духовного лидера по внешней политике Али Акбар Велайати и Мохаммад Джавад Лариджани. Во внутренней политике они придерживаются консервативных убеждений, но выступают против традиционно враждебного настроения «махровых консерваторов» в отношении внешнего мира и особенно против их нежелания вести какой-либо диалог с США – самим «Великим сатаной». К примеру, Мохаммад Лариджани не скрывает того, что кризис с заложниками, приведший четверть века назад, еще во времена аятоллы Хомейни, к разрыву отношений с Вашингтоном, считает дипломатической ошибкой. Равно как и последовавшее за тем осуждение писателя Салмана Рушди за «антиисламскую» книгу. То есть, говоря схематично, прагматики ратуют за так называемый «китайский» путь развития ИРИ, правда, с исламским акцентом: при сохранении мощного влияния исламского государства и исламской идеологии постепенно либерализовать экономику и внешнюю политику.

По мнению известного иранского журналиста Сафа Хаери («Asia Times», 08.01.2004), уже упомянутая группа консерваторов-прагматиков готовит новый сценарий интеграции ИРИ в мировое общество. Их план предусматривает повышение политической актив-

ности прагматиков с целью блокирования деятельности сторонников президента Хатами, перехват у них инициативы.

Этот план зародился не на пустом месте, а был разработан на основе удачного практического опыта деятельности консерваторов в 2003 г. После благоприятных для них выборов в местные органы власти в феврале прошлого года консерваторы, оправившись от неудач, перешли в наступление. Они всеми средствами препятствовали любым более-менее значимым для реформ инициативам своих идейных противников. В свою очередь президент Хатами и его сторонники не решались на кардинальные меры, опасаясь выхода из конституционного поля и потери контроля над ситуацией в стране.

Аналитики отметили такой момент. 7 февраля 2004 г. всего лишь за две недели до выборов в парламент иранский президент особо подчеркнул, что считать предстоящие выборы справедливыми и легитимными он отказывается вследствие дисквалификации кандидатов-реформистов. (MIGnews.com, 07.02.04). В свою очередь крупнейшая иранская студенческая организация подвергла критике самого президента Мохаммада Хатами за то, что он вообще дал согласие на проведение парламентских выборов. Студенты-реформисты заявили, что Хатами фактически поддержал консервативное духовенство, пожертвовав свободой, справедливостью и правами иранского народа. Студенты призвали бойкотировать голосование.

Свое крайне негативное отношение к действиям президента Хатами и выборам выразил в интервью итальянской ежедневной газете «Corriere della Sera» (30.01.04) Великий аятолла Хоссейн Али Монтазери, отец-основатель конституции ИРИ, возглавивший Исламскую революцию вместе с аятоллой Рухолла Хомейни 25 лет назад: «Он (Хатами) говорит много, но практически мало делает. Давайте возьмем, к примеру, сидячую забастовку членов парламента, организованную в знак протеста против решения Наблюдательного совета, который запретил участвовать в выборах многим кандидатам-реформистам. Хатами должен был уже организовать подобный протест три года назад, когда члены Наблюдательного совета отклонили избирательный закон. Хатами принял тогда тактику умиротворения. Он избежал ситуации, когда те, «другие», противостоящие ему члены НС, пошли бы на прямую конфронтацию».

В отличие от реформаторов консерваторы, напротив, активизировали свои контрреформистские действия. Главным оружием в этой борьбе, как всегда, стал Наблюдательный совет, отстранивший от участия в предвыборной борьбе более двух тысяч претендентов. В этой связи Великий аятолла Монтазери вынес свой приговор деятельности НС: «Наблюдательный Совет манипулирует Законом. Это – Предательство революции... В результате незаконных действий немногих отдельных личностей был испорчен [международный] образ Ирана, что вызвало в мире полную растерянность...».

Более того, консерваторы-прагматики умело перехватывали инициативу у либералов на их, можно сказать, идеологическом поле. Так, все иностранные наблюдатели отмечают радикальные послабления в нормах повседневной жизни иранцев – женщины становятся свободнее в выборе одежды и макияжа, влюбленные могут держаться за руки и даже (О! Аллах!) целоваться в общественных местах. В магазинах стали продаваться игральные карты. Дома можно смотреть спутниковое телевидение, свободно игнорируя запрет на тарелки-антенны, которые теперь не прячут. А о спиртных напитках так сказал редактор консервативной газеты «Ресалят» Амир Мохебиан: «В исламском обществе продажа вина запрещена, но если кто-то пьет вино в своем доме, то вопрос состоит в следующем – стоит ли нам заходить в дом и арестовывать его или нет? – Думаю, что эта система должна быть применима только к общественной сфере, а не к личной жизни. Если кто-то отказывается от Господа у себя дома, то это проблема между ним и Господом». Такие заявления – просто революция в жестких нормах жизни любого иранца, насаждавшихся в течение четверти века. Примечательно, что вызывавшее страх Управление по предотвращению моральных преступлений переименовано и ныне называется Социальным правоохранительным департаментом. Полиция нравов убрана с улиц иранских городов.

Безусловно, эти послабления не могли бы иметь места без непосредственного участия консервативных религиозных деятелей, которые держат под своим неусыпным контролем морально-нравственную сферу жизни каждого иранца. Подобная либерализация ранее строжайших шиитских норм поведения, вполне вероятно, была инициирована реформаторами, но это не есть их победа. Без молчаливого согласия консерваторов такие преобразования были бы просто неосуществимы. Это явно тактический шаг консерваторов, заинтересованных в том, чтобы переманить на свою сторону хотя бы часть электората либералов.

Дело в том, что сторонники жесткой линии, которые устанавливали все эти правила, теперь видят политическую выгоду в том, чтобы позволить игнорировать их. Консерваторы используют возможность улучшить свою репутацию, отказавшись от строгой нетерпимости. Уже упоминавшийся Амир Мохебиан назвал это «своеобразной минималистской идеей управления исламской системой». Известно, что вторжение в личную жизнь иранцев со стороны ортодоксов сыграло важную роль в том, что Мохаммад Хатами одержал убедительную победу на выборах благодаря тем иранцам, которые пытались избежать ежедневного вмешательства в их личную жизнь.

Особенно ревностно отнеслись консерваторы-прагматики к успехам президента Хатами на международной арене. Поэтому, естественно, прагматики хотят расчистить новой команде поле для осу-

ществления своей собственной политики в мировых делах, в том числе и для переговоров с США.

Как бы парадоксально это ни звучало, но победа консерваторов на парламентских выборах поможет прагматикам более эффективно осуществлять практические шаги по сближению с Западом и США, в целом по интеграции ИРИ в мировое сообщество. С одной стороны, у них в арсенале (в отличие от либералов) есть и финансы, и силовые структуры, и средства массовой информации, а с другой, – над ними не висит дамоклов меч обвинений в предательстве дела исламской революции (по сути, у них нет – не считая группки крайних ортодоксов – оппозиции справа). Ведь вся иранская элита, включая и либералов, и прагматиков, прекрасно понимает, что без открытости Ирану невозможно достичь прогресса в любой области, будь то развитие экономики и повышение уровня жизни граждан или укрепление позиций в современном глобализированном мире. Различия только в цене. Прагматики, активно размахивая зеленым знаменем ислама, будут запрашивать более высокую цену и брать гораздо больше со своих контрагентов по всему миру за каждую свою уступку, причем уступку, которая выгодна прежде всего самому Ирану.

Что касается внутрииранских проблем, то, безусловно, в некоторых сферах (но не во всех) идеологические гайки будут закручены. Попытки конституционных реформ будут прекращены. Президент Хатами, потеряв контроль над парламентом, будет играть теперь, пожалуй, только чисто декоративную роль, его правительство может или стать недееспособным, или полностью подчиниться воле консервативного парламента, исполняя его указания. При этом либерал-идеалист президент Хатами и его соратники быстро поймут, что исламская демократия со своим конституционным принципом «Велайате Факих» так же мало поддается перестройке, как в свое время и социалистическая с ее принципом решающей роли коммунистической партии. Поэтому противовесом новому составу меджлиса, не приемлющего перемен, возможно, станет усиление радикальной внепарламентской оппозиции в крупных городах, студенческих центрах и университетах. Что вполне может привести к дестабилизации внутриполитической обстановки в стране.

Следует отметить, что до президентских выборов 2005 г., когда, по прогнозам, победу, вполне вероятно, одержит представитель прагматиков и сформирует свое правительство, в ИРИ будет продолжаться как бы переходный период: прагматики станут оттачивать свои политические методы, либералы – приспосабливаться к новым условиям, по всей вероятности, долгой борьбы.

Таким образом, Исламская Республика Иран празднует свое 25-летие в условиях явного кризиса революции, породившей его, причем кризиса структурного. По сути, в ИРИ сталкиваются в антагонистических противоречиях исламские и чисто республиканские институты.

Ближайшее будущее покажет, был ли удачен эксперимент, начатый четверть века назад по соединению принципа «Велайате Факих» с демократией. Ведь, предвыборная борьба 2004 г. лишь обнажила все эти существующие с момента создания исламской республики глубинные противоречия.

По мнению политологов, будущее иранской революции зависит от того, сможет ли иранская элита нейтрализовать их. В частности, перспективы иранской революции связаны с тем, насколько дальновидны, гибки и толерантны будут представители иранского истеблишмента (вне зависимости от партийной или фракционной принадлежности), чтобы реформировать республиканскую систему в ИРИ. В том числе – снять с исламских органов запретительные функции и одновременно усилить власть президента, наделив его большими полномочиями.

Недаром, аятолла Монтазери подчеркнул, «Высший Лидер должен давать только общие указания, вести генеральную линию. Вместо этого он ставит себя выше закона, который больше не находится в руках Парламента. Новая (после 1989 г. – В.С.) 110 статья Конституции дает ему всю полноту власти, которая определяется словом «абсолютная». Он обладает властью, включающей контроль над полицией и армией, не будучи ответственным ни перед кем. Я выступал против этого... С другой стороны, президент имеет все обязанности, но никакой власти. Это – проблема...».

Однако при нынешнем раскладе политических сил в стране в ближайшее время изменения конституционных основ Исламской Республики Иран маловероятны.

Возможно, все же есть надежда, что 25-летний юбилей исламской революции, объективный анализ ее трудного неоднозначного пути, в том числе и последних февральских выборов в парламент, послужат толчком к осмыслению промежуточных результатов исламской революции в Иране, выработке направлений дальнейшего развития страны, отвечающей интересам всего иранского общества.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АРАБСКИХ СТРАН В ОБЛАСТИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Иностранные инвестиции в развивающиеся страны в 90-е годы прошлого столетия (вплоть до 1997 г.) росли быстрыми темпами. Так, по данным МВФ, нетто-приток частных инвестиций в эту группу государств достиг наивысшего уровня в 1994–1996 гг., превысив 200 млрд. долл. в среднем в год, тогда как в 1990 г. этот же показатель равнялся всего лишь 35 млрд. долл. (1, 7.03.2000; 14.02.2002).

В то же время в арабском регионе в области привлечения инвестиций из-за рубежа развивалась прямо противоположная тенденция. В подтверждение этого вывода достаточно привести следующие цифры: если нетто-приток частного иностранного капитала в государства «третьего мира» в 1996 г. вырос более чем в шесть раз по сравнению с 1990 г., то в страны Арабского Востока в тот же период он сократился почти в два раза (1, 14.02.2002; 2, с.12).

Под влиянием азиатского валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг. чистый приток частного капитала в экономику развивающихся стран начал неуклонно сокращаться, а в 2000–2001 гг. баланс поступлений капитала стал отрицательным. При этом нетто-отток зарубежного капитала из арабских стран значительно превышал общие показатели: в частности, в 2001 г. он составил 34 млрд. долл. против 6,5 млрд. долл. для всего развивающегося мира (1; 14.02.2002).

Ситуация с привлечением прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в арабские страны складывалась еще более негативно: в указанный период этому региону удавалось привлекать ежегодно в среднем, по оценке автора, не более 7–8% общего объема ПИИ, направлявшихся в экономику развивающегося мира, что не превышало 2–3% глобальных инвестиций. Здесь необходимо во избежание путаницы и разночтений сделать оговорку о том, что в данной публикации ПИИ означают вложения предпринимательского капитала для создания собственного производства или покупки контрольного пакета акций местной компании.

В этой связи следует подчеркнуть, что прямые иностранные инвестиции в экономику развивающихся стран в рассматриваемый период превратились в важнейший канал для привлечения долгосрочного частного капитала, новых технологий и управленческого опыта,

дающих более значительный эффект по сравнению с местным предпринимательством.

Безусловно, имеется целый комплекс факторов, обусловивших низкий уровень притока ПИИ в арабские страны, а также падение доли этой группы государств в глобальных инвестициях. Среди многочисленных причин их отставания следует выделить политику арабских государств по отношению к иностранным капиталовложениям, основные направления которой были заложены в 60–80-е годы прошлого столетия. В течение последних десяти-пятнадцати лет в ряде стран региона некоторые основополагающие принципы стратегии и тактики в той или иной степени были пересмотрены и изменены.

В то же время законодательная и институциональная база в большинстве арабских стран остается весьма несовершенной и достаточно неоднородной в регионе в целом. В некоторых случаях существует необходимость большей последовательности в политике правящих режимов по отношению к иностранным инвесторам. В этой связи представляется важным рассмотреть генезис (хотя бы в общих чертах) государственного регулирования иностранных инвестиций в арабском регионе после обретения ими политической независимости.

Достижение арабскими странами политического суверенитета в 60-е годы прошлого столетия, устранение внеэкономического принуждения неизбежно привели к кризису уклада иностранного капиталистического предпринимательства, который занимал достаточно важные позиции в экономике региона. Отмеченный кризис носил закономерный и объективный характер, поскольку в изменившейся социально-политической обстановке на Арабском Востоке капитал потерял необходимые условия для своего существования в прежнем качестве и, по сути, в старых колониальных и полуколониальных формах и видах. Поэтому годы, последовавшие за обретением политической самостоятельности, стали для уклада иностранного предпринимательства периодом трансформации и достаточно резких или постепенных изменений.

Началось его приспособление к изменившейся и меняющейся политической и социально-экономической ситуации. Старая, колониальная часть иностранного капиталистического предпринимательства, точнее, иностранной буржуазии, связанной с ним, вынуждена была радикально менять организационные приемы функционирования (например, для английского капитала это означало отказ от системы управляющих агентств), сферы вложения капитала или даже продавать свое «дело» и уходить (сразу или постепенно) из той или иной арабской страны. В том и другом случае наблюдалось усиление связей с верхушкой местных имущих классов, особенно с крупной и средней буржуазией. Нарастало сближение иностранного бизнеса с местным относительно развитым частным капиталом и даже в ряде случаев частичное поглощение вторым первым. Как правило, через

определенный промежуток времени старые виды предпринимательства в основном (за исключением особенно крупных) «растворялись» в местном бизнесе или теснейшим образом переплетались с ним.

Все более значительная роль в постепенном свертывании деятельности и нередко полном исчезновении уклада иностранного капиталистического предпринимательства принадлежала государству. Возрастание роли государства в экономическом развитии всех без исключения арабских стран объективно вело к размыванию и последующей ликвидации унаследованных от колониализма традиционных форм существования иностранного капитала.

В этой связи уместно подчеркнуть, что общие тенденции развития арабского мира во второй половине XX в. нашли отражение прежде всего в том, что государства в борьбе за самостоятельное экономическое развитие исторически играли особую роль, вытекающую из настоятельной потребности форсировать социально-экономический прогресс. В сущности, такая роль предопределялась всей совокупностью внутренних и внешних условий развития арабских стран после обретения ими независимости. С одной стороны, это узость и дробность внутренних рынков, малые объемы и большая распыленность наличных материальных и финансовых ресурсов (за исключением, в определенной степени, крупных нефтедобывающих государств), а также огромное множество нерешенных социальных проблем. Нельзя, кроме того, сбрасывать со счетов абсолютную и относительную слабость местной предпринимательской прослойки. С другой стороны, это непрестанное усложнение задач, которые выдвигала перед ними хозяйственная деятельность в условиях постоянного научно-технического прогресса.

Причиной для вторжения государства была необходимость ломки отживших социально-экономических структур. Демонтаж колониальных институтов, базировавшийся в основном на внеэкономическом принуждении, потребовал адекватных средств. Речь идет в первую очередь о национализации иностранной собственности. Меры по ее огосударствлению означали прежде всего установление суверенитета над такими важнейшими природными ресурсами арабского региона, как нефть и газ. Эти ресурсы стали для стран региона, ими обладающих, основным источником первоначального накопления.

Как известно, проникновение иностранного капитала в экономику Аравийского полуострова связано с развитием в 30–40-х годах XX века нефтедобычи в этом богатейшем энергоресурсами районе мира.

Концессионные соглашения, заключенные в условиях политического и экономического господства Великобритании в зоне Персидского залива, позволяли иностранным нефтяным монополиям, в руках которых в 40–60-е годы было сосредоточено, по меньшей мере, 90% общего объема добычи нефти в регионе, фактически бесконтрольно эксплуатировать нефтяные ресурсы Аравийского полуострова, дикто-

вать расположенным здесь странам свою волю (уровень добычи, цены на нефть и т.д.). Борьба за изменение этого положения, начатая еще в 40-х годах прошлого столетия, дала первые ощутимые результаты лишь в 60-х годах, когда сначала в Саудовской Аравии, а затем и в остальных странах удалось добиться возвращения концессионерами неэксплуатируемых зон на подавляющей части первоначальной концессионной территории. Были также отменены скидки на продажу, т.е. право делать неограниченные вычеты из вырученных от реализации нефти сумм, которыми широко пользовались иностранные монополии.

Важным шагом в борьбе за установление контроля над деятельностью монополий стало создание национальных нефтяных компаний в большинстве нефтедобывающих стран Аравийского полуострова.

Первая подобная структура появилась в 1960 г. в Кувейте – смешанная государственно-частная Кувейтская национальная нефтяная компания (КННК). Создание КННК позволило правительству эмирата взять под свой контроль добычу и переработку нефти, а также сбыт внутри страны всей продукции нефтехимической и газовой промышленности (3, с. 122). В 1962 г. в Саудовской Аравии было учреждено Генеральное управление нефти и минеральных ресурсов (Петромин). Эта компания представляла интересы государства при осуществлении любых крупных промышленных проектов, рассматривала все проекты, касающиеся добычи и переработки природных богатств страны. ОАЭ в 1971 г. и Катар в 1972 г. образовали государственные национальные нефтяные компании – АДНОК и НОДК соответственно, но с несколько более узкими по сравнению с «Петромином» функциями, ограниченными только нефтегазовым сектором экономики. В 1976 г. подобная компания была учреждена и на Бахрейне – Банок (4, с. 161, 198, 252).

Сильнейшим ударом по позициям иностранного капитала в Ираке явилось принятие в декабре 1961 г. закона № 80, согласно которому у «Ирак петролеум компани» (ИПК) и ее двух филиалов («Басра петролеум компани» и «Мосул петролеум компани»), в руках которых находились добыча и экспорт нефти страны, было изъято 99,56% неэксплуатируемых концессионных территорий. Однако в силу непоследовательности и противоречивости нефтяной политики правительства Иракская национальная нефтяная компания (ИННК) была создана лишь спустя три года. Этой компании было предоставлено право на разведку и эксплуатацию месторождений нефти в районах, отобранных у ИПК и ее филиалов.

Условия, на которых иностранные компании допускались к поискам и эксплуатации нефти в арабском регионе во второй половине 60-х и в 70-е годы, в корне изменились по сравнению с основными принципами, лежавшими в основе старых концессионных договоров. В частности, курс, проводимый Саудовской Аравией, а вслед за ней

ОАЭ и Катаром, по отношению к иностранному капиталу, дал им возможность полностью контролировать деятельность новых концессионеров.

Так, компания «Петромин», получив концессию на все перспективные площади в Саудовской Аравии, передала их иностранным компаниям на условиях генерального подряда для проведения геолого-разведочных работ на срок от двух до трех лет, который мог быть продлен еще на 2–3 года. Компании финансировали разведку нефти, получая право беспошлинного ввоза необходимого оборудования, материалов и т.д. В случае успеха они получали концессию на открытое месторождение на срок до 30 лет и образовывали смешанную с «Петромином» компанию, где последний мог иметь по своему усмотрению от 30% до 50% акций и 50% голосов в правлении. Оплата этой доли акций производилась добытой нефтью. Новая компания-оператор финансировалась путем отчисления ей 30% чистого дохода от добычи. Платежи за аренду (роялти) прогрессивно возрастали в течение всего срока. Подоходный налог выплачивался правительству со всех операций: продажи сырой нефти, переработки, транспортировки и сбыта, проводимых как внутри страны, так и за ее пределами. Новая компания-оператор должна была перерабатывать внутри страны не менее 50% годовой добычи нефти и брала на себя обязательства по подготовке национальных кадров.

Первое эталонное соглашение такого рода, положившее начало серии подобных контрактов как в Саудовской Аравии, так и в районе Персидского залива в целом, было заключено «Петромином» с французской компанией «Сосьете оксилери де ла режи отоном дю петроль» (АОКСИРАП) 4 апреля 1965 г. (5, с. 186).

Национальная нефтяная компания Абу-Даби координировала всю работу по заключению контрактов с иностранными компаниями на проведение разведочных работ и являлась их потенциальным партнером в случае организации добычи на открытых ими месторождениях. Условия, на которых предоставлялось право ведения разведки, были в целом аналогичны описанным выше.

В Катаре деятельность всех новых компаний и обществ, оперирующих в нефтяной промышленности, была подчинена Национальной компании по развитию нефтяных ресурсов (НОДК). Так же как в Саудовской Аравии и Абу-Даби, НОДК оставляла за собой право на участие (50%) в деятельности новых компаний по нефтедобыче на условиях, общих для всего района Персидского залива.

Значительных успехов в 70-е годы добились нефтедобывающие страны и в решении таких задач, как приобретение доли в капитале концессионных компаний и создание модели участия правительств или их национальных компаний в капитале основных концессионеров. Практически речь шла о выкупе собственности иностранных компаний. В дальнейшем начался процесс окончательного перехода

нефтяной промышленности под национальный суверенитет аравийских государств.

В 1975 г. в Кувейте был принят закон о национализации, в соответствии с которым вся собственность иностранных нефтяных компаний переходила в руки кувейтского правительства (6, с.94). В 1975 г. Дубай выкупил 100% активов концессионной компании. В июле 1976 г. национализация завершилась в Катаре. В Саудовской Аравии в конце 1977 г. было объявлено о достижении принципиальной договоренности о выкупе 100% активов АРАМКО – самой крупной нефтедобывающей компании на Арабском Востоке. Однако преодоление разногласий по частным вопросам сделки затянулось еще почти на три года. Лишь в сентябре 1980 г. было объявлено о подписании соглашения, а в декабре – об окончании выплаты компенсации. Что касается Абу-Даби и Омана, то они оставались владельцами 60-процентной доли капитала концессионных компаний.

Установление контроля над нефтяными ресурсами имело для аравийских монархий огромное политическое и экономическое значение. Оно, безусловно, способствовало укреплению власти правящих кланов, которые получили беспрецедентные возможности для оказания влияния на социально-политическую и хозяйственную ситуацию в своих странах. Нефтедобывающие государства Персидского залива превратились в полновластных обладателей природной ренты, а в большинстве случаев и в собственников предпринимательского дохода, других производных компонентов прибыли (в частности, процента на экспортируемый нефтедолларовый капитал) (7, с. 103).

Помимо нефтегазового сектора арабским странам в 60–80-е годы удалось вытеснить старую, колониальную часть иностранного капитала и из других сфер хозяйственной деятельности. Так, под контроль государства перешла внешняя торговля, кредитно-финансовая сфера, был дан толчок радикальному пересмотру условий функционирования зарубежных компаний в обрабатывающей промышленности.

Так, почти повсеместно в арабском мире доминирующим направлением стали «марокканизация», «иракизация», «иорданизация», «саудизация», т.е. попытки (правда, не всегда удачные) вытеснения иностранного капитала путем организации (или реорганизации) смешанных компаний, где партнером зарубежных предпринимателей выступало государство либо местный капитал.

В Марокко, например, такая политика вступила в активную фазу еще в 1973 г. Речь шла прежде всего о тех отраслях, освоение которых было по силам местной буржуазии: торговле, пищевой, кожевенно-обувной промышленности и др. Чтобы не отбить охоту к предпринимательской деятельности у иностранного капитала в иных сферах производства, прежде всего промышленной, в инвестиционном законодательстве обеспечивались льготные условия функционирования

иностранный капитал, свобода перевода прибылей и т.д. (подробнее см.: 8).

Особая ситуация в сфере иностранного предпринимательства складывалась в Ливане. Там идеология «экономического либерализма», регулирующей роли свободного рынка вообще отвергала сколько-нибудь жесткие, рестриктивные меры в отношении частного капитала, не делая при этом существенных различий между «своими» и «чужими» предпринимателями.

Проводимая ливанским правительством в 60–80-е годы политика так называемой либерализации предпринимательства способствовала притоку иностранных инвестиций в экономику страны. При этом наиболее сильные позиции на ливанском рынке занимали французские компании. Что объяснялось историческими причинами. Ведь Ливан являлся подмандатной территорией Франции с 1920 г. по 1943 г., т.е. до провозглашения независимости. После обретения политического суверенитета часть французских компаний была национализирована или функционировала под вывеской смешанных ливано-французских фирм. Заметную роль в ливанской экономике играли также компании США и Великобритании. Важно отметить, что правительство страны стимулировало привлечение иностранных инвестиций в первую очередь в промышленное производство. Так, доля иностранного капитала в ежегодных капиталовложениях в промышленность в период до начала гражданской войны оценивалась в 20%.

Крайне острый дефицит иностранной валюты, более чем скромные потенции национального капитала вынуждали наименее развитые страны Арабского Востока не вытеснять, а привлекать зарубежный капитал. Так, например, обстояло дело в Судане, где все принимавшиеся инвестиционные законодательные акты предоставляли льготные условия для функционирования иностранного капитала (см.: 9, с. 40).

Приход к власти в Ираке после июльской революции 1958 г. национальной буржуазии с ее стремлением к самостоятельной деятельности, прежде всего в сфере обращения (торговля, финансы), т.е. в таких отраслях экономики, в которых период оборота инвестированного капитала меньше, чем в сфере производства, был отмечен принятием ряда законодательных мер, ограничивавших свободу деятельности иностранного капитала.

Первым серьезным шагом в этом направлении явился выход Ирака из стерлинговой зоны в июне 1959 г. Это обеспечило его правительству свободу ведения внешнеторговых операций и позволило усилить деловую активность путем использования банковских авуаров, которые могли храниться теперь в Багдаде, а не в Лондоне. В итоге была ослаблена экономическая зависимость Ирака от Великобритании.

Следующей мерой правительства в отношении иностранного капитала явилось принятие в апреле 1960 г. закона № 49 «О страховых компаниях и страховых агентствах», ограничивавшего деятельность иностранных страховых компаний, число которых сократилось к 1960 г. с 30 до 19 (10, с.169, 170). Сущность этого нормативного акта состояла в том, что он разрешал этим компаниям вести свою деятельность только в том случае, если их интересы представлял гражданин Ирака, стоявший во главе агентства, или какая-либо компания с 60% (или более) местного капитала (11; 1960, № 18, с. 6; 1962, № 24, с. 6).

Большие последствия для экономической жизни страны имело принятие в феврале 1960 г. закона № 23 «О коммерческих агентствах», по которому не менее 51% капитала иностранных коммерческих агентств должно было принадлежать иракским подданным. К июлю 1962 г. было «иракизировано» 60 отделений иностранных компаний. Постановление правительства, изданное в июне 1962 г., расширило число иностранных компаний, подпадавших под действие закона № 23. Оно требовало регистрации всех иностранных коммерческих фирм и «иракизации» тех из них, которые занимались сбытом продукции, выпущенной другими иностранными компаниями. Итогом этого решения правительства стало прекращение деятельности 272 агентств коммерческих компаний (11, 1962, № 26, с. 3; 1963, № 31, с. 7). Правда, уже через год данное постановление было отменено, что свидетельствовало о непоследовательности и противоречивости политики иракского руководства по отношению к зарубежному капиталу. Следующий зигзаг в этой политике произошел в 1964 г., когда правительство приняло законы о национализации ряда промышленных предприятий, а также всех банков и страховых компаний.

До 1964 г. в Ираке было пять филиалов иностранных коммерческих банков (два английских, ливанский, пакистанский и иорданский) и пять национальных частных банков, причем в двух национальных банках участвовал английский и ливанский капитал. В форме ливанского, иорданского и пакистанского капитала также скрывался в большинстве случаев английский капитал.

Иностранные банки, опираясь на свои филиалы и через них на местные частные банки, держали в своих руках почти всю систему торгового и ипотечного кредита и в то же время воздерживались от финансирования промышленного развития страны, не предоставляя кредиты на эти цели национальным предприятиям. Они занимались в основном финансированием внешней торговли путем выделения коммерческих кредитов торговым компаниям. Значительную часть своих активов частные коммерческие банки помещали за рубежом (28% своих активов в 1958 г. и 13% – в 1963 г.) (12; 1968, № IV, с. 13).

Законы о национализации, принятые в 1964 г., запрещали частному капиталу, в том числе и иностранному, функционировать в банковском и страховом деле, а также в некоторых отраслях промыш-

ленности. Среди национализированных предприятий оказалось пятнадцать иностранных страховых фирм и их агентств (в том числе семь английских), семь банков (из них два с участием иракского капитала), одна промышленная компания и одна торговая фирма (обе с участием иракского капитала). Всего в государственную собственность перешло двадцать четыре предприятия, полностью или частично принадлежавших иностранному капиталу.

В соответствии с законами от 1964 г. государство приняло на себя всю ответственность за деятельность национализированных предприятий, банков и компаний и объявило, что все владельцы акций получают компенсацию в течение пятнадцати лет; намечалось выплачивать эту компенсацию из прибылей, при ставке в 3% ежегодно. При этом предусматривалось, что приоритет будет отдан акционерам, капитал которых не превышал 500 динаров.

В то же время в республике существовала достаточно сильная оппозиция политике укрепления вмешательства государства в экономику страны. Она включала в себя в первую очередь крупную и частично среднюю и даже мелкую национальную буржуазию. Под давлением оппозиции, а также международных монополий, главным образом нефтяных, в 1965–1967 гг. в Ираке были приняты меры по сближению с иностранным и местным капиталом, что, однако, не привело к денационализации. Так, в конце 1965 г. Промышленный банк Ирака обратился не только к арабским, но и ко всем зарубежным инвесторам с предложением вкладывать капиталы в промышленность страны. 40% акций ряда предприятий, намеченных Промышленным банком к строительству или уже строившихся с привлечением частного сектора (заводов по выпуску велосипедов, швейных машин, электровентиляторов, алюминиевых изделий, картонной фабрики и ряда пищевых предприятий), указанный банк предоставил иностранному капиталу. Доля прибылей от промышленных инвестиций, которую зарубежным вкладчикам капитала разрешалось вывозить из Ирака, была повышена с 20% до 25% (13; 1965, № 39, с. 10).

Одним из пунктов программы иракского правительства, находившегося у власти с сентября 1965 г. по июль 1966 г., предусматривалось поощрение создания смешанных предприятий с участием национального и иностранного капитала. Намечалось также предоставление гарантий для защиты иностранных капиталовложений от национализации (14; 8.11.1965).

Анализ политики иракских правительств в течение первого десятилетия существования республики позволяет сделать вывод о том, что в указанный период в стране развернулась достаточно острая внутривластная борьба по вопросам послереволюционного социально-экономического развития, среди которых важное место занимали проблемы выработки позиции по отношению к местному и иностранному капиталу.

Различные слои национальной буржуазии, которые в своей деятельности опирались на содействие и помощь западных государств и их компаний, были в значительной степени скомпрометированы после израильской агрессии в июне 1967 г. против арабских стран. Это серьезно отразилось на положении иностранного капитала в Ираке. Так, сразу же после агрессии правительство страны разорвало дипломатические отношения с США и Великобританией (с ФРГ они были разорваны еще в мае 1965 г. ввиду установления дипломатических отношений между этой страной и Израилем). Ирак одним из первых среди арабских государств объявил бойкот товарам названных стран, запретил их импорт и экспорт туда иракской нефти (правда, вывоз нефти в эти страны был возобновлен в сентябре 1967 г. согласно решению конференции арабских государств в Хартуме), снял активы со счетов в их банках. Некоторые контракты с фирмами этих стран были аннулированы.

В этих условиях в политической жизни страны заметно активизировалась радикально настроенная мелкобуржуазная демократия. Наиболее массовой и влиятельной мелкобуржуазной партией в Ираке в тот период была Партия арабского социалистического возрождения (Баас), представлявшая интересы значительной части мелкой буржуазии города и деревни, средних слоев, полупролетарских элементов.

Левое крыло партии Баас (объединявшее наиболее радикальные слои мелкой буржуазии и промежуточных слоев иракского населения), использовав благоприятную внутреннюю и внешнюю обстановку, 17 июля 1968 г. пришло к власти в Ираке. В своем программном документе – Хартии национальных действий – Баас заявила, что ее целью является построение в стране социалистического общества. В числе основных инструментов, призванных ее осуществить, выдвигались такие средства, как укрепление и расширение государственного сектора, завершение аграрной реформы, развитие кооперативного движения, вытеснение иностранного капитала из экономики страны (15; 1.09.1973).

В течение десятилетнего периода с момента провозглашения указанной программы (1968–1978 гг.) иракское руководство значительно преуспело в выполнении той части Хартии, которая касалась усиления вмешательства государства во все сферы хозяйственной жизни, повышения роли государственного сектора в экономике страны. Материальные возможности для расширения экономических функций государства в тот период существенно возросли в результате установления им полного суверенитета над нефтяными ресурсами республики.

Изменения в расстановке политических сил, которые произошли в Ираке после израильской агрессии 1967 г., в нефтяной политике нашли отражение в усилении влияния сторонников так называемого жесткого курса, которые выступали за самостоятельную деятельность

ИННК без привлечения иностранного капитала на условиях концессионных соглашений. Используя внутри- и внешнеполитическую ситуацию, сложившуюся после агрессии, правительство приняло в августе 1967 г. закон № 97, направленный на активизацию ИННК. Этот нормативный акт подтвердил еще раз положения закона № 80 от 1961 г. об изъятии у ИПК и ее филиалов неэксплуатируемых ими концессионных территорий и предоставил ИННК право разработки нефтяных ресурсов на всей территории Ирака, за исключением тех участков, которые были оставлены ИПК и ее филиалам по статье 2 закона № 80. Законом № 97 предусматривалось, что ИННК будет осуществлять разведку, добычу и реализацию нефти не на условиях концессионных соглашений, а самостоятельно или на подрядной основе, заключая с иностранными нефтяными компаниями контракты и соглашения, которые не будут противоречить смыслу закона № 97. Кроме того, в сентябре 1967 г. был принят закон № 123, в котором определялась новая структура ИННК. Принятие этого нормативного акта дало возможность осуществить реорганизацию ИННК, и к руководству в компании пришли сторонники более радикальной политики в области нефти (16, с. 74).

Новое руководство ИННК с осени 1967 г. начало активно расширять контакты и вести переговоры с рядом иностранных нефтяных компаний о финансовом и техническом участии их в разработке, добыче и сбыте сырой нефти Ирака. Первым практическим результатом этой деятельности явилось подписание 23 ноября 1967 г. соглашения «О подряде» с группой французских государственных компаний – ЭРАП (17; 1967, № 45).

Соглашение «О подряде» – это был новый для нефтедобывающих стран вид нефтяных договоров, который получил значительное распространение в арабском регионе в 70-е годы. В соответствии с этими соглашениями национальная компания осуществляла все юридические права и несла ответственность перед правительством нефтедобывающей страны. Иностранная же компания выступала лишь как подрядчик: вела разведку и добычу нефти для национальной компании в согласованном с ней объеме. Национальная компания полностью распоряжалась добытой нефтью, являясь ее единоличным владельцем. Иностранная компания – подрядчик покрывала все свои расходы по разведке и добыче за счет доли добываемой нефти и затем получала компенсацию за разведочные риски и необходимость осуществить определенные капиталовложения.

Заключение данного соглашения дало Ираку ряд прямых экономических выгод в вопросах, касающихся цен, условий сбыта, ренты и т.д., а также произвело большой политический эффект. Но в то же время деятельность ИННК подверглась критике со стороны некоторых арабских экспертов в области нефти, а также радикально настроенных кругов Ирака, в частности, Иракской коммунистической

партии, которые считали, что ИННК с помощью дружественных социалистических стран должна самостоятельно вести работу на отобранных у ИПК участках.

Под давлением этих политических сил в апреле 1968 г. правительство приняло решение о самостоятельной эксплуатации ИННК месторождения Северная Румейла, которое входит в число десяти богатейших нефтеносных полей мира.

Однако только с приходом к власти в Ираке левого крыла партии Баас в стране создались условия для решительного наступления на позиции иностранных нефтяных монополий в республике, которое вылилось в национализацию собственности «Ирак петролеум компани», согласно закону № 69, принятому 1 июня 1972 г. В знак солидарности с Ираком правительство Сирийской Арабской Республики (САР) национализировало принадлежавшую ИПК часть нефтепровода, проходящего по территории САР, а также насосное хозяйство, резервуарные емкости, перерабатывающие установки в порту Банияс.

В соответствии со статьей 1 закона № 69 национализировалась вся собственность ИПК на концессионных территориях, определенных согласно закону № 80 от 1961 г. Она была передана вновь созданной Государственной компании по нефтяным операциям. За национализированное имущество законом предусматривалась выплата ИПК компенсации за вычетом долгов и других финансовых обязательств этой компании перед Ираком. Национализация «Ирак петролеум компани» не распространялась на ее филиалы – «Мосул петролеум компани» и «Басра петролеум компани». Учитывая позицию Франции в отношении арабских стран и исходя из желания поддерживать и развивать экономические и политические отношения с Францией, иракское правительство заявило о готовности провести переговоры с французской стороной с целью достижения договоренности о защите интересов «Компани франсез де петроль», затронутых национализацией ИПК.

Вскоре после принятия закона № 69 это реализовалось в подписании с Францией соглашения, по которому правительство Ирака обязалось в течение десяти лет продавать французской нефтяной компании 23,75% сырой нефти, добываемой на месторождении в Киркуке. Заинтересованность в получении высококачественной иракской нефти оказалась сильнее страха перед возможным арестом танкеров с этой нефтью и в других странах-потребителях Западной Европы.

В результате достижения соглашений с целым рядом промышленно развитых государств (Франция, Италия, ФРГ, Испания) о долгосрочных продажах больших количеств иракской национализированной нефти на свободно конвертируемую валюту, а также бывшему СССР и другим социалистическим странам в счет оказания экономического содействия и по бартерным сделкам руководству Ирака уда-

лось решить проблему сбыта нефти с северных месторождений на длительную перспективу.

Таким образом, надежды иностранных нефтяных компаний-акционеров «Ирак петролеум компани» на неудачу национализации рухнули, и в ноябре 1972 г. они вступили в прямые переговоры с представителями иракского правительства. В феврале 1973 г. между Ираком и иностранными нефтяными компаниями было подписано соглашение, урегулировавшее все спорные вопросы между ними. Соглашение предусматривало, что компании выплатят иракскому правительству 141 млн. ф. ст. в погашение их задолженности. Ирак обязался поставить компаниям 15 млн. т сырой нефти из портов Средиземного моря в качестве компенсации за национализированную собственность. ИПК, в свою очередь, согласилась передать в собственность Ираку «Мосул петролеум компани» без какой-либо компенсации, а также продать после одобрения ливанским правительством нефтепровод, проходящий через территорию Ливана, и нефтеналивную причал.

Национализация «Ирак петролеум компани», а также успехи других нефтедобывающих стран в борьбе с нефтяными монополиями, имели огромное значение как для самих развивающихся стран-экспортеров нефти, так и для экономики всего капиталистического мира, который столкнулся в начале 70-х годов с острым энергетическим кризисом. В этой связи необходимо подчеркнуть, что зарождение и развитие энергетического кризиса с самого начала было связано с нефтью – важнейшим источником энергии. Увеличение спроса на нефть происходило главным образом за счет промышленно развитых капиталистических стран, на долю которых приходилось в тот период около 90% общего мирового потребления жидкого топлива (исключая СССР и другие социалистические страны). В то же время запасы нефти в этих странах были весьма ограничены. Их удельный вес в общих запасах нефти капиталистического мира лишь немногим превышал 12%. Основные запасы нефти были сконцентрированы в небольшой группе развивающихся стран, на долю которых приходилось около 90% всех мировых ресурсов жидкого топлива (исключая СССР и другие социалистические страны). На начало 1974 г. запасы нефти в капиталистическом мире оценивались в 71 млрд. т, из которых около 70% находилось в недрах Ближнего и Среднего Востока (18). Эти данные характеризуют сильнейшую зависимость развитых капиталистических стран от импорта нефти, значительная часть которого поступала из государств Ближнего и Среднего Востока, в том числе и из Ирака.

Возобновление вооруженных действий на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. придало энергетическому кризису новый поворот, заметно увеличив в нем роль политических моментов. Лондонская «Файнэншл таймс» писала в этой связи: «Новый элемент в создав-

шемся положении заключается в том, что весь мир неожиданно осознал, что у арабов есть «нефтяное оружие». Правильно это или нет, но арабы в последнее время все больше стали понимать, что энергетический кризис Америки и Запада, о котором так много говорилось в этом году, дает им беспрецедентную возможность показать всему миру, что они готовы пойти на все». (19; 10.10.1973).

Возможность использования нефтяного оружия против государств, поддерживавших Израиль, ярко продемонстрировал Ирак, который 7 октября 1973 г. принял закон № 70 о национализации доли американских компаний «Стандарт ойл компани оф Нью-Джерси» и «Мобил ойл корпорейшн», составлявшей 23,75% собственности «Басра петролеум компани». В соответствии с этим законом собственность указанных компаний передавалась ИННК. Вскоре после принятия этого закона иракское правительство в знак протеста против враждебной позиции Голландии в отношении освободительной борьбы арабов, а также в связи с содействием, которое эта страна оказывала Израилю, национализировала долю голландского правительства в БПК. В 1975 г. БПК полностью перешла в руки иракского государства, что ознаменовало установление национального суверенитета над нефтяными ресурсами страны.

В других хозяйственных сферах баасистское правительство Ирака в 70–80-е годы также проводило жесткую линию, направленную на недопущение прямых иностранных инвестиций. Исключение делалось лишь для частного капитала арабских государств, который руководство республики в рамках административно-хозяйственной реформы (1987–1989 гг.) усиленно привлекало в экономику страны путем предоставления арабским инвесторам существенных налоговых льгот, ограждения их собственности от возможной национализации и т.д. Это свидетельствует о том, что для правящего в Ираке авторитарного режима, как и для подобных режимов в других арабских странах, в этот период были характерны идеологизация и политизация экономических отношений и неприятие общепризнанных в мировой практике принципов хозяйствования.

В целом монополия партии Баас на политическую и экономическую власть в Ираке, диктат министерств и других ведомств существенно ограничивали права и самостоятельность непосредственных производителей как в государственном, так и в частном секторе.

В Сирии с приходом к власти в 1963 г. Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ – Баас) огосударствлению были подвергнуты вся кредитно-банковская система, весь транспорт, энергетика и до 80% промышленного производства (20, с. 17). В ведение специализированной государственной организации отошло 60% экспорта и 40–45% импортных операций страны (21, с. 353). В 1964 г. была объявлена национализация всех нефтяных и минеральных ресурсов страны, запрещена разработка их частными лицами.

Позднее, когда была создана материальная база государственного сектора, акцент в экономической политике ПАСВ был перенесен на развитие частного предпринимательства при сохранении ведущей роли госсектора, что было санкционировано так называемым Исправительным движением, возникшим в начале 70-х годов.

Сирийское руководство в 70–80-е годы прошлого столетия приняло некоторые шаги для повышения деловой активности, обозначило возможности для иностранного капитала и оживления частной инициативы в производственной сфере. В рамках новой политики государство гарантировало неприкосновенность капиталов частных лиц, разрешило им заключение соглашений с иностранными кредиторами о займах для реализации собственных проектов, пересмотрело систему расчетов в иностранной валюте по внешнеторговым операциям, разрешило сирийцам, получающим доход от операций за рубежом, держать иностранную валюту в национальных банках, сняло все ограничения на использование этих средств и т.п.

В 70-е годы с целью увеличения притока иностранного капитала в САР был осуществлен комплекс мер по либерализации экономики, призванных создать условия для использования арабских нефтедолларов и западного опыта в интересах выполнения планов социально-экономического развития страны. Так, в 1971 г. Сирия отменила ограничения на деятельность любых частных иностранных капиталов и заключила с США, ФРГ, Францией и Швейцарией соглашения о поощрении и гарантиях инвестиций.

Проведение политики либерализации по времени совпало с энергетическим кризисом в капиталистическом мире, что обусловило возросший интерес западных стран к участию в разведке нефтяных ресурсов САР. В середине-конце 70-х годов с рядом фирм промышленно развитых государств были подписаны контракты и соглашения на проведение поисково-разведочных работ на нефть и газ на условиях «риска», в соответствии с которыми расходы иностранной компании на изыскание, разработку и обустройство месторождений должны оплачиваться частью добытой нефти, а оставшаяся часть должна была делиться между сирийской нефтяной компанией (75–80%) и иностранным участником (15–25%).

В последующий период западные страны продолжали добиваться заключения с Сирией соглашений в других областях, которые обеспечили бы им дополнительные возможности для проникновения в сирийскую экономику и гарантии вложения капитала. Подобные соглашения, предусматривающие предоставление иностранным инвесторам ряда финансовых, валютных, таможенных и прочих льгот, облегчение режима налогообложения, участия в проектах, создаваемых как в «свободных зонах», так и за их пределами, были заключены с Францией, ФРГ, США, Италией, Швейцарией, Грецией и др.

В 1978 г. правительство САР утвердило декрет № 41 о стимулировании частных, в том числе иностранных инвестиций, в форме создания смешанных предприятий. В соответствии с декретом в новых смешанных компаниях государство должно было владеть только 25% капитала, а 75% – частные акционеры, в том числе иностранные. В различных областях экономики республики стали создаваться смешанные компании, которые получили наибольшее распространение в сфере туризма и сельском хозяйстве.

Однако сложность внутри- и внешнеполитической обстановки, а также непоследовательность и нерешительность, сквозившие в действиях власти, предопределили повышенную осторожность потенциальных иностранных инвесторов.

Поле их деятельности ограничивалось в основном второстепенными объектами и отраслями, не имевшими решающего значения для усиления экономического потенциала страны.

Иорданское правительство провозгласило в 70–80-е годы одним из приоритетных направлений своей экономической политики создание в стране климата, благоприятного для привлечения иностранного капитала. Этому должен был способствовать в первую очередь принятый в 1972 г. закон о поощрении иностранных капиталовложений, который в 1973 г., 1976 г. и 1978 г. дополнялся новыми положениями. В 1984 г. этот нормативный акт был отменен, а вместо него издан новый закон, дополненный в 1987 г. и 1988 г.

Инвестиции иностранного капитала поощрялись в промышленности, сельском хозяйстве, туризме, транспорте и связи, здравоохранении. В 1988 г. было отменено ранее обязательное требование о получении согласия на какие-либо капитальные вложения в иорданскую промышленность в Министерстве промышленности и торговли, в сельское хозяйство – в Министерстве сельского хозяйства. Более того, чтобы упростить прохождение документов в Министерстве промышленности и торговли было создано специальное подразделение, занимавшееся инвестициями, которое было обязано принимать от зарубежного инвестора декларацию о намерениях, оформлять в течение месяца все необходимые документы и возвращать их ему (22, с. 158).

Тем не менее, полной свободы действий иностранный капитал не получил: его возможности ограничивались принятыми в 1978 г. «Правилами контроля за иностранной деятельностью», в соответствии с которыми, в частности, иностранцы не допускались в сферу торговли и строительства. Правилами предусматривалось также, что иностранцы могут заниматься какой-либо деятельностью (даже приобретать акции компаний) на территории Иордании только с разрешения премьер-министра.

В данной публикации уже неоднократно подчеркивалась роль национализации в ликвидации экономического и политического гос-

подства иностранного капитала в арабских странах после обретения ими независимости. Объекты национализации, ее формы и условия зависели от многих факторов, в том числе от характера власти, радикальности ее программы действий, а также масштабов активности иностранного капитала в данной стране.

В таких государствах, как Египет, где имелась относительно развитая прослойка местного предпринимательства, национализация распространялась прежде всего на собственность компрадорской буржуазии, крупного национального капитала, предпринимателей и помещиков, входивших в правящую элиту свергнутого режима и пытавшихся оказать сопротивление новому курсу правительства.

Согласно Хартии национальных действий 1962 г., поле деятельности частного капитала в стране было предельно сужено. Негосударственные инвестиции в транспорт, энергетику и земельную собственность были запрещены. В тяжелую промышленность и обрабатывающую промышленность – резко ограничены. Особенно жесткие барьеры были поставлены перед иностранными прямыми инвестициями. Капиталовложения из-за рубежа разрешались Хартией лишь «в исключительных случаях», например, при необходимости использования передовой технологии. В импортную торговлю доступ частного капитала был закрыт. Банки и страховые компании могли быть только государственными.

Проведение в первой половине 60-х годов серии национализаций крупной и части средней собственности местной буржуазии, а также активов иностранного капитала позволило египетскому государству сосредоточить в своих руках значительные материальные и финансовые ресурсы. Так, в середине указанного десятилетия доля государственных предприятий достигала 93% стоимости всей промышленной продукции и была самой высокой среди ближневосточных стран (23, 29.08.1987). Для сравнения интересно упомянуть, что доля частных предприятий в национальном производстве Египта к 1950 г. (т.е. накануне революции) возросла до 84%, на них приходилось 92% всей рабочей силы, занятой в промышленности (24).

В результате волны национализаций к началу 70-х годов экономика Египта превратилась в значительной степени в огосударствленную, с централизованной системой планирования, где оставалось мало места для частной инициативы. Даже аграрный сектор, в котором преобладала частная собственность, находился под государственным контролем, что касалось выбора выращиваемых культур, снабжения всем необходимым и закупок сельскохозяйственной продукции, а также ценообразования.

В этот период (особенно после октябрьской войны 1973 г.) египетское руководство, осознав, что государство больше не в состоянии одновременно проводить индустриализацию и финансировать социальные программы, начало проводить политику «открытых две-

рей» («инфитах»), которая была призвана ускорить решение экономических и социальных проблем путем поощрения деятельности местного частного предпринимательства и привлечения иностранного капитала. Новая экономическая стратегия, одобренная национальным референдумом в мае 1974 г., заложила основы для серьезной экономической переориентации страны. Поскольку Египет нуждался в значительной финансовой и технологической поддержке для модернизации во всех сферах жизни общества, он самим ходом своей хозяйственной и политической эволюции был обречен на использование внешних факторов с целью ускорения социально-экономического развития. Переориентация была также необходима для преодоления узких мест в функционировании госсектора и повышения его эффективности. Новая экономическая политика должна была стимулировать участие местного и иностранного частного капитала в экономической модернизации наряду с государственным сектором.

Экономическая политика египетского правительства (вплоть до 1981 г.) базировалась на законах, принятых в рамках «инфитаха». Ряд законодательных актов (в частности, закон № 4 об инвестировании иностранного капитала; закон № 43 от 1974 г. об арабских и иностранных инвестициях и свободных зонах; закон № 18 от 1975 г. об импортной системе; закон № 97 от 1976 г. о счетах в иностранной валюте) предусматривали определенные льготы и налоговые, таможенные и фискальные стимулы, которые должны были поощрить местный и иностранный частный капитал к инвестированию в Египте. Специальное распоряжение Министерства промышленности открывало каналы сотрудничества местных предпринимателей с зарубежными – арабскими и западными. Активные стимулирующие меры египетского правительства с целью привлечения иностранного капитала в национальную экономику способствовали заметному улучшению инвестиционного климата в Египте, что особенно наглядно проявилось в нефтегазовой промышленности. На зарубежные активы в этой отрасли полностью распространились гарантии от национализации, секвестра и им подобных актов государственной власти, а также другие положения закона № 43 от 1974 г. «Об арабских и иностранных инвестициях и свободных зонах». Вместе с тем, по всей вероятности, главным фактором (как справедливо считает российский исследователь экономики АРЕ А.А.Ткаченко), предопределившим положительную переоценку инвестиционного климата в Египте транснациональным нефтяным бизнесом, стали гораздо более выгодные по сравнению с предоставляемыми большинством других нефтедобывающих государств финансово-экономические условия его деятельности (25, с. 141, 142). Эти условия были установлены принятой в 1972 г. долгосрочной программой развития нефтегазовой промышленности, согласно которой с августа 1973 г. все зарубежные инвесторы привлекались к разведке и последующей эксплуатации нефтегазовых ресур-

сов по соглашениям о разделе продукции. Эти соглашения, называемые также подрядными, предусматривали при подписании выплату иностранными подрядчиками бонусов государству и закрепление за ними определенных участков национальной территории или акваторий в пределах территориальных вод, возлагали обязательство инвестировать на этих участках в геолого-поисковые и разведочные работы не меньше установленной суммы средств на достаточно длительный период, ограниченный 6–12 годами и, как правило, разделенный на два-три этапа, переход к каждому из которых зависел от подтверждения готовности подрядчиков продолжить контракт и понести очередные расходы.

В этот период подрядчики несли все затраты и сопряженные с ними коммерческие риски, так что в случае отрицательных результатов изысканий соглашения автоматически прекращали действовать по обычной практике подрядных контрактов в данной отрасли. До истечения сроков подрядчики могли по собственному усмотрению на одном из этапов отказаться от своих прав на 75–80% первоначально отведенных им разведочных территорий и соответственно сократить обязательства в связи с арендой этих участков.

При обнаружении коммерческих запасов углеводородного сырья иностранным инвесторам предоставлялось право их эксплуатации в течение 20–30 лет. До 40% продукции добывающих предприятий выделялось для компенсации затрат на выплату подписных бонусов, на геологические изыскания, амортизационные отчисления от инвестиций, возмещение текущих издержек производства и всех прочих расходов этих подрядных предприятий. После полной амортизации капиталовложений доля так называемой стоимостной нефти обычно ограничивалась 20–30% общего объема производства. Остальная его часть распределялась между государственной Египетской генеральной нефтяной корпорацией (ЕГНК) и подрядчиком в соотношениях от 70/30 до 88/12 для нефтедобывающих и от 67,5/32,5 до 70/30 для газодобывающих предприятий. Доля иностранных контрагентов ЕГНК при распределении так называемой доходной продукции повышалась прямо пропорционально усложнению географических и горно-геологических условий ее производства (например, от глубин моря в районах промыслов на шельфе) и обратно пропорционально максимальной, технически допустимой продуктивности месторождений, которая определяется главным образом величиной их доказанных запасов.

Отличительной особенностью Египта 70–80-х годов по сравнению с другими нефтедобывающими странами являлась относительно гибкая реакция на изменчивую конъюнктуру мирового капиталистического рынка энергосырьевых товаров. Так, под давлением резкого ее спада в 1986 г. с целью предотвратить наметившееся ослабление активности зарубежных инвесторов экстренно предоставлялись им

новые стимулы. Вводилась скользящая пропорция распределения «доходной» нефти, в соответствии с которой доля иностранных подрядчиков могла достигать 50% в зависимости от стадии амортизации их капиталовложений и уровней экспортных цен на жидкое топливо.

О привлекательности для транснационального нефтяного бизнеса условий, предоставлявшихся АРЕ, свидетельствует длительный бум их предпринимательской деятельности, начиная с 1973 г. Если в 1963–1972 г. Египтом было заключено лишь четыре соглашения о разведке и последующей разработке нефтегазовых ресурсов с тремя иностранными компаниями, то в дальнейшем до конца 1985 г. число заключенных контрактов выросло до 132, из которых 105 к тому сроку уже вступили в силу, а остальные были согласованы сторонами и ожидали подписания; число зарубежных контрагентов приблизилось к 40 фирмам из почти 20 стран. Общая величина финансовых обязательств этих фирм только в области геологических изысканий достигла 2448,6 млн. долл., а выплаченных ими подписных бонусов – 221 млн. долл. (25, с. 143).

Другими весьма показательными областями экономики Египта с точки зрения государственной политики по отношению к иностранному капиталу в 70–80-е годы прошлого века являлись валютно-финансовый и банковский секторы, которые под воздействием политики «либерализации и открытых дверей» подверглись серьезным структурным переменам. Так, закон № 43 от 1974 г. «Об арабских и иностранных инвестициях и свободных зонах» и еще несколько законодательных актов предоставили право организовывать коммерческие, инвестиционные банки и компании по перестрахованию для ведения операций в иностранных валютах, а местному капиталу самостоятельно или с привлечением иностранных партнеров на условиях не более чем 49-процентного участия основывать аналогичные учреждения с правами операций также в египетской валюте.

После отмены государственной монополии кредитная система Египта стала более привлекательной сферой приложения зарубежного предпринимательского капитала. Результатом высокой деловой активности явилось основание нескольких десятков учреждений. По данным Центрального банка АРЕ, к началу 90-х годов общее число зарегистрированных в стране национальных и смешанных коммерческих и специальных банков превышало 100; кроме того, насчитывалось свыше 20 филиалов и представительств иностранных кредитно-банковских учреждений (26, с. 132). При этом среди кредитно-финансовых институтов, учрежденных после принятия закона № 43, численно преобладали смешанные банки с таким распределением акций: 51% – государственные и частные держатели и 49% – зарубежные. Принадлежность контрольных пакетов акций египетской стороне не ущемляла интересов ее иностранных партнеров. Согласно египетскому законодательству, это являлось необходимым условием

широкого доступа к операциям, включая особенно прибыльные по обслуживанию внешней торговли в египетской, а не только в иностранной валюте, и обеспечивало присутствие на внутреннем кредитном рынке, на который не допускались учреждения исключительно или преимущественно зарубежных владельцев.

Государственная политика поощрения национальной и иностранной частнопредпринимательской деятельности способствовала притоку значительных средств из внутренних и внешних источников, что позволило поднять норму накоплений в АРЕ примерно с 13% в 1973 г. до 22–28% в конце 70-х – первой половине 80-х годов (25, с. 115).

В то же время меры египетского руководства по привлечению иностранного капитала в изучаемый период оказались недостаточно эффективными. В итоге участие иностранных инвесторов в экономике страны ограничивалось приблизительно 25–30% общей суммы согласованных капиталовложений, причем на западных инвесторов приходилось менее 10% (25, с.120). Существенно была ограничена и сфера приложения иностранного капитала – это в основном нефтедобыча, кредитно-банковская система. Последняя, хотя и служила средством привлечения значительных финансовых ресурсов (в частности, долларовых переводов египтян-эмигрантов), однако наряду с этим использовалась для частичного изъятия их из египетской экономики и направления на более благоприятные международные валютные рынки. Ограниченный характер «инфитаха» проявлялся также в стремлении инвесторов финансировать лишь те объекты, которые отличаются высокой скоростью окупаемости и высокой прибыльностью (главным образом в сфере услуг), избегая вкладывать капитал в «реальную экономику» – промышленность и сельское хозяйство. Помимо экономических причин, политическая нестабильность Ближнего Востока из-за неурегулированности арабо-израильского конфликта обуславливала повышенный риск капиталовложений в этом регионе, что в значительной степени тормозило приток сюда иностранного капитала.

Таким образом, с помощью политики «открытых дверей» в 70-е годы удалось достичь лишь весьма ограниченной либерализации экономических и внешнеэкономических связей Египта, а некоторые аспекты «инфитаха» оказывали отрицательное влияние на общее состояние египетской экономики, способствовали в условиях хозяйственного оживления углублению структурных кризисов, которые с наибольшей остротой проявились в 80-е годы. Резко возросла внешняя задолженность страны, приблизившаяся к середине указанного десятилетия к 40 млрд. долл. (17; 18.07.1987). Значительно ухудшилось обеспечение потребностей в продовольствии за счет внутреннего производства, в результате чего резко расширился импорт продуктов питания. Возросшее бремя расходов на закупку продовольствия

наряду с резко увеличившимся импортом западных товаров, прежде всего потребительского назначения, привело к огромному по масштабам египетской экономики дефициту торгового баланса. Рост государственных расходов, связанных с обеспечением военных нужд, субсидированием цен на товары и услуги первой необходимости, породили хронический дефицит государственного бюджета. Росла безработица, так как правительство не имело достаточных финансовых средств для создания новых рабочих мест.

В этих условиях египетское руководство пыталось скорректировать проводимый социально-экономический курс. Принимались меры с помощью экономических рычагов для направления негосударственных капиталов в сферу материального производства, чтобы ослабить или ликвидировать структурные диспропорции, возникшие в период так называемого потребительского инфлята в 70-е годы. Такая политика получила название «производительного инфлята».

С целью оздоровления ситуации в Египте в 80-е годы был принят ряд мер по перестройке государственного управления хозяйством: ведь государству традиционно принадлежит важная роль в экономическом развитии страны. В числе таких мер были реформа системы управления государственным сектором, возврат к элементам планового развития, корректировка инвестиционного кодекса и т.д.

В этой связи важно отметить, что реформа государственного сектора привела к расширению прав административных советов государственных компаний, касавшихся использования прибыли, валютной выручки, регулирования вопросов заработной платы, ценообразования. Важным элементом стало воссоздание государственных организаций в различных отраслях экономики, выполняющих функции трестов, упраздненных в 1975 г. в условиях либерализации экономики. Правда, в соответствии с декретом от августа 1983 г. были несколько ограничены административные функции государственных организаций с одновременным расширением имеющихся у них экономических рычагов управления.

Шаги правительства Египта в области регулирования иностранных инвестиций в это время сводились к стремлению поставить их под более жесткий контроль со стороны государства. Это нашло отражение, в частности, в принятии в 1981 г. закона № 159 о компаниях и Исполнительного регулирования, утвержденного декретом № 96 от 1982 г. министра инвестиций и международного сотрудничества. Указанные документы устанавливали, например, что иностранная компания вправе осуществлять в АРЕ какую-либо деятельность, только образовав отделение своей компании в соответствии с положениями законодательства о коммерческой деятельности (27, № 3–4, с.46).

Оценивая итоги государственной политики египетского руководства в 80-е годы, следует признать, что возврат к старым, административным методам управления не принес ожидаемых результатов,

что, в частности, проявилось в тенденции снижения темпов прироста ВВП, а также в недостаточной активности иностранных инвесторов на египетском рынке. Так, например, если в 1978 г. общее число инвестиционных проектов в стране, находившихся в стадии осуществления, достигло 259, то в 1988 г. оно упало до 200 (28, с. 100).

Поэтому неслучайно, что в июле 1989 г. Народное собрание АРЕ утвердило новый закон об инвестициях № 230, который, однако, не внес принципиальных изменений в инвестиционное законодательство. Он главным образом упростил процедуру капиталовложений в египетскую экономику. Дело в том, что основным предметом жалоб иностранных инвесторов в отношении прежнего закона № 43 от 1974 г. «Об арабских и иностранных инвестициях и свободных зонах» и его Исполнительного регулирования являлось обилие бюрократических преград при создании смешанных предприятий.

В отличие от Египта арабские нефтедобывающие страны Персидского залива, в первую очередь Саудовская Аравия, в 1960–1980 гг. наряду с проведением политики вытеснения международных монополий из нефтяной промышленности стремились привлечь иностранный капитал в другие сферы хозяйственной деятельности. В итоге участие зарубежных фирм и компаний в экономическом развитии аравийских монархий в эти годы не только расширилось количественно, но и приобрело ряд новых качественных особенностей. Первоначально оно было ограничено главным образом созданием совместных с национальным капиталом акционерных обществ. Затем с возникновением государственно-капиталистического сектора началось строительство крупных промышленных предприятий, выпускающих экспортную продукцию, где частный иностранный капитал выступал в партнерстве с государственным капиталом. Кроме того, сотрудничество на главных направлениях индустриализации строилось на базе долгосрочных межправительственных соглашений. Однако несмотря на совершенствование форм сотрудничества, его сущность сводилась в основном к осуществлению принципа смешанного предпринимательства в этих странах.

Акционерные компании с участием иностранного капитала начали возникать в Саудовской Аравии после принятия в феврале 1964 г. закона об инвестициях (17, 1964, № 10, с. 117). В 1979 г. этот нормативный акт был заменен новым законом об иностранных инвестициях. Деятельность иностранного капитала в королевстве регулировалась также законом о компаниях, принятом в 1965 г. В соответствии с ним иностранному капиталу предоставлялись те же привилегии, что и национальному. Предприятия, имевшие зарубежные инвестиции, освобождались от подоходного налога и налога на компании сроком на пять лет с момента пуска предприятия в эксплуатацию при условии, что доля национального капитала в течение всего льготного периода будет не ниже 25% (29, 1970, № 38, с. 10). Для выдачи разре-

шений на зарубежные капиталовложения был создан Отдел инвестиций при Министерстве торговли и промышленности. Иностранцам разрешалась свободная и без ограничений репатриация прибылей и капитала.

Льготы и привилегии, предоставляемые саудовским законодательством, вкуче с другими факторами (либеральное валютное регулирование, льготное кредитование, высокая платежеспособность и т.п.) создавали достаточно благоприятный инвестиционный климат в стране.

Тем не менее анализ государственной политики королевства в области иностранных инвестиций показывает, что в 60–80-е годы прошлого столетия отчетливо проявилась тенденция к повышению роли национального капитала в экономическом развитии страны. Так, согласно инвестиционному законодательству Саудовской Аравии, в королевстве не существовало формальных ограничений на создание и функционирование иностранных фирм и компаний любой формы собственности. Однако в соответствии с законом об иностранных инвестициях многие льготы, предоставляемые иностранным инвесторам, распространялись лишь на структуры с не менее чем 25-процентным участием саудовского капитала. На практике трудности при создании компании и в ее дальнейшей деятельности возникали, если менее чем 50% капитала принадлежало саудовским фирмам и частным лицам.

Закон об иностранных инвестициях определял как «иностранное» любое несаудовское или смешанное предприятие. При этом существовали ограничения на деятельность иностранного капитала в определенных сферах. Так, в нефтяной промышленности и банковском деле его удельный вес не мог превышать 40% капитала компании. Предприятия в областях, связанных с добычей и переработкой нефти и других минеральных ресурсов, а также в сфере воздушного и железнодорожного транспорта действовали по особым правилам. Специальные ограничения существовали в сфере банковского дела и страхования. Иностранные внешнеторговые фирмы (импортные, экспортные, дистрибьюторские) были запрещены в Саудовской Аравии. Это ограничение распространялось и на предприятия с иностранным участием, желавшие импортировать товары для своих нужд. Они обязаны были осуществлять ввоз через саудовского партнера или использовать местного агента.

Таким образом, Саудовская Аравия, обладая огромными доходами от эксплуатации имеющихся у нее колоссальных запасов нефти и газа и являясь одной из богатейших стран мира, была заинтересована прежде всего в получении путем привлечения иностранных инвестиций современных передовых технологий, знаний, опыта и т.п. При этом правительство королевства рассматривало как лучшую,

наиболее эффективную форму получения зарубежных технологий совместные предприятия с участием иностранного капитала.

Таковы в общих чертах основные направления, формы и методы государственного регулирования иностранных инвестиций в арабском регионе в целом и в отдельных странах, в частности, после обретения ими независимости и вплоть до начала 90-х годов. В течение последних десяти-двенадцати лет для экономического развития этих государств был характерен постепенный переход к рыночным механизмам управления, отказ от использования исключительно административно-принудительных мер и принципов дирижизма, когда государство отдает предпочтение нередко политическим целям в ущерб экономическим. Основополагающая тенденция изменений в политике арабских стран в области привлечения иностранных инвестиций в 90-е годы прошлого столетия также носила позитивный характер.

При ограниченности внутренних источников накопления и неразвитости механизмов аккумуляирования свободных финансовых ресурсов правящие режимы на Арабском Востоке значительное внимание уделяли вопросам улучшения инвестиционного климата, совершенствованию инвестиционного законодательства, принимали меры, направленные на привлечение иностранного капитала в экономику своих стран. Так, в частности, вместо ограничения (как это было зачастую раньше) или даже запрета прямых иностранных инвестиций принимающие страны не только приветствовали эту форму капиталовложений, но на самом деле конкурировали за получение ПИИ из-за рубежа. Ряд требований, выдвигавшихся ранее при создании и функционировании отделений и филиалов иностранных компаний был заметно ослаблен или отменен полностью. Расширялся круг арабских стран, в которых зарубежные инвесторы получали право свободно переводить свои прибыли и капиталы. Все более широко в регионе распространялась практика разрешения инвестиционных споров через арбитраж.

Вместе с тем комплекс проблем, связанный с сохраняющимся сравнительно низким уровнем производительных сил, диспропорциями развивающейся экономики, живучестью традиционных социальных структур, изъянами многоукладного общества, предопределил неоднозначный, противоречивый и в целом неустойчивый характер социально-экономической эволюции арабских государств в 90-е годы. Это, безусловно, негативно отражалось на притоке иностранных инвестиций.

В этих условиях на передний план в арабском мире выдвигается стратегическая задача достижения устойчивых темпов экономического роста, что диктует необходимость поддержания достаточно высокой нормы валовых капиталовложений в инвестиционных программах арабских стран, а это, в свою очередь, требует более интенсивного

привлечения иностранных инвестиций, особенно в форме прямых вложений.

Большинство арабских стран испытывает постоянную нехватку капиталов, которая еще более обостряется в обстановке современного научно-технического прогресса. Здесь необходимо отметить, что до середины 80-х годов эта проблема фактически не стояла перед крупными нефтеэкспортерами Арабского Востока. Однако в последующий период в условиях участвовавших спадов на мировом нефтяном рынке и сокращения вследствие этого нефтяных доходов их финансовые ресурсы перестали быть неограниченными.

В то же время, согласно данным, приведенным в опубликованном в июне 1997 г. докладе ЮНКТАД, доля арабских стран в привлеченных прямых иностранных инвестициях постепенно снижалась. Так, если в начале 80-х годов она составляла 10%, то во второй половине истекшего десятилетия уменьшилась до 1% (1; 3.07.1997). По мнению экспертов ЮНКТАД, указанная тенденция связана в основном с ослаблением интереса инвесторов к нефтяной промышленности стран региона. Их внимание сосредоточивается в настоящее время преимущественно на обрабатывающей промышленности и сфере услуг.

В докладе отмечается, что в начале 80-х годов на долю восьми крупных ближневосточных производителей и экспортеров нефти (из пятнадцати стран региона) приходилось 96% общего притока капиталовложений в эту часть мира. К концу указанного десятилетия этот показатель снизился до 67%, а в середине 90-х годов распределение ПИИ между нефтедобывающими и прочими государствами было уже примерно равным. Во время нефтяного бума в первой половине 80-х годов среднегодовой приток ПИИ (почти исключительно в нефтяную отрасль) в Саудовскую Аравию достигал 5 млрд. долл. В 1990–1995 гг. данный индикатор не превышал 737 млн. долл.

Более равномерное распределение иностранных инвестиций между арабскими странами, безусловно, – само по себе явление положительное. Отход от ориентации исключительно на нефтяную отрасль и повышение внимания инвесторов к другим секторам экономики в арабском мире также заслуживает позитивной оценки. Определенную обеспокоенность руководства арабских государств вызывает наблюдающееся уменьшение общего притока иностранных инвестиций в экономику региона, что может привести к замедлению темпов их хозяйственного роста.

В этой связи следует подчеркнуть, что при всей противоречивости влияния иностранного капитала на воспроизводственный процесс и в целом на социально-экономическое развитие арабских государств нельзя не признать, что поступление сюда зарубежных инвестиций и вместе с ними современных технологий и «ноу-хау», несомненно, ведет к усилению производственно-технического потенциала этих

стран, способствует положительным изменениям в отраслевой и технологической структуре их экономики, увеличивает возможности их промышленного развития.

Функционирование в арабских государствах сектора иностранного капитала существенно расширяет фонд накопления этих стран и прежде всего тех из них, где норма совокупного накопления невелика из-за ограниченности внутренних ресурсов. Кроме того, растут валютные резервы принимающих государств, так как помимо притока самого капитала в арабские страны поступает после реализации на внешнем рынке часть стоимости, произведенной в секторе иностранного капитала.

К положительным моментам деятельности иностранного капитала в арабских странах можно отнести рост вовлеченности этих стран в мировое капиталистическое хозяйство (МКХ). Государства Арабского Востока строят свою экономическую стратегию по целому ряду параметров с учетом импульсов, поступающих от МКХ. Проводниками этих импульсов, несущих более высокий уровень технологии и организации производства, являются иностранные и смешанные компании, национальные фирмы, контролируемые западным капиталом.

Неизбежным результатом увеличения степени вовлеченности арабских стран в мирохозяйственные связи в условиях сохранения в мировом хозяйстве отношений эксплуатации и дискриминации является усиление зависимости Арабского Востока, как и других частей «третьего мира», от этих связей. Усиление взаимодействия национальных экономик арабских стран с мировым хозяйством происходит также ценой снижения устойчивости экономического развития этих государств, они становятся более восприимчивыми к структурным и конъюнктурным колебаниям в мировой системе хозяйства.

Возможности для изменения существующего положения создают поступательный ход развития экономик арабских стран, рост емкости и диверсификация их внутренних рынков. Немалое влияние оказывает и контролирующая деятельность национального государства по регулированию условий привлечения капитала из развитых стран. Это проявляется в укреплении взаимодействия иностранного капитала с местными экономическими структурами, во все большем перемещении национальных капиталовложений в сектор обрабатывающей промышленности, росте числа смешанных компаний с участием иностранного капитала и случаев привлечения западного капитала на неакционерной основе.

Вообще решение проблемы более широкого привлечения внешних инвестиций, особенно в реальный сектор, видится в дальнейшем развитии и последовательной либерализации экономики и внешнеэкономических связей арабских стран, их финансовых рынков, реорганизации государственных финансовых систем с одновременным повышением роли рыночных рычагов и механизмов (налогов, тари-

фов, процентных ставок и т.п.), в новых инициативах по улучшению инвестиционного климата.

По мнению многих западных и арабских аналитиков, подобная политика должна быть дополнена структурными изменениями, включающими преодоление бюрократических препон и внедрение строгого мониторинга банковской системы. С целью поощрения более широкого участия частного капитала, в том числе иностранного, в экономическом развитии арабских стран необходимо создать адекватную нормативную базу, внедрить прозрачную финансовую отчетность корпоративных структур, банков и правительства (17; 7.04.1999).

1. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М.
2. Globalization and Growth Prospects in Arab Countries. IMF. 1997.
3. Георгиев А.Г., Озолинг В.В. Нефтяные монархии Аравии. – М., 1983.
4. Хаваджикия М.Х. Ат-Такамуль аль-иктисадий фи-ль-халидж аль-арабий. – Аль-Кувейт, 1978.
5. Иностраннный капитал и иностранное предпринимательство в странах Азии и Северной Африки. – М., 1977.
6. Михин В.Л. Кувейт. – М., 1984.
7. Арабский мир. Три десятилетия независимого развития. – М., 1990.
8. Стоклицкий С.Л. Роль государства в мобилизации внутренних накоплений стран Магриба. – М., 1975.
9. Osman A.B. Industrial Policies and Industrialisation in the Sudan. Khar-toum, 1985.
10. Актуальные проблемы стран Ближнего и Среднего Востока. История. Экономика. – М., 1970.
11. Three Monthly Economic Review. Iraq and Arabian Peninsula. London.
12. The Central Bank of Iraq. Quarterly Bulletin. Baghdad.
13. Quarterly Economic Review. Iraq. London.
14. Baghdad News. Baghdad.
15. The Baghdad Observer. Baghdad.
16. Руденко Л.Н. Основные проблемы развития экономики и внешне-экономических связей Ирака (1968–1975 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – М., 1975.
17. The Middle East Economic Digest (MEED). London.
18. Energy Prospects to 1985. OECD. Paris, 1974.
19. Известия. Москва.
20. Economic Report of Syria. Lloyd's Bank Ltd. London, 1981.
21. Развитие капитализма в арабском мире. – М., 1988.
22. Рынки Ближнего Востока. – М., 1997.
23. Egypt. Special Report. MEED. London.
24. Investment Regimes in the Arab World. UNCTAD. New-York-Geneva, 2000.
25. Арабская Республика Египет. Справочник. – М., 1990.

26. The Central Bank of Egypt. Annual Report. Cairo.
27. Конъюнктура в странах Азии, Африки и Латинской Америки. – М.: ВНИКИ, 1992.
28. Investment Policy Review. Egypt. UN. New-York-Geneva, 1999.
29. The Petroleum Economist. London.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В МАРОККО

Важнейшей проблемой для большинства государств арабского мира в новом тысячелетии является выбор моделей развития, способных придать динамизм экономике, обеспечить решение социальных вопросов. Как показали последние 10–15 лет, старая модель, при которой основой экономического развития служил государственный сектор, а финансовые поступления формировались за счет продажи нефти, иностранной помощи и денежных переводов работающих за границей граждан, уже не в состоянии обеспечивать необходимые темпы роста. Вместе с тем продолжающееся быстрое увеличение численности населения, в особенности находящегося в работоспособном возрасте, требует адекватного увеличения количества рабочих мест. Насущной проблемой является ликвидация бедности. К началу 2000 г. уровень безработицы в регионе составил 15%, доля населения, живущего менее чем на 2 доллара в день, – 29,9%. Эти показатели заметно ниже средних для развивающегося мира, где к числу бедных относится более 56% жителей. Однакостораживает тот факт, что за последнее десятилетие прошлого века абсолютная численность бедных в арабском мире не только не сократилась, но даже возросла. К тому же ожидается, что в 2000–2010 гг. ежегодно более 4 млн. чел. будут пополнять рынок рабочих рук в регионе, что в условиях снижения возможностей трудовой миграции окажет серьезное давление на экономику.

В связи с этим как на национальном уровне, так и в среде международных финансовых и экономических организаций все больше надежд возлагается на новые модели развития, опирающиеся на частный сектор и внешнюю торговлю. Перенос центра тяжести с нефтяного сектора на другие отрасли хозяйства, снижение роли государства в экономике в пользу частного предпринимательства и усиление рыночной направленности, переориентация с политики протекционизма и импортозамещения на развитие конкурентоспособных экспорториентированных производств – таковы три основные составляющие оптимального, по мнению большинства экономистов, пути развития региона.

В аналитическом обзоре, посвященном экономике Ближнего Востока и Северной Африки, специалисты Всемирного банка утверждают, что в настоящее время объем ненефтяного экспорта стран регио-

на составляет всего треть от возможного, а импорт промышленных товаров – около половины. Размеры притока иностранных прямых инвестиций могут быть увеличены в 5–6 раз – с 0,5% от ВВП сейчас до 3% в перспективе. В том случае, если эти возможности будут реализованы хотя бы наполовину в ближайшие 10 лет, темпы прироста показателя ВВП на душу населения, по мнению аналитиков, возрастут в 4 раза – с 1% до 4% ежегодно. Одновременно в этих условиях можно ожидать значительного роста числа рабочих мест и снижения уровня безработицы на 4% в течение 5 лет¹.

Арабский регион весьма неоднороден, страны, входящие в него, сильно различаются по уровню экономического развития, наделенности природными ресурсами, размерам территории и населения и емкости внутреннего рынка. В силу меньшей инерционности хозяйства небольших стран переход на новую модель развития в них представляется менее сложным процессом, занимающим к тому же более короткий период времени. Ряд арабских государств, не обладающих нефтяными ресурсами, таких, например, как Иордания, Тунис, Марокко, уже сравнительно давно был вынужден искать пути развития, обеспечивающие адекватные темпы экономического роста. Их попытки увеличить открытость экономики, вписаться наиболее оптимальным образом в мировое хозяйство насчитывают уже около двух десятилетий. Таким образом, отсутствие нефти и, соответственно, возможности получать большие доходы от ее продажи можно считать в известном смысле благоприятным фактором, заставившим эти государства ранее других осознать свои проблемы и встать на путь реформ.

Достаточно типичной в этом отношении является ситуация в Марокко. Удельный вес этой страны в населении Ближнего Востока и Северной Африки – 9,6%, в совокупном ВВП региона – 5,3%. По показателю ВВП на душу населения в 2002 г. Марокко заметно отставало от среднего уровня региона – 1,190 долл. по сравнению с 2,070 долл.²

В начале 80-х годов страна пережила серьезный экономический кризис, связанный с критическим увеличением объема внешнего долга и выплат по нему, ростом дефицитов платежного баланса и государственного бюджета. Уже тогда необходимость реформировать хозяйство в направлении либерализации была сформулирована и принята в качестве основной задачи руководством Марокко.

В 1986–91 гг. экономические показатели развития Марокко были одними из наилучших в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Среднегодовые темпы роста в этот период составили 4,4%, при этом обрабатывающая промышленность росла опережающими темпами – на 4,5% в среднем ежегодно. Вклад сельского хозяйства в прирост ВВП был равен 0,3%³. Учитывая сильную зависимость этого

сектора от погодных условий, его низкую продуктивность, подобный показатель можно оценить как достаточно удовлетворительный.

В 1991–98 гг. темпы экономического развития страны заметно сократились – до 1,9% в среднем ежегодно. Частично это отражало ухудшение положения в сельском хозяйстве страны, снижение производства в котором было вызвано участвовавшими засухами и в количественном выражении составляло в среднем 0,8% в год. Но также заметно упали темпы роста обрабатывающей промышленности – до 2,6% в указанный период⁴.

По оценкам, учитывающим роль различных факторов производства в приросте ВВП, в период 1984–90 гг. до 38% роста происходило за счет увеличения интенсивности производства, в 90-е же годы весь прирост обеспечивался за счет расширения используемого капитала и числа работающих, т.е. экстенсивных факторов⁵.

В 2000 г. прирост ВВП был также низким – 1%, в 2001 г. увеличился до 6,5%⁶.

Структура ВВП Марокко за последние годы изменилась незначительно. Удельный вес сельскохозяйственного сектора с 11,6% в 1995 г. возрос до 16,4% в 1998 г. и сократился до 13,8% в 2001 г. Доля добывающей промышленности и энергетики осталась практически неизменной – 7,6–7,8%. Вклад обрабатывающих отраслей промышленности несколько сократился – с 18,9% в 1995 г. до 17,4% в 1998 г. и 18,0% в 2001 г. Традиционно велик удельный вес сектора услуг – 61,9% в 1995 г., 60,4% в 2001 г.⁷

Что касается изменений в отраслевой структуре хозяйства, то за прошедшие два десятилетия они были следующими:

- вклад отраслей обрабатывающей промышленности в реальный экономический рост был в период 1980–2001 гг. недостаточно весомым – всего 0,6%, хотя среднегодовые темпы их прироста за указанный период и составили 3,5%;

- снизился удельный вес в ВВП отраслей по переработке сельскохозяйственного сырья и производству продовольственных товаров (с 4,7% до 3,7%); несколько возрос вклад химической промышленности (с 5,1% до 6,8%);

- практически неизменным остался удельный вес таких важных отраслей промышленного производства, как текстильная и кожевенная промышленность (около 4,4%), металлургическая и механическая (2,4%), электротехническая и электронная (0,6%);

- доля торговли в ВВП сохранилась на уровне 20,4%;

- наблюдался рост в секторе транспорта и связи, его доля за указанный период возросла с 5,1% до 7,2%. Он является одним из наиболее динамичных секторов хозяйства, особенно в плане применения новейших технологий⁸.

В использовании ВВП Марокко наблюдались следующие тенденции: За 1995–2000 гг. с 89 до 86,8% от ВВП сократилось конечное

потребление, возросла доля в нем государственных учреждений (с 17,4 до 19,2% ВВП); в период 1983–92 гг. данный показатель был еще ниже и составлял 15,8%. Снизился вклад частного потребления в экономический рост – с 7,3% в 1983–92 гг. до 3,3% в 1993–2001 гг. В последние годы увеличился показатель валового накопления – с 19,6% в 1996 г. до 22,8% в 2001 г. Однако в рамках более длительного периода произошло снижение вклада внутренних валовых капиталовложений в рост экономики – с 5,5% в 1980–82 гг. до 1,9% в 1983–92 гг. и до 1,1% в 1993–2001 гг. Наблюдалось снижение продуктивности капиталовложений – в среднем с 2,6 единиц капитала на производство единицы продукции в 1985 г. до 6,1 – в 2001 г.⁹

Все эти факты говорят о том, что в последние два десятилетия экономический рост в Марокко был недостаточно быстрым и эффективным. Неудовлетворительна ситуация в тех отраслях хозяйства, которые составляют основу экспортного потенциала страны, – сельском хозяйстве, химической, электронной, текстильной и кожевенной промышленности. Несомненно, что в значительной мере это вызвано объективными факторами, в частности, повторяющимися засухами (в 1995, 1997, 1999 и 2000 гг.), заметно сокращающими объемы сельскохозяйственного производства, усиливающейся конкуренцией на международных рынках. С другой стороны, существует ряд факторов, препятствующих развитию экономики, на которые можно и нужно воздействовать. Например, в аграрном секторе это отсталая система землепользования, недостаточное использование современных технологий в производстве и хранении продукции, слабое развитие ирригации. Что касается экономики в целом, то руководство страны уже давно осознало необходимость ее либерализации и структурной перестройки, а именно приватизации убыточных предприятий госсектора, создания благоприятного инвестиционного климата, стимулирования частного предпринимательства и привлечения иностранных инвестиций, усиления экспортной ориентации.

Меры, направленные на макроэкономическую стабилизацию хозяйства в Марокко, предпринимались уже в 80-е годы. Именно тогда была сформулирована цель – преобразовать закрытую, опирающуюся преимущественно на госсектор экономику в более открытую, с преобладанием частного предпринимательства. К 1993 г. было осуществлено частичное снижение торговых барьеров – численность котируемых товаров сократилась с 66 до 15% номенклатуры импорта, уменьшились импортные пошлины (в среднем с 20 до 16%), были упразднены некоторые экспортные тарифы. Одновременно был отменен валютный контроль. Проводились изменения в налоговом законодательстве, в результате чего на 3% за 1993–97 гг. сократился удельный вес взимаемых налогов в несельскохозяйственном ВВП. Особенно заметно снизился налог на корпорации – с 50,3% в обрабатывающей промышленности и 44,2% в сфере услуг до 24,2% и 19,9%

соответственно за 1986–95 гг. Снижение налогов не повлекло за собой роста бюджетного дефицита – его величина в среднем в 1992–97 гг. составляла 3,7% ВВП (по сравнению с 11,6% в 1980–86 гг.)¹⁰.

Вместе с тем положительный эффект режима бюджетной экономии оказался меньше ожидаемого, причиной этого был тот факт, что вместо сокращения текущих расходов он достигался за счет снижения государственных капиталовложений в экономику. В результате показатель валовых капиталовложений на протяжении 90-х годов сохранялся фактически неизменным – 22,6% ВВП, тогда как по оценкам он должен быть не менее 27% для поддержания темпов экономического роста на уровне 3%¹¹.

Одним из способов повышения эффективности экономики страны была признана приватизация госсектора. Основой приватизационной программы стал закон о приватизации, принятый в 1989 г. По нему до 1998 г. были намечены 113 государственных компаний, подлежащих разгосударствлению. Фактически процесс приватизации был начат в 1993 г. К 1998 г. были приватизированы 52 крупные государственные компании и 125 их дочерних фирм, что принесло в бюджет более 13 млрд. дирх. Тем не менее основные показатели деятельности госсектора за 1990–97 гг. изменились мало – добавленная стоимость в госсекторе снизилась всего с 13,4 до 13,0% от ВВП, а доля инвестиций в общем объеме капиталовложений в экономику – с 24,3 до 22,2%; удельный вес заработной платы работников госпредприятий в ВВП даже несколько увеличился – с 4,5 до 4,6% ВВП. К концу 1998 г. в стране существовали 573 компании, находящиеся в государственной собственности, все в форме акционерных обществ¹².

Новая волна приватизаций госпредприятий началась с 1998 г. Частным инвесторам были переданы 4 государственные компании и 8 отелей. Наиболее крупными операциями стали продажа консорциуму иностранных фирм «Meditel» второй лицензии на организацию сотовой связи GSM за 11 млрд. дирхамов, передача 35% капитала «Марок Телеком» – компании, работающей в сфере телекоммуникаций – французской фирме «Vivendi Universal», что принесло в бюджет 23 млрд. дирх., а также продажа испанским фирмам за 14,6 млрд. дирх. 80% акций компании по производству табачных изделий. Идет подготовка документов для приватизации еще двух компаний, работающих в автомобильной промышленности и полиграфии. На 2003 г. был также подготовлен список еще ряда компаний, подлежащих передаче в частные руки. В их число входят фирмы, действующие в текстильной промышленности, производстве сахара, финансово-кредитные учреждения, отели. Частным инвесторам планируется продать от 98,5 до 38% акций данных предприятий¹³. В ряде секторов экономики государство будет сохранять за собой право собственности, однако частные инвесторы получают возможность совместного участия в отдельных проектах. Подобные концессии уже существуют в производстве и

распределении электроэнергии, водоснабжении, автодорожном строительстве.

Таким образом, кроме сферы телекоммуникаций и табачной промышленности в наибольшей степени процесс приватизации затронул такие отрасли, как добыча цветных металлов (серебра, кобальта, свинца, меди), нефтепереработка, производство и продажа металлоизделий, продажа нефтепродуктов, удобрений, производство цемента, а также сферу финансового кредитования и страхования, гостиничное дело. Сейчас, как уже указывалось, намечается активизировать приватизацию в пищевой и текстильной промышленности.

Весьма важен тот факт, что из общего числа приватизированных компаний около половины, а также примерно пятая часть переданных в частные руки гостиниц были приобретены иностранными инвесторами, в результате чего около 78% средств, вырученных в процессе приватизации, представляли собой иностранные инвестиции. Так, например, только в 2001 г. в страну поступило 33 млрд. дирх. иностранных прямых капиталовложений, что явилось в основном результатом крупных сделок в сфере телекоммуникаций.

Другим важным результатом проведенной приватизации марокканское руководство считает заметную активизацию биржевой деятельности, поскольку около 9% операций проводилось путем продажи акций через Касабланкскую биржу. За 1989–2001 гг. рыночная капитализация марокканских компаний возросла с 5 до 104,7 млрд. дирх., средняя цена акций за тот же период увеличилась в 269 раз. Количество частных акционеров с 10 тыс. в 1989 г. выросло до 300 тыс. в 2001 г. Причем держателями акций предприятий стало около 73 тыс. занятых на них работников, поскольку необходимым условием проведения приватизации является сохранение 10% акций (это максимальная величина) за рабочими компании¹⁴. Кроме продажи на бирже приватизация компаний осуществляется также путем тендерных сделок и прямой продажи. Все эти три способа были предусмотрены в новом законе о приватизации, принятом в 1999 г. По нему же из списка подлежащих разгосударствлению фирм были исключены те, которые испытывали какие-либо финансовые или юридические трудности.

На 2002 г. госсектор в Марокко включал 688 различных организаций и компаний, из которых 20 представляли собой учреждения административного характера, 54 являлись крупными отраслевыми управлениями в сфере промышленности и торговли. В число последних входили региональные управления по строительству и переустройству территорий, Управление по добыче фосфатов, головные и региональные организации в сфере электроэнергетики, водоснабжения, воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта, эксплуатации портового хозяйства, а также ряд банков и финансово-кредитных учреждений. Кроме них, в госсектор входит значительное число акционерных компаний, работающих в различных отраслях

промышленности, в том числе 163, в которых государство владеет более 50% капитала, и 187, в которых государство является собственником 5–50% акций¹⁵. Именно за счет двух последних групп намечается дальнейшее развитие приватизации.

Для повышения эффективности использования приватизационных отчислений в 1999 г. был организован Фонд экономического и социального развития Хасана II. Его целью стала активизация внебюджетного инвестиционного процесса в стране. При участии Фонда в 2000–2003 гг. осуществлялось 66 различных проектов с общей суммой капиталовложений 70 млрд. дирх., непосредственный вклад Фонда составлял 6,8 млрд. дирх. 36,5% капиталовложений Фонда было направлено в жилищное хозяйство, 16,2% – в модернизацию и строительство автодорожной сети, 19,8% – в различные проекты в сфере промышленности и туризма, остальное – в развитие социальной сферы. Важно отметить, что в сфере промышленности Фонд оказывает поддержку исключительно перерабатывающим отраслям, имеющим большой экспортный потенциал. К ним относятся текстильная и кожевенная, автомобильная промышленность, производство электронных изделий¹⁶.

Среди отраслей обрабатывающей промышленности Марокко по числу занятых лидирует текстильная и швейная промышленность (39%). Она же обеспечивает более трети стоимости экспорта готовых изделий. Основной подотраслью кожевенной промышленности является изготовление обуви, 90% которой реализуется на международных рынках. Наиболее быстро развивающейся отраслью обрабатывающей промышленности стало производство автомобилей – за 1996–2001 гг. ее объем возрос на 51%, инвестиции в отрасль увеличились на 175%, а экспорт продукции – на 183%. Электронная и электротехническая промышленность также имеет преимущественно экспортную направленность – до 80% ее продукции вывозится. В 2001 г. из общей стоимости экспорта обрабатывающей промышленности Марокко 38,5% приходилось на текстильные, швейные и кожевенные изделия, 28% – на продукцию химической промышленности, 20% – на переработанные изделия пищевой и сельскохозяйственной промышленности, 9% – на электротехнические и электронные товары, остальное – на товары, производимые металлургической и механической отраслями. Таким образом, пока в экспорте обрабатывающих отраслей преобладают традиционные товары (химическая, пищевая продукция), однако быстрыми темпами развиваются новые для Марокко экспортноориентированные отрасли¹⁷.

Учитывая необходимость стимулирования частных капиталовложений в экономику страны, марокканское руководство внесло ряд изменений в инвестиционное законодательство. В 1995 г. был принят новый инвестиционный кодекс. В нем намечены основные меры по расширению и активизации капиталовложений вплоть до 2005 г. пу-

тем создания благоприятного инвестиционного климата. Важной особенностью нового кодекса стали равные условия для национальных и иностранных предпринимателей. В законе гарантируются свободный перевод предпринимательских доходов, а также репатриация капитала в случае продажи или ликвидации компании без всяких ограничений по срокам и объему для иностранных вкладчиков.

По новому законодательству инвесторы получают многочисленные льготы, причем последние действительны для всех районов страны и всех отраслей хозяйства, чего не было в предыдущих инвестиционных кодексах. Так, в частности, обеспечивается снижение на 2,5–10% таможенных тарифов при ввозе оборудования и других необходимых товаров для создающихся предприятий, их приобретение также освобождается от уплаты налога на добавленную стоимость, а при покупке земельных участков для строительства инвесторы не платят регистрационные пошлины. Крупным инвестиционным проектам, превышающим 200 млн. дирх., государство гарантирует полное освобождение от уплаты импортных пошлин на ввоз оборудования.

Компании, работающие на экспорт, в течение пяти лет освобождаются от налога на корпорации и общего налога на доходы, после этого срока выплачивают указанные налоги в половинном размере. Для гостиниц и других объектов туристического хозяйства данные льготы распространяются только на оборот в иностранной валюте.

Если инвестиционный проект удовлетворяет ряду критериев – создание 250 и более новых рабочих мест, применение новейших технологий, принятие мер по охране окружающей среды – государство берет на себя часть расходов по приобретению земельного участка, созданию инфраструктуры и подготовке персонала в размере до 5% от всего объема капиталовложений.

Кроме того, в инвестиционном законодательстве оговаривается использование льготных таможенных режимов, например, при временном ввозе товаров для их дальнейшей обработки с последующим вывозом. В отдельных случаях могут предоставляться и другие льготы.

В сфере сельского хозяйства, учитывая его большое значение для страны, занятость в нем значительной части населения, действует особое законодательство, вступившее в силу в 1997 г. По нему, в частности, все доходы, полученные в данном секторе, освобождаются от прямого налогообложения вплоть до 2010 г. При импорте сельскохозяйственного оборудования гарантируется сокращение таможенных пошлин и предоставляются льготы по уплате налога на добавленную стоимость. На 50% снижается налог на корпорации для предпринимателей, занятых в производстве зерновых, масличных и сахаросодержащих культур, полностью освобождаются от данного налога компании, работающие в животноводческой отрасли¹⁸.

Одновременно с принятием нового инвестиционного кодекса в 1996 г. при марокканском Министерстве экономики, финансов и приватизации был организован Департамент иностранных инвестиций. В 1998 г. была создана Межминистерская комиссия по инвестициям во главе с премьер-министром, задачей которой стала ликвидация препятствий для развития инвестиционного процесса в стране и принятие мер по дальнейшему улучшению инвестиционного климата. Все эти факты указывают на большое значение, придаваемое этой проблеме руководством Марокко.

С целью упрощения и децентрализации процедуры инвестирования в 2002 г. в стране были созданы региональные инвестиционные центры. Работники центров обязаны снабжать потенциальных инвесторов необходимой информацией, решать все спорные вопросы, помогать в сборе документов.

Видимо, все эти меры по стимулированию капиталовложений в экономику дали определенные результаты – общий объем инвестиций за 1996–2001 гг. возрос с 61,9 млрд. дирх. (19,4% ВВП) до 87,4 млрд. дирх. (22,3% ВВП)¹⁹.

Кроме инвестиционного кодекса во второй половине 90-х годов был принят ряд законов, способствующих развитию предпринимательства и усилению действия рыночных механизмов в экономике Марокко. К ним относятся Закон об акционерных обществах (1996 г.), обеспечивший защиту интересов миноритарных вкладчиков; Кодекс компаний (1997 г.), предоставивший предпринимателям ряд возможностей в выборе форм юридического оформления своих фирм; Коммерческий кодекс (1997 г.), регламентирующий процедуры банкротства, ликвидации и реорганизации компаний; Закон о создании коммерческих судов (1998 г.), решающих спорные вопросы в области бизнеса; Закон о конкуренции (1999 г.), обеспечивающий прозрачность предпринимательства и регулирующий экономические отношения между компаниями. Таким образом, был достигнут заметный прогресс в области законодательного регулирования предпринимательства. Вместе с тем большая часть инвесторов считает, что бюрократические преграды, недостаточная осведомленность в законодательстве и небольшой опыт государственных чиновников на местах, медленность процедур принятия решений продолжают серьезно тормозить инвестиционный процесс в стране.

Особое внимание марокканское руководство уделяет вопросам активизации притока иностранных прямых инвестиций. Большинство развивающихся стран рассматривает иностранные прямые инвестиции как источник дополнительного финансирования развития экономики. Приход в страну иностранных компаний способствует развитию экспортных производств, росту применения новых технологий, повышению квалификации занятых в них работников. Развитие иностранного предпринимательства – один из путей повышения степени от-

крытости экономики страны и усиления ее включенности в мировое экономическое пространство. Все эти факторы обостряют конкуренцию в развивающихся странах за иностранные капиталовложения.

Марокко имеет соглашения об отмене двойного налогообложения с 42 государствами, в том числе с США, Канадой, Великобританией, Германией, Францией, Италией, Россией, Индией. С большинством стран Европы (Великобританией, Францией, Италией и др.), Китаем, Индией, Ираном, Индонезией, Турцией, рядом арабских государств, США заключены договоры о развитии и взаимной защите капиталовложений. Марокко является членом Международного агентства по гарантированию инвестиций, входящего в систему Всемирного банка.

В 2001 г. в стране был зарегистрирован беспрецедентно большой объем притока иностранных прямых инвестиций – более 2,8 млрд. долл. Подсчитано, что 60% всех иностранных капиталовложений, поступивших в этом году в государства Северной Африки, пришлось на Марокко²⁰. Высокий уровень притока иностранного прямого капитала также наблюдался в 1997 г. (1,2 млрд. долл.) и в 1999 г. (более 1,6 млрд. долл.). Подобные пики в поступлении иностранных прямых капиталовложений связаны с крупными операциями по приватизации госсектора. В 1997 г., например, шведской компании CORRAL с участием саудовского капитала были проданы два нефтеперерабатывающих предприятия, а также американская фирма АВВ получила концессию на эксплуатацию ТЭС в Джорф Ласфаре. В 1999 г. испано-португальский консорциум Медител получил лицензию на сотовую связь, а в 2001 г. французская фирма Vivendi Universal приобрела 35% капитала марокканской государственной компании, работающей в сфере связи Maroc Telecom. В среднем ежегодно за 1999–2002 гг. приток иностранных прямых инвестиций в страну составлял 1,2 млрд. долл. Удельный вес иностранных инвестиций в валовых капиталовложениях обнаруживает значительные колебания в разные годы – так, в 1998 г. этот показатель составил 7,2%, в 2001 г. резко возрос до 39%, а в 2002 г. сократился до 7,5%. Их накопленный объем на 2002 г. приблизился к 10 млрд. долл. или 26,9% ВВП, тогда как в 1990 г. этот показатель был равен 1 млрд. долл.²¹

В 2002 г. в Марокко поступило более 533 млн. долл. прямых иностранных капиталовложений, распределение которых по секторам экономики было следующим: 73,9% пришлось на третичный сектор, а именно транспорт, связь, торговлю, финансы и туризм; 20,8% – на отрасли перерабатывающей промышленности; 3,7% было вложено в добычу минерального сырья; 1,6% – в сельское и лесное хозяйство и рыболовство. Основными сферами, куда направлялись прямые иностранные инвестиции в 2001–2002 гг., таким образом, стали связь и коммуникации (81% в 2001 г. и 7% в 2002 г.), недвижимость (31% в 2002 г.), торговля (3% в 2001 г.) и прочие отрасли сферы услуг (22% в

2002 г.). Несомненно, что причиной высокого уровня поступления иностранного капитала явилась приватизация крупных компаний госсектора в условиях общего улучшения инвестиционного климата в связи с упорядочением и либерализацией инвестиционного, налогового и внешнеторгового законодательства. Как уже указывалось, в большинстве секторов экономики иностранным инвесторам предоставляются равные условия и льготы с местными предпринимателями. Исключение составляют сельское хозяйство (иностранцы не имеют права приобретать в собственность землю), а также некоторые отрасли, где сохраняется государственная монополия (добыча фосфатов, строительство, транспортная инфраструктура). Впрочем, в эти сферы иностранный капитал привлекается на основе концессий и подрядов. Кроме того, в определенных сферах (фармацевтическая промышленность, архитектура) заграничные предприниматели могут создавать только совместные компании с марокканцами). Иностранных предпринимателей привлекает в Марокко наличие сравнительно дешевой и квалифицированной рабочей силы, достаточно развитой инфраструктуры, близость к рынкам европейских государств и традиционно активные внешнеэкономические связи с Европой и рядом стран арабского мира.

Главными иностранными инвесторами являются предприниматели из экономически развитых государств, на которые в 2002 г. пришлось 84% притока прямых капиталовложений. Так, 85% в 2001 г. и 38% в 2002 г. иностранных инвестиций поступило из Франции, также наблюдался большой приток капитала из Германии, Испании, Португалии. Активно действовали вкладчики из США, откуда в 2002 г. поступило 6,5% прямых капиталовложений. Пик американских инвестиций пришелся на 1997 г., когда в марокканскую экономику было вложено почти 3 млрд. дирх. американского капитала, что составило 25,8% всего притока иностранных прямых инвестиций²².

Прямые инвестиции преобладают в структуре притока иностранного капитала в страну, в 2001 г. их удельный вес составил 97,7%, в 2002 г. несколько снизился до 86,3%. На втором месте по значимости находятся займы и кредиты – 1,6% в 2001 г. и 10,7% в 2002 г. Поступление портфельных инвестиций было небольшим: в 2001 г. – 0,8% и в 2002 г. – 3%²³.

С целью сокращения внешнего долга страны в Марокко осуществляются операции по переводу долговых обязательств в прямые инвестиции. В 1999 г., например, капиталовложения подобным образом были осуществлены на сумму, превышающую 977 млн. дирх., в 2002 г. – почти 266 млн. дирх.

Накопление большого объема иностранных инвестиций вызывает рост обратного перевода прибылей из страны. В последние годы сальдо движения капитала в платежном балансе страны, равное объему поступающего капитала за вычетом перевода прибыли и выплаты

процентов по кредитам, было положительным. Однако в 2002 г. образовалось отрицательное сальдо в размере 2,35 млрд. дирх., что стало результатом оттока прибыли на прямые иностранные инвестиции, равного 5,3 млрд. дирх., и уплаты процентов по займам и кредитам, превысившей 3,8 млрд. дирх. при том, что общий объем притока иностранного капитала в указанном году составил 6,8 млрд. дирх.²⁴

Большое значение для такого сравнительно небольшого государства, каким является Марокко, имеет внешняя торговля. Тенденции во внешнеторговой сфере отражают как конъюнктуру мирового рынка, так и изменения, происходящие в экономике страны, усилия руководства по реформированию хозяйства и усилению его экспортной ориентации.

В целом показатели развития внешней торговли Марокко в течение последних двух десятилетий были неплохими. В 1983–92 гг. экспорт возрастал в среднем на 14,8% в год, а импорт – на 10,3%, в 1993–2001 гг. темпы снизились соответственно до 7,2% и 6,7%. Хотя эти показатели все равно были выше темпов роста ВВП, что свидетельствует о более быстром росте внешнеторговой сферы. В результате увеличилась доля экспорта товаров и услуг в ВВП – она составляла 19,2% в 1982 г., 25,1% в 1992 г. и 29,9% в 2002 г. Доля импорта также возросла, но не столь заметно – с 33,7% в 1982 г. до 35,9% в 2002 г.

В 1998–2002 гг. импорт обгонял экспорт по темпам роста, в связи с чем снизилась степень покрытия импорта экспортом с 69,2 до 66,2%. Дефицит торгового баланса за те же годы возрос с 8,7 до 11,1% ВВП²⁵. Вместе с тем усилилась степень открытости марокканской экономики, оцениваемая по величине отношения внешнеторгового оборота к ВВП – с 48,6% до 54,5% за 1998–2002 гг.²⁶

Произошли изменения и в структуре внешней торговли.

Наиболее важным стало увеличение удельного веса готовых изделий в экспорте Марокко. Так, доля промышленного оборудования возросла с 3% в 1983–92 гг. до 6,7% в 1993–2001 г., а в 2002 г. составила 6,5% стоимости экспорта. 60% в этой категории – электротехническое оборудование. Опережающими темпами увеличивался вывоз готовых потребительских товаров, их удельный вес в общей стоимости экспорта вырос с 14,3% в 1982 г. до 39,5% в 1992 г.; в дальнейшем он сохранялся примерно на одном уровне и в 2002 г. был равен 37,8%. Подавляющую часть вывозимых потребительских товаров составляет одежда (56,5% в 2002 г.), головные уборы (24,3%), обувь (4,2%), различные ткани (1,8%). Довольно велика в экспорте доля полуфабрикатов – 22,8% в 2002 г., в данной категории товаров преобладают электронные составляющие (27,8%), фосфорная кислота (26%) и удобрения (18,5%). Заметно сократился удельный вес минерального сырья в экспорте: в 1983–92 гг. фосфаты обеспечивали 12,4% общей стоимости, в 1993–2001 гг. – уже только 5,5%.

Также снизилась в вывозе доля продовольственных товаров – с 23,2% в 1983–92 гг. до 21% в 2002 г. Более половины стоимости продовольствия составляют морепродукты, 16,8% – свежие и консервированные овощи, 11,8% – цитрусовые²⁷. Таким образом, в целом налицо положительные изменения в структуре марокканского экспорта – снижение удельного веса минерального сырья в пользу готовых изделий. Более 70% экспорта представляет собой вывоз продукции (полуфабрикатов), поступившей в страну в соответствии с льготным режимом временного импорта для последующей обработки.

Структура импорта Марокко претерпела незначительные изменения за рассматриваемый период. Доля продовольствия в его стоимости несколько возросла (10,9% в 1983–92 гг., 11,9% в 1993–2001 гг.). Марокко сильно зависит от ввоза зерна, который составляет неизменно более половины импорта продовольственных товаров. Удельный вес топлива в значительной степени определяется ценами на нефть на международных рынках, в 2002 г. на него приходилось 15,5% стоимости импорта. За 1983–98 гг. мало изменилась доля полуфабрикатов, составляющая около 23% импорта (в 2002 г. – 21,8%). Основные товары, входящие в эту категорию, – химические продукты, пластмассы, сталь и железо, бумага и картон, синтетическая и искусственная пряжа, кожи. Удельный вес машин и оборудования на протяжении 1983–2001 гг. сохраняется на уровне 22,3% (20,1% в 2002 г.). Увеличилась доля готовой продукции, предназначенной для потребительских целей – с 13,7% в 1983–92 гг. до 21,8% в 1993–2001 гг. и 24,1% в 2002 г. Подобный рост объясняется снижением таможенных пошлин на эти товары, а также тем, что в этой категории около трети по стоимости составляют ткани, используемые для производства готовой одежды.

Таким образом, можно отметить, что политика экспорториентированного развития дала определенные положительные результаты. В настоящее время более 67% экспорта Марокко приходится на долю готовых потребительских и промышленных товаров и полуфабрикатов. Возросла также и роль внешней торговли в экономике страны.

Со второй половины 90-х годов в Марокко проводится большая работа по либерализации и повышению эффективности законодательного регулирования внешнеторговой сферы. Основной принцип реформ в этой области – преобладание над местными законами законодательных инструментов международной внешнеторговой практики, в том числе соглашений в рамках Всемирной торговой организации. Разработка законодательства в сфере внешней торговли находится в компетенции соответствующего министерства. С 1996 г. в стране начал работать Национальный совет по внешней торговле, состоящий из членов правительства, руководителей Центрального банка, Управления по налогам и таможенным сборам, а также представителей профессиональных ассоциаций производителей в раз-

личных отраслях экономики. В его задачи входит внесение предложений по активизации экспортной деятельности, а также участие в обсуждении при принятии новых законов в области внешней торговли. Защитой местных производителей и разработкой импортной политики также занимается организованная в 1993 г. Комиссия по импорту.

Основным инструментом внешнеторгового регулирования, в частности в целях протекционизма, являются таможенные тарифы. Начиная с 1996 г. значительно активизировался процесс упрощения и рационализации тарифной системы. Так, с 9 до 7 было сокращено число ставок таможенных пошлин на несельскохозяйственные товары. К 2001 г. средний размер ставок импортных пошлин на эти товары составил 22,5% при минимальной ставке в 2,5% и максимальной – 50%. По наименьшим ставкам в 2,5% облагается ввоз промышленного оборудования, пошлины в 10% взимаются при ввозе запчастей для оборудования и некоторых видов сырья, не производимых в стране; основная масса такого сырья облагается при ввозе пошлиной в 17,5%. При импорте полуфабрикатов и готовых изделий, производство которых отсутствует в Марокко, применяется ставка в 25%. Более высокие пошлины берутся при ввозе полуфабрикатов, которые выпускаются и местной промышленностью, а максимальные – 50% – в случае ввоза готовых изделий, также производимых на месте²⁸. Таким образом, установление минимальных пошлин на импорт промышленного оборудования, ряда видов сырья и полуфабрикатов призвано способствовать активизации инвестиционного процесса в стране, а также снижению затрат на производство марокканской промышленностью готовых изделий и повышению их конкурентоспособности на мировом рынке.

По действующей системе все импортные пошлины являются адвалорными, никаких специальных, смешанных или временных тарифов не существует.

Между тем таможенные пошлины представляют собой важный источник поступлений в государственный бюджет Марокко. До 1995 г. – накануне начала процесса их снижения, связанного с подписанием Договора об ассоциации между Марокко и Европейским союзом – их величина доходила до 4,2% ВВП. За 1996–2000 гг. этот показатель сократился до 3,6%. По оценкам, за период 2000–2010 гг., к концу которого планируется окончательная отмена таможенных тарифов в торговле с ЕС, ежегодные потери бюджета будут составлять около 0,16% ВВП Марокко. Это представляет собой определенную проблему и вызывает необходимость соответственного увеличения объема импорта, с тем чтобы компенсировать эти потери за счет взимания налога на добавленную стоимость, которым облагаются ввозимые товары. За 1996–2000 гг. таким способом удалось увеличить объем НДС до 3,3% ВВП, т.е. в значительной мере избежать серьезного со-

кращения бюджетных поступлений, однако в дальнейшем потребуются дополнительные усилия²⁹.

Помимо количественных изменений в тарифной системе, реформирование внешнеторговой сферы осуществляется в следующих областях. Прежде всего это упрощение таможенных процедур и введение выборочного контроля. Для этого была разработана единая форма таможенной декларации, заменившая существовавшие ранее документы. Для импортеров были организованы клиринговые центры, находящиеся вне морских портов и аэропортов. Были введены «зеленый» и «красный» коридоры для пассажиров и товаров, причем в 2001 г. более 85% операций осуществлялось через «зеленый коридор», к 2002 г. намечено довести этот уровень до 90%.

К 2000 г. была введена в строй компьютерная система Таможенной администрации, использующая программы, разработанные ЮНКТАД и применяемые во многих странах. Через ее средство фирмы, занятые во внешнеторговой сфере, могут немедленно получать сведения о ставках и объемах требуемых к уплате пошлин, предоставлять свои документы, а таможенные службы их рассматривать.

Был усовершенствован таможенный контроль при импорте товаров в соответствии со специальным режимом временного ввоза для дальнейшей переработки и экспорта (таким образом в Марокко поступает до 30% импортируемых товаров). Кроме того, был упрощен процесс обеспечения финансовых гарантий для импортеров. Для компаний, экспортирующих не менее 85% производимой продукции, была введена система бесплатного хранения товаров на таможенных складах.

В первой половине 2001 г. специалисты Всемирного банка провели опрос среди марокканских предпринимателей, который показал, что 93% экспортеров и 66% импортеров испытывают меньше проблем при организации внешнеторговой деятельности. Необходимое для прохождения таможенных процедур время сократилось с 5,5 дней в 1997 г. до 2 дней в 1999 г., а к 2001 г. 85% деклараций обрабатывалось уже всего за 1,5 часа³⁰.

Либерализация внешней торговли осуществляется путем заключения различных внешнеторговых соглашений. Значительные изменения вносятся во внутреннее экономическое и внешнеторговое законодательство в соответствии с принципами Всемирной торговой организации. Марокко, входившее в ГАТТ, автоматически стало членом ВТО с 1995 г. после преобразования ГАТТ в ВТО. В устав ВТО включены положения, ограничивающие права государства на вмешательство в экономику, в том числе запрет на применение экспортных субсидий, протекционистских мер защиты национальной промышленности, а также подчеркивающие необходимость создания благоприятных условий для притока прямых иностранных инвестиций.

На конференции министров государств-членов ВТО в Дохе в 2001 г. представители Марокко подчеркивали свою приверженность процессам активизации международной торговли и либерализации в этой сфере, являющимся предпосылками экономического роста и улучшения условий жизни населения, однако указывали на необходимость дифференцированного подхода к данной проблеме, с тем чтобы выгоды от либерализации внешней торговли получали как экономически развитые, так и развивающиеся страны.

В частности, в области торговли сельскохозяйственной продукцией Марокко, в принципе, выражает готовность постепенно снижать и даже совсем отменить экспортные субсидии местным производителям, однако высказывается за расширение доступа сельскохозяйственных товаров из развивающихся стран на рынки промышленно развитых государств и за более гибкий и постепенный процесс либерализации торговли в этой сфере.

В торговле несельскохозяйственными товарами Марокко является сторонником дифференцированного сокращения тарифов для развитых и развивающихся стран, а также высказывается за упразднение нетарифных методов регулирования.

Убедительным подтверждением усиления открытости экономики страны и ее интеграции в мировое экономическое пространство в соответствии с принципами ВТО являются реформы, проводимые в области приватизации, активизации инвестиционного процесса, внешнеторговой сфере, перечисленные выше.

В 1995 г. в Барселоне на встрече министров иностранных дел 15 европейских государств и 12 стран, расположенных в бассейне Средиземного моря было положено начало развитию процесса, получившего название Европейско-Средиземноморское партнерство. В Барселонской Декларации говорилось о совместном намерении этих государств превратить Европу и бассейн Средиземного моря в зону мира и стабильности, постепенно развивать в регионе свободную торговлю, причем экономически более развитые страны Европы взяли на себя обязательство оказывать своим средиземноморским партнерам финансовую поддержку с тем, чтобы не допустить негативных экономических и социальных последствий процесса реформирования их хозяйства. Кроме того, были поставлены цели совершенствования человеческих ресурсов в регионе и культурного сотрудничества. Завершение формирования Европейско-Средиземноморской зоны свободной торговли было намечено на 2010 г. Помимо развития торговых отношений между средиземноморскими партнерами и государствами Европы, ставились цели активизации внешней торговли в «горизонтальной плоскости», т.е. между самими государствами, расположенными в бассейне Средиземного моря³¹.

В рамках Барселонского процесса в 1996 г. Марокко подписало соглашение о Европейско-Средиземноморском сотрудничестве, оно

вступило в силу в 2000 г. В последнее десятилетие торговые отношения между Марокко и Европейским Союзом активно развивались. За 1993–2002 гг. экспорт Марокко в Европу увеличился с 3,4 до 6,3 млрд. евро, стоимость марокканского импорта из государств-членов Союза возросла с 4,2 до 7,6 млрд. евро за тот же период. В 2000 г. на Европейский Союз приходилось 66% экспорта и 60% импорта Марокко. Из европейских государств страна ввозила машины и оборудование (31%), текстильные изделия и одежду (21%), транспортные средства (9%), химическую (8%) и сельскохозяйственную (10%) продукцию. Марокканский экспорт в страны Европы состоял из текстильных изделий и одежды (41%), сельскохозяйственных товаров (20%) и машино-технической продукции (10%)³².

После вступления Соглашения в силу, все количественные и другие ограничения на торговлю между Марокко и Европейским Союзом были отменены. Промышленные товары, произведенные в Марокко, получили свободный доступ на европейский рынок. Что касается товаров европейской промышленности, то пошлины на их ввоз в Марокко должны быть постепенно отменены в течение 12 лет, причем сокращение таможенных пошлин должно быть начато через три года после начала действия Соглашения. Импорт сельскохозяйственных товаров из Европейского Союза в Марокко осуществляется по преференциальным тарифам, а экспорт сельскохозяйственных товаров из Марокко в Европу облагается сниженными таможенными пошлинами или вообще освобождается от них. Пользуется свободным доступом на европейский рынок продукция марокканского рыболовства. В 2002 г. между партнерами начались переговоры о дальнейшей либерализации торговли сельскохозяйственными товарами.

В Соглашении указывается, что применение государственных субсидий, нарушающих свободную конкуренцию, не согласуется с принципами развития свободной торговли. Последнее положение ставит в относительно невыгодное положение марокканских сельхозпроизводителей, поскольку продуктивность аграрного сектора в стране заметно ниже, чем в Европе.

Как уже говорилось, Европейско-Средиземноморское партнерство включает также финансовое сотрудничество, а вернее, финансовую помощь со стороны европейских государств. Последняя осуществляется в рамках специальных программ, разрабатываемых на несколько лет.

Еще до начала Барселонского процесса Марокко получало значительную финансовую поддержку от европейских государств. Всего за 1977–96 гг. по четырем финансовым протоколам в страну поступило более 1 млрд. евро., из которых чуть больше половины представляли собой финансовые средства из бюджета Европейского сообщества, остальное – безвозмездные и специальные займы Европейского инвестиционного банка. Основная часть этих средств (46%) была

направлена на цели сельского развития, 17% – вложено в инфраструктуру, 15,6% истрчено на социальные нужды и 10% – на поддержку частного сектора³³.

После подписания в 1996 г. Соглашения о сотрудничестве финансовая помощь стала осуществляться в рамках Барселонского процесса. В Национальной индикативной программе развития (1996–1998 гг.), разработанной совместно с руководством страны, основными целями был провозглашен переход к более эффективной и открытой экономике и поддержка социальной сферы в условиях реформирования хозяйства. В соответствии с ее задачами в Марокко финансировалось около 30 проектов на общую сумму 630 млн. евро. 52% этих средств было истрчено на цели поддержания социально-экономического равновесия в стране, остальное – на помощь в осуществлении экономических реформ.

В 1999 г. по линии Европейско-Средиземноморского партнерства была разработана программа Стратегии помощи для Марокко, послужившая основой для новой Национальной индикативной программы на 2000–2002 гг. С целью повышения эффективности помощи было решено сконцентрировать средства на небольшом числе проектов в приоритетных областях. За 2000–2001 гг. на реформы в финансовой сфере, здравоохранении, на сельское развитие, совершенствование водоснабжения было истрчено более 260 млн. евро.

В 2001 г. в Стратегию помощи Марокко вплоть до 2006 г. были внесены изменения, касавшиеся конкретизации основных программ сотрудничества, финансируемых Европейским союзом. Ими стали: поддержка организационных реформ, в частности административной реформы госсектора; содействие развитию частного сектора; совершенствование профессионального образования; регулирование миграционных процессов, а именно развитие беднейших районов, служащих основными источниками мигрантов, усиление контроля за нелегальными миграциями; защита окружающей среды. Объем финансирования был предусмотрен в размере 426 млн. евро³⁴.

Марокко выступает крупнейшим получателем финансовой помощи среди средиземноморских государств – партнеров Европейского союза. В 2002 г. страна получила 122 млн. евро, в 2003 г. – 140 млн. евро. Около половины этих сумм направляется на поддержку проводимых в стране экономических реформ (оздоровление и приватизация госпредприятий, банковская реформа и др.)³⁵.

Помимо этого, значительные займы выделяются Марокко Европейским инвестиционным банком из своих собственных ресурсов. За 1996–2002 гг. им было предоставлено более 1,2 млрд. евро. Кредиты банка распределяются между тремя основными сферами: совершенствование инфраструктуры (транспорт, энергетика, водоснабжение, телекоммуникации); защита окружающей среды; поддержка частного сектора.

Кроме того, за 1996–2001 г. страна получила финансовую помощь в объеме 15,5 млрд. евро по различным специальным бюджетным программам, в том числе борьбы со СПИДом, контроля за распространением наркотиков, охраны окружающей среды, развития демократии³⁶.

Сотрудничество между странами Европейского союза и Марокко в рамках Барселонского процесса также осуществляется в научной и технической областях. В настоящее время существует около 170 совместных проектов в сферах экономики, здравоохранения, информационных технологий, защиты окружающей среды.

Внешнеторговые связи Марокко с государствами средиземноморского бассейна получили пока недостаточное развитие (5% объема внешней торговли страны). Между тем, как уже говорилось, формирование зоны Европейско-Средиземноморской свободной торговли предусматривает не только активизацию отношений между средиземноморскими партнерами и Европой, но также и между самими этими странами. Важным шагом в этом направлении стало подписание в Рабате в феврале 2004 г. договора о создании зоны свободной торговли представителями Марокко, Иордании, Туниса и Египта, последовавшее за декларацией о намерениях 2001 г. В тексте декларации указывалось, что целями подобного договора являются активизация внешнеторговых отношений, развитие промышленности и экономики в целом, улучшение занятости населения и повышение уровня жизни в государствах-участниках. Разработано конкретное расписание постепенной отмены таможенных пошлин в торговле промышленными товарами вплоть до 2005 г.³⁷ Либерализация торговли сельскохозяйственной продукцией также предусматривается. Надо отметить, что Марокко уже имело двусторонние соглашения о свободной торговле с этими странами с 1999 г., однако пока во многом сходная структура экспорта и импорта, отсутствие взаимодополняемости экономик этих государств не способствовали широкому развитию внешнеторговых отношений между ними.

Марокко также имеет двусторонние торговые соглашения с Алжиром, Ливией, Мавританией, Саудовской Аравией. С 2000 г. Марокко предоставило преференциальный тарифный режим для импорта товаров из наименее развитых африканских государств.

Еще с 1981 г. страны, входящие в Лигу арабских государств, разработали Соглашение о развитии торговли и упразднении торговых барьеров между арабскими странами. Однако подписано оно было лишь в 1997 г. и с 1998 г. вступило в силу. По нему намечается организация Арабской зоны свободной торговли в течение последующих 10 лет путем ежегодного сокращения таможенных пошлин на 10%.

В течение долгого времени делаются попытки установить зону свободной торговли для стран Магриба. Еще в 1989 г. был организо-

ван Союз арабского Магриба, целью которого была провозглашена экономическая интеграция и развитие свободной торговли. Однако ряд факторов, в том числе политического характера, препятствует работе этой организации, и в настоящее время доля магрибинских государств в экспорте и импорте Марокко не превышает 1,9% и 2,5%.

Важным событием в развитии внешнеторговых отношений Марокко с другими странами стало подписание в марте 2004 г. соглашения о свободной торговле между Марокко и США. Таким образом, Марокко стало вторым после Иордании государством в арабском мире, имеющим подобное соглашение с Соединенными Штатами. До сих пор удельный вес США во внешней торговле страны был сравнительно небольшим – в 1996–2001 гг. на США приходилось от 2,8 до 3,9% марокканского экспорта, в тот же период из Соединенных Штатов поступало от 7,4% до 3,7% импорта Марокко³⁸. В настоящее время тарифы на ввоз американских товаров в Марокко в среднем составляют 20%, а на марокканский импорт в США – 4%.

Видимо, наиболее выгодным Соглашение окажется для Соединенных Штатов, сельхозпроизводители которых смогут теперь более успешно конкурировать на внутреннем марокканском рынке с европейскими фермерами, поскольку их товары получают свободный доступ в Марокко. Представители США, однако, подчеркивают, что удешевление поставок некоторых видов товаров, например, кормов для животноводства, будет способствовать снижению цен на производство в Марокко. По их мнению, Соглашение будет также стимулировать развитие таких сфер марокканской экономики, как энергетика, транспорт, финансовый и страховой сектор, туризм, телекоммуникации³⁹.

Итак, в последние два десятилетия в Марокко осуществляются серьезные реформы, направленные на всестороннюю либерализацию экономики. Этот процесс проводится при содействии и под значительным влиянием таких международных финансовых организаций, как Всемирный банк и Международный валютный фонд, а также Всемирная торговая организация. Достигнутые успехи, в том числе активизация частного предпринимательства, рост притока прямых иностранных инвестиций, увеличение внешнеторгового оборота, облагораживание экспорта, пока не так значительны, как ожидалось. Так, например, не наблюдалось роста эффективности общественного производства. Большая часть экспорта (до двух третей) обеспечивается за счет ввоза и последующей обработки полуфабрикатов, что само по себе является положительным фактом. Однако при этом добавленная стоимость, создающаяся на марокканской территории, невелика, о чем свидетельствует практически неизменная доля промышленного производства в структуре ВВП. Усиление открытости экономики и интеграции Марокко в международное разделение труда, либерализация внешней торговли способствуют росту конкуренции

для марокканских товаров на внешних рынках. Обеспокоенность руководства страны, а также международных экспертов вызывает обострение социальных проблем – бедности и безработицы. Так, доля бедных, сократившаяся с 21 до 13% за 1984–1992 гг., к 2000 г. опять возросла до 19%. К числу безработных относится до 27% населения⁴⁰. Не случайно в национальном Плане развития на 2000–2004 гг. были поставлены четыре основные задачи, непосредственно связанные с социальной сферой, а именно: подтягивание наиболее отсталых районов до среднего уровня, создание новых рабочих мест для молодежи, выходящей на рынок труда, повышение роли женщин в развитии Марокко, борьба с бедностью.

В настоящее время в Марокко осуществляется ряд структурных реформ, финансируемых и поддерживаемых технически МБРР, Европейским Союзом, Африканским банком развития. Это финансовая реформа, направленная на оздоровление государственных финансовых учреждений и повышение независимости и роли Центрального банка; реформа жилищного хозяйства, включающая развитие кредитования населения, нуждающегося в улучшении жилищных условий; реформа здравоохранения, в частности, принятие обязательного медицинского страхования; реформа водоснабжения, а именно рационализация этой сферы с целью снижения расходов из госбюджета; реформа транспорта и телекоммуникаций, подразумевающая активизацию участия частного сектора в этих отраслях и их модернизацию; продолжение программы приватизации экономики. В центре внимания руководства страны также находится разработка Трудового кодекса, который позволил бы юридически регламентировать отношения между предпринимателями, в том числе иностранными, и наемными рабочими. Одним из приоритетов объявлено всестороннее содействие марокканским компаниям и предприятиям с целью повышения их конкурентоспособности на международных рынках⁴¹.

Таким образом, правительство Марокко продолжает последовательный курс на интеграцию страны в международное разделение труда, улучшение инвестиционного климата и повышение привлекательности марокканского хозяйства для иностранных инвесторов, не оставляя в то же время без внимания проблемы социальной сферы.

¹ Trade, Investment and Development in the MENA.

//Inweb.18.worldbank.org/mna/mena/nsf/

² Morocco at a glance, /www.worldbank.org/data/

³ The World Bank. Country Assistance Strategy for Morocco, //www.worldbank.org/

⁴ Там же.

⁵ Private Sector Assessment Update.

//www.worldbank.org/mna/mena/nsf/

⁶ //www.imf.org/external/np/sec/pn/2003/

- ⁷ WTO Secretariat Report, WT/TPR/S/116,
[//www.wto.org/](http://www.wto.org/)
- ⁸ [//www.finances.gov.ma/](http://www.finances.gov.ma/)
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ [//www.worldbank.org/mna/mena/nsf/](http://www.worldbank.org/mna/mena/nsf/)
- ¹¹ Там же.
- ¹² The World Bank. Report N 19975-MOR, december 1999,
[//www.worldbank.org/](http://www.worldbank.org/)
- ¹³ [//www.finances.gov.ma/](http://www.finances.gov.ma/)
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ [//www.mcinet.gov.ma/](http://www.mcinet.gov.ma/)
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ [//www.wto.org.english/tratop_e/](http://www.wto.org.english/tratop_e/)
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ [//www.menareport.com/story/](http://www.menareport.com/story/)
- ²¹ UNCTAD. WID Country Profile. Morocco, [//ro.unctad.org/en/subsites/](http://ro.unctad.org/en/subsites/)
- ²² Там же.
- ²³ [//www.oc.gov.ma/](http://www.oc.gov.ma/)
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Morocco at a Glance, [//www.worldbank.org/data/](http://www.worldbank.org/data/)
- ²⁶ Balance of Paiement, [//www.oc.gov.ma/](http://www.oc.gov.ma/)
- ²⁷ [//www.oc.gov.ma/](http://www.oc.gov.ma/)
- ²⁸ WT/TPR/G/116, Trade Policy Review, Report by Government of Morocco, [//www.wto.org/](http://www.wto.org/)
- ²⁹ [//www.worldbank.org/servlet/WDS/ContentServer/](http://www.worldbank.org/servlet/WDS/ContentServer/)
- ³⁰ Там же.
- ³¹ [//www.europa.eu.int/comm/external_relations/euromed/](http://www.europa.eu.int/comm/external_relations/euromed/)
- ³² E.U. Country Strategy Paper,
[//www.europa.eu.int/comm/](http://www.europa.eu.int/comm/)
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ [//www.delmar.cec.eu.int/](http://www.delmar.cec.eu.int/)
- ³⁶ [//www.europa.eu.int/comm/](http://www.europa.eu.int/comm/)
- ³⁷ [//www.maec.gov.ma/](http://www.maec.gov.ma/)
- ³⁸ WT/TPR/S/116, [//www.wto.org/](http://www.wto.org/)
- ³⁹ [//www.menareport.com/story/](http://www.menareport.com/story/)
- ⁴⁰ Millenium Profiles.UN, [//www.unstats.un.org/](http://www.unstats.un.org/)
- ⁴¹ Al Maliya, № 29, Mars 2003 [//www.finances.gov.ma/](http://www.finances.gov.ma/)

АРАБСКИЙ МИР И «ИРАКСКИЙ КРИЗИС»

Война в Персидском заливе 1990–1991 гг., вызванная оккупацией Ираком государства Кувейт, стала настоящим испытанием для региона Арабского Востока. «Иракский кризис» надолго дестабилизировал обстановку в этом уголке земного шара, спровоцировал ввод в зону Персидского залива большого количества иностранных вооруженных сил, прежде всего США, и рост милитаристских настроений среди местных властей.

Соединенные Штаты постарались использовать кризис вокруг Ирака для укрепления своего влияния на Ближнем Востоке. Объявив регион Персидского залива зоной своих «жизненно важных интересов», а себя гарантом его безопасности, США стали наращивать здесь свое военное присутствие. Важным итогом войны для Соединенных Штатов стало то, что им помимо укрепления своих позиций в этом регионе удалось вывести из строя наиболее серьезную антиамериканскую и антиизраильскую военно-политическую силу в арабском мире, каковой по праву считался Ирак¹.

По оценкам кувейтских и западных специалистов, урон, нанесенный Кувейту иракской оккупацией, составил более 300 млрд. долл.² Потери Ирака, как людские, так и экономические, также были весьма ощутимыми. В Ираке, по оценкам международных специалистов, за время операции «Буря в пустыне» погибло более 200 тыс. человек как военных, так и мирных жителей, а общий ущерб, нанесенный стране, составил 200 млрд. долл.»³.

Агрессия против Кувейта обернулась большими потерями для иракской армии. В ходе войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. Ирак потерял почти половину своей бронетанковой техники и артиллерии. Однако несмотря на нехватку средств на социальные нужды, Саддаму Хусейну в течение 90-х годов удалось частично восстановить боеспособность иракской армии.

Отсутствие военных действий вскоре после окончания операции «Буря в пустыне» тем не менее не снижало напряженности на Ближнем Востоке. Власти арабских стран, напуганные двумя войнами в регионе, – ирано-иракской (1980–1988 гг.) и ирако-кувейтской (1990–1991 гг.), принялись активно наращивать свои вооруженные силы, тратя на закупку вооружений миллиарды долларов, несмотря на то, что их государственные бюджеты не досчитывались средств на дру-

гие не менее важные статьи в социально-экономической сфере. К примеру, общий дефицит бюджетов стран ССАГПЗ в 1991 г. в результате расходов на военные нужды составил 65 млрд. долл.⁴

В дальнейшем расходы на закупку оружия только росли. Как сообщается в докладе Арабского валютного фонда, обнародованном в 2002 г., более четверти всех бюджетных расходов в арабских странах используется на закупку вооружений. В докладе, в частности, говорится, что в 2000 г. 22 государства – члена Лиги арабских государств на военные цели затратили более 27% всех бюджетных ассигнований – 53 млрд. долл. В то же время на развитие экономики было затрачено в три раза меньше – 17,7 млрд. долл.⁵

Больше всего в арабском мире тратят на военные нужды страны Персидского залива. В 2000 г. на эти цели было израсходовано 34 млрд. долл., что составило 35% всех бюджетных ассигнований и 64% всех общеарабских военных затрат. Всего, констатируется в докладе, с 1995 по 2000 гг. страны Залива затратили на приобретение вооружений 173 млрд. долл. – первое место в мире в этой категории расходов⁶.

Гонка вооружений, таким образом, стала для большинства арабских стран печальным итогом и жизненной необходимостью перед лицом новых, военных угроз. Стоит добавить, что бремя основных расходов в ходе военных действий также взяли на себя страны ССАГПЗ. По некоторым данным, операция «Буря в пустыне» обошлась в 80 млрд. долл. и 80% этой суммы оплатили страны Персидского залива⁷.

Жесткие санкции, введенные Советом Безопасности ООН в 1990–1991 гг. в отношении Ирака, основательно подкосили экономику этой некогда процветающей арабской страны на берегах Тигра и Евфрата. Несмотря на помощь зарубежных государств (в том числе и Египта) и международных организаций, гуманитарная и экономическая ситуация в Ираке в 90-е годы XX – начале XXI вв. продолжала оставаться весьма и весьма тяжелой⁸.

Программа ООН «Нефть в обмен на продовольствие», реализация которой была начата в декабре 1996 г., не удовлетворяла всех потребностей иракцев в продуктах питания и медикаментах. Согласно данным ООН, финансовый дефицит этой программы в конце 2002 г. по итогам 12-й фазы гуманитарной программы составлял 1,4 млрд. долл., что вызвало кризис в жизненно важных секторах иракской экономики, таких как сельское хозяйство, пищевая промышленность, электроэнергетика, здравоохранение, водоснабжение, жилищное строительство, образование, транспорт и связь и др.⁹

По данным Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), с 1990 по декабрь 2001 г. из-за нехватки продовольствия и лекарств умерли более 1,5 млн. человек из 22 млн. населения страны, около 500 тыс. из них – дети в возрасте до пяти лет. Приведем одну страшную цифру: за го-

ды блокады детская смертность от дистрофии в Ираке увеличилась более чем на 3000%¹⁰.

Ирак 90-х годов не представлял угрозы для своих соседей и международного сообщества. В то же время было очевидно, что Соединенные Штаты собираются и впредь использовать «иракский повод» для проявления своей мощи и укрепления в регионе своих позиций, прежде всего военных. В 1991–1992 гг. на севере и юге Ирака были созданы так называемые «беспилотные зоны» – две особые зоны, закрытые для полетов иракской авиации, работы ПВО и радиолокационных станций. Как было заявлено, они были установлены для защиты курдского и шиитского населения по инициативе США, Великобритании и Франции¹¹. Американские и британские самолеты, патрулировавшие эти зоны, подавляли любую активность иракских ВВС и ПВО, угрожавших их миссии.

США постоянно держали ситуацию вокруг Ирака в состоянии напряжения, не жалея средств для зачастую искусственного нагнетания обстановки. Операция «Лиса в пустыне», проведенная США и Великобританией 17–20 декабря 1998 г. и ставшая крупнейшей силовой акцией против Ирака со времен войны в Персидском заливе в 1991 г., подтвердила намерения Вашингтона силовым методом подчинить себе режим одиозного Саддама Хусейна. В итоге ракетно-бомбовые удары привели к большим разрушениям, в том числе жилых и хозяйственных объектов в Багдаде и других населенных пунктах Ирака¹².

Говоря об отношении к «багдадскому режиму» внутри арабского мира и со стороны ведущих европейских стран, следует отметить, что болезненная рана на теле арабского сообщества под названием Ирак к началу XXI века потихоньку стала затягиваться. Американцам все труднее было убеждать правящие и деловые круги в Европе, России, Арабском Востоке и других регионах мира в том, что Ирак по-прежнему представляет собой угрозу мировому сообществу.

Описывая ситуацию, с которой столкнулась администрация президента США Джорджа Буша-младшего, бывший заместитель госсекретаря Роберт Эйнхорн отметил: «Ирак выиграл пропагандистскую войну; в итоге в январе 2001 г. сложилась широкая международная поддержка идеи отмены режима санкций ООН. Речь шла не только о российском, французском или правительствах арабских стран, но также и о западноевропейских. Более того, за это выступало и население на Западе и в США; к отмене санкций призывали неправительственные организации»¹³. Арабские страны в этот период также активно выступали за снятие санкций с Ирака.

2002 год ознаменовал новый этап улучшения отношений Ирака как с некоторыми странами Востока, так и Европы. Так, при посредничестве главы ЛАГ Амра Мусы, были сделаны серьезные шаги по примирению Ирака со странами Персидского залива, которые до-

нельзя ухудшились после войны в Заливе 1990–1991 гг. Тенденция к потеплению отношений Ирака с арабскими странами четко проявилась во время саммита глав государств ЛАГ в Бейруте в марте 2002 г.

В прошедшей в ноябре 2002 г. 35-й Международной торгово-промышленной ярмарке в Багдаде участвовало свыше 1200 фирм и компаний из 49 стран – показатель, близкий к тому, какой был до войны в Персидском заливе 1990–1991 годов¹⁴. Форум проходил на фоне обнадеживающей новости о решении Багдада допустить специалистов ООН по разоружению в страну для проведения необходимых инспекций. Как заявил на открытии ярмарки вице-президент Ирака Таха Ясин Рамадан, «Ирак объявил о согласии допустить инспекторов ООН по разоружению в страну в ответ на желание некоторых дружественных государств опровергнуть обвинения США и их союзников, в частности, Великобритании»¹⁵.

Весьма важным событием для Ирака стало то, что активное участие в ярмарке приняли фирмы (свыше 40) из соседней Саудовской Аравии – страны, с которой у Ирака были прерваны отношения во время этой войны 1990–91 гг. Несмотря на то, что отношения между Ираком и Саудовской Аравией после войны в Персидском заливе крайне обострились, к началу XXI века Эр-Рияд стал активным поставщиком в Ирак сельскохозяйственного и бытового оборудования и техники, продуктов питания, медикаментов и запчастей. К 2002 г. товарообмен между Саудовской Аравией и Ираком превышал 1 млрд. долл.¹⁶

Принимая саудовских бизнесменов, вице-президент Ирака Таха Ясин Рамадан выразил надежду, что развитие связей между Ираком и Саудовской Аравией служит «укреплению арабского братства, является эффективным вкладом в защиту интересов арабской нации, служит срыву происков ее врагов». Он призвал королевство к объединению рядов, укреплению взаимопонимания в борьбе «против планов США и сионизма, направленных на раскол арабов»¹⁷.

В октябре 2002 г. на границе Ирака с Саудовской Аравией после 12-летнего перерыва был открыт таможенный терминал «Арар», ставший важным пунктом для ввоза в Ирак гуманитарных грузов в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие». Интенсивность развития двусторонних отношений между Ираком и Саудовской Аравией позволила режиму в Багдаде говорить о возможности возобновления дипломатических отношений с Эр-Риядом. Как заявил вице-президент Ирака Таха Ясин Рамадан, страна готова «в любой момент возобновить дипотношения с Саудовской Аравией»¹⁸.

В ноябре 2002 г. участники самой продолжительной войны XX века – ирано-иракской 1980–1988 гг. – подписали протокол о сотрудничестве – первый после окончания военных действий¹⁹. Он предусматривал развитие партнерства двух стран в области транспорта и

коммуникаций, нефти и энергетики, промышленности и сельского хозяйства, туризма и трудовых ресурсов. Как заявили стороны по итогам встречи, «этот поворотный шаг в двусторонних отношениях отвечает интересам народов Ирака и Ирана».

Выступая в августе 2002 г. с речью по случаю 14-летия со дня прекращения ирано-иракской войны, Саддам Хусейн призвал Иран «забыть о прошлом и восстановить нормальные отношения с Багдадом». «Мы сожалеем о том, что случилось, и хотели бы, чтобы этого не было. Мы не испытываем ни ненависти, ни злобы»²⁰. К тому моменту наметилось явное сближение между Багдадом и Тегераном на фоне усилившегося давления на Ирак и Иран со стороны США, чей госдепартамент причислил два эти государства к пресловутой «оси зла».

Потепление отношений осуществлялось и на самом сложном участке для внешней политики Багдада – ирако-кувейтском направлении. В конце октября 2002 г. Ирак вернул Кувейту государственные архивные документы, вывезенные из эмирата во время войны 1990–1991 гг. Эта акция Багдада была призвана снять одну из болезненных проблем на пути нормализации отношений между двумя странами. Вскоре после этого Ирак пошел еще на один примирительный шаг – дал согласие на то, чтобы возобновить свое участие в работе международной комиссии по кувейтским военнопленным. А в декабре 2002 г. Саддам Хусейн в обращении к кувейтскому народу извинился за вторжение в Кувейт в августе 1990 г.²¹

Но лучше всего к началу XXI века складывались отношения Ирака с его некогда самым принципиальным соперником – Сирией. Дамаск и Багдад разорвали дипотношения в начале 80-х годов. Во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Сирия поддерживала Иран. В ходе конфликта в Персидском заливе 1990–1991 гг. сирийские войска приняли участие в операции многонациональных сил по освобождению Кувейта от иракской оккупации. Но к концу 90-х годов XX – началу XXI вв. в двусторонних отношениях наметился существенный прогресс. Обозначилось стремление Дамаска утвердиться на рынке соседней страны в преддверии возможного снятия с Ирака санкций ООН²².

Летом 2001 г. состоялся первый за более чем 20 лет официальный визит главы сирийского правительства в Ирак. Подводя итоги визита Мухаммеда Мустафы Миро, Саддам Хусейн назвал возобновление взаимодействия с Дамаском «огромным успехом, который стал неожиданностью для врагов арабской нации». По его словам, «двустороннее партнерство – это нормальное состояние дел между Ираком и Сирией».

В ходе визита была возобновлена в полном объеме деятельность смешанной комиссии по экономическому сотрудничеству. Стороны объявили, что они возвращаются к идее осуществления «меж-

государственного экономического единства, отвечающего интересам двух народов и всего арабского мира». Как заявил Миро, переговоры с иракским руководством завершились подписанием пакета взаимовыгодных соглашений, которые «создают качественно новую основу для торгово-хозяйственного партнерства и сводят на нет попытки тех, кто хотел бы навязать братскому Ираку новый режим санкций».

Премьер-министр дал понять, что Дамаск отвергает «несправедливую экономическую блокаду Ирака», считает ее незаконной и призывает к арабской солидарности с Багдадом путем игнорирования санкций. Миро также заявил, что Дамаск расценивает «любое вооруженное нападение на Ирак как агрессию против Сирии». Он подчеркнул, что иракская территория является «стратегической глубиной» Сирии, поэтому взаимодействие с Багдадом, по его словам, «будет способствовать борьбе арабов за возвращение оккупированной Палестины, Иерусалима и Голанских высот»²³.

Следует отметить, что 2001–2002 г. характеризовались резким скачком деловой активности в отношениях Ирака с арабскими странами. Так, к концу лета 2002 г. со времени введения в действие программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» в декабре 1996 г. товарооборот между Ираком и арабскими странами достиг 26 млрд. долл. Для сравнения еще в декабре 2001 г. эта сумма не превышала 14,5 млрд. долларов²⁴.

Возвращение Ирака в начале XXI века к тесному сотрудничеству с арабскими странами было болезненно встречено противниками межарабской интеграции. С постепенным ренессансом международного положения Ирака обозначилась реальная перспектива создания сильной региональной оси Дамаск-Тегеран-Багдад, что, безусловно, не могло не вызвать негативной реакции в Вашингтоне, который желал бы видеть в этих столицах более лояльные ему власти, а не центры арабо-мусульманского возрождения и единства.

29 января 2002 г. в послании конгрессу президент США Джордж Буш отнес Ирак к так называемой «оси зла», обвинив Багдад в разработке оружия массового уничтожения и связях с международными террористами и, в частности, с «Аль-Каидой». Буш тем самым начал пропагандистскую кампанию для подготовки общественного мнения в Соединенных Штатах и за их пределами к возможному вооруженному вмешательству в дела Ирака. Выступая в Военной академии США в Вест-Пойнте 1 июня 2002 г., Дж.Буш сформулировал положение о возможности осуществления «оборонительной интервенции и упреждающего удара» как средства защиты американских интересов, в том числе в любых отдаленных районах мира²⁵.

По сути, Вашингтон объявил международному сообществу о своем намерении наносить удар по любой точке земного шара, где, как кажется США, могут ущемляться их интересы. Ирак с его подмоченной репутацией после вторжения в Кувейт в 1990 г. стал удобной ми-

шенью для угроз Вашингтона. Администрация Буша относилась к предстоящей агрессии как довершению «незавершенного дела», логичным концом которого, по мнению США, должно было стать свержение диктаторского режима Саддама Хусейна.

Большинство арабских стран выступило против силового метода смены власти в Багдаде, опасаясь того, что военный исход подорвет достижения арабских стран в области строительства межарабских отношений и весьма негативно скажется на их экономике.

Весной 2002 г. Багдад объявил 30-дневное эмбарго на поставки нефти за рубеж. Как заявил министр нефти Ирака Мухаммед Рашид, «сейчас неважно, что последует за этим, какой будет реакция США, ускорит ли такая мера американскую кампанию против Ирака. Главное в данный момент – защита достоинства арабской нации и палестинцев, которые находятся в передовом окопе». Рашид призвал арабские и исламские государства последовать иракскому примеру и поддержать «шаг, который ведет к победе палестинского народа»²⁶.

Власти большинства стран региона скептически отнеслись к решению Ирака объявить Соединенным Штатам нефтяное эмбарго. Иран, который ранее агитировал за использование против США и Запада «нефтяного оружия», воздержался от того, чтобы присоединиться к Ираку. В Тегеране логично посчитали, что «такая акция должна быть только коллективной». Ливия, хотя и приветствовала идею эмбарго, но также высказалась за его общеарабский характер. Министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал заявил, что нефть не может быть оружием для достижения политических целей. «Это – наше природное богатство, которое является движущей силой экономики». По мнению главы саудовского МИД, те, кто призывает использовать экспорт нефти в качестве рычага давления, «не знакомы с экономическими реалиями либо не понимают интересов арабского мира»²⁷. Так или иначе, решение Багдада объявить нефтяное эмбарго США не вызвало положительной реакции в арабском мире.

Россия и некоторые другие государства в этот период активизировали дипломатическое давление на Багдад с целью склонить его к возвращению Спецкомиссии ООН. Было передано соответствующее обращение к иракскому руководству. 16 сентября 2002 г. иракское руководство уведомило Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о своей готовности вернуть без всяких условий Спецкомиссию ООН в Ирак²⁸.

Приняв 8 ноября 2002 г. резолюцию № 1441, СБ ООН предоставил Ираку «последнюю возможность» выполнить свои обязательства и избежать войны. Резолюция предельно ужесточила режим военных инспекций в Ираке, предупредив его о «серьезных последствиях» в случае нарушения своих разоруженческих обязательств. Резолюция наделила инспекторов правом на «незамедлительный, беспрепят-

ственный и безусловный» доступ ко всем местам и объектам в Ираке, включая так называемые президентские дворцы, которые могут иметь отношение к оружию массового уничтожения.

Инспекторы получили право по своему усмотрению проводить собеседования в Ираке или за его пределами со всеми официальными и иными лицами и даже членами их семей в отсутствие наблюдателей иракского правительства. Кроме того СБ ООН наделил их полномочиями «замораживать» подлежащий инспектированию объект, объявляя «запретные зоны», в которых Ирак должен прекратить наземное и воздушное движение. Инспекторы получили «неограниченное право въезда в Ирак и выезда из Ирака», а также возможность использовать любые самолеты и вертолеты, включая пилотируемые и беспилотные разведывательные летательные аппараты. 13 ноября 2002 г. иракское руководство согласилось на возобновление инспекций в стране, и в том же месяце в страну прибыла передовая группа инспекторов ЮНМОВИК (Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекциям) и МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии).

Последующие месяцы прошли в инспекциях иракских объектов специалистами ЮНМОВИК и МАГАТЭ. Как доложил Совету Безопасности ООН в отчете о ходе международных инспекций глава ЮНМОВИК Ханс Бликс, инспекторы ЮНМОВИК не обнаружили в Ираке никакого оружия массового уничтожения. Со своей стороны, генеральный директор МАГАТЭ Мухаммед аль-Барадеи сообщил, что эксперты его агентства также не обнаружили никаких свидетельств того, что Багдад возобновил свои программы в области ядерного оружия. Х.Бликс также признал, что Ирак сотрудничает с международными инспекторами в том, что касается процесса инспекций, предоставляя быстрый и беспрепятственный доступ к интересующим объектам²⁹.

Также М.аль-Барадеи приветствовал введение Ираком законодательного запрета на производство и импорт ОМУ, назвав это «шагом в правильном направлении с целью продемонстрировать свою приверженность выполнению обязательств в соответствии с резолюциями Совета Безопасности»³⁰. Руководители инспекционных групп ООН просили еще времени, однако Соединенные Штаты, чьи вооруженные силы в большом количестве уже были подтянуты в зону Персидского залива, вовсю готовились к войне. Кроме того, США оказывали все большее давление на Бликса и аль-Барадеи по мере того, как главы инспекционных групп докладывали результаты, не совпадавшие с тем, что говорили американские политики и военные³¹.

Несмотря на то, что инспекторы ООН так и не нашли в Ираке ОМУ, США продолжали наращивать свое военное присутствие в зоне Персидского залива, словно давая понять, что вторжение состоится вне зависимости от результатов инспекций.

Обращаясь к арабским странам, Ирак предупреждал, что предстоящая война станет ударом не только по режиму в Багдаде и попыткой установить контроль над иракской нефтью, но и нападением на всех арабов»³². Иракские руководители были не одиноки в своих оценках сложившейся ситуации. Подобные опасения звучали из уст политиков и военных практически в любой арабской стране. Начальник Генерального штаба сирийской армии генерал Хасан Туркмани заявил, что намерение Вашингтона отстранить от власти президента Ирака Саддама Хусейна является частью плана Соединенных Штатов подчинить регион Ближнего Востока американским и израильским интересам. «Существует военный альянс, поддерживаемый США, который в настоящее время под предлогом борьбы с терроризмом вмешивается во внутренние дела арабских стран и других государств»³³.

Риторика сирийского руководства в адрес США была очень жесткой. Президент Сирии Башар Асад накануне военных действий, в частности, заявил: «Никто не нарушает резолюции Совета Безопасности ООН так, как это делают США». По его словам, Вашингтон преследует не цель разоружения Ирака, но установления контроля над миром, «а для этого нужно установить контроль над нефтью». Сирийский президент подчеркнул, что «прямо или косвенно война в Ираке затронет всех»³⁴. Необходимо отметить, что позиция Сирии по поводу политики США и их союзников в отношении Ирака до начала военных действий была самой жесткой в арабском мире.

Сложившийся предвоенный кризис вокруг Ирака стал причиной критики США со стороны их ближайших партнеров на Арабском Востоке. На совещании министров иностранных дел стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), проходившем осенью 2002 г. в красноморском городе Джидда (Саудовская Аравия), главами МИД шести нефтедобывающих монархий было выражено разочарование по поводу ближневосточной политики администрации Джорджа Буша.

Руководитель внешнеполитического ведомства Султаната Оман Юсеф бен Алауи заявил, что «наши традиционные друзья (США) не хотят принимать в расчет интересы арабов. Надежды, которые мы связывали со взаимным партнерством, так и не осуществились. Исходя из своей политической стратегии, они (США) подталкивают события таким образом, чтобы круг проблем на Ближнем Востоке расширился»³⁵.

Бен Алауи также заявил, что «если Соединенные Штаты нанесут удар по Ираку, то вызовут ответные чувства мести и насилие в арабских и исламских странах. Американская агрессия усилит враждебность к США». Он указал «на недопустимость ослабления роли ООН в проведении диалога с целью установления под ее эгидой мира между народами». «Сила, господствующая в ООН, не хочет считаться

с интересами Ирака и арабов и, напротив, стремится осложнить иракскую проблему в соответствии с собственными замыслами», – сказал глава МИД Омана с явным намеком на поведение Вашингтона.

Критикуя США, страны ССАГПЗ были в то же время скептически настроены к режиму Саддама Хусейна, хотя, как говорилось выше, отношения Ирака со странами Персидского залива к началу XXI века заметно потеплели. Страны ССАГПЗ не могли не считаться с давлением со стороны США, требовавших силой решить вопрос о багдадском режиме Хусейна раз и навсегда. Напоминая драматические эпизоды иракской агрессии 1990 г., американцы всячески старались перетянуть на свою сторону власти этих стран или хотя бы добиться от них доброжелательного нейтралитета. Так, касаясь способов разрешения иракского кризиса, первый вице-премьер Кувейта шейх Сабах аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах заявил, что «уход Саддама Хусейна решит все проблемы. Если глава режима в Багдаде и его окружение покинут Ирак, проблема будет решена и весь мир вздохнет спокойно»³⁶.

Последним шансом для арабских стран, выступив всем вместе единым дипломатическим фронтом, повлиять на кризисную ситуацию вокруг Ирака, грозившую перерасти в войну, стал 15-й Арабский саммит глав государств-членов ЛАГ, прошедший 1 марта 2003 г. в египетском курортном городе Шарм аш-Шейх и полностью посвященный иракскому кризису и путям его разрешения. Открывая саммит, президент Египта Хосни Мубарак заявил: «Мы должны продемонстрировать нашим народам, что прилагаем усилия для того, чтобы остановить войну»³⁷.

Но, увы, единый арабский фронт, способный разрешить кризисную ситуацию вокруг Ирака, так и не удалось сформировать. Коллегиальная дипломатия арабов, особенно в отношении кризисов с участием арабской страны, о необходимости которой так часто говорили египтяне, стала невозможна по причине глубоких межарабских противоречий. На саммите арабские страны разделились на три лагеря. На тех, кто считал военную акцию против режима Саддама Хусейна неизбежной (во главе с Кувейтом), тех, кто выступал категорически против любого вооруженного вмешательства во внутренние дела независимого Ирака (во главе с Сирией), а в третьем лагере оказались государства, призывавшие избежать войны путем принятия компромиссных решений и дальнейшего поиска альтернатив. Их оказалось большинство.

Египет отверг идею о том, чтобы предложить Саддаму Хусейну покинуть пост главы государства и тем самым предотвратить агрессию США и их союзников. Этот план, предложенный президентом Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) шейхом Заидом бен Султаном ан-Нахайяном, предусматривал добровольную отставку членов иракского руководства и выезд из страны в течение двух недель с

предоставлением им гарантий того, что они не будут подвергаться какому-либо преследованию.

Как заявил Хосни Мубарак, «это исключительно внутривосточное дело Ирака и вмешиваться в него мы не будем». В свою очередь глава МИД АРЕ Ахмед Махер добавил, что «представляется нелогичным и неприемлемым предлагать народу независимого государства отставку его руководства»³⁸. Комментарии других арабских стран к предложению ОАЭ были еще более жесткими. В конце концов, инициатива ОАЭ, как получившая негативные отклики большинства арабских стран, была отклонена³⁹.

В итоговом коммюнике 15-го Арабского саммита прозвучал призыв к мирному решению иракского кризиса. Документ содержал обращение к арабским странам не участвовать в войне с Ираком, а также просьбу к Саддаму Хусейну выполнять все требования ООН. Арабские страны выразили полное неприятие любой формы агрессии против Ирака, подчеркнув при этом, что данная агрессия будет рассматриваться как «акция, направленная на подрыв национальной безопасности всех арабских стран в целом». Но вместе с тем, несмотря на согласительный тон итогового коммюнике, главы государств-членов ЛАГ в ходе саммита так и не выработали какого-либо реального механизма, позволяющего предотвратить агрессию США и их союзников в Ираке.

Поражение Ирака было быстрым и безоговорочным. 20 марта войска США и их союзников начали военные действия, 9 апреля пал Багдад, а 1 мая президент США Джордж Буш объявил об окончании крупномасштабных военных действий. Согласно данным, содержащимся в докладе международного объединения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», за время войны в Ираке погибло от 21,7 до 55 тыс. человек, в том числе около 10 тыс. мирных иракских граждан. А еще около 20 тыс. мирных иракцев получили ранения⁴⁰. Впрочем, как считают сами авторы доклада, эти цифры занижены.

Арабские страны осудили оккупацию Ирака войсками США и их союзников, но в то же время призвали их не покидать территорию страны из-за вероятности начала гражданской войны. Примерно в этом же духе высказался министр иностранных дел Временного управляющего совета (ВУС) Ирака Хошияр Зибари по окончании переговоров с генеральным секретарем Лиги арабских государств (ЛАГ) Амром Мусой. Он заявил: «Иракский народ не приемлет оккупацию страны и всей душой желает как можно быстрее восстановить свой суверенитет». В то же время он отметил, что «ситуация в стране крайне сложная и в сложившихся условиях присутствие сил коалиции просто необходимо, чтобы не допустить раскола Ирака и вмешательства во внутренние дела страны извне»⁴¹.

Тема кризиса вокруг Ирака занимает одно из ведущих мест во время переговоров между высокопоставленными чиновниками араб-

ских стран. В последние годы заметно активизировались отношения между Египтом и Сирией. Дамаск традиционно проводит жесткий внешнеполитический курс в отношении США и их ближайшего союзника на Ближнем Востоке – Израиля. Сирийские власти яростно осудили агрессию США и их союзников в Ираке. Как известно, Сирия остается в списке стран, которые США рассматривают в качестве возможного объекта своей дальнейшей экспансии.

Так же как и Египет, Сирия до войны была в числе ведущих торговых партнеров Ирака: их ежегодный товарооборот доходил до 2 млрд. долл.⁴² Отношение Дамаска и Каира к ситуации в послевоенном Ираке практически во всем совпадает. В совместном заявлении по итогам встречи двух президентов в июле 2003 г. египетская и сирийская стороны подчеркнули, что «иракский народ должен проникнуться ответственностью и единогласно возложить на своих представителей миссию взять власть в свои руки как можно быстрее и тем самым обеспечить безопасность и стабильность единого Ирака»⁴³. Египет и Сирия активно выступают за суверенитет Ирака и сохранение целостности его территории.

В совместном заявлении по итогам египетско-марокканского саммита говорится о том, что «ключевую роль в процессе укрепления безопасности и восстановления Ирака должна сыграть ООН». Президент АРЕ Хосни Мубарак и король Марокко Мухаммед VI выразили «глубокую озабоченность ухудшением ситуации в Ираке, которая угрожает безопасности иракского народа и стабильности в регионе»⁴⁴.

Состояние хаоса и разрухи, поселившихся в Ираке в первые недели и месяцы после падения режима Саддама Хусейна, не могло не вызывать чувство сострадания и боли к иракскому народу. Весной-летом 2003 г. Ирак находился на грани гуманитарной и экологической катастрофы. 29 мая 2003 г. была единогласно принята резолюция № 1483 Совета Безопасности ООН о послевоенном восстановлении Ирака, посредством которой США фактически добились одобрения постфактум акции в этой стране⁴⁵. А 16 октября 2003 г. СБ ООН также единогласно одобрил резолюцию № 1551, предусматривающую расширение роли международного сообщества в послевоенном восстановлении Ирака. В резолюции, в частности, шла речь о создании в Ираке многонациональных сил под эгидой ООН и необходимости оказания Ираку финансовой и экономической помощи⁴⁶.

Вскоре после окончания военных действий перед властями арабских стран встал вопрос о выстраивании отношений с новыми иракскими властями. В частности, шла речь о начале официальных переговоров с представителями оккупационной администрации Ирака. Но вступление в переговоры с новой иракской властью означало фактическое признание этой власти. А признать ее – значило легитимизировать оккупацию Ирака войсками США и их союзников.

В арабском мире сдержанно отреагировали на появление в Ираке Правящего совета (ПС) – новой властной структуры, призванной заполнить вакуум власти спустя три месяца после свержения режима Саддама Хусейна. Генеральный секретарь Лиги арабских государств Амр Муса заявил: «Мы предпочли бы, чтобы сам иракский народ избрал тех, кто будет руководить Ираком». Реакция ведущих арабских стран – Египта и Саудовской Аравии прозвучала в том же ключе. Каир и Эр-Рияд согласились признать в принципе новый орган власти, но «при условии принятия последующих шагов к прекращению оккупации и формирования суверенного правительства»⁴⁷.

В сентябре 2003 г. накануне совещания глав внешнеполитических ведомств арабских стран обсуждался вопрос о возможности участия в нем представителей Временного управляющего совета (ВУС) Ирака. 1 сентября 2003 г. ВУС Ирака под эгидой США назначил новый кабинет министров. В связи с этим в рядах арабских стран наметился раскол относительно участия представителей ВУС на встречах в рамках ЛАГ. Ряд арабских стран, в частности, Сирия, заявили, что присутствие представителя ВУС на заседании послужит приданию легитимности американскому военному присутствию в Ираке. Другая группа государств, во главе с Кувейтом выступила за участие иракской делегации в каирской встрече.

В конце концов, арабские страны согласились на компромиссную формулу. Согласно ей, иракская делегация представляла не всю Республику Ирак, а лишь Временный управляющий совет. Делегация ВУС получила статус наблюдателя. А министр иностранных дел в переходном иракском правительстве Хошияр Зибари получил право присутствовать на открытых заседаниях. При этом министр иностранных дел Египта Ахмед Махер заявил, что решение о допуске ВУС Ирака на совещание Лиги арабских государств «не означает его признания»⁴⁸. «Вопрос о признании ВУС вообще не поднимался, поскольку многие члены ЛАГ не готовы его признать. ВУС нельзя назвать полностью суверенным».

Комментируя данное компромиссное решение стран-членов ЛАГ, ее генеральный секретарь Амр Муса подчеркнул, что это «шаг к восстановлению суверенитета Ирака и прекращению его оккупации»⁴⁹. Вместе с тем А.Муса заявил, что ЛАГ оставляет за собой право поддерживать контакты с иракскими внутривластными силами, находящимися в оппозиции к ВУС. «Мы готовы выслушать всех иракских политиков».

Министр иностранных дел в иракском переходном правительстве, сформированном ВУС, Хошияр Зибари заявил на совещании в Каире, что Ирак «стремится в самое короткое время восстановить свою роль в арабском мире». Он подчеркнул, что «новый Ирак – это не Ирак Саддама Хусейна». Временный глава внешнеполитического

ведомства сказал, что «во главу угла будут поставлены демократические преобразования и защита прав человека»⁵⁰.

Ирак стремится как можно скорее наладить отношения со странами региона, причем приоритетным направлением являются отношения с арабскими странами. Ирак хочет стать предсказуемым и стабильным партнером. В своем заявлении представитель ВУС Ирака Абдель Мохсен Абдель Хамид призвал соседей Ирака забыть прошлое, стереть из памяти представления о режиме Саддама Хусейна, так как Багдад открывает новую страницу в отношениях со своими соседями. Новое правительство Ирака будет строить отношения с ними на основе взаимных интересов и взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества⁵¹.

В целом можно сказать, что арабские страны, несмотря на отсутствие полного доверия в отношении новых иракских властей, сформированных в условиях оккупации, все же предпочли иметь дело с ВУС, надеясь тем самым хоть как-то повлиять на политические процессы в Ираке. Кроме того, изоляция Ирака арабскими странами могла бы окончательно привести официальный Багдад под политическое крыло Вашингтона, что существенно осложнило бы налаживание внешнеполитических и внешнеэкономических связей с новыми иракскими властями. Как заявил по итогам встречи глава МИД АРЕ Ахмед Махер, «Ирак является частью неотъемлемой арабского мира, и его изоляция неприемлема»⁵².

В 2003 г. четко обозначились экономические проблемы Ирака, для решения которых власти страны надеются на помощь международного сообщества, в том числе арабских стран. Внешняя задолженность Ирака к концу 2003 г. составляла 120 млрд. долл. Доход на душу населения составил от 450 до 610 долл. Для сравнения в 1980 г. он достигал 3,6 тыс. долл., а в 2001 – 770–1020 долл.⁵³

Согласно правительственным данным, в Ираке на начало 2004 г. насчитывалось 5 млн. человек (около 20% населения страны), живущих за чертой бедности. Основной причиной столь ужасающего положения дел в социальной сфере называются войны и международная блокада⁵⁴. Уровень безработицы в современном Ираке – самый высокий в арабском мире – до 50% с учетом скрытой безработицы, в то время как средний показатель для всех арабских стран составляет 18%⁵⁵.

В конце ноября 2003 г., согласно резолюции СБ ООН № 1483 от 29 мая 2003 г., перестала действовать программа «Нефть в обмен на продовольствие», на протяжении семи лет дававшая миллионам иракцев возможность «сводить концы с концами». Согласно данным ООН, 90% населения Ирака так или иначе зависели от реализации программы, а для 60% она являлась едва ли не единственным источником существования.

За время реализации программы было продано 3,4 млрд. баррелей нефти. 72% вырученных таким образом средств, или 46 млрд. долл. пошли на реализацию всевозможных гуманитарных проектов, предоставление услуг и закупку различных припасов. Как утверждают ее руководители, во многом благодаря программе в Ираке удалось, в частности, практически вдвое сократить масштабы недоедания среди детей младше 5 лет в центральных и южных провинциях страны, на 40% возросла пропускная способность хирургических отделений в больницах. В 2002 г. в Ираке было построено больше жилья, чем в 1990 г.⁵⁶ Начиная с 22 ноября 2003 г. все операции, проводившиеся ранее в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» были свернуты и переданы в ведение оккупационных властей.

Несмотря на усилия международного сообщества в деле помощи иракскому народу, в конце 2003 – начале 2004 гг. положение иракцев продолжало оставаться крайне тяжелым. Как сообщила в конце 2003 г. министр общественных работ и муниципалитетов Ирака Нисрин аль-Барвари, половина 25-миллионного населения Ирака лишена нормальной питьевой воды и лишь 9% населенных пунктов страны имеют водопровод⁵⁷.

Война в Ираке, выявившая раскол в арабских рядах, вновь дала пищу для размышлений по поводу того, насколько эффективна нынешняя организация арабского сообщества. Накануне начала военных действий Хосни Мубарак не без горечи констатировал, что «арабы не в состоянии остановить или отложить войну против Ирака». Как заявил в апреле 2003 г. Х.Мубарак по итогам встречи с саудовским министром иностранных дел Саудом аль-Фейсалом, «если после войны регион и не станет принципиально иным, все же он должен извлечь уроки из текущих событий, должен пойти по пути развития, что принципиально важно для самого региона»⁵⁸.

По окончании войны в Ираке практически во всех арабских странах стали звучать голоса сомнения относительно эффективности ЛАГ в нынешней ее форме. Данные упреки были направлены, в том числе, и в адрес Египта, поскольку позиции АРЕ в этой крупнейшей межаарабской организации традиционно сильны. В Каире пришли к выводу, что одним из необходимых шагов в интересах развития арабского сообщества должно стать реформирование его крупных организаций, прежде всего Лиги арабских государств.

Свидетельством весомой роли Египта в арабском мире стало избрание на пост генерального секретаря ЛАГ министра иностранных дел АРЕ Амра Мусы, произошедшее на общеарабском саммите в Аммане в марте 2001 г. Он стал пятым египтянином из шести на должности генерального секретаря ЛАГ со времени ее основания в 1945 г.⁵⁹

Амр Муса многое сделал для того, чтобы сгладить противоречия между Ираком и странами Персидского залива, прежде всего Кувей-

том и Саудовской Аравией. Однако он и его организация оказались бессильными перед мощной, четко слаженной в своих действиях американско-британской военной машиной. ЛАГ не удалось сделать главного – сплотить ряды арабских государств и выступить с решительными мерами. Это, по мнению египетского руководства, связано с тем, что ЛАГ не обладает наднациональными полномочиями, позволяющими в нужный момент принять адекватные шаги для пресечения угрозы по отношению к одной или нескольким арабским странам⁶⁰.

Как неоднократно заявляли представители ЛАГ, посещавшие Ирак после оккупации его американскими войсками, «Ирак нуждается в сближении с арабами и в их политической, экономической поддержке». Необходимо «принять реалии оккупации Ирака», но в то же время «прилагать усилия вместе с иракским народом для того, чтобы как можно быстрее прекратить оккупацию и снять бремя тягот, лежащих на иракцах»⁶¹.

Амбиции регионального лидерства Багдада, которые часто декларировались при Саддаме Хусейне и, как правило, отпугивали потенциальных партнеров, на современном этапе уже не являются препятствием для вхождения Ирака в структуры арабского сообщества в рамках интеграционных процессов. Эффективное участие Ирака в структурах арабского сообщества будет зависеть от того, насколько быстро будет передана власть из рук оккупационной администрации в руки иракского народа и восстановлена государственность страны с четкой деятельностью властных органов.

Но вместе с этим Ирак по-прежнему должен рассматриваться как один из потенциальных центров силы на Арабском Востоке, при условии, конечно, если его внешняя политика будет исходить из интересов арабского сообщества и дистанцируется от влияния США.

¹ Пырлин Е.Д. Трудный и долгий путь к миру. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 337.

² Шарипов У.З. Персидский залив: нефть – политика и войны. – М., 2000. – С. 185.

³ Шарипов У.З. Проблемы международной безопасности в Персидском заливе 90-х годов и политика США // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. Сборник статей. – М.: ИИИБВ – РАЕН, 2000. – С. 36.

⁴ Егорин А.З. Египет нашего времени. – М.: ИВ РАН, 1998. – С. 274.

⁵ РИА «Новости», 28.01.2002.

⁶ Там же.

⁷ Иванов И. Кто оплатит военные счета? // Мир Востока. – 2003. – № 1. – С. 20.

⁸ Скосырев В. Ирак. Ни войны, ни мира//Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 1. – С. 15–19.

⁹ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 20.12.2002.

- ¹⁰ Воробьев С. Месопотамия вчера, Ирак сегодня, а что завтра? // Мир Востока. – 2003. – № 2. – С. 26.
- ¹¹ Франция прекратила патрулирование в 1996 г.
- ¹² Бакланов А.Г. Ближний Восток на рубеже XXI века: к созданию системы региональной безопасности. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2001. – С. 97.
- ¹³ Ежегодник СИПРИ 2002. Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М.: Наука, 2003. – С. 231.
- ¹⁴ Мамед-заде П.Н. Европа застолбила место на иракском рынке // Независимая газета, 12.11.2002.
- ¹⁵ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 01.11.2002.
- ¹⁶ Пульс планеты, 01.11.2002.
- ¹⁷ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 03.11.2002.
- ¹⁸ Аш-Шарк аль-Аусат, 22.08.2002.
- ¹⁹ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 06.11.2002.
- ²⁰ Пульс планеты, 12.08.2002.
- ²¹ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 08.12.2002.
- ²² Ахмедов В. Сирия и Ирак вновь союзники // Независимая газета, 25.04.2002.
- ²³ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 13.08.2001.
- ²⁴ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 26.07.2002.
- ²⁵ Системная история международных отношений в 4-х томах. – Т. 3. 1945–2003. / Под. ред. А.Д. Богатурова. – М.: НОФМО, 2003. – С. 633.
- ²⁶ Пульс планеты. 10.04.2002.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Прямаков Е.М. Мир после 11 сентября. – М.: Мысль, 2002. – С.134.
- ²⁹ Кикило В. Что показал очередной отчет о ходе инспекций в Ираке // КОМПАС, 18.02.2003. – С.14.
- ³⁰ Там же, с. 16.
- ³¹ Громыко А.А. Новый мировой порядок или беспорядок. – М., 2004. – С. 18.
- ³² Пульс планеты, 28.08.2002.
- ³³ Пульс планеты, 28.08.2002.
- ³⁴ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 17.03.2003.
- ³⁵ Пульс планеты, 04.09.2002.
- ³⁶ Аш-Шарк аль-Аусат, 26.01.2003.
- ³⁷ Al-Ahram Weekly, 6–12 March 2003, Issue № 628.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Middle East Times. 07.03.2003.
- ⁴⁰ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 12.11.2003.
- ⁴¹ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 25.12.2003.
- ⁴² Иванов И. Кто оплатит военные счета? // Мир Востока. – 2003. – № 1. – С. 21.
- ⁴³ РИА «Новости». 08.07.2003.
- ⁴⁴ РИА «Новости». 15.01.2004.

- ⁴⁵ Системная история международных отношений в 4-х томах. – Т. 3. 1945–2003. / Под. ред. А.Д. Богатурова. – М: НОФМО, 2003. – С. 635.
- ⁴⁶ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 16.10.2003.
- ⁴⁷ *Зеленин Д.* К созданию Правящего совета в Ираке // КОМПАС, 29.07.2003. – С.12.
- ⁴⁸ Пульс планеты, 10.09.2003.
- ⁴⁹ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 09.09.2003.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ ИРНА. 29.02.2004.
- ⁵² Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. 9 September 2003. – www.mfa.gov.eg.
- ⁵³ Аль-Иттихад, 27.10.2003.
- ⁵⁴ Аз-Заман, 12.02.2004.
- ⁵⁵ РИА «Новости». 12.02.2004.
- ⁵⁶ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 21.11.2003.
- ⁵⁷ Аз-Заман, 04.11.2003.
- ⁵⁸ *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии. – М.: ИИИБВ, 2003. – С. 159.
- ⁵⁹ *Мамед-заде П.Н.* Амр Муса – «старожил» ближневосточной политики // Мир Востока. – 2003. № 2. – С. 16.
- ⁶⁰ Египетская инициатива по развитию системы межаарабских отношений и реформированию Лиги арабских государств (на арабском языке) // Al-Siyassa al-dawliya. Cairo, October 2003, Issue № 154. – С. 397.
- ⁶¹ Аль-Халидж, 01.01.2004.

**ЕГИПЕТ И СИТУАЦИЯ ВОКРУГ ИРАКА
НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.**

Во внешней политике Арабской Республики Египет важное место занимают отношения с Иракской Республикой. И, в частности, позиция АРЕ по кризисной ситуации вокруг Ирака, берущей свое начало в 1990 г., когда оккупация армией Саддама Хусейна Государства Кувейт, его аннексия и объявление 19-й провинцией Ирака заставило власти арабских стран, в том числе и официальный Каир, определить свое отношение к создававшемуся кризису.

Надо сказать, что до оккупации Ираком Кувейта отношения между Каиром и Багдадом развивались вполне успешно. Египет, постепенно выходящий из почти 10-летней изоляции в арабском мире (из-за подписания сепаратного мирного соглашения с Израилем в 1979 г.), в конце 80-х – начале 90-х годов XX века вел активную межарабскую внешнюю политику. В свете этого отношения между АРЕ и Ираком расценивались Каиром как «мост» для того, чтобы вернуться в авангард арабской нации, а в ближайшем будущем и возглавить его.

Так же как и большинство арабских стран, Ирак резко осудил подписание мирного договора между Египтом и Израилем 26 марта 1979 г. Ранее на совещании в верхах в Багдаде в ноябре 1978 г. Ирак предпринял попытку объединить арабские государства на антиегипетской платформе¹. Багдад расценил египетско-израильское соглашение и тесное сотрудничество Каира с Вашингтоном как фактический выход Египта из арабского сообщества. В свою очередь в Египте в это время активно работала пропагандистская государственная «машина», осуществлявшая нападки на Ирак. Все это вызвало ухудшение египетско-иракских отношений. Но вскоре наметился поворот в сторону их потепления.

Египет поддерживал Ирак в ирано-иракской войне (1980–1988 гг.). В самом ее начале Египет придерживался нейтралитета, однако уже вскоре встал на сторону Ирака. Это было вызвано, с одной стороны, стремлением помочь арабской стране, а с другой, помешать росту влияния в регионе Ирана, с которым у Египта ухудшились отношения в конце 70-х годов. Это случилось после того, как в Иране свершилась исламская революция, режим шаха пал, сам он бежал в Египет, а новые власти в Тегеране вступили в конфронтацию со свет-

ским режимом в Каире, который к тому же поддерживал связи с США и Израилем.

В ходе ирано-иракской войны Каир помогал режиму Саддама Хусейна и оружием, и военными специалистами. АРЕ продавала Ираку по льготным ценам оружие, особенно советского производства. Президент Мубарак выступил с заявлениями о наличии непосредственной связи безопасности в зоне Персидского залива со стратегической безопасностью Египта². О размере помощи, которую оказывали Багдаду его партнеры – западные компании, власти арабских стран, в том числе и Каир, можно судить по сумме затрат на военные нужды, которые сделал Ирак в ходе ирано-иракской войны. По некоторым данным, за восемь лет ирано-иракской войны Саддам Хусейн потратил на закупку вооружений по меньшей мере 100 млрд. долл.³

Стоит отметить, что активная поддержка Багдада помогла набрать Каиру столь необходимые политические очки в арабском мире и уже в середине 80-х годов несколько реабилитироваться в глазах властей арабских стран. Уже в 1982 г. были восстановлены дипломатические отношения между Египтом и Ираком⁴. С Иорданией, которая помогала Каиру в налаживании египетско-иракского диалога, дипломатические отношения были восстановлены в 1984 г.

В этот же период в отношениях между Египтом и Ираком проявился убедительный экономический аспект. В 80-е годы XX в. в Ирак хлынул огромный поток египетских рабочих. В какой-то момент их число достигало 2 млн. человек⁵. В иракской экономике они заменили иракцев, участвовавших в войне с Ираном. Это помогло решить кадровые проблемы иракской экономики, а также снизить уровень безработицы в самом Египте, где ее размах негативным образом влиял на внутреннюю обстановку в стране, создавая напряженность в отношениях между населением и властью. В дальнейшем, вернувшись домой, египтяне, проработавшие в Ираке, занимали достойное положение в своем обществе, поскольку заработки в Ираке по сравнению с египетскими были гораздо выше. Кроме того, деньги, переводимые египтянами из Ирака на родину, позволяли выжить многим египетским семьям в условиях, когда экономика АРЕ переживала глубокий экономический кризис. Денежные переводы египтян из-за рубежа и по сей день остаются одной из основных доходных статей египетского бюджета.

Конец 80-х годов ознаменовался некоторым спадом напряженности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, что было связано прежде всего с окончанием ирано-иракской войны, не завершившейся по сути дела победой какой-либо из сторон, но унесшей жизни людей и ставшей причиной длительного экономического застоя. Египетско-иракские отношения в этот период развивались и в военном, и экономическом плане довольно успешно. В итоге две эти страны стали ядром образовавшегося в феврале 1989 г. Совета арабского со-

трудничества (САС), в который помимо Египта и Ирака вошли Иордания и Йеменская Арабская Республика. К сожалению, новому региональному объединению было суждено прожить недолго. Оккупация Ираком Кувейта в августе 1990 г., по сути, означала прекращение деятельности САС де-факто. А наложенные на Ирак в 1990–1991 гг. жесткие санкции ООН ввергли эту некогда сильную арабскую страну в изоляцию, которая исключала ее активное сотрудничество с арабскими странами и уж тем более участие в процессе межарабской интеграции.

О том, что Ирак планировал конфликт с арабскими странами Персидского залива вскоре после окончания ирано-иракской войны, говорит начатая иракской прессой со второй половины 1989 г. широкомасштабная пропагандистская кампания против политики стран ССАГПЗ в ОПЕК. Согласно обвинениям Багдада, именно они виновны в том, что ОПЕК не пошла на увеличение квоты Ирака и тем самым блокировала восстановление иракской экономики⁶. Конкретные обвинения были предъявлены в адрес Кувейта, который Ирак обвинил в незаконном использовании нефтяного месторождения Румейла на ирако-кувейтской границе. Ирак потребовал в качестве компенсации 2,4 млрд. долл., а также списания задолженности по займам, полученным от Кувейта во время ирано-иракской войны, которые, по некоторым оценкам, составляли около 15 млрд. долл.⁷ Ирак претендовал также на кувейтский остров Бубиан в Персидском заливе.

В течение июля 1990 г. Египет пытался урегулировать эту взрывоопасную ситуацию, а президент Хосни Мубарак совершил ряд поездок в Ирак, Кувейт и Саудовскую Аравию, стараясь решить проблему мирными средствами⁸. Переговоры не привели к снятию напряженности, и в итоге 2 августа 1990 г. при помощи 150-тысячной армии Ирак в считанные часы оккупировал Кувейт, противопоставив себе большинство стран мира, в том числе и арабских. На чрезвычайной сессии совета ЛАГ, проходившей со 2 по 10 августа 1990 г., 12 из 21 государств-членов этой организации безоговорочно осудили агрессию Ирака против Кувейта. Реакция Организации Исламская конференция (ОИК) была более единодушной: действия Багдада осудило подавляющее большинство ее членов⁹.

Египет, осудивший подобный шаг Саддама Хусейна, принял активное участие в военных действиях против Ирака на стороне многонациональных сил. Встать на сторону агрессора, коим с точки зрения международного права был Ирак, было для Египта непоколебимым шагом. Это означало вступить в конфронтацию со странами-членами Совета Безопасности ООН, и что не менее важно, со странами Персидского залива во главе в Саудовской Аравией. В данной ситуации Египет рисковал вновь оказаться в изоляции, из которой он с таким трудом выходил на протяжении почти десяти лет.

В случае, если бы авантюра Саддама Хусейна все же удалась и международное сообщество посмотрело на оккупацию Кувейта сквозь пальцы, выгоды Египта, скорее всего, были бы не столь явными. Вряд ли Саддам Хусейн стал бы делиться с Египтом кусками «кувейтского пирога» в условиях, когда он сам нуждался в нефти как источнике валютных поступлений и эффективном рычаге давления на страны региона. Кроме того, целью агрессивных действий Багдада было превращение Ирака в центр силы на Арабском Востоке, что подразумевало ограничение влияния других ключевых арабских стран, в том числе и Египта. Таким образом, решение официального Каира встать на сторону антииракской коалиции отвечало нормам международного права и в то же время было вполне логичным с точки зрения политического прагматизма.

Вскоре после оккупации Ираком Кувейта в ответ на просьбу руководства Саудовской Аравии Египет направил свои вооруженные силы для защиты саудовской территории от возможного вторжения. Следует отметить, что Хосни Мубарак до последнего пытался предотвратить вторжение антииракской коалиции на территорию Ирака, опасаясь, что наибольший ущерб от такой акции будет причинен прежде всего мирному населению.

Кроме того, обращаясь к Саддаму Хусейну с призывом вывести иракские войска из Кувейта, Мубарак надеялся, что кризис удастся разрешить своими арабскими силами, без вмешательства сил извне. Но, увы, чем дальше, тем больше ситуация переходила под контроль США и европейских стран, а вероятность силового вмешательства становилась все более явной. Не помог и визит в Багдад 12–13 января 1991 г. Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, так и не сумевшего убедить Саддама Хусейна вывести свои войска из Кувейта¹⁰. В итоге Египет принял участие в сухопутной операции по освобождению Кувейта лишь тогда, когда стало ясно, что дипломатические меры бесплодны.

После безуспешных попыток уговорить Саддама Хусейна покинуть оккупированные территории последовала ответная акция против Ирака со стороны стран антииракской коалиции. В ночь на 17 января 1991 г. началась операция «Буря в пустыне», приведшая к полному поражению Ирака и значительному разрушению его военно-экономической инфраструктуры. Суверенитет Кувейта был восстановлен.

В итоге Мубарак выиграл от успешного завершения кампании в Персидском заливе больше, чем любой другой арабский или западный лидер¹¹. Участие Египта в восстановлении суверенитета Кувейта зафиксировало окончательное возвращение страны в арабское сообщество. Египет предстал в качестве защитника безопасности в регионе Персидского залива, готового прийти на помощь своим «братьям» из арабского сообщества.

Впрочем, тонкий политический расчет помог добиться Египту и вполне конкретных экономических выгод, столь необходимых ему после кризисных 1989–1990 годов. По некоторым данным, события в Персидском заливе стоили Египту 5% от его ВВП¹². Однако за помощь в антииракской кампании Каиру отплатили щедро. Ему простили часть внешних долгов, а также компенсировали потери денежных поступлений из сфер экономики, которые тесно связаны с международным положением в регионе, прежде всего валютных переводов египетских мигрантов, работавших в странах Персидского залива, и доходов от зарубежного туризма¹³.

Кризис в Персидском заливе выявил необходимость создания эффективной арабской системы безопасности. Вскоре после окончания войны, в марте 1991 г. Египет, Сирия и страны ССАГПЗ приняли «Дамасскую декларацию», призванную обеспечить безопасность в регионе путем объединения усилий стран-участниц в области строительства системы коллективной безопасности. Стоит добавить, что «декларацию» приняли те арабские страны, которые приняли самое активное участие в антииракской коалиции. Согласно этой инициативе, предполагалось присутствие египетских и сирийских военных контингентов в Персидском заливе в качестве оплота субрегиональной безопасности, которая призвана стать частью общеарабской системы безопасности и обороны¹⁴. В Дамасской декларации, в частности, говорится, что «каждое государство-член ССАГПЗ вправе попросить поддержки со стороны вооруженных сил Египта и Сирии, а также военного присутствия войск этих стран на своей территории»¹⁵. Однако на деле положения Дамасской декларации так до сих пор и не реализованы, хотя формально она не отменена.

В течение 90-х годов Египет был в авангарде тех арабских стран, кто прилагал большие усилия для скорейшего возвращения Ирака в рамки полноценного сотрудничества на международной арене. Это привело бы к прекращению страданий иракского народа, а с другой – к раскрытию потенциала экономических и культурных отношений с этой страной.

Дипломатическую активность в отношении ситуации вокруг Ирака Египет проявил, будучи непостоянным членом Совета Безопасности ООН в 1996–1997 гг. Египет требовал от Ирака неукоснительного выполнения всех резолюций СБ ООН, принятых в результате его вторжения в Кувейт. Каир считал это необходимым условием для скорейшего снятия всех санкций ООН с Багдада.

Египет, выступавший и выступающий за превращение Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового уничтожения, требовал от Ирака выполнения резолюции № 687 от 1991 г. Согласно ей, решение об отмене эмбарго может быть принято лишь после выполнения Ираком в полном объеме требований мирового сообщества о ликвидации программ производства и размещения химического и

биологического оружия, а также ракетного потенциала. Египет выступал решительно против применения силового давления в отношении Багдада в тех ситуациях, когда возникали разногласия между иракскими властями и инспекционными комиссиями ООН.

В конце XX – начале XXI вв. отношения между Египтом и Ираком продолжали динамично развиваться. Так, в 2000 г. Египет и Ирак возобновили дипломатические отношения, прерванные в 1991 г.¹⁶ А уже в следующем 2001 г. объем торговли Египта с Ираком составил 2 млрд. долл.¹⁷ До начала военных действий весной 2003 г. Египет был основным торговым партнером Ирака в арабском мире: он экспортировал в Багдад товаров на 2,8 млрд. долл. в год¹⁸.

В ноябре 1997 г. Египет впервые после войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. принял участие в Международной ярмарке в Багдаде, а на следующий год число египетских фирм и компаний, приехавших на ярмарку, выросло до 60. В то же время наметилась и другая тенденция – сокращение числа египетских специалистов, работающих за рубежом, в том числе и в Ираке. Согласно данным Центрального агентства статистики АРЕ, в 1999 г. в Ираке работало 66 тыс. египтян. Для сравнения: в том же году в соседнем Кувейте на заработках находилась 191 тыс. египтян, а в Саудовской Аравии – 924 тыс.¹⁹

В январе 2001 г. Каир посетила с визитом представительная иракская делегация во главе с вице-президентом страны Таха Ясином Рамаданом. В состав иракской делегации также вошли министр торговли Ирака Мухаммед Махди Салех, министр транспорта Муртада Халиль и министр сельского хозяйства Абдалла Хаммуд. Переговоры проходили на очень высоком уровне. Таха Ясина Рамадана принял президент АРЕ Хосни Мубарак. По итогам визита Египет и Ирак подписали соглашение о свободной торговле²⁰, вступившее в силу летом 2001 г.²¹

По словам премьер-министра Египта Атефа Обейда, подписание данного соглашения явилось первым шагом в деле создания Арабского общего рынка, к которому должны присоединиться и остальные арабские страны для того, чтобы противостоять вызовам глобализации. Для Ирака это соглашение стало еще одним прорывом из кольца международных санкций в сторону активного сотрудничества, а для Египта – возможностью ускорить реализацию давней мечты по созданию Арабского общего рынка, который, по мнению египетских руководителей, поможет сплотить арабские ряды. Египет и Ирак призвали арабские страны присоединиться к данному договору.

Египетско-иракские экономические отношения продолжали развиваться весьма и весьма интенсивно. Уже в феврале 2001 г. египетская правительственная делегация во главе с министром внешней торговли АРЕ Юсефом Бутросом Гали прибыла в Багдад, чтобы «развить поступательную динамику в укреплении двусторонних тор-

гово-экономических отношений». Иракская сторона отметила важность развития двусторонних связей в области железнодорожного, морского и воздушного транспорта. Было вновь подтверждено, что создание единого торгового пространства между Египтом и Ираком станет стимулом для других арабских стран к тому, чтобы процесс арабской экономической интеграции протекал быстрее. В апреле 2001 г. в Багдаде прошла египетская торговая ярмарка, в которой приняло участие свыше 180 компаний из АРЕ²².

Летом 2001 г. по завершении работы 73-й сессии Арабского Совета Экономического Единства в Багдаде Генеральный секретарь этой организации Ахмед Говейли объявил, что министры торговли и экономики Египта, Ирака, Сирии и Ливии поставили подписи под договором о создании зоны свободной торговли с участием этих четырех стран²³. Это событие встретило одобрение и поддержку в арабском мире. Наконец открывалась реальная перспектива реализации идеи Арабского общего рынка, озвученной еще в 1964 г. и предусматривавшей обеспечение свободы перемещения и транзита людских ресурсов, капитала, товаров, свободы трудового найма и приобретения собственности²⁴. Ирак становился в этом случае одним из ключевых звеньев будущего межарабского интеграционного объединения.

Таким образом, Египет стал первой арабской страной, которая к концу 90-х годов фактически прорвала блокаду в торгово-экономических отношениях с Ираком и вывела связи между Каиром и Багдадом на уровень партнерства.

Помогая Багдаду восстанавливать свой международный имидж и налаживать экономические связи, официальный Каир исходил из того, что изолированность такого потенциально сильного регионального игрока, как Ирак, делала планы по объединению арабов не столь убедительными, особенно когда система межарабских отношений переживала один из самых глубоких кризисов в своей истории.

Надо сказать, что в Египте, как и в большинстве арабских стран, не скрывали своего отрицательного отношения к режиму Саддама Хусейна. Личность иракского диктатора не устраивала умеренные арабские режимы, но в то же время там понимали, что иметь дело придется именно с этими властями. Ирак с его колоссальным экономическим потенциалом (запасы углеводородного сырья, высокий интеллектуальный уровень населения страны, развитая индустриальная и научно-техническая база и др.) рассматривался как непрременный участник интеграционных процессов в арабском регионе.

Несмотря на действие международных санкций, наложенных на Ирак Советом безопасности ООН, экономические связи между Ираком и арабскими странами с каждым годом становились все более интенсивными. Основным торговым партнером Ирака в арабском мире был Египет. По итогам 2002 г. Египет занимал второе после России место в торговле с Ираком в рамках программы ООН «Нефть в

обмен на продовольствие», потеснив в списке экспортеров в эту страну Францию и ряд арабских государств²⁵.

После обвинений США в адрес Ирака в 2002 г. по поводу наличия у последнего оружия массового уничтожения и начала пропагандистской войны перед вторжением официальные египетские лица выступили с заявлениями о том, что политический и экономический урон от последствий силовой акции США в Ираке будет непоправимым.

Египет приветствовал принятое осенью 2002 г. решение Багдада вернуть инспекторов ООН в Ирак. Появилась надежда на то, что военного вмешательства США в Ирак удастся избежать и компромисс относительно разоружения Ирака будет найден в рамках правового поля ООН. Оружие массового уничтожения так и не было найдено, зато наметилось желание Багдада сотрудничать с международным сообществом. Но вскоре стало ясно, что США намерены вторгнуться в Ирак вне зависимости от того, найдется там или нет оружие массового уничтожения.

В условиях сложившейся сложной международной обстановки в течение 2002 – начале 2003 гг. президент АРЕ Хосни Мубарак совершил ряд поездок по странам Арабского Востока с целью консолидации усилий, направленных на поиск мирного выхода из иракского кризиса. Задача была очень сложная, поскольку отношение арабских стран к режиму Саддама Хусейна и методам решения проблем, связанных с действиями этого режима в прошлом и настоящем, было различным.

В ходе турне Хосни Мубарака по странам Персидского залива президент Египта и президент ОАЭ шейх Заид бен Султан Аль Нахайян выступили с совместным заявлением, в котором призвали к урегулированию иракского кризиса «только мирным путем в рамках ООН». Оба лидера потребовали от иракского руководства строгого соблюдения резолюции № 1441 Совета Безопасности ООН «с тем, чтобы уберечь свой народ от военной конфронтации». Они подчеркнули «необходимость выработки общеарабской позиции в поддержку мира и стабильности на Ближнем Востоке»²⁶.

В феврале 2003 г. президент Египта Хосни Мубарак и король Иордании Абдалла II выступили за предоставление дополнительного времени инспекторам ООН, потребовав от Вашингтона не предпринимать односторонней акции против Ирака без мандата ООН²⁷. В то же время оба арабских лидера понимали, что шансов остановить американскую военную машину все меньше и вероятность начала войны становится все более и более явной. Стоит подчеркнуть, что арсенал дипломатических мер у Египта, Иордании, как, впрочем, и некоторых других арабских стран, для давления на США был и остается довольно скудным. Обе эти страны ежегодно получают от Соединенных Штатов солидную финансовую помощь (в том числе без-

возмездную), что естественным образом уменьшает внешнеполитические возможности Каира и Аммана и существенно сковывает действия властей.

В отличие от войны в Персидском заливе 1990–1991 гг., когда Египет в составе антииракской коалиции активно участвовал в восстановлении суверенитета Кувейта, захваченного армией Саддама Хусейна, и по завершении военных действий получил множество дивидендов, как экономических (только арабские страны Персидского залива списали 40% долга Египта²⁸), так и политических, ситуация 2003 г. для официального Каира представлялась совершенно иной. Ирак не был агрессором, а обвинения США в том, что Багдад обладает оружием массового уничтожения, были бездоказательными. Кроме того, Ирак в последние несколько лет стал активно налаживать отношения с арабскими и европейскими странами. Как уже отмечалось, Египет занимал одно из ведущих мест среди всех стран мира по объему торговли с Ираком в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие».

Ирак, безусловно, дорожил тесными связями с Египтом, которые в экономической сфере развивались особенно интенсивно. При этом в Багдаде полагали, что Каир, имеющий партнерские отношения с Вашингтоном, сделает все возможное для того, чтобы предотвратить нанесение американцами ударов по Ираку. Все то время, что Египет предпринимал дипломатические шаги по преодолению кризиса вокруг Ирака, официальный Каир призывал Багдад к тому, чтобы «его поступки следовали в соответствии с волей международного сообщества и не давали предлога для иных толкований»²⁹.

В сентябре 2002 г. президент Египта Хосни Мубарак принял министра иностранных дел Ирака Наджи Сабри, который передал египетскому лидеру послание от Саддама Хусейна. В нем были отражены пути укрепления братских отношений и сотрудничества между Ираком и Египтом. По мнению иракской стороны, изложенном в этом послании, действия США по отношению к Ираку «не связаны с наличием у того оружия массового уничтожения, а лишь с выполнением агрессивных намерений в интересах Израиля, который прежде всего и заинтересован в этом»³⁰. Если для Египта в отношениях с Израилем мир, начиная с 1979 г. является «стратегическим выбором», то для Багдада борьба с еврейским государством превратилась в одно из основных направлений его военно-политической стратегии.

Накануне начала военных действий официальные лица Египта неоднократно выступали с критикой правительства США, предлагавшего силой разоружить Ирак. Согласно занятой Египтом позиции по иракскому вопросу, ключевая роль в урегулировании данной проблемы должна принадлежать ООН³¹. Хосни Мубарак предупредил, что военный удар по Ираку приведет «к хаосу на Ближнем Востоке», подчеркнув, что «нет необходимости атаковать разоренную санкциями

страну». Это будет иметь далеко идущие последствия, и в регионе может сложиться худшая по сравнению с нынешней ситуация», – заявил Мубарак. «Мы и так наблюдаем гибель арабов в Палестине, поэтому в случае с Ираком следует действовать с особой мудростью»³².

Официальный Каир категорически отверг военное решение иракской проблемы и заявил, что не будет участвовать в войне против братского Ирака³³. Глава египетского МИД А.Махер, видимо осознавая неизбежность силового вмешательства США в Ирак, заявил, что Египет не примет никакого участия в антииракской военной акции, даже если она будет санкционирована ООН³⁴.

Официальные власти Египта не устраивал режим Саддама Хусейна как диктаторский и непредсказуемый. Некоторое время спустя после окончания войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. Х.Мубарак заявил: «Мы с болью наблюдаем за страданиями иракского народа, однако без всяких симпатий относимся к иракскому президенту Саддаму Хусейну»³⁵.

Мубарак возложил ответственность на Саддама Хусейна за то, что тот своими действиями подверг опасности весь Ближний Восток, поставив регион на грань вооруженного конфликта. Во многом это произошло из-за того, что с 1990 г., когда Ирак вторгся в Кувейт, иракская политика способствовала наращиванию иностранного военного присутствия в регионе и дестабилизировала обстановку на Ближнем Востоке и в арабском мире³⁶.

Но в то же время Каир был решительно против силового метода смены властей в Багдаде. Военный удар США и их союзников по Ираку угрожал серьезным экономическим уроном странам Ближнего Востока, в том числе и Египту, чьи доходы во многом зависят от зарубежного туризма, доходов от эксплуатации Суэцкого канала, иностранных инвестиций, т.е. того, что тесно связано с международной обстановкой в регионе. Это весьма нехотят, если учесть растущую задолженность Египта перед своими кредиторами. Согласно официальным данным, озвученным президентом страны Хосни Мубарак, к 2002 г. внешний долг Египта составил уже около 27 млрд. долл.³⁷ По мнению главы государства, «это разумный уровень задолженности, находящийся в границах экономической безопасности». Тем не менее создававшаяся ситуация заставляет АРЕ находиться в определенной зависимости от своих финансовых доноров – государств и организаций, к которым время от времени приходится обращаться с просьбой о предоставлении экстренной помощи после очередного роста напряженности в регионе и неизбежно следующих за ним валютных потерь для египетской казны.

Говоря о негативных последствиях войны в Ираке внутривосточного характера, Х.Мубарак отметил, что война в Ираке не даст положительных результатов, породит новых «Бен Ладенов», подтолкнув еще больше мусульман к экстремизму антизападного направле-

ния³⁸, а также может стать катализатором гражданской и региональной войны.

В целом же надо отметить, что Египет выбрал тактику умеренной критики в отношении «иракского кризиса», заняв позицию «золотой середины» в арабском мире. Критикуя действия США и их союзников, Египет не позволял себе перейти ту грань, за которой могло бы последовать ухудшение отношений с Вашингтоном.

Однако несмотря на многочисленные народные протесты по всему миру, призывы арабских лидеров найти политическое решение кризиса, американцы и их союзники в конечном счете совершили военную агрессию против Ирака. Такой исход был вдвойне чувствителен, поскольку, по всей видимости, надолго выбил Ирак из расчетов по развитию системы межарабской интеграции.

В общественно-политических кругах Египта не было однозначной оценки иракской войны. Подавляющая часть египетского общества, равно как и в других арабских странах, яростно осуждала действия США и их союзников в Ираке, не санкционированные резолюциями Совета Безопасности ООН.

Власти Египта оказались в непрестом положении. С одной стороны, в условиях узкого пространства для политического маневра им нужно было найти выход из создавшейся ситуации, не потеряв государственный престиж в арабском мире и продемонстрировав, что делается все возможное для того, чтобы избежать войны. А с другой, учитывать настроения египетской общественности, требовавшей более решительных шагов вплоть до отправки добровольцев для участия в военных действиях на стороне иракцев. Пятничные молитвы в Каире и других крупных городах страны выливались в массовые антивоенные демонстрации, в которых четко звучали антиамериканские и антиизраильские лозунги. Гнев многомиллионного Каира в эти дни был как никогда ярким, но властям удалось сохранить ситуацию под контролем.

Накануне войны в Египте прошли аресты активистов группировки «Братья-мусульмане», обвиненных официальным Каиром в «использовании иракской проблемы для подогревания антиправительственных настроений»³⁹.

Вместе с тем духовный лидер одной из крупнейших египетских исламистских группировок «Братья-мусульмане» Мамун аль-Худейби заявил, что если бы ее члены имели возможность воевать в Ираке, они сражались бы не на стороне Саддама Хусейна. «Если бы была возможность вести эффективный джихад (священную войну) в Ираке, то мы бы не сражались ни на стороне Саддама, ни его режима – мы бы помогали иракскому народу бороться против любой иностранной оккупации»⁴⁰. В январе 2004 г. новый духовный лидер «Братьев-мусульман» Мухаммед Акеф заявил, что среди добровольцев и боевиков сопротивления в Ираке нет членов этой группировки⁴¹.

Уже после окончания войны, в ходе своего турне по странам Аравийского полуострова осенью 2003 г. президент Египта заявил об отказе своей страны посылать войска в послевоенный Ирак⁴². Хосни Мубарак категорически исключил возможность отправки в Ирак египетского контингента даже в случае принятия соответствующей резолюции ООН. Он дал понять, что египетские солдаты не могут «устанавливать порядок в Ираке, а тем более стрелять в своих братьев, если они откажутся выполнять их команды»⁴³. Это было ответом на американские предложения к мировому сообществу принять участие в послевоенном обустройстве Ирака.

Вместе с тем в январе 2004 г. президент Египта Хосни Мубарак призвал Соединенные Штаты сохранять свое военное присутствие в Ираке до избрания там законного правительства, поскольку в противном случае Ирак может оказаться полностью охваченным анархией и беспорядками. По мнению руководства Египта, в Ираке продолжают действовать силы, стремящиеся путем разжигания межэтнической и межконфессиональной вражды вызвать в стране гражданскую войну⁴⁴.

Уже первые месяцы после окончания активных военных действий ясно показали, что мрачные предсказания египетского лидера относительно тяжелого будущего послевоенного Ирака были небеспочвенными. Ситуация в разрушенном Ираке стала питательной средой для роста антиамериканских, экстремистских настроений, угрожая дестабилизировать обстановку и в других странах региона. Даже поимка Саддама Хусейна не привела к снижению активности партизанской деятельности. Стало очевидно, что она носит не просаддамовский, а прежде всего антиоккупационный характер, а, следовательно, продолжится до тех пор, пока захватчики не покинут территорию Ирака.

Заведующий политической канцелярией президента Египта Усама аль-Баз призвал к выводу оккупационных сил из Ирака «в течение нескольких месяцев, а не лет». По его мнению, «продолжение оккупации наносит вред иракскому народу и создает напряженность в регионе»⁴⁵.

Поимка Саддама Хусейна американскими войсками в декабре 2003 г. вызвала различные отклики и комментарии в Египте. Были те, кто видел в этом событии еще один удар по арабскому сообществу со стороны США и противников межарабской интеграции. Другие сожалели о том, что Саддам попался в руки американцев без сопротивления и тем самым нивелировал свой ореол изгнанника, заступника униженных иракцев и руководителя поствоенного сопротивления оккупантам. Третьи и вовсе откровенно сочувствовали бывшему иракскому лидеру. Явное негодование по поводу ареста иракского диктатора охватывало тех египтян, которым в свое время довелось жить и

работать в Ираке, и скопив неплохое состояние, вернуться обратно в Египет обеспеченными по местным меркам людьми.

Реакция официального Каира на сообщения о поимке Саддама Хусейна была в целом положительной. Комментируя арест американцами бывшего иракского диктатора, Хосни Мубарак заявил, что надеется на то, что это событие поспособствует более скорой передаче власти иракскому народу. Президент также сказал, что арест С.Хусейна закроет печальную главу в истории Ирака, связанную с эпохой изнурительных войн – ирано-иракской и ирако-кувейтской.

Глава МИД АРЕ Ахмед Махер заявил, что своими действиями прежний иракский режим подорвал единство арабского мира⁴⁶. По его мнению, с окончательным падением режима Саддама Хусейна у иракского народа появляется возможность самостоятельно принять участие в строительстве своей страны и независимости⁴⁷. «Никто не будет сожалеть о том, что он арестован», – заявил А.Махер. Но в то же время Египет выступил за то, чтобы суд над Саддамом Хусейном был справедливым и у подсудимого была возможность защищать себя⁴⁸.

Египет как один из политических центров арабского мира очень болезненно переживал военный исход кризиса вокруг Ирака. Он свидетельствовал о слабости арабского сообщества, о расколе в его рядах и неспособности повлиять на нежелательный для большинства арабских стран ход развития событий в регионе. Фактически смирившись с иностранной оккупацией иракской территории, Египет сосредоточил свои усилия на достижении скорейшего прекращения оккупации, установлении стабильных и долгосрочных отношений с Багдадом и включении Ирака в интеграционные процессы на Арабском Востоке. Последнее является предметом особой заботы Каира, учитывая тот факт, что за последние почти полвека арабским странам так и не удалось создать действенных интеграционных объединений, хотя база под это не раз подводилась на общеарабских саммитах на уровне глав государств и правительств, а также в рамках двусторонних соглашений между арабскими странами.

Однако несмотря на широкий общественный резонанс в арабских странах, который вызвала военная акция против Багдада, Египет не пошел на осложнение отношений с Западом. Он, в частности, не стал закрывать Суэцкий канал для прохода кораблей США и Великобритании, направлявшихся в зону военных действий против Ирака⁴⁹. Руководство страны сослалось при этом на действующие со дня открытия канала для свободного судоходства в 1869 году международные соглашения, согласно которым Египет имеет право на закрытие искусственной водной артерии только в случае, если египетское государство будет находиться в состоянии войны.

Война в Ираке не привела к серьезному ухудшению египетско-американских отношений. Можно сказать, что политические разногла-

сия между Каиром и Вашингтоном компенсирует активное торгово-экономическое и военно-стратегическое сотрудничество. Египет входит в число крупнейших торговых партнеров США в арабском мире, занимая по этому показателю 2-е место после Саудовской Аравии, но зато впереди ОАЭ и Кувейта⁵⁰.

Кроме того, с 1988 г. Египет числится в списке стран – союзников США вне НАТО⁵¹. Это позволило Каиру за последние годы существенно расширить сотрудничество с Вашингтоном в военной области, так как по американским законам страны, являющиеся главными союзниками США, пользуются льготным режимом экспортного контроля при закупках боевой техники⁵². Стоит отметить, что такой же статус имеет и Израиль, а после окончания войны 2003 г. в Ираке Вашингтон объявил о включении в список союзников США вне НАТО еще и Кувейт⁵³.

Египет по-прежнему является одним из крупнейших получателей финансовой помощи Соединенных Штатов. Накануне агрессии США и их союзников в Ираке американский сенатор Арлен Спектор по итогам встречи с президентом Египта Хосни Мубараком в Шарм-эш-Шейхе заявил, что «в случае нанесения США удара по Ираку размеры ежегодной американской финансовой помощи Египту могут быть увеличены», при этом добавив, что Вашингтон считает Каир «очень важным другом и очень хорошим союзником»⁵⁴. Таким образом, Соединенные Штаты дают понять, что в случае экономических сложностей в Египте, вызванных действиями США в регионе, они готовы компенсировать их дополнительными валютными траншами⁵⁵.

В июле 2003 г. Египет и США подписали весьма важное для Вашингтона двустороннее соглашение, гарантирующее американским гражданам иммунитет перед лицом Международного уголовного суда в Гааге. Как заявил по этому случаю глава МИД АРЕ Ахмед Махер: «Мы приняли обязательство, согласно которому американцы, обвиняемые в преступлениях против человечества, будут направляться в американские суды»⁵⁶.

Мубарак скептически отнесся к идее разрыва отношений между арабскими странами и США в ответ на военный удар по Ираку, назвав ее «нереалистичной с экономической точки зрения»⁵⁷. Египетский руководитель считается противником методов экономического давления, полагая, что именно в этой области арабские страны наиболее уязвимы, а потому применение арабами экономических санкций обернется негативными последствиями прежде всего для самих арабских стран и не принесет желаемых политических дивидендов.

Реагируя на призывы представителей арабского сообщества заморозить отношения с США за их антииракские и произраильские действия, Х.Мубарак высказался против объявления бойкота. Он заявил: «В конце концов, бойкот негативно скажется на нашей экономике. Мы импортируем технологии промышленно развитого Севера,

чтобы наш народ смог осуществить намеченный прогресс, а бойкот закрывает для нас двери сотрудничества»⁵⁸.

Мубарак не одобряет использование нефтеэкспорта в качестве инструмента давления на США. По его мнению, если арабские страны перестанут поставлять на Запад нефть, это негативно скажется на состоянии их экономик. В своем обращении к открывшейся в мае 2002 г. в Каире конференции Организации арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК) президент Египта призвал министров нефти арабских стран не превращать нефть в политическое оружие и не прекращать ее стабильные поставки на мировой рынок⁵⁹. Египет не поддержал демарш Ирака, когда в апреле 2002 г. Саддам Хусейн ввел 30-дневное эмбарго на поставки нефти за рубеж, рассчитывая тем самым оказать давление на американскую экономику.

Экономические последствия войны в Ираке для Египта оказались хоть и негативными, но все же не столь ужасающими, как после терактов 11 сентября 2001 г. в США и последовавшим за этим ростом напряженности в регионе Ближнего и Среднего Востока и «антитеррористической операцией» США и их союзников. Наиболее уязвимой отраслью экономики АРЕ является туризм, который весьма чувствителен к показаниям барометра региональной напряженности. Весной 2003 г., когда США и их союзники предприняли вооруженную агрессию в Ираке, в Египте наметился некоторый туристический спад⁶⁰. Самым кризисным выдался март, когда туристический спад составил 22% по сравнению с предыдущим годом⁶¹.

Однако уже в июне 2003 г. Египет вышел на обычный для этого времени года показатель по числу приезжающих туристов, и даже наметился определенный рост доходов в сфере туризма. А в июле 2003 г. министр туризма АРЕ Мамдух аль-Бельтаги выступил с успокаивающим заявлением о том, что худшие прогнозы относительно возможного упадка туристической отрасли в «стране пирамид» вследствие роста напряженности в регионе не оправдались.

Рост доходов в египетскую казну наблюдался и на другом направлении. Так, за первые пять месяцев 2003 г. доходы Египта от эксплуатации Суэцкого канала увеличились почти на 40% по сравнению с аналогичным периодом 2002 г.⁶² По мнению экспертов, такой скачок в росте прибыли в первой половине 2003 г. в основном был связан с оплатой за проход в Персидский залив морских судов военных флотилий США и их союзников по антииракской коалиции, в первую очередь Великобритании, во время подготовки к войне в Ираке и ведения военных действий.

И все же определенных экономических потерь избежать не удалось. Как заявил в апреле 2003 г. генеральный секретарь Федерации арабских инвесторов Гамаль Байюми, война в Ираке нанесла ущерб экономике Египта, лишив ее значительных доходов от экспорта про-

дукции национальных фармацевтических и сельскохозяйственных предприятий⁶³.

В целом экономика Египта смогла преодолеть последствия кризиса вокруг Ирака без особенно серьезных потерь, хотя напряженность перманентного характера, установившаяся в регионе после ввода в Ирак оккупационных сил США и их союзников, по всей видимости, время от времени будет сказываться на отраслях экономики АРЕ, ориентированных на доходы «извне».

В условиях, когда Ирак находится под оккупацией войск США и их союзников, официальные власти Египта выступают за скорейшее создание в Ираке правительства, которое бы представляло интересы иракского народа и было в состоянии обеспечить независимость, суверенитет и территориальную целостность Ирака. Как заявил глава МИД АРЕ Ахмед Махер, «Египет приветствует любые шаги, которые приведут к выводу иностранных войск и обретению иракским народом суверенитета»⁶⁴.

«Иракская тема» присутствует практически на всех переговорах египетского руководства со своими зарубежными коллегами. В ходе встречи министров иностранных дел Египта и России Ахмеда Махера и Игоря Иванова в июне 2003 г. при обсуждении иракской проблемы была выражена «твердая уверенность в необходимости нахождения ее комплексного решения на базе выполнения положений резолюции № 1483 СБ ООН, обеспечивающего скорейшую передачу иракскому народу права самому определять свою судьбу и самостоятельно распоряжаться природными ресурсами страны»⁶⁵.

В ходе обсуждения ситуации в Ираке министрами было выражено общее мнение о необходимости ее урегулирования на основе международного права, уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности этой страны. Была отмечена важность расширения участия ООН в этом процессе. Стороны высказались за скорейшее формирование в Ираке легитимного национального руководства, способного взять в свои руки судьбу страны и заняться решением насущных вопросов ее послевоенного обустройства⁶⁶. Египет и Россия также отметили важность консолидации всех политических сил Ирака, задействования в интересах его послевоенного восстановления опыта и потенциала стран региона, всего международного сообщества.

Египетские компании выразили готовность принять участие в восстановлении Ирака, тем более что у многих из них есть опыт длительной работы в этой стране. При этом особенно подчеркивалось, что целью этих работ является не извлечение прибыли из контрактов по восстановлению Ирака, а помощь братскому арабскому народу в деле скорейшего возрождения государственности и ведущих отраслей экономики.

На встрече египетских и иракских бизнесменов в марте 2004 г. в столице Иордании Аммане было достигнуто соглашение о том, что арабские страны создадут общую компанию под эгидой ЛАГ для осуществления крупных проектов по восстановлению Ирака. При этом было особо отмечено, что иракские бизнесмены выражают глубокую заинтересованность в участии Египта в восстановлении экономики страны.

Ирак, по мнению бизнесменов этой страны, нуждается в поставках египетской продукции и его опыте во многих областях, в частности, в сфере информационных технологий, медицины и образования. Вице-президент союза иракских инвесторов Ахмед ад-Дин призвал Египет как можно скорее внедриться на иракский рынок⁶⁷.

Египетские и иракские предприниматели договорились создать совет по экономическому сотрудничеству. Как заявил глава торговой миссии Египта в Багдаде Мустафа Меккауи, цель совета – способствовать налаживанию торгово-экономических связей между двумя странами, оказанию помощи предпринимателям и коммерсантам и содействовать разработке совместных проектов по восстановлению Ирака⁶⁸.

В марте 2004 г. в Каире прошла совместная египетско-иракская конференция, посвященная восстановлению экономики Ирака. В ней приняло участие около тысячи представителей деловых кругов обеих стран. Она была, в частности, направлена на привлечение египетских компаний к восстановлению различных отраслей иракской экономики, включая промышленность, торговлю, связь и сферу обслуживания⁶⁹.

После окончания войны стали появляться различные планы послевоенного устройства Ирака, в том числе речь шла о делении страны по этническому или даже конфессиональному принципу. Стоит отметить, что эти настроения не пользуются поддержкой в обществе и распространяются силами, не имеющими широкой социальной поддержки. Однако появление сепаратистских идей заставило моментально среагировать на них страны региона. В Египте считают жизненно важным сохранение территориальной целостности Ирака. Как заявил политический советник египетского президента Усама аль-Баз, «Египет выступает против каких-либо попыток деления Ирака, поскольку подобный прецедент может вызвать рост сепаратизма в соседних государствах. А это в свою очередь может привести к крушению всего арабского мира»⁷⁰.

По мнению президента Египта Хосни Мубарака «Ираком должны управлять иракцы. Нет ни одного арабского государства или народа, которые сочли за благо, чтобы ими руководили иностранцы, пусть даже европейцы»⁷¹. Именно поэтому, по мнению египетского президента, сопротивление американским войскам в Ираке оказывает прежде всего сам иракский народ, а не узкая группа сторонников Саддама Хусейна⁷².

После падения режима Саддама Хусейна официальный Каир активизировал диалог с представителями различных иракских политических партий и движений. Интенсивность этих контактов, в частности, говорит о том, что умеренные политические силы в Ираке видят в лице египетских властей потенциальных посредников для налаживания отношений между новыми властями в Багдаде и арабским миром, а также стабилизации внутренней ситуации в Ираке, принимая во внимание авторитет Египта в арабском мире и на международной арене и учитывая тот немаловажный факт, что именно Египет в годы ооновской блокады своим участием в гуманитарных программах активно помогал облегчить страдания иракского народа.

Как заявил министр иностранных дел АРЕ Ахмед Махер, «Египет находится в контакте со всеми политическими силами в Ираке»⁷³. Так, пребывавший в октябре 2003 г. в Каире лидер Демократической партии Курдистана (ДПК) Масуд Барзани призвал Египет оказать моральную и политическую поддержку Временному управляющему совету Ирака и помочь иракскому народу справиться со стоящими перед ним трудностями⁷⁴. В ходе переговоров с представителями египетского руководства Барзани высказался категорически против размещения на территории Ирака турецких или каких-либо других иностранных, в том числе арабских, сил, заявив, что «размещение иностранных войск в Ираке лишь усложнит имеющиеся проблемы и не будет способствовать их разрешению»⁷⁵. Вскоре после этого в Каир приехал лидер иракского Патриотического союза Курдистана (ПСК) Джалаль Талабани, обсудивший с представителями египетского руководства перспективы взаимодействия в процессе нормализации ситуации в Ираке.

Высокопоставленные египетские представители, комментируя активизацию диалога Каира с представителями различных иракских политических партий, отмечают, что Египет «взаимодействует со всеми сторонами, исходя из необходимости достижения в Ираке национального согласия и оказания помощи иракскому народу в деле преодоления кризиса»⁷⁶. По мнению официального Каира, положительным является тот факт, что крупные политические силы Ирака не демонстрируют сепаратистских настроений и выступают за единство страны, проведение скорейших выборов, которые приведут к созданию законного правительства.

Серьезную ставку на Каир в деле скорейшего преодоления последствий вторжения в Ирак делают в Вашингтоне. В ходе своего визита в Египет в августе 2003 г. помощник госсекретаря США по Ближнему Востоку Уильям Бернс призвал египетские власти «поддерживать политические процессы, проводимые под эгидой ВУС, такие как принятие конституции, проведение выборов, формирование правительства, поскольку это в интересах как США, так и Египта»⁷⁷. По мнению американского дипломата, то же самое должны сделать и

власти других арабских стран, а роль Египта заключается в том, чтобы донести до политических элит арабского мира необходимость признания и сотрудничества с властями постсаддамовского Ирака.

В Каире надеются, что падение режима Саддама Хусейна и скорая передача власти в стране в руки иракского народа поможет лучше сосредоточиться на решении арабо-израильского конфликта и приблизит мирный исход процесса ближневосточного урегулирования. Как показали события 2003 г., Египет взял на себя роль посредника в палестино-израильском диалоге, стремясь добиться от сторон выполнения положений плана «Дорожная карта», предполагающего прекращение обоюдного насилия и поэтапное создание Палестинского государства к 2005 году.

По мнению сторонников юнионистских тенденций на Арабском Востоке, отношениям Египта с Ираком надлежит стать одним из тех стержней, вокруг которого будут строиться межарабские отношения и дальнейшая арабская интеграция. Новый этап в двусторонних отношениях должен проходить под лозунгом единства арабской нации, строительства новой системы межарабских отношений, обретения экономической и военной мощи для того, чтобы суметь достойно противостоять вызовам современного глобализирующегося мира.

¹ Республика Ирак в системе международных отношений (80-е гг. XX в. – начало XXI в.). – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 209.

² *Юрченко В.П.* Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.). – М.: ИИИБВ, 2003. – С. 91.

³ ИРНА. 04.12.2003.

⁴ *Юрченко В.П.* Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.). – М.: ИИИБВ, 2003. – С. 91.

⁵ Там же, с. 92.

⁶ Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 400.

⁷ ИТАР-ТАСС. 14.03.2003.

⁸ *Исаев В., Филоник А., Шагаль В.* Кувейт и кувейтцы в современном мире. – М.: ИВ РАН, 2003. – С. 126.

⁹ *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. – М.: Международные отношения, 2003. – С. 161.

¹⁰ *Зейнапов М.* В блокадном Ираке. – М.: Реалии, 2001. – С. 18.

¹¹ *Левин О.* Египет. После войны в Заливе // *Азия и Африка сегодня.* – 1992. – № 2. – С. 11.

¹² *Исаев В.* Цена агрессии // *Азия и Африка сегодня.* – 1991. – № 6. – С. 8.

¹³ *Левин О.* Египет. После войны в Заливе // *Азия и Африка сегодня.* – 1992. – № 2. – С. 12.

¹⁴ *Александров И.А.* Монархии Персидского залива: этап модернизации. – М.: Дело и Сервис, 2000. с. 301.

¹⁵ Damascus Declaration for the Coordination and Cooperation among the Arab States, 6 March 1991. – Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. – www.mfa.gov.eg.

¹⁶ *Юрченко В.П.* Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.). – М.: ИИИБВ, 2003. – С. 120.

¹⁷ Республика Ирак в системе международных отношений (80-е гг. XX в. – начало XXI в.). – М.: ИВ РАН, 2002. – С. 13.

¹⁸ *Иванов И.* Кто оплатит военные счета? // Мир Востока – 2003. – № 1. – С. 21.

¹⁹ Egyptian Gazette. 28.07.1999.

²⁰ Сайт www.arabicnews.com, Economics, 20.01.2001.

²¹ Middle East Times. 24.08.2001.

²² Middle East Times. 06.04.2001.

²³ Middle East Times. 15.06.2001.

²⁴ Лига арабских государств. – М., 1997. – С. 14.

²⁵ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 05.04.2003.

²⁶ Пульс планеты. 27.01.2003.

²⁷ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 09.02.2003.

²⁸ Системная история международных отношений в 4-х томах. – Т. 3. 1945–2003. / Под. ред. А.Д. Богатурова. – М: НОФМО, 2003. – С. 503.

²⁹ РИА «Новости». 24.09.2002.

³⁰ РИА «Новости». 24.09.2002.

³¹ Аль-Кувват аль-Мусалляха. 06.10.2002.

³² Пульс планеты. 28.08.2002.

³³ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 31.03.2003.

³⁴ Le Monde. 29.01.2003.

³⁵ Пульс планеты. 14.06.1994.

³⁶ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 19.03.2003.

³⁷ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 06.02.2002.

³⁸ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 31.03.2003.

³⁹ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 05.01.2003.

⁴⁰ Аш-Шарк аль-Аусат. 04.07.2003.

⁴¹ Аз-Заман. 26.01.2004.

⁴² Сайт www.arabicnews.com, Politics, 01.10.2003.

⁴³ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 12.09.2003.

⁴⁴ РИА «Новости». 07.01.2004.

⁴⁵ Пульс планеты. 13.11.2003.

⁴⁶ Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. 9 September 2003. – www.mfa.gov.eg

⁴⁷ Al-Ahram Weekly, 18–24 December 2003, Issue No. 669.

⁴⁸ Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. 14 December 2003. – www.mfa.gov.eg

⁴⁹ РИА «Новости». 31.03.2003.

⁵⁰ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 21.09.2001.

- ⁵¹ Юрченко В.П. Военно-техническое сотрудничество США с арабскими странами (конец XX – начало XXI вв.) // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 18. – М.: ИИИБВ, 2003. – С. 247.
- ⁵² ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 08.10.2003.
- ⁵³ РИА «Новости». 15.01.2004.
- ⁵⁴ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 05.01.2003.
- ⁵⁵ Начиная с 1979 г. США выделяют Египту около 2 млрд. долларов безвозмездной помощи в год.
- ⁵⁶ РИА «Новости». 04.07.2003.
- ⁵⁷ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 28.01.2003.
- ⁵⁸ Аль-Ахрам. 15.07.2002.
- ⁵⁹ ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 11.05.2002.
- ⁶⁰ *Грешнов А.* Последствия войны в Ираке для Египта и других арабских стран // КОМПАС, 01.04.2003. – С.7.
- ⁶¹ Reuters. 16.07.2003.
- ⁶² РИА «Новости». 19.06.2003.
- ⁶³ ИТАР-ТАСС. ИНОТАСС, 05.04.2003.
- ⁶⁴ Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. 16 November 2003. – www.mfa.gov.eg
- ⁶⁵ РИА «Новости». 23.06.2003.
- ⁶⁶ Дипломатический вестник. – 2003. – № 8.
- ⁶⁷ РИА «Новости». 01.03.2004.
- ⁶⁸ Аз-Заман. 17.02.2004.
- ⁶⁹ РИА «Новости». 08.03.2004.
- ⁷⁰ Tehran Times. 27.01.2004.
- ⁷¹ *Юрченко В.П.* Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.). – М.: ИИИБВ, 2003. – С. 121.
- ⁷² ИТАР-ТАСС. Лента новостей, 12.09.2003.
- ⁷³ Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. 5 May 2003. – www.mfa.gov.eg
- ⁷⁴ Пульс планеты. 15.10.2003.
- ⁷⁵ Аш-Шарк аль-Аусат. 14.10.2003.
- ⁷⁶ Пульс планеты. 15.10.2003.
- ⁷⁷ Al-Ahram Weekly, 14–20 August 2003, Issue № 651.

НУРДЖИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Официальная доктрина государственного устройства Турецкой Республики, основанная на принципах создателя республики и великого реформатора Мустафы Кемаля Ататюрка, известна под названием кемализма. По своей сути и форме она демократична.

Вместе с тем в последние десятилетия и особенно в 90-е годы XX века в стране все более активизируется исламистское движение. Впервые в истории современной Турции стали создаваться легитимные происламские политические партии, получавшие, несмотря на их периодические запреты судебной властью, места в органах законодательной и исполнительной власти, включая парламент и правительство. А в результате выборов 1995 г. у власти в течение фактически целого года (1996\97) находилось коалиционное правительство, возглавляемое исламистом Н.Эрбаканом.

Религиозным вопросам всегда отводилось важное место во внутренней политике Турции. Исламисты и курды постоянно противостояли власти, которая, со своей стороны, боролась с ними.

В последние годы значительно ослабло значение кемалистских идей и все чаще идет речь об отходе от них. В такой обстановке в стране воссоздаются ранее запрещенные и возникают новые ордены, религиозные братства, исламистские партии, движения и др. Одним из важнейших движений такого рода является «нурджизм».

Нурджизм, который в самое короткое время смог систематизировать свою деятельность и громко заговорить о важнейших вопросах внутренней политики страны, является актуальной проблемой в жизни сегодняшней Турции.

Нурджизм (Nurculuk – от Nur – «сияние», «свет») как религиозное направление связан с именем курдского проповедника Саид-и Нурси, родившегося в 1876 г. в деревне Нурс близ города Битлис. Он еще в раннем детстве приобщился к религии и уже в шестнадцать лет был известен под именем муллы Сайда.

Изучив ислам еще в молодости, Саид-и Нурси пришел к выводу, что тот полон устаревших понятий и различных противоречий. Обязательным условием оздоровления ислама Саид-и Нурси считал его абсолютное обновление и на этой основе заново объединение пастырей, верующих. Задача представлялась очень важной и именно по-

этому требовала очистить Коран от существующих, по его мнению, мифов и небылиц и модернизировать с учетом современной реальности. Тем самым Саид-и Нурси положил начало движению за обновление ислама (Теджид – Tecdid).

По мнению Нурси, именно в «философско-религиозных особенностях христианства следует искать причину того, что западный мир достиг столь высокого уровня научно-технического прогресса. И чем дальше уходит Запад от религиозных догм, тем больших успехов достигает он в научно-технической сфере...»¹ Ему представлялось, что обновленный, модернизированный ислам станет основой научного и технического прогресса мусульманских стран, будет способствовать росту темпов их экономического и социального развития, повышению уровня благосостояния населения.

Нурджистское движение целенаправленно преследовалось военными режимами Турции, поскольку идеи Нурси они оценивали как «проповедь курдского национализма посредством ислама».

Нурджизм предлагает слияние норм шариата с идеями модернизма, имеет хорошо развитую идеологическую платформу. Несомненно, что он оказал сильное влияние на доктрины исламских политических партий. Теоретической основой нурджизма является трактат Нури – «Рисале-и Нурси», написанный на арабском языке².

Все реформы М.К.Ататюрка нурджизм признает незаконными, поскольку «они противоречат исламу». Согласно мнению нурджистов, национально-освободительное движение началось не с целью создания национального государства. Сторонники нурджизма были убеждены, что созданное государство должно быть защитником шариата, а его конституцией – Коран³.

Прогресс, по мнению Саид-и Нурси, возможен лишь на основе укрепления ислама. Его главная цель – спасение веры и ее укрепление в народе. Шариат должен быть возрожден, а политическая жизнь страны должна соответствовать ему. Сегодня Турция далека от религии и противоречит ее исламистским формам. Разницы между лаицизмом и безбожием нет. По мнению исламистов, «лаицизм – это уподобление христианству, христианин становится цивилизованным тогда, когда отказывается от фанатизма, а мусульманин – когда он является фанатиком ислама и укрепляет свою веру»⁴.

Руководителю государства, в соответствии со взглядами Саид-и Нурси, надлежит быть религиозной личностью, а форме правления страной – исламистской.

Саид-и Нурси призывал турок отказаться от европейской одежды, женщин обязать носить чадру. Согласие с нашествием западной массовой культуры противоречило его принципам и этическим нормам.

Нурджисты выдвигают два лозунга: «Религия возродит нацию» и «Мусульмане, служащие религии, объединяйтесь»⁵.

Саид-и Нурси 40 лет своей долгой жизни (он скончался в 1960 г. в возрасте 84 лет) провел в тюрьмах и ссылках. По мнению его последователей, он никогда не преступал закон, но и никогда не смирялся с режимами, во времена которых ему пришлось жить.

В 1950 г. Демократическая партия после победы на выборах разрешила читать эзан на арабском языке. Нурси приветствовал такое решение. Этот шаг Нурси вызвал у некоторых его последователей желание начать политическую деятельность. Сам Нурси всю жизнь не читал даже газет.

С 90-х годов XX века наиболее признанным лидером нурджистов в Турции считается Фетхуллах Гюлен, часто именуемый как Фетхуллах-ходжа.

В 1960 г., когда скончался Саид-и Нурси, Гюлену было 22 года. Он не был лично знаком с Нурси, не был и его учеником. С трудами Нурси Гюлен познакомился еще в юности, в возрасте пятнадцати лет.

Фетхуллах Гюлен, Мухаммед Кикинджи, Мехмед Кутлулар, Садык Дурсун являются лидерами второго поколения нурджистов.

Если Саид-и Нурси своих последователей называл учениками (Talebe), то Гюлен ввел новое понятие (ogrenci). (Talebe – слово арабского происхождения, поэтому, вероятнее всего, и заменил его Гюлен словом турецкого происхождения oğrenci. Авт.). Фетхуллах Гюлен обобщил новшества, введенные Нурси, усовершенствовал систему воспитания молодежи и представителей других слоев населения в летних лагерях, в чем достиг огромных успехов.

Следует отметить, во-первых, что между взглядами Саид-и Нурси и Фетхуллаха Гюлена существуют различия по ряду вопросов. В частности, если первый добивался модернизации Турецкого государства без какого-либо участия Европы (как и Запада в целом), полностью игнорируя ее опыт, Гюлен, напротив, стремится осуществить модернизацию страны с помощью Запада, с учетом его богатого опыта. Во-вторых, если Саид-и Нурси стремился воспитать молодежь в строгом соответствии с требованиями Ислама, то Гюлен, добиваясь своей цели, идет гораздо дальше – он создает самого современного уровня образовательную систему, включающую и высшие учебные заведения, которая носит преимущественно светский характер.

Он же открыл школы имамов, места проповедей, летние лагеря, создал целую сеть культурных учреждений, систему образования, приобретая тем самым миллионы сторонников. В результате этой успешной деятельности Фетхуллах Гюлен стал влиятельной фигурой в Турции. Вот что говорит он о работе своих домов лагерного типа: «...Новое поколение надо закалять и воспитывать как солдат, чтобы в последующем оно было дисциплинированным. Лагеря, где молодежь пройдет закалку, должны походить на военные казармы, но находящиеся там должны иметь условия и для духовного удовлетворения. В

лагерях должны сочетаться и взаимодополнять друг друга военная дисциплина, уважение к религии, вежливость и научный уровень обучения. Лагерь должен войти в нашу систему образования, расширения горизонта мышления»⁶.

Интерес представляет и отношение нурджистов – сторонников Гюлена к государственной структуре.

В 70-х годах XX века одна из групп последователей нурджизма развернула активную политическую деятельность, результатом которой стало появление политических группировок нурджистов. Одним словом, если основатель нурджизма Саид-и Нурси был противником политической деятельности, то Фетхуллах Гюлен решил провести в жизнь, претворить в реальность свою давнюю мечту – осуществить турецко-исламский синтез. В конце 70-х годов уже большая часть нурджистов приобщилась к политической деятельности. Так, они активно поддержали влиятельную в 60-е годы Партию справедливости, а позже – ее наследницу в конце 80-х и в 90-х годах Партию верного пути.

В указанные годы новое поколение нурджистов за короткие сроки смогло войти в высшие эшелоны власти, для этого его руководству пришлось внести немало поправок в учение Нурси. Среди них следует особо выделить курдский вопрос – он был полностью изъят из программы этого движения. Гюлен все активнее выдвигался на первый план как видный деятель и делового мира, и мира просвещения.

Жандармерия уже давно не оставляла Гюлена без своего внимания. В 1971 г. Фетхуллах Гюлен, будучи проповедником в одной из мечетей Измира, был осужден на 3 года тюрьмы за деятельность возглавляемого им ордена нурджистов, направленную на создание в Турции государства, основывающегося на религии. 12 сентября 1980 г., в день военного переворота в списке разыскиваемых военным руководством был и Фетхуллах Гюлен. Силы безопасности задержали его в 1986 г., однако уже в 1987 г. новым президентом Тургуттом Озалом он был освобожден⁷. После прихода к власти Озала Гюлен превратился в духовного отца и проповедника для всей Турции. В мечети одного из районов Стамбула – Ускудара – каждую пятницу толпы народа собирались послушать молитвы и проповеди Гюлена, которые даже передавали по телевидению.

В последующие годы у Гюлена возникли разногласия с правящими силами страны, и он на некоторое время исчез из политической жизни страны. Но в 1989 г. его имя вновь появилось на страницах прессы в связи с операцией, направленной против так называемых реакционеров, которую организовало правительство в военных училищах. В результате из военных училищ было исключено множество слушателей. Как выяснилось в дальнейшем, они были сторонниками Гюлена.

Фетхуллах-ходжа не был сторонником ликвидации государственных структур, вооруженных сил и органов безопасности. По его мнению, главное, чтобы во главе государства стояло талантливое, умное молодое поколение, которое должно быть воспитано и закалено по новому.

У девятого президента страны Сулеймана Демиреля и Фетхуллага Гюлена были доверительные отношения. По этому поводу газета «Сабах» писала: «Сулейман Демирель, появившийся на политической арене в 60-х годах, всегда имел хорошие отношения с нурджистами. Доселе они старались скрыть эти отношения, а сейчас все происходит наоборот»⁸.

Когда турецкие военные решили запретить все источники поддержки социального и культурного ислама, дабы не допустить прихода к власти исламистских фундаменталистов, они попытались выступить также и против Гюлена. Однако Сулейман Демирель и премьер-министр Бюлент Эджевит выступили в его защиту, поскольку рассматривали движение Гюлена как противостоящее политическому исламу.

Из этого наглядно следует, что руководство Турции в последние годы не брезгует открытой связью с исламистами и предпочитает само идти им навстречу, нежели подвергаться давлению с их стороны. Такая позиция дала вполне закономерный результат: как уже отмечено, на парламентских выборах 1995 г. исламисты одержали большую победу.

Оценивая деятельность Ф.Гюлена, можно считать, что большая часть общественности характеризует Фетхуллага Гюлена как религиозного деятеля, имеющего два лица. С одной стороны, он пытается сблизить исламскую и западную цивилизации и, на первый взгляд, способствует открытию в исламском мире учебных заведений западного типа, но, по мнению другой части общественности, существует и скрытое лицо Фетхуллага Гюлена, призывающего своих последователей к маскировке своих реальных целей и к проникновению в государственные структуры, что впоследствии должно способствовать формированию в Турции государства с шариатским строем.

В Турции феномен Фетхуллага Гюлена хорошо известен в течение многих лет – как ведомствам безопасности, так и широкой общественности. По мнению одной части политиков, «деятельность лидера нурджистов служит прежде всего интересам страны, а сам Гюлен предстает перед нами как деятель, проводящий в жизнь стратегические интересы Турции. Исходя из этого, дать однозначную оценку деятельности Гюлена весьма затруднительно, поскольку он является не только религиозным лицом, но еще и выдающимся политическим деятелем, осуществляющим в регионе далеко идущие планы Турции»⁹.

Фетхуллах Гюлен открыл в Турции и за ее пределами, от Малайзии до Новой Зеландии, от Македонии до Замбии, на пяти континентах до 300 образовательных учреждений. В этих учреждениях учатся свыше 400 тыс. учащихся. Собственно в Турции, в частности, в Стамбуле, Анкаре, Измире, Бурсе, Манисе, Денизли, Эрзруме, Эскишехире, Сакарии и Эрзинджане действуют открытые им 182 школы, 4 университета; в Северном Ираке, Румынии, Молдавии, России, Грузии, Албании, на Украине, в Азербайджане, Таджикистане, Алжире и Пакистане функционируют 236 школ, 5 университетов, 8 центров изучения иностранных языков, 21 общежитие и др. Следует также отметить, что в учебных учреждениях, открытых лидером нурджистов, созданы самые лучшие условия для учебы. Большое внимание уделяется изучению иностранных языков, а учебный процесс протекает с использованием новейших программ и компьютерных систем. Цель создания школ за рубежом – готовить кадры администраторов для данного государства, обеспечить в будущем их симпатии к Турции, в которой к тому времени будет создано исламское государство¹⁰.

В этой деятельности Фетхуллаху Гюлену помогают 56 больших финансовых объединений и до 500 фирм. Среди них:

а) «Объединение, поддерживающее деловую жизнь» (ISHAD), в котором занято до 200 человек, под его влиянием находятся более 400 бизнесменов и фирм;

б) «Асья финанс» (Asya Finans), уставной капитал которого составляет 5 млрд. долл. Его руководитель – бизнесмен-исламист Мехмед Эмин Харирджилар. Объединение занимается международным банковским бизнесом;

в) «Ышык Сигорта» (Işık Sigorta), страховая компания, капитал которой составляет 8 млрд. долл. Ее членами являются известные бизнесмены-исламисты Хасан Калкаван, Ахмед Куруджан, Фазиль Караман.

Активность просветительской системы Гюлена в странах Азии финансово обеспечивают следующие объединения: 1. Алгида (Algida), 2. Чаликская группа (Calik grup), 3. Гейап-холдинг (Geyar Holding), 4. Ак Нури (Ak Nuri), 5. Енинг-холдинг (Yening Holding). Эти объединения вложили в страны Центральной Азии огромный капитал, они владеют фабриками, заводами и другими учреждениями.

Огромную помощь организации Фетхуллаху Гюлена оказывают также и 88 различных фондов (вакуфов), 20 обществ, 218 фирм, в которых вращаются миллионы долларов, тем более, что закон освобождает их от выплаты налогов. Самым влиятельным в этом ряду является Акиазлский фонд (Akiazlinin vakfi), финансирующий 16 школ, до 300 офисов и столовых, 46 студенческих общежитий и другие учреждения Гюлена¹¹.

Большую поддержку имеют нурджисты и со стороны СМИ: в их распоряжении телеканал Саманюлу (Samanyolu), газеты Заман (Za-

man), Ени Азья (Yeni Asya), журналы Сизинт (Sizinti), Ени Юмит (Yeni Umit), Аксийон (Aksiyon), 25 радиокompаний, среди них известные Борч-FM и Метр-FM, откуда планомерно осуществляется пропаганда ислама¹².

Видно, что движение Гюлена фактически имеет почти неограниченные возможности. Оно владеет вполне организованной империей, обеспеченной мощной финансовой поддержкой, а сумма подконтрольных ему денежных средств достигает баснословной величины – 25 млрд. долл. Это и есть так называемый «исламский капитал», постоянно подпитываемый легальными и нелегальными фирмами, контролируруемыми нурджистами.

Активизация движений турецких тарикатов, орденов, организаций стала в основном возможной при той материальной и моральной поддержке, которая шла и со стороны Ирана. Из турецкой прессы видно, что на современном этапе здесь действуют исламская партия «Хизб-йут-тахрир», организации Исламский джихад, «Исламский союз» и др.¹³

На их фоне движение нурджистов выглядит намного более лояльным, более современным, нежели другие исламские группировки, ордены и политические партии, оно поддерживает рыночную экономику. Видение ислама Гюленом основывается на дисциплине и диалоге. Для поддержки гуманистической интерпретации ислама Гюлен обращается к диалогу и дискуссиям. В этих целях он встретился с Патриархом Стамбульским Варфоломеем, со многими другими христианскими и иудаистскими лидерами. Следует отметить и его визит к Папе Римскому¹⁴.

В концепциях Гюлена ислам увязывается с турецкой национальностью и османской культурой. Для рассмотрения проблем, существующих в связи с таким подходом к исламу, он привлек немало известных интеллектуалов, которым надлежало рассмотреть вопросы перехода на новый этап лаицизма.

Фетхуллах Гюлен попытался также изложить проблему взаимоотношений лаицизма и религии в изданной в июне 1998 г. декларации. Основная мысль этой декларации заключается в утверждении, что в вопросах веры государство должно быть нейтральным. Проблему чадры он не считает относящейся к вере, а связывает ее с культурным пониманием ислама, и этот вопрос каждый должен решить сам.

Источник противоречий между исламскими политическими партиями и нурджистами лежит в основном в различном видении ими путей дальнейшего развития Турции. Течение Гюлена может поддерживать любого, но в то же время своей характерной чертой оно называет терпение в реализации своих задач.

Фетхуллах Гюлен представляет новый этап в развитии турецкого исламистского движения, пытающегося хотя бы на словах выступить

за плюрализацию и модернизацию. По его заявлению, «ислам – религия народа, и его нельзя связывать с самовыяснением одной партии».

В настоящее время идеи и философия орденов, тарикатов, исламистских партий и, в частности, общины Фетхуллага Гюлена занимают довольно значительное место в общественно-политической жизни современной Турции. Они ставят своей целью изменить существующее положение и ввести исламское правление. Очевидно, что если все произойдет так, как того желают исламисты, лаицистская Турция превратится в исламистское государство, что станет коренным поворотом в истории этой страны.

¹ The future of political Islam in Turkey, By Whit Mason, world policy journal, summer, 2000, с. 10.

² Доступное нам издание трактата: Said-i Nursi. Risale-I Nursi. Istanbul.1968, с. 85.

³ Cumhuriyet. 11.05.1995.

⁴ Islamist deputy stripped of her Turkish citizenship, Turkey update, 17 may, 1999.

⁵ Sencer M. Turk toplumuna etkileri. Istanbul, 1974. С. 64.

⁶ Fethullah Gülen ile. Global Hoşgörü ve New York Sohbeti. Nevval Sevidi. Ankara. 2001, с. 12.

⁷ Куреев Н.Г. Светскость или шариат: раскол в турецком обществе на пороге XXI века // Ближний восток и современность. Вып. 6. – М.: Институт изучения Израйля и Ближнего Востока, 1999, с. 210.

⁸ Sabah. 02.09.1998

⁹ Bulut Faik. Ordu ve din. Gözüyle islamci faaliyetler. İstanbul, 1995, с.195.

¹⁰ Куреев Н.Г. Борьба с террором в Турции // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. Сборник статей. – М.: Институт изучения Израйля и Ближнего Востока, Академия Геополитики и Безопасности, 2001, с. 93.

¹¹ Gülen F. Global Hoşgörü ve New York sohbeti, 11 Yeniden analiziyle, 2. bfski. Ankara, 2001, с. 28.

¹² Tuşalp Erbil. Şeriati beklerken. İstanbul, Papirüs, 1996, с. 402.

¹³ Bulut Faik. Tarikat Sermayesinin Yükselişi. 2 bas. – Ankara, 1997, с. 253.

¹⁴ Radikal, 31.08.2000, с. 5.

ВЛАСТЬ И ИСЛАМИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В АЛЖИРЕ

После завоевания независимости Алжиром первое правительство этой страны положило в основу своей политики программу Фронта национального освобождения (ФНО), принятую в июне 1962 г. Программа предусматривала, в частности, реализацию социалистических принципов и народовластия, аграрной реформы, проведение национализации, участие трудящихся в управлении экономикой. Консолидация алжирской нации была необходимым условием осуществления программы. Основными средствами этой консолидации являлись национализм и ислам. Французский исследователь А.Фонтен отметил «удивительный контраст между социалистическим режимом, который заявляет о своей солидарности с освободительными движениями, исповедующими материалистическую идеологию, и обществом, которое больше, чем какое-либо другое (не считая Саудовскую Аравию), придерживается религиозных норм»¹. Тема совместности ислама с социализмом затрагивалась в многочисленных статьях и официальных заявлениях. Первый президент Бен Белла заявил в марте 1964 г. по окончании визита в страны Восточной Европы и ОАР: «Мы объяснили нашим друзьям, что мы одновременно и социалисты и мусульмане. Наш ислам – воинствующий ислам, а не буржуазный... Воинствующий ислам борется против привилегий и за справедливость. Этот ислам вполне совместим с социализмом. Вот почему я говорил моим собеседникам, что алжирский социализм – это мусульманский социализм»². Х.Бумедьен, сменивший Бен Беллу, сохранил эту религиозно-социалистическую ориентацию алжирской политики.

Консервативные силы выступили против курса на построение социализма в стране. Группа мусульман, объединившаяся вокруг журнала «Аль-Кыям», представляла собой первую фундаменталистскую организацию в независимом Алжире. Она выступала за построение исламского, а не социалистического государства, а в дальнейшем мусульманского халифата. Ее активность заметно возросла с января 1964 г. Основными лидерами «Аль-Кыям» были М.Баннаби и М.Хидер (один из «девяти исторических руководителей» ФНО, находившийся в оппозиции после разрыва с Бен Беллой в апреле 1963 г. и убитый в Мадриде 3 января 1967 г.). Ассоциация ограничивалась требованием официальной поддержки соблюдения мусульманских обрядов и пред-

писаний и кампанией против культурного влияния Запада, особенно ношения женщинами «неприличной» европейской одежды. «Аль-Кыям» можно считать предшественницей исламистских движений в независимом Алжире: ассоциация заявила в 1965 г., что все режимы и лидеры, не опирающиеся на исламские ценности, незаконны и являются угрозой исламскому миру. Активная деятельность ассоциации, ее популярность (на ее собрания в столице приходили несколько тысяч человек) указывали на то, что режим Бен Беллы в условиях противоречий в правящей элите, мятежей, оппозиции по отношению к власти, обострения социально-экономических проблем, несоответствия между декларируемыми лозунгами и реальными действиями не осуществлял контроля над религиозной сферой.

Этот контроль был установлен после прихода к власти Х.Бумедьена в результате государственного переворота 19 июня 1965 г. Новый президент опирался на более широкую социальную базу, на все основные группы, входившие в ФНО. Х.Бумедьен, с одной стороны, запретил «Аль-Кыям» в алжирской вилайе 21 сентября 1966 г. и на всей территории страны 17 марта 1970 г. С другой стороны, он перехватил некоторые лозунги ассоциации. Х.Бумедьен поручил министру религиозных дел М.Касиму начать осенью 1970 г. кампанию против деградации нравственности. В рамках этой кампании осуждалось негативное культурное влияние Запада, принимались меры по укреплению мусульманской семьи, более консервативным стало отношение к женщине в обществе, обличались алкоголизм, космополитизм (лозунги «Аль-Кыям»). Тем самым правительство ослабляло опасное воздействие фундаменталистской идеологии, аудитория «Аль-Кыям» оказывалась под влиянием власти.

Режим Х.Бумедьена имел арабо-исламский и националистический характер. Согласно Национальной хартии 1976 г., в активном и строгом исламе благодаря присущему ему чувству справедливости и равенства алжирский народ черпал моральную и духовную силу, которая предохраняла его от отчаяния и позволила ему победить. Власть и СМИ постоянно акцентировали внимание на гуманизме и достоинствах исламских ценностей, на роли ислама как фактора, объединяющего общество. В Алжире восстанавливались старые мечети, возникали новые. Пост в месяц рамадан был признан официальным, и создавались условия для его соблюдения. Большое внимание уделялось религиозному образованию, подготовке кадров духовенства. Однако правительство не позволяло вмешиваться духовенству и исламским учреждениям в политику, не допускало политизации ислама. Нормы шариата строго соблюдались, но ограничивались сферой семьи и брака. Правящий режим в Национальной хартии, программном документе ФНО, выдвинул положения, несовместимые с фундаментализмом. В ней осуждался обскурантизм, подчеркивалось превосходство социализма над всеми предшествовав-

шими социальными системами, указывалось на необходимость осмысления позитивного опыта, культурных и духовных богатств народов «третьего мира» и усвоения их с учетом достижений и изменений современной жизни³. Буржуазия, крупные земельные собственники, часть духовенства и бюрократии, исламисты крайне враждебно встретили появление этого документа. Однако их сопротивление было несоизмеримо с поддержкой власти широкими массами. Молодежь участвовала в движении добровольцев, помогавших, как и профсоюзы, в осуществлении аграрной революции. Трудящиеся видели, что правительство принимало меры по улучшению их положения, сокращению безработицы.

Исламу как в политике, так и в Национальной хартии отводилась не самостоятельная, а подчиненная роль. Официальное духовенство находилось под жестким контролем государства. В конституции подчеркивалось, что «Национальная хартия – основной источник политики Нации и законов Государства»⁴. Активность исламистов стала заметным явлением алжирской общественно-политической жизни с середины 70-х годов. Они развернули широкую агитационную работу, критикуя некоторые аспекты политики правящего режима. В декабре 1974 г. в столице была распространена брошюра, призывавшая к созыву Учредительного собрания и напоминавшая правящей верхушке об одном из принципов исламской власти – обязанности правителей советоваться с народом. Эта активность стала реакцией на широкие преобразования в рамках «социалистической революции». Она была связана также с арабизацией, лежавшей в основе «культурной» революции. Алжирские руководители полагали, что ни арабские, ни берберские диалекты, ни французский язык в будущем не могут быть языком школы и администрации. Для осуществления арабизации понадобилось пригласить сотни преподавателей из стран Ближнего Востока. Через них фундаменталистские и исламистские идеи и литература проникали в Алжир.

Арабизация государственной администрации и управленческого аппарата сектора экономики отставала от арабизации в области образования. К тому же крупные государственные компании предпочитали выпускников вузов, знавших по крайней мере один из основных западноевропейских языков (прежде всего французский, а также английский и немецкий), способных вести переговоры, заключать и оформлять сделки с западными партнерами этих компаний. К концу 70-х годов большое число арабоязычных специалистов, происходивших преимущественно из небогатых семей и отдаленных регионов страны, оказались безработными, что порождало социальную напряженность и толкало этих специалистов в лагерь исламистов.

В декабре 1978 г. умер Х.Бумедьен, и обострилась внутривнутриполитическая борьба. Она была связана с вопросом о дальнейшем пути развития общества и государства и выражалась в столкновении двух

течений – националистического, сторонники которого ратовали за твердое соблюдение принципов Национальной хартии 1976 г., и либерального, стремившегося к либерализации экономики. В роли лидеров двух течений выступили соответственно М.Яхьяуи и А.Бутефлика. Американский исследователь Р.Мортимер назвал М.Яхьяуи сторонником «радикального арабского социализма», а А.Бутефлику – «представителем высших чиновников и экономических менеджеров..., пользующихся популярностью среди среднего класса»⁵. Кроме того, происходила борьба за власть между руководителями партии ФНО (с октября 1977 г. аппарат ФНО возглавил М.Яхьяуи, ожививший деятельность партии) и армии, всегда игравшей ключевую роль в политической системе страны. Армия навязала свою волю: с января 1979 г. генеральным секретарем, а с февраля 1979 г. президентом стал полковник Ш.Бенджедид.

Две причины побудили армию выдвинуть кандидатуру Ш.Бенджедид на пост президента. Во-первых, опасение армейского руководства утратить центральную роль в алжирской политической системе, боязнь перехода реальной власти к государственной или партийной бюрократии. Во-вторых, армейских националистов не устраивал ни А.Бутефлика с его экономической либерализацией, означавшей ослабление государственного сектора, ни М.Яхьяуи с его резкой критикой буржуазных и бюрократических тенденций, стремлением опираться на массовые организации, в которых в 70-е годы левые силы укрепили свои позиции.

Несмотря на официальную риторику о «преемственности», новое правительство начало постепенно осуществлять либерализацию экономики. Уже при Х.Бумедьене, несмотря на определенное соблюдение принципа социальной справедливости (повышение заработной платы, бесплатное медицинское обслуживание, меры по сокращению безработицы, развитие социального страхования и системы пенсионного обеспечения), происходило заметное социально-экономическое расслоение населения Алжира. В ходе постепенной экономической либерализации правительство поощряло развитие частного сектора, предоставляло ему кредиты и различные льготы, разрешило продажу государственных и кооперативных земель. Происходили количественный рост и обогащение буржуазии, налаживание связей ее некоторых представителей с правящей элитой. С другой стороны, государственная и партийная бюрократия, технократия и армейское руководство фактически приватизировали ключевые отрасли промышленности, пользовались разнообразными льготами и привилегиями, использовали государственные финансовые средства в своих интересах, вынуждали национальные и иностранные частные компании отчислять им определенную сумму денег при заключении контрактов с государством. Все большее распространение получали коррупция и казнокрадство. Усиление в связи с этим социальной дифференци-

ции вызывало резкое недовольство широких масс. Часть бывших сторонников Х.Бумедьена, наблюдая, как попирается принцип социальной справедливости, о котором говорится в Национальной хартии и исламе, как происходит вестернизация правящей элиты, пополняли ряды исламистов.

Еще в 1979 г. английский журнал «Коммент» подчеркивал, что идеология бумедьеновской эпохи, когда осуществлялось строительство государственного социализма и проводилась активная антиимпериалистическая политика, может быть заменена другой ввиду развития классовых конфликтов⁶. Усиление активности рабочего класса (летом 1979 г. и в апреле 1980 г. происходили забастовки и волнения рабочих, служащих, студентов и безработных), рост и укрепление позиций буржуазии подтверждали вывод английского журнала.

Ш.Бенджедид, стремясь стабилизировать свой режим, подчеркивал роль ислама в алжирском обществе, попустительствовал деятельности исламистов, которые в конце 70-х – начале 80-х годов еще не представляли собой такой мощной политической силы, как во второй половине 80-х годов, для ослабления позиций левых, берберистов и группировки М.Яхьяуи. Когда Ш.Бенджедид сказал об «укреплении веры в нашу арабскую сущность, мусульманскую религию и в наш социализм», он сознательно нарушил установленную традицию в расположении слов, поставив слово «религию» перед словом «социализм»⁷. Власти делали акцент на обосновании политики правительства ссылками на Коран и шариат, на необходимость осуществления, как заявил Ш.Бенджедид, «провозглашенной исламом социальной справедливости»⁸. Правительство терпимо относилось к исламистам, несмотря на то, что те все чаще прибегали к насилию. Они захватывали помещения для своих неофициальных мечетей и брали под свой контроль государственные мечети. В январе 1980 г. исламисты сожгли отель, уничтожили склад спиртных напитков. В Лагуате при захвате главной мечети в сентябре 1981 г. произошло столкновение с жандармерией, причем погиб один жандарм. В «День студента» 19 мая 1981 г. (в память о студенческой забастовке в мае 1956 г.) митинг, организованный Национальным союзом алжирской молодежи, в руководстве которого преобладали левые, был сорван исламистами. В тот же день на аналогичном митинге в Аннабе имели место столкновения, в которых были ранены 30 человек. Кульминацией насилия стал ноябрь 1982 г., когда исламистами был убит студент левых взглядов К.Амзаль в студенческом городке Алжирского университета. После этого власти были вынуждены прибегнуть к репрессиям. Аресты исламистов спровоцировали их на новое выступление: 12 ноября 1982 г. они провели массовую молитву в столице, парализовавшую транспортное движение на несколько часов. Это было сознательным вызовом власти. Быстро последовала серия арестов, в том числе трех исламистских лидеров – А.Мадани, А.Султани и А.Сахуна. Од-

нако в течение следующих 17 месяцев суд над исламистами откладывался.

Ш.Бенджедид, с одной стороны, подчеркивал ориентацию правящего режима на исламские ценности, старался избегать конфронтации с исламистами, найти «модус вивенди» с ними, с другой, принимал против них репрессивные меры, правда, не слишком жесткие, когда те нарушали общественный порядок. Политика Ш.Бенджедида по отношению к исламистам характеризовалась непоследовательностью и нерешительностью. Отчасти она отражала такие же его личные качества. Ш.Бенджедид стал объектом анекдотов, например следующего: «Президент должен передвигаться по тайному маршруту, который не знает даже его личный шофер. Тот спрашивает президента, куда ему надо ехать. Шадли говорит: Покажи, что ты хочешь повернуть налево, а потом поверни направо»⁹.

Приняв в июне 1984 г. «Семейный кодекс», в целом соответствовавший шариату, Ш.Бенджедид формально следовал тактике Х.Бумедьена в борьбе с исламистами. Как известно, с осени 1970 г. правительство развернуло кампанию против тлетворного влияния западной культуры и западного образа жизни, космополитизма, перехватив лозунги «Аль-Кыям». Однако до этого он нанес удар по этой ассоциации и запретил ее. Ш.Бенджедид, приняв «Семейный кодекс», не нанес упреждающего удара по усиливавшемуся исламистскому движению. Кроме того, успеху Х.Бумедьена в борьбе против «Аль-Кыям» способствовал рост его популярности в связи с подписанием выгодных для Алжира франко-алжирских соглашений (29 июля 1965 г.) о новых условиях эксплуатации месторождений углеводородов, национализациями иностранных банков и компаний в 1967–1968 и 1971 г. Напротив, престиж его преемника был гораздо ниже. Широкую огласку получила причастность Ш.Бенджедида к коррупции.

Заметная активизация исламистского движения происходит в середине 80-х годов. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что если в ноябре 1982 г. в демонстрации исламистов в столице участвовали 10 тысяч человек, то в похоронах одного из лидеров исламистов А.Султани в апреле 1984 г. участвовали уже 25 тысяч человек¹⁰. Двойственность политики правительства по отношению к исламистам была продемонстрирована присутствием на этих похоронах официальных представителей министерства религиозных дел. Ввиду такой демонстрации силы исламистами суд над ними, назначенный на 13 мая, был перенесен. Более того, был освобожден ряд исламистов, в том числе их лидеры А.Мадани и А.Сахнун. Судебные приговоры, вынесенные исламистам 1 сентября 1984 г. и в апреле 1985 г., были относительно мягкими. Среди приговоренных заочно был М.Буяли, ускользавший от правосудия с 1982 г. Он был участником войны за освобождение 1954–1962 гг. и прекрасно знал Атласские горы. В августе 1985 г. М.Буяли начал там проводить боевые опера-

ции, и лишь в начале января 1987 г. его группа была уничтожена. Вряд ли М.Буяли мог продержаться так долго без помощи местных жителей. У подножия Атласских гор расположено много небольших городов, переполненных мигрантами из горских деревень. Острые социально-экономические проблемы, с которыми они столкнулись в городах, делали их восприимчивыми к лозунгам исламистов. Этот случай с М.Буяли показал, с какими трудностями пришлось бы столкнуться власти в случае развертывания партизанской войны в горах.

В плане развития на 1980–1984 г. предусматривалась активизация деятельности частного сектора в интересах общего экономического развития при сохранении доминирующего положения государственного сектора. В первой половине 80-х годов прекратилось осуществление аграрной революции. Были ликвидированы тысячи кооперативов, началась продажа государственных земель частным лицам. В январе 1986 г. после обсуждения на партийных и профсоюзных собраниях и внесения поправок в силу вступил новый вариант Национальной хартии. В ней были отражены усиление роли ислама в общественно-политической жизни страны и переход к политике либерализации экономики. В частности, подчеркивалось большое значение изучения религиозных дисциплин в алжирской школе.

В первой декаде октября 1988 г. Алжир потрясли бурные массовые волнения, в которых участвовала преимущественно молодежь. 4–5 октября они произошли в столице, а 6–8 октября – в других городах. Все они были жестоко подавлены армией с применением танков. Волнения были вызваны резким ухудшением социально-экономической ситуации после обвального падения цен на нефть в 1985–1986 гг.: рост цен на продовольственные товары и предметы первой необходимости, увеличение безработицы вследствие сокращения производства и свертывания экономических программ, нехватка средств на социальные нужды, рост расходов на выплату внешнего долга и его обслуживание. Другая причина заключалась в углублении экономической либерализации, приведшей к закрытию многих предприятий и заметному усилению миграции из сельской местности в города.

10 октября Ш.Бенджедид пообещал алжирцам представить программу социально-экономических и политических реформ. В частности, он предложил позволить не членам ФНО выдвигать свои кандидатуры на парламентских выборах. Премьер-министр должен был нести ответственность не перед президентом, а перед парламентом. Был поставлен вопрос о пересмотре конституции. Президент обещал установить эффективный контроль над ценами. 3 ноября за предложенные реформы на референдуме высказались 92,1% проголосовавших алжирцев¹¹.

В конце ноября съезд ФНО одобрил чрезвычайную программу социально-экономического развития: меры по увеличению занятости

населения, развитию здравоохранения и образования, стабилизации цен на некоторые продовольственные товары. Съезд принял решение о введении плюрализма в рамках ФНО, о преобразовании ФНО в объединение патриотических сил, о реорганизации армейского руководства (в начале декабря были смещены шесть высших офицеров в ответ на критику действий армии в начале октября).

22 декабря 1988 г. Ш.Бенджедид был избран президентом на третий срок, получив 81% голосов, что явилось неожиданностью¹². По-видимому, многие алжирцы поддержали его за провозглашенную им программу экономических и политических реформ, вестернизированные слои населения – из-за опасений прихода к власти исламистов.

23 февраля 1989 г. на референдуме была принята новая конституция. В ней уже не говорилось о необратимости пути к социализму и вообще о социализме. Произошло полное разделение между государством и правящей партией ФНО. В июле Национальное народное собрание приняло закон, разрешавший создание политических партий, но только не на корпоративной или религиозной основе. Однако эта оговорка фактически не действовала, поскольку в общественно-политической жизни открыто участвовал исламистский Исламский фронт спасения (ИФС); в том же месяце парламент принял закон о выборах, позволивший оппозиционным партиям выдвигать своих кандидатов на парламентских выборах.

ИФС, крупнейшая исламистская организация Алжира, был создан 18 февраля 1989 г. Он обнародовал свою политическую и социальную программу 7 марта на собрании в мечети Ибн Бадиса в Кубе (г. Алжир). Она была опубликована в «Трибюн д'октобр» от 25 июля 1989 г. ИФС был легализован как политическая партия 16 сентября. ИФС считает неразделимыми религию и политику, и религия должна оказывать определяющее влияние на политику и общество. Основой законодательства должен быть шариат. ИФС энергично боролся против социалистической идеологии. Особое беспокойство в обществе вызывало требование ИФС о форсированной арабизации ввиду большого удельного веса берберов в населении страны.

Руководители и идеологи ИФС, как убедительно показал арабский исследователь А.Дифрауи в книге, изданной под редакцией французского исламоведа и социолога Ж.Кепеля, являлись убежденными противниками демократии, по крайней мере на начальном этапе существования этой организации¹³. В качестве источников А.Дифрауи использовал статьи в еженедельнике ИФС «Аль-Мункид», опубликованные осенью 1990 г. в номерах 23, 24 и 25. Первые две статьи были напечатаны за подписью Абу Абд аль-Фаттаха бен Хаджа, а третья – Абу Абд аль-Фаттаха. Вероятнее всего, по мнению А.Дифрауи, все эти три статьи принадлежали перу А.Бенхаджа. А.Дифрауи использовал в своей главе книги также проект политической программы ИФС,

аудиокассеты с выступлениями на собраниях и проповедями основных лидеров ИФС (А.Мадани, А.Бенхаджа, А.Хашани) в течение 1991 г., около 30 интервью с активистами ИФС в декабре 1991 г. и в январе-феврале 1992 г. и некоторые другие материалы. Отношение ИФС к демократии, как отметил автор, характеризовалось двойственностью: с одной стороны, демократия была для ИФС своего рода троянским конем для быстрого овладения властью, с другой, проводилась беспощадная критика демократии с целью лишить легитимности правящий режим и демократические партии и легитимизировать исламское государство. Свое участие в выборах ИФС, отметая обвинение в измене исламским идеалам, оправдывал тем, что соблюдение норм «джахи-лийской» демократии носит временный характер и является наилучшим средством быстрого завоевания власти ради уничтожения той самой системы, которая позволяет исламистам прийти к власти.

В критике лидерами ИФС демократии можно выделить следующие три направления:

– Собственно «исламистская критика», критика концепций верховной власти народа, источников власти и легитимности, личной свободы. Она основана на синтезе таких теоретиков фундаментализма, как С.Кутб или Маудуди. Маудуди призывал бороться с тремя основами западной цивилизации – секуляризмом, национальным государством и демократией. По мнению Маудуди, человек оказался на «троне Аллаха» и получил возможность издавать законы. Это чревато несчастьями для людей; высшая власть Аллаха и халифат правоверных должны заменить верховную власть народа.

– «Историко-теоретическое». Исламисты приводят примеры из истории, чтобы показать противоречивость концепции демократии. Например: Франция была демократической страной, и Алжир был ее частью до 1962 г., но алжирцы не имели никаких прав. Демократия характеризовалась то как тирания, то как правление элиты.

– Популистское. Исламисты обвиняют демократию во всех бедах, постигших людей: от СПИДа до социальной несправедливости.

Исламистская партия выступала за стимулирование частного сектора, более низкие налоги, приватизацию государственных предприятий и земель.

Проявляя враждебность по отношению к бывшей метрополии, франкоязычной элите и интеллигенции, ИФС был готов развивать экономические связи с другими западными странами, в особенности с США. Боевики ИФС воздерживались от нападений на американских граждан в Алжире. В 1994 г. в Вашингтоне открылось информационное бюро ИФС, которое пыталось придать этой организации умеренный имидж.

В ИФС существовали умеренное крыло, возглавлявшееся А.Мадани, и радикальное, основными лидерами которого были А.Бенхадж, Ж.Сахнуни и А.Хашани. Умеренные стремились вводить

шариат постепенно, демократическим путем, были готовы действовать в рамках многопартийной системы. Радикалы настаивали на немедленном введении шариата. Некоторые из них угрожали в случае прихода к власти на парламентских выборах запретить светские партии.

Социальной базой ИФС была в основном молодежь моложе 30 лет, особенно страдавшая от безработицы, как неграмотные молодые люди, так и учащиеся средних школ, студенты, выпускники школ, дипломированные специалисты. ИФС поддерживала часть торговой буржуазии, оказывавшая исламистам значительную финансовую помощь. Она заняла сторону исламистов, так как те обещали снизить налоги, ослабить вмешательство государства в экономику, стимулировать частный сектор, бороться с коррупцией. ИФС оказывал некоторое влияние на традиционалистски ориентированных представителей буржуазии, интеллигенции и военнослужащих.

ИФС удалось проникнуть в армию, привлечь на свою сторону некоторых военнослужащих. В декабре 1992 г. состоялся суд над 90 бывшими военнослужащими, в том числе офицерами, которые были обвинены в терроризме и антиправительственной пропаганде. 19 из них (15 заочно) были приговорены к смертной казни¹⁴.

Большую роль в росте популярности ИФС сыграла его благотворительная деятельность в социальной области на фоне неэффективности бюрократии, коррупции и безразличия государства к повседневным нуждам населения. Алжирцы увидели спасение в ИФС. Мечети, контролировавшиеся исламистами ИФС, превратились в центры образования и профессионального обучения, по всей стране были созданы пункты медицинского обслуживания и социального обеспечения. Созданные ИФС кооперативы продавали товары по более низким ценам по сравнению с официальными сельскохозяйственными рынками. В месяц рамадан, когда стремительно поднимались цены на мясо, птицу, овощи и фрукты, исламисты предлагали эти товары по гораздо более низким ценам, субсидируя цены за счет щедрых пожертвований торговцев, контрабанды, зарубежной финансовой помощи.

В апреле 1990 г. тысячи сторонников ИФС провели демонстрацию в Алжире, требуя роспуска Национального народного собрания в течение трех месяцев и введения шариата в полном объеме. Несмотря на многочисленность этой демонстрации, президент накануне выборов в местные органы власти в июне 1990 г. заявил в интервью, что, по его оценке, ИФС получит на них не более 20–25% голосов¹⁵. Победив на местных выборах 12 июня 1990 г. (ИФС получил около 55% голосов, ФНО – 32%)¹⁶, исламисты из ИФС сразу начали вводить нормы шариата, относившиеся к семье и браку, ввели раздельное обучение в школе, предписывали женщинам ношение религиозной

одежды, даже на рынках были установлены решетчатые перегородки, отделявшие в очередях мужчин от женщин.

Перед I туром парламентских выборов ИФС, демонстрируя свою силу, вывел в октябре от 100 тыс. до 300 тыс. своих сторонников на манифестацию под лозунгом создания исламского государства. В условиях экономического кризиса, роста безработицы, разобщенности светских политических партий, неприятия алжирскими мусульманами вестернизации ИФС победил в I туре парламентских выборов. Согласно прогнозам, ИФС получил бы более трети голосов (его лидеры рассчитывали на 70%), ФНО – несколько меньше, другие партии – остальную треть голосов. 49 политических партий и больше тысячи независимых кандидатов претендовали на 430 мест в парламенте. ИФС получил 188 мест, ФСС – 25 мест, ФНО – лишь 15 мест¹⁷. Победа ИФС во II туре 16 января казалась неизбежной. Из 199 избирательных округов, в которых должен был пройти II тур, ИФС в I туре получил наибольшее число голосов в 143, а ФНО – лишь в 46¹⁸. Не отрицая большого успеха ИФС на выборах, следует учесть, что он объясняется отчасти несовершенством избирательного закона (ИФС получил в 12,5 раз больше мест, чем ФНО, хотя ФНО поддержали лишь вдвое меньше избирателей по сравнению с ИФС) и злоупотреблениями и запугиванием избирателей со стороны исламистов, которые контролировали 853 коммуны из 1539 и 32 вилайи из 48. Примечательно, что ИФС в I туре парламентских выборов получил 3,2 млн. голосов, то есть на 1,5 млн. меньше, чем на выборах в местные органы власти. В выборах участвовали лишь 59% электората, насчитывавшего 13,3 млн. избирателей¹⁹. Эта потеря голосов исламистами объясняется, возможно, неэффективностью местных органов власти, оказавшихся под контролем ИФС: безработица не уменьшалась, происходили народные волнения из-за несправедливого распределения продовольствия. Некоторых избирателей, голосовавших за ИФС на местных выборах, насторожила растущая агрессивность исламистов и перспектива перемен, как в Иране. Исламисты избивали своих противников, организовывали покушения. Сторонники ИФС требовали отставки президента и учреждения исламской республики. В начале июня 1991 г. в столкновениях между исламистами и силами правопорядка погибли десятки человек.

Ввиду угрозы прихода исламистов к власти армия взяла ее в свои руки. 4 ноября 1992 г. президентским декретом было распущено Национальное народное собрание. 11 января Ш. Бенджедид под давлением армии, опасавшейся компромисса между ним и исламистами, ушел в отставку. 12 января Высший совет безопасности (премьер-министр, министр обороны, министр юстиции, министр внутренних дел, начальник генерального штаба армии) ввел чрезвычайное положение и отменил II тур парламентских выборов. 14 января был сформирован Высший государственный совет (ВГС), возглавивший госу-

дарство. Он должен был функционировать как коллегиальный орган управления до истечения срока полномочий Ш.Бенджедида в декабре 1993 г. Распространялись слухи об аресте 500 исламистов. Один из лидеров ИФС А.Хашани, призывавший своих сторонников не давать повода для репрессий, был арестован 22 января. Последовала спираль террора, насилия и настоящей гражданской войны. Причиной послужило прекращение демократических выборов, запрет ИФС и преследование исламистов. С другой стороны, поведение сторонников ИФС после выборов в местные органы власти и особенно I тура парламентских выборов свидетельствовало о большой вероятности вооруженного противостояния и после II тура выборов: демократия была для лидеров ИФС лишь средством достижения власти, они навязывали всему алжирскому обществу «исламский выбор». Якобы мирные намерения ИФС опровергала, как подчеркивает российский ученый С.Э.Бабкин, инструкция ИФС от 6 июня 1991 г. Она призвала исламистов развертывать вооруженную борьбу, совершать нападения на военные и экономические объекты, уничтожать отдельных представителей интеллигенции, партийного аппарата. Первой боевой операцией исламистов стала атака на один из пограничных постов в ноябре 1991 года²⁰.

ВГС возглавил М.Будиаф, один из исторических лидеров алжирской национально-освободительной борьбы. Он терпимо относился к деятельности политических партий и к критике в адрес ВГС, но по отношению к ИФС занял жесткую позицию, и ИФС принял решение о вооруженном восстании. 29 июня 1992 г. М.Будиаф стал жертвой покушения. Новым председателем ВГС был избран полковник А.Кафи. В июле 1993 г. председателем ВГС и министром обороны стал генерал Л.Зеруаль. К этому времени число жертв исламистов продолжало возрастать.

20–25 января 1994 г. Конференция национального согласия определила политическое развитие страны после роспуска ВГС. В ней участвовало большинство политических партий, кроме ИФС, ОКД, ФНО и ФСС, а также две умеренные исламистские партии – ХАМАС («Харакат муджтамаа исламия», или Движение исламского общества) и «Ан-Нахда». На конференции была принята Платформа политических действий: власть в течение переходного периода должна была принадлежать временному президенту, правительству и Национальному переходному совету. 1 февраля 1994 г. ВГС самораспустился, президентом был назначен Л.Зеруаль. Именно при нем в 1994–1995 гг. происходили наиболее ожесточенные и крупномасштабные столкновения между исламистами (Вооруженным исламским движением, находившимся под влиянием ИФС и которое с июня 1994 г. стало называться Исламской армией спасения (ИАС), признавшей себя вооруженным крылом ИФС; Вооруженные исламские группы) и армией. В боях с исламистами участвовали и отряды самообороны алжирцев,

противников исламизации государства и общества, их ряды пополняли родственники убитых исламистами. Во второй половине 1993 г. часть военной верхушки проявила готовность к началу переговоров с умеренными элементами ИФС. В самой армии произошел раскол на умеренных и радикалов. Сам ИФС отказался от переговоров, настаивая на предварительном освобождении десятков исламистов. Диалог так и не начался.

В своей первой речи как главы государства Л.Зеруаль призвал к серьезному диалогу, чтобы разрешить кризис в стране, и подчеркнул роль армии в обеспечении национального согласия. В марте 1994 г. распространились слухи о разногласиях в вооруженных силах в связи с новыми попытками вступить в переговоры с исламистской оппозицией. Генерал М.Ламари, начальник генерального штаба, выступавший против диалога с исламистами, все же счел необходимым подтвердить доверие армии к Л.Зеруалью. В мае 1994 г. в рамках содействия диалогу с исламистами и другими оппозиционными организациями Л.Зеруаль сформировал группу из 6 известных общественно-политических деятелей. Однако контакты с двумя освобожденными лидерами ИФС Джадди и Бухамханом ничего не дали. В августе 1994 г. ФНО, Партия алжирского обновления, Движение за демократию в Алжире (партия Бен Беллы) и умеренные исламистские организации приняли участие в диалоге с правительством. На следующей встрече в сентябре в рамках национального диалога обсуждались письма А. Мадани, в которых он соглашался уважать конституцию 1989 г., принцип сменяемости власти и упомянул о возможности примирения. В середине сентября Л.Зеруаль объявил об освобождении А.Мадани и А.Бенхаджа из тюрьмы и переводе их под домашний арест. В знак протеста против контактов с исламистами в сентябре 1994 г. в Кабилии была проведена всеобщая забастовка. С учетом ситуации в Кабилии и условий, выдвинутых исламистами (отмена постановления о запрещении ИФС, освобождение всех лидеров ИФС и участие ИАС в переговорах), Л.Зеруаль был вынужден прекратить диалог с ИФС. В октябре он заявил, что ни М.Мадани, ни А.Бенхадж не желают отказаться от насилия или участвовать в переговорах. Л.Зеруаль принял решение о проведении президентских выборов до истечения своих полномочий.

В ноябре 1995 г. Л.Зеруаль был избран президентом Алжира. Согласно официальным данным, несмотря на призывы ИФС, ФНО и ФСС бойкотировать выборы и угрозы исламистов, 75,7% избирателей явились на выборы. Л.Зеруаль получил 61% голосов. Лидер ХАМАС М.Нахнах, занявший проправительственную позицию после военного переворота 1992 г., заручился поддержкой 25,6% избирателей, генеральный секретарь ОҚД С. Саади – 9,6%²¹. Это были первые альтернативные президентские выборы в Алжире. Кандидаты оппозиционных партий, в том числе лидер исламистской партии М.Нахнах, могли

свободно проводить политические собрания и критиковать правительство. Обращало на себя внимание участие в выборах большого числа женщин, несмотря на угрозы исламистов. Большинство их не носило хиджаб, девушки были в мини-юбках. Один алжирец сказал по поводу этих выборов: «Я знаю людей, которые голосовали тогда за ИФС, но ни в коем случае не проголосовали бы за него теперь. Голосование в 1991 г. носило протестный характер, и теперь алжирцы увидели истинное лицо ИФС»²². Президентские выборы показали, что алжирцы устали от длительного вооруженного столкновения и многие разочаровались в ИФС, они возлагали надежду на стабилизацию Л.Зеруалем ситуации в стране, тем более что тот в своей предвыборной кампании обещал гарантировать мир и безопасность. Определенную роль в избрании Л.Зеруаля сыграла его предыдущая деятельность.

Он не был связан с использованием военной силы для подавления выступления масс в октябре 1988 г., не принимал участия в отмене парламентских выборов в январе 1992 г. Будучи министром обороны, еще до своего назначения президентом вел переговоры с находившимися в тюрьме исламистскими лидерами, пытаясь прекратить насилие в стране. Он совершенствовал свое военное образование в основном в Советском Союзе и в Иордании, а не во Франции. Демонстрируя готовность к национальному согласию, поддерживая умеренное течение в исламистском движении, президент включил двух представителей ХАМАС в состав правительства, сформированного в январе 1996 г.²³

В апреле 1996 г. президент начал трехнедельные переговоры с оппозиционными партиями, профсоюзами и общественными организациями, в том числе с умеренными исламистскими организациями ХАМАС и «Ан-Нахда», в рамках подготовки к парламентским выборам. В июне 1996 г. Л.Зеруаль предложил внести изменения в конституцию 1989 г. 28 ноября 1996 г. состоялся референдум по новому тексту конституции. Согласно официальным данным, в нем приняли участие 79,8% электората, из них 85,8% поддержали внесение поправок²⁴. Некоторые оппозиционные партии обвинили правительство в подтасовке результатов голосования. В ходе референдума были допущены многочисленные нарушения и фальсификация. Власти не допускали наблюдателей в избирательные участки. Проберберские ОКД и ФСС призвали избирателей бойкотировать референдум или голосовать против проекта конституции: в Кабилии крайне негативно отнеслись к этому проекту, поскольку арабский язык фактически провозглашался единственным национальным языком Алжира. Конституция значительно расширила права президента, усилила контроль исполнительной власти над законодательной. В 42-й статье 4-й главы подчеркивалось, что политические партии не могут создаваться на лингвистической, расовой, корпоративной или религиозной основе и

что политические партии не могут прибегать к пропаганде, затрагивая упомянутые элементы. Однако несмотря на эту статью, правительство продолжало терпимо относиться к деятельности умеренных исламистских партий. Чтобы соблюсти формальность, исламисты из ХАМАС переименовали свою партию в Движение общества за мир, чтобы участвовать в парламентских выборах.

К концу 1996 г. вооруженные группы исламистов стали избегать столкновений с армией. Они понесли большие потери в результате эффективных действий правительственных сил, отрядов самообороны противников исламистов, нарушилась координация их активности, и усилились разногласия в их рядах. С начала 1995 г. шла вооруженная борьба между Исламской армией спасения и Вооруженными исламскими группами, приводившая к ослаблению радикального исламизма. Произошло улучшение обстановки в ряде регионов. Вначале США, учитывая возможность прихода исламистов к власти, поддерживали с ними контакты и вели переговоры на «низком уровне». В 1995 г. Вашингтон под влиянием аналитического доклада, где делался вывод о невозможности военной победы исламистов, ужесточил свою позицию в отношении ИФС. После избрания Л.Зеруаля президентом в ноябре 1995 г. Вашингтон активизировал экономические и военные отношения с Алжиром. Прямые американские капиталовложения США в алжирскую экономику возросли со 135 млн. долларов в 1994 г. до 600 млн. в 1996 г.²⁵

На встрече в Мадриде в апреле 1997 г. основные оппозиционные партии, в том числе ИФС, призвали правительство к переговорам ради достижения мира. Они подчеркнули, что лишь политическое решение покончит с насилием. Правящий режим отказался пойти на какие-либо уступки и отверг предложение ИФС начать диалог.

5 июня 1997 г. состоялись выборы в нижнюю палату парламента – Национальное народное собрание, в котором насчитывалось 380 мест. Правительственное Национально-демократическое объединение (НДО), созданное в начале 1997 г., получило наибольшее число мест – 156, Движение общества за мир (ДОМ, бывшая партия ХАМАС) – 69, «Ан-Нахда» – 34, ФНО – 62, или 16,2% (подсчитано мною – А.К.) мест в палате парламента, ФСС – 20, ОКД – 19, Партия трудящихся – 4. Наблюдатели ООН высказали некоторое сомнение относительно чистоты выборного процесса. Оппозиционные партии отмечали многочисленные злоупотребления на выборах, но ни одна из 39 партий, участвовавших в них, не оспаривала общие итоги выборов. Явка избирателей составила 65,5%²⁶. На парламентских выборах исламисты получили в целом 2,5 млн. голосов. На состоявшихся 23 октября 1997 г. выборах в местные органы власти число голосов, поданных за исламистов, сократилось до менее чем 2 млн.²⁷ Что касается ФНО, то если на парламентских выборах он занял третье место, получив 16,2% голосов, то на выборах в местные органы власти ФНО

вышел на второе место, получив 19,8% мест в Народных собраниях вилай и 21,8% мест в Народных собраниях коммун²⁸. В середине 1997 г. было сформировано новое правительство, в котором ФНО и исламистское ДОМ получили по 7 портфелей, остальные (большинство) – НДО²⁹.

Летом 1997 г. вновь велись секретные переговоры между правительством и ИФС. В июле были временно освобождены А.Мадани и А.Хашани. Вновь в алжирском руководстве шла борьба между умеренными (группировка Л.Зеруаля) и радикалами (группировка М.Ламари). Переговоры с ИФС не дали результатов. В октябре Л.Зеруаль вынес окончательный вердикт: он объявил досье ИФС закрытым.

В июле 1998 г. вступил в силу спорный закон об обязательном использовании арабского языка. Хотя закон был обнародован в 1991 г., его действие было приостановлено в 1992 г. В декабре 1996 г. Национальный переходный совет установил дату вступления этого закона в силу. В соответствии с новым законом все документы государственной администрации, государственных предприятий должны были составляться на арабском языке. Подписавшие документы на неарабском языке подлежали штрафу. Кроме того, все фильмы и телевизионные программы на иностранных языках должны были переводиться на арабский язык. Лишь высшие учебные заведения получили отсрочку до 2000 г. Кабилия резко прореагировала на политику арабизации. Участники митинга в столице, организованного ОҚД в июле 1998 г. в память убитого певца Матуба, осудили закон об арабизации. Аит Ахмад, лидер ФСС, заявил, что ситуация в Кабилии в результате гибели Матуба и введения закона об арабизации чревата народным восстанием.

В выступлении в сентябре 1998 г. Л.Зеруаль заявил, что он сложит с себя досрочно полномочия президента после досрочных президентских выборов в 1999 г., почти за два года до окончания своего президентского срока. Преобладает точка зрения, что Л.Зеруаль был вынужден уйти раньше в результате возобновления внутренней борьбы в высшем армейском командовании.

На президентских выборах 15 апреля 1999 г. победил один из лидеров ФНО А.Бутефлика (73,8% голосов). Его поддержали НДО, ФНО, исламистские ДОМ и «Ан-Нахда», Всеобщий союз алжирских трудящихся (ВСАТ). Некоторые берберистские организации бойкотировали выборы, мотивируя это тем, что в любом случае победит кандидат, поддержанный исламистами. Второе, третье и четвертое места заняли соответственно А.Т.Ибрахими, поддержанный, в частности, частью исламистов (12,5% голосов), А.Джабалла, бывший член «Ан-Нахды», но создавший в январе новую исламистскую организацию Движение национальной реформы (4% голосов), А.Ахмед от берберистского ФСС (3,2%). Уровень участия электората в выборах, по

официальным данным, составил 60,9%. ФСС утверждал, что норма участия электората составила 23,3%. Парижская «Монд», ссылаясь на алжирские военные источники, назвала почти ту же цифру – 23%. Самая низкая явка избирателей была в Кабилии – например, 6,6% в вилайе Беджая и 5,7% в Тизи-Узу. Оппозиция оспаривала как официальный уровень участия избирателей, так и результаты выборов. Несмотря на заверения президента Л.Зеруаля о том, что президентские выборы 1999 г. будут примером «честности и прозрачности», соперники А.Бутефлики подчеркнули «массовый характер обмана». Четыре кандидата (А.Ахмед, М.Хамруш, А.Т.Ибрахими и А.Джабалла) в совместном коммюнике утверждали, что на имя А. Бутефлики в вилаях было распределено почти на 25% бюллетеней больше, чем на имя других кандидатов, и что силам правопорядка было приказано не допускать представителей соперников А.Бутефлики на избирательные участки³⁰. Из семи зарегистрированных кандидатов на пост главы государства шесть отказались от участия в выборах. А.Бутефлика остался единственным претендентом. (Хотя соперники А.Бутефлики сделали это, они не обратились с официальным призывом бойкотировать выборы, и на избирательные участки поступили бюллетени на имя всех семи зарегистрированных кандидатов.)

Новый президент в интервью, опубликованном в парижском журнале «Нувель обсерватор», заявил, что 90% исламистских боевиков нейтрализованы или сдались властям³¹. Вместе с тем, выступив 29 мая по радио и телевидению, президент предложил прекратить насилие в стране. Миротворческая инициатива была поддержана Исламской армией спасения (ИАС). Сторонники жесткого курса в алжирском руководстве и командиры отрядов местной самообороны выступили против примирения с исламистскими радикалами. Тогда А.Бутефлика 12 июня 1999 г. объявил о намерении провести референдум по данному вопросу. Во время подготовки к нему был принят «Проект закона о гражданском согласии» парламентом. Закон вступил в силу 13 января 2000 г. Он предусматривал амнистию для некоторых категорий боевиков. Этот закон способствовал смягчению напряженности в стране. В 2001 г. погибли 1300 человек, в то время как столько же были убиты лишь за одну неделю летом 1997 г.³² На состоявшемся в сентябре референдуме подавляющее большинство алжирцев поддержало курс на прекращение кровопролития. 13 апреля 2002 г. было заключено мирное соглашение между ИАС и алжирской армией. Вооруженную борьбу продолжали две экстремистские исламистские организации – Исламская группа проповеди и джихада и Вооруженные исламские группы. Начальник генерального штаба армии М. Ламари заявил 17 июня 2003 г., что около 700 боевиков этих организаций не представляют реальной угрозы государству. Для сравнения: в начале 90-х годов в стране насчитывалось до 27 тыс. исламистских боевиков³³.

А.Бутефлика сформировал коалиционное правительство, охватывавшее широкий спектр политических сил. 30 мая 2002 г. состоялись парламентские выборы. Лишь 46% электората приняли участие в выборах. Некоторая часть избирателей опустила в избирательные урны незаполненные бюллетени, так что фактически проголосовал только 41% явившихся на выборы алжирцев. В Кабилии выборы почти полностью бойкотировались. ФНО получил большинство мест, за него было подано 36% голосов. Национально-демократическое объединение (ОКД), бывшая правящая партия, удовольствовало лишь 8,5% голосов³⁴. Исламистские партии потерпели неудачу: если раньше в Национальном народном собрании они имели 103 места, то теперь – лишь 82. Это свидетельствовало о продолжении падения влияния исламистов, правда, с поправкой на определенную фальсификацию выборов. Однако газета «Аш-Шурук», близкая к исламистам, была вынуждена признать, что эти выборы по крайней мере не были такими грязными, как в 1997 г.³⁵

В октябре 2002 г. состоялись выборы в местные органы власти. Вновь ФНО одержал убедительную победу: он получил 711 из 1589 мандатов. НДО, основной соперник ФНО, одержало верх лишь в 171 избирательном округе. Во всех регионах, кроме Кабилии, голосование прошло относительно спокойно³⁶. Исламистское Движение национальной реформы установило контроль над 39 городскими собраниями, опередив другую исламистскую организацию – ДОМ, все более слабеющую, по мнению некоторых наблюдателей, из-за ее связей с армейским командованием³⁷.

Правительству предстояло решить ряд социально-экономических вопросов, в частности проблемы безработицы (от нее в 2002 г. страдали около 30% активного населения и 50% молодежи моложе 25 лет³⁸) и коррупции, борьбу с которой А.Бутефлика начал с увольнения 22 из 47 губернаторов, а также обострившуюся берберскую проблему, в отношении которой действия правительства постоянно запаздывали. Если бы это не удалось, то активность и влияние исламистов могли бы вновь усилиться и правительство могло бы утратить реальный контроль над Кабилией, в которой власть на местах на некоторое время фактически перешла к Координационному совету деревенских комитетов Кабилии. Правительство пошло на некоторые уступки берберам и этим разрядило ситуацию. При президенте А.Бутефлике были достигнуты определенные успехи в экономическом развитии страны. ВВП увеличился с 45,4 млрд. долл. в 1998 г. до почти 60 млрд. в 2001 г. (оценка). Объем внешнего долга сократился в тот же период с 30,6 млрд. долл. до 21 млрд. В одном лишь 2001 г. приток прямых иностранных инвестиций составил 500 млн. долл., что эквивалентно их объему в 1993–1999 гг.³⁹

16 февраля 2004 г. три партии образовали коалицию в поддержку А.Бутефлики на предстоявших 8 апреля президентских выборах. В

нее вошли Национальное демократическое объединение, исламистское Движение общества за мир и пропрезидентская фракция Фронта национального освобождения (ФНО). Основным соперником А.Бутефлики выступил лидер другой фракции ФНО А.Бенфлис, который руководил предвыборной кампанией А.Бутефлики в 1999 г. Лидеры берберского движения заявили о бойкоте выборов после отказа правительства провести референдум о признании тамазиг официальным языком наряду с арабским.

Согласно МВД, А. Бутефлика был переизбран на новый пятилетний срок. За него проголосовали 83,5% участвовавших в выборах алжирцев, почти на 10% больше, чем в 1999 г. Последующие места заняли генеральный секретарь ФНО А. Бенфлис (7,9% голосов), А. Джабалла – руководитель исламистского Движения национальной реформы (4,8%), Сайд Саади, лидер Объединения за культуру и демократию (1,9%), представитель Партии трудящихся Луиза Ханун (1,1%). Явка избирателей составила около 57%⁴¹. Голоса активистов ФНО распределились между А. Бутефликой и А. Бенфлисом. Так же неоднозначной была позиция бывших лидеров ИФС. Некоторые призывали бойкотировать президентские выборы, другие выступали в поддержку А. Бутефлики. Армия впервые заняла нейтральную позицию, в значительной мере, как отмечают западные наблюдатели, под давлением западных держав, прежде всего США.

Три главных соперника А. Бутефлики в совместном заявлении заявили по окончании выборов о якобы массированной фальсификации выборов. Однако этого не подтвердили международные наблюдатели. Анна-Мария Лизэн, член бельгийского парламента, утверждала, что выборы прошли в соответствии с европейскими стандартами. Дж. Брюс, один из 120 представителей ОБСЕ, прибывших на выборы, подчеркнул «прозрачность процесса подсчета голосов»⁴². Перед выборами власти удовлетворили требования оппозиции о доступе к СМИ, присутствии на выборах иностранных наблюдателей и изменении условий подсчета голосов в армии, полиции и жандармерии. По мнению Р. Тлемсани, профессора Института политических наук (г. Алжир), результаты выборов показывают, что Алжир при А. Бутеф-лике рискует превратиться в неототалитарное государство, в котором президент будет неприкасаемым, а выборные органы превратятся в ширму демократии⁴³. А. Бутефлика несколько раз выступал за изменение конституции, которое еще более усилило бы президентскую власть. (Конституция 1996 г. уже значительно расширила полномочия президента.) Склонность А. Бутефлики к авторитаризму подчеркивали его соперники в ходе предвыборной кампании, называя его «алжирским Бонапартом»⁴⁴. По-видимому, авторитарный характер власти в Алжире еще более усилится. Президент попытается вырвать ФНО из-под контроля А. Бенфлиса.

Основную роль в стремительном подъеме исламистского движения в конце 80-х годов сыграл социально-экономический фактор. Утверждение о том, что решающую роль сыграл социокультурный или цивилизационный фактор, имеющий перманентный характер, необоснованно: в течение четверти века политическая ситуация в Алжире оставалась стабильной. Однако, несомненно, на социально-экономический кризис наложились политический и социокультурный. Усилилась критика коррупции, требования о проведении либерализации общественно-политической жизни, легитимность правящего режима после смерти общепризнанного лидера алжирской нации Х.Бумедьена стала ставиться под сомнение, особенно после прихода в общественно-политическую жизнь нового поколения, выросшего в независимом Алжире. Появились первые признаки исламистской оппозиции, активизировалась светская оппозиция, требовавшая введения многопартийной системы, в Кабилии берберы провели акции протеста, защищая свою культуру и язык. Как отмечает Р.Г.Ланда, «и религиозный фанатизм, и этнический партикуляризм второй половины 80-х годов были частными проявлениями все возрастающего недовольства масс ухудшением экономического положения, поляризацией доходов, роста пропасти между верхами и низами»⁴⁰. Происходили забастовки учащихся, демонстрации молодежи, трудящихся.

«Магнитуда» октябрьских волнений 1988 г. подтолкнула президента Ш.Бенджедида и часть правящей элиты к проведению либерализации и демократизации общественно-политической жизни: была принята новая конституция и введена многопартийная система. За короткий промежуток времени исламистское движение превратилось в основную оппозиционную силу. Параллельно падал авторитет ФНО, которую покидали представители военной элиты. 1989–1991 гг. были периодом либерализации и демократизации, невиданных по своему масштабу в арабском мире ни до этого момента, ни после него. Однако в обстановке ослабления правящего режима этот неконтролируемый процесс оказался чреватым тяжелыми последствиями для страны. Возникла реальная возможность прихода исламистов к власти. Агрессивность алжирского исламизма, представленного ИФС, позволяет сделать вывод о том, что потрясения в Алжире были неизбежны и в случае прихода ИФС к власти сотни тысяч алжирцев эмигрировали бы в Западную Европу. На фоне алжирских исламистов выгодно отличается поведение Движения Исламистского Движения исламской направленности (ДИН) (с января 1989 г. «Ан-Нахда») в Тунисе после «жасминной революции» 7 ноября 1987 г. Лидер ДИН Р.Ганнуши стремился продемонстрировать уважение исламистов к законам страны. Он заявил о том, что тунисские исламисты поддерживают закон о политических партиях и Кодекс гражданского состояния. Инициатива в обострении отношений между правящим режимом и «Ан-Нахдой» принадлежала власти. Это произошло после того, как список

независимых на парламентских выборах получил около 14% голосов по всей стране и до 25% голосов в городах и пригородах, что неприятно поразило правительство: по существу, список независимых состоял из исламистских кандидатов. Все легальные светские оппозиционные партии вместе набрали лишь 3,76% голосов⁴¹.

Ввиду усиления групп боевиков-исламистов как в численном отношении, так и в вооружении и активности армия начала переговоры с ИФС, но они оказались безрезультатными, так как ИФС выдвигал явно неприемлемые условия. Однако с течением времени в военных действиях произошел перелом. Если в 1994 г. возможность захвата власти исламистами казалась реальной, то к концу 1995 г. перевес оказался на стороне армии. По отношению к умеренным исламистам в лице ХАМАС и «Ан-Нахды» правительство проводило толерантную политику, способствуя расколу исламистского движения. С 1996 г. умеренные исламисты входили в состав правительства. Правда, они имели меньшинство портфелей, к тому же их министерские должности не были ключевыми в правительстве. Деятельность умеренных исламистских организаций находилась под контролем правящего режима.

Как отмечает Р.Г.Ланда, в прессе и литературе рассматривались разные варианты эволюции событий – «суданский, афганский, иранский, чилийский, иранский, иорданский». По нашему мнению, реализованный вариант можно назвать «турецким»: армия позволяет действовать политическим партиям, соперничать между собой, формировать правительство, но продолжает играть важную роль и в случае необходимости может вновь вмешаться в политику. Следует подчеркнуть, что власть в Алжире является авторитарной, исполнительная власть контролирует законодательную. Поправки, внесенные в конституцию в 1996 г., еще более укрепили президентскую власть, хотя и до этого президент имел широкие права и полномочия. Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что организаторы военного переворота 1992 г. не решились ликвидировать многопартийную систему.

В общественно-политической жизни, как обоснованно указывают американский исследователь У.Куондт и М.А.Сапронова, существуют три течения: консервативно-националистическое (М.А.Сапронова), или националистическое (У.Куондт); фундаменталистское (М.А.Сапронова), или исламистское (У.Куондт); светское демократическое, но на региональной и узко националистической основе – проберберские партии Объединение за культуру и демократию (ОКД) и Фронт социалистических сил (ФСС) (М.А.Сапронова), или берберо-националистическое (У.Куондт). Основываясь, по-видимому, на результатах парламентских и президентских выборов, У.Куондт подчеркивает, что ни одно движение (они представляют соответственно 25–30%, 15–20% и 10–15% населения) не может обойтись без опреде-

ленной поддержки по крайней мере одного из них⁴². С нашей точки зрения, больше свободы маневра у Фронта национального освобождения (ФНО) и Национального демократического объединения (НДО), исповедующих националистическую идеологию. Они могут опереться на поддержку как умеренных исламистов, так и берберистских ОКД и ФСС. Комбинация умеренных исламистов и берберистов представляется невозможной.

Исламистские организации можно разделить на три блока. Первый – это легальные партии: Движение национальной реформы; Движение общества за мир, которой руководил М. Нахнах до своей смерти 19 июня 2003 г.; «Ан-Нахда». Ко второму относятся Вооруженные исламские группы и Исламская группа проповеди и джихада, продолжающие террористическую деятельность. В третий входят запрещенный Исламский фронт спасения и движение «Вафа», в легализации которого было отказано его лидеру А.Т.Ибрахими.

Выборный процесс показывает, что с 1991 г. постоянно действует тенденция к ослаблению влияния исламистов. На выборах в местные органы власти в июне 1990 г. они получили 4,7 млн. голосов, на парламентских выборах в декабре 1991 г. (первый тур) – 3,2 млн. голосов, на выборах в Национальное народное собрание в июне 1997 г. – 2,5 млн., на выборах в местные органы власти в октябре 1997 г. – менее 2 млн. Если на выборах в Национальное народное собрание в июне 1997 г. исламисты получили 103 места, то на выборах в эту нижнюю палату парламента в мае 2002 г. – 82.

Следует отметить новое разочарование алжирцев в эффективности многопартийной системы. На общепризнанно открытых, честных президентских выборах 16 ноября 1995 г. была зафиксирована рекордная на президентских и парламентских выборах и на выборах в местные органы власти явка электората на избирательные участки – 75,7%. И это несмотря на призыв ИФС, ФНО и ФФС бойкотировать выборы, угрозы исламистов участникам выборов. На парламентских выборах 5 июня 1997 г. к избирательным урнам пришли 65,5% избирателей (по мнению оппозиции этот показатель был меньше), на президентских выборах 15 апреля 1999 г. – 60,9% (по мнению французской газеты «Монд» и алжирской оппозиции, – всего около 23%). На парламентских выборах в мае 2002 г. явка электората составила 46%. У.Куондт называет эту официальную цифру достоверной, хотя, возможно, и неточной. Однако фактически проголосовали лишь 36% избирателей, так как остальные 5% бросили в урны незаполненные бюллетени в знак протеста⁴³. В апреле 2002 г. накануне этих выборов опросы показали, что 48% электората почти не доверяли политическим партиям⁴⁴.

Некоторые алжирцы бойкотировали избирательные участки из-за многочисленных нарушений и фальсификации результатов голосования. Если президентские выборы 1995 г. прошли без эксцессов и дав-

ления со стороны правящего режима, то уже референдум 28 ноября 1996 г. по поправкам в конституцию отличался нарушениями и подтасовкой итогов голосования. Относительно свободными были выборы в Национальное народное собрание в июне 1997 г. и в мае 2002 г., но правящая элита могла бы допустить это, демонстрируя демократичность выборов в Алжире, поскольку президент в соответствии с новой конституцией 1996 г. имел эффективные средства воздействия на парламент. Согласно поправкам, был образован двухпалатный парламент, состоящий из Национального народного собрания (нижняя палата) и Национального совета (верхняя палата). Закон может быть принят лишь при условии голосования за него трех четвертей членов Национального совета, к тому же треть депутатов Национального совета назначается лично президентом. Кроме того, глава государства может распустить Национальное народное собрание.

На политику власти в отношении исламистов в одной из стран Магриба оказывала влияние ситуация в других странах. После победы ИФС на выборах в местные органы власти в Алжире 12 июня 1990 г. репрессии против исламистов в Тунисе еще более усилились. Тунис был бы весьма уязвим в случае прихода к власти исламистов в Алжире. В начале 90-х годов в значительной мере под влиянием фактической легализации ИФС с марта 1989 г., их победы на выборах в местные органы власти в июне 1990 г. и в первом туре парламентских выборов в декабре 1991 г. заметно активизировались марокканские исламисты, в основном студенты. Король Хасан II в целом терпимо относился к их деятельности, если она не носила ярко выраженный антиправительственный характер. Хасан II стремился избежать развития событий в Марокко по алжирскому сценарию.

Аналогично ситуация в одной из стран Магриба оказывала влияние на поведение исламистов в других странах. Репрессии против «Ан-Нахды» в Тунисе (весной 1991 г.) заставили ИФС обострить положение в Алжире, провоцировать столкновения с силами правопорядка. Динамичное развитие алжирского исламизма способствовало активизации марокканских исламистов. Однако жестокая война в Алжире и опасение вооруженного противостояния в Марокко вынудили радикальную «Аль-Адль валь-ихсан», действовавшую в подполье, перейти на более умеренные позиции и в 1995 г. официально отказаться от насилия. Она получила возможность действовать полулегально. В январе 1998 г. «Аль-Адль валь-ихсан» призвала политические силы вступить в национальный диалог, чтобы алжирская трагедия, как она подчеркнула, не повторилась в Марокко.

¹ Maghreb. P., № 47, septembre-octobre 1971, с. 35.

² Там же, с. 36.

³ Национальная хартия Алжирской Народной Демократической Республики. – М., 1979, с. 31–33.

- ⁴ Цит. по: Алжир (Справочник). – М., 1977, с. 94.
- ⁵ Africa Report. Washington, 1979, № 3, с. 10–11.
- ⁶ Comment.London, 1979, № 8, с. 123.
- ⁷ The Washington Post. Wash., 20.01.1980.
- ⁸ История Алжира в новое и новейшее время. – М., 1992, с. 353.
- ⁹ NRC Handelsblad. Rotterdam, 16.07.1987, biz. 4.
- ¹⁰ Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. – М., 1999, с. 200.
- ¹¹ Там же, с. 298.
- ¹² Там же, с.298.
- ¹³ Exiles et Royaumes. Les appartenances au monde arabo-musulman aujourd'hui. P., 1994, с. 105–124.
- ¹⁴ Ланда Р.Г. История Алжира XX век. – М., 1999, с. 227.
- ¹⁵ Сапронова М.А. Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). – М., 1999, с. 48.
- ¹⁶ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 299.
- ¹⁷ Там же, с. 301.
- ¹⁸ Government and Opposition. L., v. 35, 2000, № 2, с. 219.
- ¹⁹ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 299, 301.
- ²⁰ Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. – М., 2000, с. 121.
- ²¹ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 309.
- ²² The Middle East. L., № 252, January 1996, с. 7.
- ²³ Политическая элита Ближнего Востока. – М., 2000, с. 160.
- ²⁴ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 310.
- ²⁵ Ближний Восток и современность. Сборник статей. – М., 1999. Выпуск 6, с. 173.
- ²⁶ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 310–311.
- ²⁷ Сапронова М.А. Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). – М., 1999, с. 118.
- ²⁸ Подсчитано по: там же, с. 106, 107.
- ²⁹ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 311.
- ³⁰ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 312.
- ³¹ Ближний Восток и современность. Выпуск 11. – М., 2001, с. 65.
- ³² Jeune Afrique. P., № 2154, 22–28 avril 2002, с. 35.
- ³³ Пульс планеты. М., 02.07.2003, с. «СВ»-4; 09.07.2003, с. «СВ»-8.
- ³⁴ Journal of Democracy. Wash., V. 13, October 2002, № 4, с. 18.
- ³⁵ Компас. М., 06.06.2002, № 23, с. 65.
- ³⁶ Пульс планеты. М., 14.10.2002, с. «СВ»-5.
- ³⁷ Middle East International. L., № 686, 25 October 2002, с. 27.
- ³⁸ Jeune Afrique. P., № 2221, 3–9 août 2003, с. 72–73.
- ³⁹ Jeune Afrique. P., № 2154, 22–28 avril 2002, с. 36.
- ⁴⁰ Ланда Р.Г. История Алжира. – XX век. М., 1999, с. 201.
- ⁴¹ Maghreb-Machrek. P., № 166, octobre-décembre 1999, с. 33.

⁴² Сапронова М.А. Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). – М., 1999, с. 108; *Journal of Democracy*. Wash., V. 13, October 2002, № 4, с. 18–19.

⁴³ *Journal of Democracy*. Wash., V. 13, Octobre 2002, № 4, с. 18.

⁴⁴ *Journal of Democracy*. Wash., V. 13, July 2002, № 3, с. 115.

**ОБЩИЕ ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСЛАМИЗМА В
СТРАНАХ МАГРИБА
В 70–90-х ГОДАХ XX ВЕКА**

В современном исламе российские исследователи, в частности З.И.Левин, выделяют несколько типов движений: традиционализм, неотрадиционализм, два реформаторских движения – возрожденчество и охранительство, исламизм¹. Оба реформаторских движения являются фундаменталистскими. В данной статье речь идет о фундаменталистах, относящих себя к реформаторам-охранителям.

Эти фундаменталисты призывают к развитию в исламских формах, выступают против западной политической и экономической модели, за построение исламского государства, общества, исламской экономики, следуя положениям раннего ислама – ислама, очищенного от последующих наслоений. Они противопоставляют нынешнее общество умме (религиозной общине) раннего ислама, периода пророка Мухаммеда и первых, «праведных» халифов. Тогда якобы существовали равенство и благополучие. В отходе от раннего ислама они видят причину несправедливости и социального неравенства. В Коране они находят призывы к милосердию и запрет на несправедливое обогащение. «Те, которые тратят свои имущества на пути Аллаха, подобно зерну, которое вырастило семь колосьев, в каждом колосе – сто зерен. И Аллах удваивает, кому пожелает» (2:263). «Уничтожает Аллах рост и выращивает милостыню. Поистине, Аллах не любит неверного грешника!» (2:277)². Фундаменталисты хотят приспособить «очищенный» ислам к современному обществу, признавая необходимость научно-технического прогресса, модернизации. По мнению немецкого исследователя арабского происхождения Б.Тибби, «хотя исламский фундаментализм в своей риторике ссылается на золотой век ислама (VII век) как на образец и идеал, его идеология и программа выражают конфронтацию с современностью. Исламские фундаменталисты хотят усвоить все научно-технические достижения современности, но не ее рациональное антропоцентристское мировоззрение. Они хотят отделить научно-техническую современность от ее светской культурной составляющей, использовать лишь как средство»³. Фундаменталисты стремятся к постепенной исламизации общества. Изменение общества, как они полагают, начинается с изменения отдельной личности, отсюда проповедничество – один из при-

оритетов их деятельности. Фундаменталисты действуют в сфере экономики и культуры. Они воздерживаются от политической деятельности, от оказания давления на правительство.

К исламистам относятся те фундаменталисты, которые участвуют в политических движениях, мирными или насильственными методами хотят претворить свою идеологию в реальность, построить на ее основе общество и государство. Исламистов, в том числе в странах Магриба, можно разделить на две группы (хотя это иногда нелегко сделать) – умеренных и радикалов, или экстремистов. Идеолог радикального исламизма С.Кутб, подчеркивает А.В.Коровиков, выделяет два основных метода борьбы за торжество истинного ислама: убеждение и вооруженные действия. Сначала с помощью вооруженного выступления мусульмане разрушают те институты «джахилии» (мира неверных, немусульман, к которому относится и нынешнее деградировавшее мусульманское общество), которые мешают распространению ислама. После создания исламской системы упор делается на убеждении, призванном показать свободным теперь людям, что ислам – это единственная настоящая вера⁴. Радикальность или умеренность исламистского движения в государствах Магриба в определенной мере изменялась в зависимости от конкретных условий, от политики правящего режима.

Среди факторов образования и развития исламизма в странах Магриба можно выделить, с одной стороны, долговременные, постоянные причины, с другой, «импульсивные», которые в определенный момент или период ускоряют или усиливают эти процессы.

Долговременные факторы подразделяются на социально-экономические, политические и социокультурные. К числу социально-экономических факторов относятся значительный разрыв в доходах между меньшинством и большинством в обществе; ускоренные темпы урбанизации, приводящие к социальной маргинализации; высокий уровень безработицы в городе; дефицит земли и низкий уровень занятости в деревне; разочарование общими результатами капиталистической модернизации. Кроме того, на развитие исламизма оказывает влияние процесс глобализации, в которой мусульманским странам отводится место на периферии мирового капитализма. Этот процесс приводит к установлению контроля ТНК над мировой экономикой, к углублению разрыва между развитыми странами и остальным миром. Если в 1960 г. подушевой налог в первой группе стран был в 30 раз выше, чем у 20% бедной части обитателей планеты, то теперь – уже в 78 раз⁵. Е.С.Мелкумян в статье в «Независимой газете» отметила, что причины широкого распространения в мусульманском мире исламистских движений и организаций кроются не только в социальной обездоленности, а они существуют и в таких благополучных странах, как Саудовская Аравия и Бахрейн, где средний уровень доходов на душу населения велик. Скорее всего, по ее мнению, их воз-

никновение и развитие подпитываются незавершенностью процессов создания национальных государств и отсутствием демократических институтов⁶. Однако социально-экономический фактор сыграл важную роль и в такой стране, как Саудовская Аравия. Здесь, конечно, речь идет не о социальной обездоленности, а об ухудшении экономической ситуации в стране (по сравнению с другими арабскими странами доходы на душу населения все же остались на значительно большем уровне). В 1968–1980 гг. ежегодные темпы роста ВВП в Саудовской Аравии достигали 10,6%. Однако затем объем добычи нефти упал с 10 млн. баррелей в день в 1980 г. до 3,6 млн. в 1985 г., в 1985–1986 гг. произошел настоящий обвал цен на нефть на международных рынках. В 1990–1997 гг. ВВП ежегодно увеличивался всего на 1,7%⁷. Если в начале 80-х годов доходы на душу населения составляли 17 тыс. долл., то в 1995 г. – только 7 тыс. долларов⁸.

Политическими факторами являются неспособность легальных светских оппозиционных партий вследствие разочарования в них населения влиять на политику правительств, которые держат политические процессы и СМИ под контролем; коррумпированность государственного аппарата и политических деятелей; прозападная политика правящих режимов; поддержка исламизма Саудовской Аравией и Ираном. В 50–60-х годах правители Саудовской Аравии, которые боролись за сферы влияния с националистическими режимами Египта, Ирака и Сирии, в то же время рассматривали их как угрозу своему существованию, принимали тысячи «братьев-мусульман», бежавших из этих стран (а из Сирии до конца 70-х годов). «Братья-мусульмане» принесли с собой исламистскую идеологию, разработанную Х.аль-Банной и Сейидом Кутбом, приобрели большое влияние в Саудовской Аравии в области религии и образования. Под их воздействием происходила политизация ваххабитского ислама. Саудовская Аравия оказывала щедрую финансовую поддержку исламистским организациям за рубежом, в том числе в Магрибе, в которых она видела защитников строгого, пуританского ислама, борцов против коммунизма и светского национализма, средство экспансии саудовского влияния. В саудовской религиозной литературе, распространявшейся в других арабских странах, часто пропагандировались исламистские идеи. Те же идеи нередко распространяли в этих странах саудовские имамы и проповедники. В конечном счете поддержка исламизма ударила бумерангом по самому саудовскому режиму⁹. К политическим факторам относится также однопартийность политической системы. Отсутствие оппозиционных партий и свободной прессы не давало возможности недовольным слоям населения выражать свои требования и протест. Поэтому многие из этих представителей видели единственную альтернативу в исламистском движении. Однопартийная система существовала в Алжире до 1989 г., в Тунисе – фактически до 1983 г., когда были легализованы Движение демократов-социалистов, Движение

народного единства-II (Тунисская коммунистическая партия – в 1981 г.). Однако после «хлебного бунта» в январе 1984 г. правительство существенно ограничило их деятельность, неоднократно подвергало оппозицию репрессиям. Фактически многопартийная система вновь стала функционировать в Тунисе при президенте Бен Али. В Марокко во второй половине 50-х годов функционировали уже три легальные партии: «Истикляль», Народное движение и Национальный союз народных сил. Впоследствии появился еще ряд партий.

К социально-культурным факторам относятся вестернизация и секуляризация; влияние ближневосточного исламизма и фундаментализма. Большая часть определенных групп общества (офицерства, бюрократии и технократии государственной администрации и государственного сектора экономики, буржуазии, интеллигенции) получила современное образование, хорошо знала французский язык и французскую культуру. Многие придерживались европейских ценностей, западного образа жизни. Некоторые ее представители поддерживали культурные и экономические связи с бывшей метрополией. В сфере политики они нередко ориентировались на Запад. Другие разделяли националистические взгляды. Вторую социокультурную общность образовывали традиционалистски ориентированные слои общества – городская и сельская беднота, часть буржуазии, офицерства, прошедшего подготовку в странах Ближнего Востока, интеллигенция, получившая образование на арабском языке. Лозунги исламистов поддерживали безработные, значительная часть молодежи, мелкие служащие. Эти слои общества крайне негативно реагировали на распространение западной культуры, западных ценностей, образа жизни, которые ассоциировались с политической и экономической гегемонией стран Запада. Линии раскола общества по мировоззренческому и социально-экономическому признакам в значительной мере совпадали. Следует обратить внимание на то, что и некоторые представители традиционалистско ориентированной части общества получили современное образование, хорошо владели французским языком, имели представление о западной культуре, в том числе о литературе и философии. Часть мусульман, получивших образование на Западе, по возвращении на родину становились активистами исламистских движений. И это типично не только для стран Магриба. В.Штерн, корреспондентка мюнхенской газеты «Зюддойче цайтунг» в своей статье рассказывает о малайзийской девушке Салиме, отец которой работал в области гончарного производства. Салима рассказала В.Штерн о своих впечатлениях от пребывания в Европе. Салима не чувствовала себя комфортно в «человеческом муравейнике» и шумных дискотеках. «Я обратила внимание, что эта свободная и материалистическая жизнь не делает людей счастливыми... Компьютерные кассы на вокзале, у которых вы ничего не можете спросить, делают вас беспомощными, как ребенка». Немалое число студентов и

студенток, подобно Салиме, получив образование в Европе, Америке или Австралии, образуют ядро исламистских молодежных организаций. «Разочарованные и смущенные, они возвращаются домой, отнюдь не в восторге от материального благосостояния Запада, напротив, их отталкивает такой технический прогресс, который превращает человека в «простой винтик механизма»¹⁰.

Негативное отношение к Западу, западной цивилизации проявлялось с еще большей силой, когда экономическая либерализация, проводившаяся вестернизированной элитой, ухудшала положение широких масс.

Некоторые исследователи причисляют к факторам политизации ислама низкий уровень грамотности населения, плохое знание арабского литературного языка. Так считает автор книги «История Марокко. XX век». Он приводит в ней слова марокканского короля Хасана II: «Что касается мусульманского интегризма, то один из рецептов следующий: необходимо заставлять лучше учить арабский язык, так как он является языком Корана. Мусульманин, который плохо знает арабский язык, вынужден обращаться к переводчику-мулле, который, прикрываясь Кораном и Пророком, может говорить что угодно»¹¹. Однако это верно лишь отчасти. В исламистских движениях активную роль играли студенты и преподаватели, другие образованные люди, хорошо знавшие арабский литературный язык. Нередко даже они не обладали хорошим знанием Корана и сунны. Для таких исламистов, не вникавших детально в богословские проблемы, главным была их вера в Аллаха; в равенство и справедливость в эпоху раннего, «чистого» ислама при Пророке и первых четырех, «праведных» халифах, полной противоположностью которым являются нынешние нелегитимные правители; убежденность в необходимости возвращения к этому исламу, полной исламизации общества, государства и экономики, что связано с завоеванием истинными мусульманами политической власти. С другой стороны, А.В.Коровиков показывает, насколько сложно верующему мусульманину опровергнуть доводы и логику рассуждений эрудированного фундаменталиста. «Ход рассуждений примерно таков: ислам не есть нечто, созданное людьми, это религия, сотворенная Аллахом и ниспосланная людям через пророка Мухаммада. Божественное происхождение Корана делает его принципиально отличным от всего, созданного человеком, и потому следует отбросить традиционное мусульманское богословие, зачастую искажающее смысл Корана, и вернуться к первоисточнику – «слову Аллаха». В силу этого же любое противоречие между исламом и человеческой мыслью, которая может быть воплощена в законе, государственно-политическом устройстве и т.п., автоматически решается в пользу ислама... Верующему мусульманину опровергнуть эту логическую цепочку не так легко. Если он, не приняв точку зрения фундаменталистов, будет рассуждать последовательно и более или менее

рационально, то ему придется признать, что некоторые положения Корана устаревают, что человек способен сам устанавливать свои законы и они не соответствуют кораническим... Нетрудно понять, что спорить с фундаменталистами, оставаясь при этом в рамках ислама, чрезвычайно непросто»¹². Сам текст Корана официальное духовенство и исламисты интерпретируют по-разному. Духовенство пытается цитатами из Корана осудить экстремизм и дискредитировать исламистов. Последние, считая весь нынешний мир, в том числе современное исламское общество, миром «джахилийи», призывают к джихаду против него. При этом они опираются на указания о джихаде в Коране. Исламисты обвиняют руководителей арабских государств в отходе от предписаний Корана о необходимости принятия решений после консультаций с правоведами (3:153; 42:36) и правления на основе справедливости (4:61).

К «импульсивным» факторам относятся в основном следующие:

поражение арабских стран в «шестидневной войне» 1967 г. Его масштабы и оккупация Израилем Иерусалима, священного города мусульман, вызвали у мусульман шок. С одной стороны, многие мусульмане причину поражения усматривали в светском характере правящих режимов Египта и Сирии, отводивших исламу в своей политике подчиненную роль. С другой, возникло сомнение в истинности традиционной интерпретации ислама, усилилось влияние фундаменталистской идеологии;

победа исламской революции в Иране в феврале 1979 г., показавшая возможность прихода исламистов к власти;

война в Афганистане в 80-х годах, в которой будущие алжирские боевики получили опыт партизанской войны и где, по мнению моджахедов, мусульмане продемонстрировали мощь ислама, свою способность нанести поражение сверхдержаве;

крах правящих режимов в Восточной Европе, приведший к утрате привлекательности социалистических идей;

проведение военной операции «Буря в пустыне» против Ирака в начале 1991 г.;

крупные провалы в социально-экономической политике, например, неудача «социалистического эксперимента» Бен Салаха в Тунисе;

некоторые политические и экономические решения, например, отмена второго тура парламентских выборов в Алжире в январе 1992 г. и запрещение Исламского фронта спасения в марте того же года.

Такие события часто бывают переломными моментами в жизни людей. С.Кутб в 30-х годах был модернистом и сторонником вестернизации арабского общества. Создание в 1948 г. государства Израиль он расценил как вероломство со стороны Запада, и в его мировоззрении произошел переворот. Разочарование в Западе усилилось

во время его пребывания в США в 1948–1951 гг., которые считаются образцом «западной демократии».

Определенную роль сыграл приход в общественно-политическую жизнь нового поколения, появившегося незадолго до или после обретения странами Магриба независимости, выросшего в условиях этой независимости. Они не были свидетелями или участниками национально-освободительной борьбы. Независимость они воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Это поколение интересовала прежде всего его собственная судьба, тревожили социально-экономическая ситуация, проблемы, с которыми молодежи приходилось сталкиваться (безработица, обострение социальных противоречий, рост разрыва в доходах). Парадоксально, но если в государствах Магриба значительная часть молодежи пошла за исламистами, в Иране, где существует исламистский режим, «дети исламской революции 1979 г.», представляющие собой «третью силу» (остальные две силы – это консерваторы и реформаторы), не считают как фундаменталистскую концепцию «веляят-е факих», так и исламскую демократию президента М.Хатами ответом на нынешние вызовы Ирану... В Иране не удалось построить, как обещал Хомейни, общество процветания и социальной справедливости. В стране все чаще происходили уличные демонстрации, забастовки рабочих и учителей, население проявляло и другие формы гражданского неповиновения. В 2002 г. тысячи рабочих, демонстрируя в знак протеста против плохих условий труда, добились повышения официального уровня минимальной зарплаты. Средний уровень инфляции за годы после революции был по меньшей мере в два раза выше, чем в 70-х годах, безработица – в три раза, а экономический рост – на две трети ниже. В результате доход в Иране на душу населения снизился с 1979 г. по крайней мере на 30%. Если по официальному признанию, более 15% населения сегодня живет ниже черты абсолютной бедности, то неофициальные источники оценивали этот показатель в 40%¹³.

Политический ислам получил распространение в основном в городах, меньше в сельской местности, где сильны традиции, позиции марабутизма и суфийских орденов и где модернизация осуществлялась более интенсивно.

В тех странах Магриба, на которые французский колониализм и модернизация оказали наибольшее влияние, исламистские движения отличались наибольшим динамизмом, организованностью и оппозиционностью – прежде всего в Алжире. В Алжире произошли наиболее радикальные политические, экономические и культурные изменения вследствие действия нескольких факторов – многолетней колониальной войны, более длительного господства французского колониализма, интенсивной колонизации, превращения Алжира в колонию Франции (Марокко и Тунис стали протекторатами). Завоевание Алжира длилось в течение 1830–1857 гг., но и после этого французской ар-

мии не раз приходилось подавлять восстания алжирцев, последнее из которых имело место в 1881–1883 гг. Поскольку алжирцы оказывали упорное сопротивление, французы вели войну с особой жестокостью. Традиционная экономика была разрушена. 60% алжирских крестьян потеряли свои земли. В 1868–1870 гг. от голода погибли 500 тыс. человек, или пятая часть населения страны. В Алжире образовалась самая большая в Магрибе европейская колония: в 1841 г. 12% всего населения¹⁴, в 1955 г. 11%¹⁵. Многие центры культуры в ходе войны были уничтожены. Традиционная система образования пришла в упадок. Большинство начальных школ закрылось вследствие конфискации общественных хабусов – основного источника финансирования религиозного образования. Очень широкое распространение получил французский язык. С 1892 г. государственная система образования представляла собой французские школы, где учились европейцы и выходцы из состоятельных мусульманских семей, и франко-арабские, предназначенные для мусульман, в которых обучение велось практически на французском языке. В годы 1-й мировой войны 173 тыс. алжирцев были мобилизованы во французскую армию и 119 тыс. были вывезены на различные работы во Францию. В дальнейшем французские власти поощряли ввоз дешевой рабочей силы из Алжира¹⁶. Это также способствовало распространению французского языка среди алжирцев.

Тунис по степени влияния французского колониализма и осуществления модернизации до введения режима протектората в 1881 г. занимал промежуточное положение между Алжиром и Марокко. В конце 20-х годов Тунис оказался в финансовой зависимости от европейских торговцев. В 1830 г. после высадки французских войск в Алжире Париж принудил бея заключить договор, по которому он обязался прекратить морское пиратство и работоторговлю. Этот договор позволил европейцам также проникнуть на тунисский рынок, ввести в стране режим особых привилегий для иностранцев и в целом поставил Тунис в зависимость от Франции. Правители Туниса, осознавая отставание страны в развитии от Европы и угрозу с ее стороны, пытались модернизировать государство, в первую очередь вооруженные силы. В 1830 г. были сформированы первые подразделения регулярной армии по европейскому образцу. В 1838 г. (впервые в Магрибе) в Тунисе открылось военно-инженерное училище, а также стала выходить первая газета – на итальянском языке. Большое внимание уделялось изучению иностранных языков. Тунисские власти разрешили деятельность христианских миссионеров, которые открыли несколько учебных заведений и типографию для печатания литературы на арабском языке. В миссионерской школе, открытой в 1842 г., изучались арабский и европейские языки, математика, рисование, история и география. В связи с ростом численности европейской общины было создано несколько светских школ, но число тунисских

учащихся в них было небольшим. В 1875 г. в стране открылось (первое в Магрибе) национальное среднее учебное заведение европейского типа – коллеж Садыкия. В частности, там изучались итальянский и французский языки, математика, естественные науки. В 1881 г. Франция оккупировала Тунис. Французы оставили в неприкосновенности монархию, бейское правительство и администрацию, но реальная власть принадлежала французскому генеральному резиденту. Были приняты законы, позволявшие беспрепятственно развиваться капитализму, введена новая судебная система. Относительная численность европейских колонистов была меньше, чем в Алжире: в 1954 г. 6,7% населения страны¹⁷. Широко использовался французский язык. Традиционная система образования продолжала функционировать, но привилегированные слои общества предпочитали посылать своих детей учиться во французские и франко-арабские школы.

В Марокко, захваченном Францией и Испанией в 1912 г., господство и влияние французского колониализма длилось на 30 лет меньше, чем в Тунисе. Оно и до прихода колонизаторов в меньшей степени подверглось вестернизации и модернизации. Значение колониальной войны для всего Магриба, которую вела Франция в Алжире, в течение длительного времени не осознавалось правителями Марокко.

Происходило усиление европейского экономического проникновения в Марокко, торговый баланс изменился в пользу европейцев, и финансовое положение страны стало непрочным. Поражение, которое нанесла Марокко Испания, более слабое европейское государство по сравнению с Францией, в войне 1859–1860 гг., было чувствительным ударом для марокканской правящей элиты. Она осознала, насколько страна отставала в развитии от европейских государств, и поняла необходимость проведения реформ. Основные усилия были сосредоточены на модернизации армии, но в силу различных причин они оказывались малоэффективными (отсутствие стандартизации, коррупция и т.д.). Была осуществлена серия реформ султанской администрации. Однако в области образования мало что изменилось. При отсутствии соответствующей интеллектуальной атмосферы немногочисленные марокканцы, получившие образование в Европе, по возвращении утрачивали свои знания. В стране отсутствовали учебные заведения европейского типа. В 1912 г. султан был вынужден заключить с Испанией и Францией договор об установлении над Марокко протектората. Началась колонизация Марокко. Европейские колонисты составляли в 1954 г. 5,2% населения Марокко – меньше, чем в Тунисе¹⁸.

Во франко-арабских школах Марокко, как и Туниса, наряду с французским языком изучался арабский. И в Марокко, и в Тунисе французская администрация была заинтересована в сохранении традиционного образования для подготовки арабоязычных кадров чиновников и судей и для воздействия на умонастроения мусульманско-

го населения. Программа обучения контролировалась французскими властями.

В Алжире и Тунисе, достигших независимости соответственно в 1962 и 1956 гг., по-прежнему были сильны позиции французского языка и культуры, продолжался процесс вестернизации. В обеих странах в 60–70-х годах осуществлялись коренные реформы в области экономики и образования: модернизация происходила более быстрыми темпами, чем в Марокко. Это в сочетании с обострением социально-экономических проблем в 70–80-х годах стимулировало развитие исламистских движений в двух странах.

Правящий Фронт национального освобождения Алжира (ФНО) принял в июне 1962 г. Триполийскую программу. Она отвергала экономический либерализм и призывала к созданию общества на социалистических принципах. В Алжирской хартии, новой программе ФНО, принятой в 1964 г., провозглашался курс на непрерывное развитие национальной народной революции в социалистическую. Алжир проводил активную внешнюю политику, поддерживал национально-освободительные движения, придерживался принципа равноправия в международных отношениях. Сокрушительное поражение националистических режимов Египта и Сирии в «шестидневной войне» против Израиля в июне 1967 г. вызвало потрясение в арабском и остальном мусульманском мире. Несмотря на сходство националистических режимов Алжира и Египта (ориентация на строительство социализма, курс на достижение экономической самостоятельности и индустриализацию, планирование экономики, активное участие в борьбе против колониализма и неоколониализма, за равноправные отношения в международной политике), это событие не оказало негативного воздействия на политическую стабильность в Алжире и легитимность его руководства. Алжирский национализм имел свои собственные корни. Еще созданные в 1926 г. «Североафриканская звезда» (восстановленная в 1932 г. под названием «Славная североафриканская звезда») и в 1931 г. Ассоциация алжирских улама способствовали пробуждению и росту национального самосознания алжирцев. Под руководством ФНО страна завоевала независимость в длительной национально-освободительной войне. Когда в ходе «шестидневной войны» 1967 г. израильские войска вышли на восточный берег Суэцкого канала, Г.Насер был вынужден согласиться на прекращение огня. Х.Бумедьен в речи 10 июня заявил, что Алжир выступает против прекращения огня, и сказал, что «социалистическому лагерю необходимо четко определить свою позицию»¹⁹. Летом 1967 г. алжирский президент не раз выступал с осуждением позиции египетского руководства. 27 июля Х.Бумедьен сказал, что «политический лидер должен заплатить цену за поражение..., и если он терпит неудачу, у него не может быть никаких оправданий». 5 августа в очередном заявлении он подчеркнул свою легитимность на фоне египетского руководства: «Все,

что я предпринимал, было достигнуто». Наконец, 26 августа он напомнил еще раз о катастрофической ошибке президента Насера при принятии решения²⁰. Х.Бумедьен, критикуя действия Насера, подтвердил решительный, наступательный характер алжирской внешней политики, бескомпромиссную позицию Алжира по отношению к агрессивной политике Израиля. Такая реакция Х.Бумедьена вызвала всеобщий энтузиазм в Алжире. При этом следует учитывать соперничество бумедьеновского Алжира с Египтом при Насере и Сададе за лидерство в арабском мире. В подготовленной в Бельгии одной научно-исследовательской группой книге об Алжире подчеркивается, что «после периода правления Бен Беллы алжирско-египетские отношения настолько охладились, что говорили о почти открытой вражде между двумя странами»^{20a}. Если Г.Насер в первом же выступлении после поражения заявил, что ислам должен играть более значительную роль в египетском обществе, признал, что арабы потерпели поражение, ибо такова была воля Аллаха, освободил после войны около тысячи «братьев-мусульман», то Х.Бумедьен запретил в 1970 г. фундаменталистскую ассоциацию «Аль-Кыям» на всей территории страны.

«Аль-Кыям», избегая столкновений с властями, в области идеологии приобретала исламистскую окраску. Ее лидеры полагали, что все политические партии и все режимы, не основанные на исламе, шариате являются незаконными и опасными для мусульман. По их мнению, коммунистические, социалистические, а также националистические партии, ставящие под вопрос единство исламского мира, не могут существовать в «дар аль-ислам» (совокупности мусульманских стран).

В конце 1971 г. в Алжире начала осуществляться широкая программа «социалистической революции». 8 ноября в рамках этой революции была провозглашена «аграрная революция». Она предусматривала национализацию крупной собственности и распределение земель среди бедных крестьян с одновременной организацией сельскохозяйственных кооперативов. Осенью 1974 г. государство сосредоточило в своих руках оптовую торговлю сельскохозяйственной продукцией, ущемив интересы частных торговцев. Социалистическая терминология и конкретные экономические меры правительства вызывали критику со стороны некоторой части алжирского общества, усматривавшей в них нарушение принципа незыблемости частной собственности. Эта критика имела преимущественно религиозную окраску; в Коране имеется аят, который можно интерпретировать как утверждение частной собственности. «Ведь земля принадлежит Аллаху: Он дает ее в наследие, кому пожелает из Своих рабов» (7:125).

Новый курс алжирского руководства способствовал улучшению отношений между правящим режимом и действовавшей нелегально коммунистической партией Алжира, известной как Партия социали-

стического авангарда (ПСА). ПСА в январе 1971 г. заявила о своей поддержке антиимпериалистической политики правительства. ПСА с энтузиазмом поддержала «аграрную революцию», Хартию социалистического управления предприятиями, ставшую законом в ноябре 1971 г., предусматривавшую реализацию принципа рабочего контроля. В связи с этим формально повышался статус профсоюзов, в которых многие члены ПСА занимали влиятельные позиции. О новых отношениях между правительством и ПСА, которые власти никогда официально не признавали, было широко известно. Это делало правящий режим уязвимым для критики со стороны оппозиции, обвинявшей его в приверженности чуждой идеологии, атеизме и т.д. Оппозиционная пропаганда основывалась на религиозной терминологии.

Большая часть алжирской политической элиты в 60–70-х годах принадлежала к течению исламских модернизаторов. В Алжирской хартии ФНО 1964 г. говорилось, что глубоко верующие массы борются за то, чтобы ислам был освобожден от всех суеверий и наносов, которые его искажали. Идеологи исламского модернизма призывали к интеграции в алжирскую культуру культур других народов, восприимчивости достижений научно-технического прогресса. Ахмед Аруа подчеркивал: «Мусульмане должны интегрировать в своей культуре культуру других стран, тем обогатив национальное наследие, усвоить знания и технику современного мира»²¹. Исламисты критиковали позицию этой части политической элиты.

В Тунисе, как и в Алжире, после провозглашения независимости процесс модернизации получил мощный импульс, осуществлялись широкие преобразования в политической, экономической и культурной областях. 25 июля 1957 г. была упразднена монархия и провозглашена республика. В 1959 г. была принята конституция. После запрещения в 1963 г. Тунисской коммунистической партии в стране действовала однопартийная политическая система.

Правительство провело коренную реформу системы образования. В 1956 г. франко-арабские школы были преобразованы в начальные школы, была осуществлена секуляризация современных коранических школ (от франко-арабских они отличались тем, что в них больше времени отводилось изучению ислама и арабского языка) и ликвидация куттабов – начальных школ, принадлежавших исламским духовным учреждениям. Мусульманский университет Аз-Зейтуна стал государственным высшим учебным заведением, в 1960 г. он вошел в Тунисский университет в качестве факультета. Была создана единая светская система образования.

Правительство ликвидировало хабузное землевладение, подорвав экономическую самостоятельность духовенства и покончив с вмешательством священников в общественно-политическую жизнь страны. Была осуществлена судебная реформа, упразднившая шариатский суд. С 1 января 1957 г. вступил в силу Кодекс гражданского

состояния, в основном уравнивавший права женщин и мужчин. Он содержал положение о запрещении полигамии. Женщины получили политические права. Президент Х.Бургиба в феврале 1960 г. инициировал борьбу против соблюдения некоторых исламских традиций, мешавших, по его мнению, экономическому развитию страны, в частности, против соблюдения поста в месяц рамадан. В начале 70-х годов, когда выяснилось, что правящий режим не сумел снять остроту некоторых социально-экономических проблем, исламисты напомнили тунисцам, что во имя модернизации Х.Бургибой в 50–60-х годах осуществлялись преобразования в религиозной сфере, проводилась секуляристская политика.

Вестернизация тунисского общества вызвала такие последствия, как космополитизм, индифферентное отношение к национальной культуре, традициям, исламу, ориентация на западные ценности и образ жизни, и это вызывало возмущение религиозных тунисцев. Поражение светских националистических режимов Египта и Сирии в «шестидневной войне» в июне 1967 г. пробуждало и усиливало интерес к исламу вообще и фундаментализму, в частности. Разочарование в импортированных моделях развития по капиталистическому и социалистическому пути, в результатах экономической либерализации во второй половине 50-х годов и после 1969 г. и преобразований 1962–1969 гг. в рамках дустуровского социализма заставляло искать третий путь, что толкало часть тунисцев в лагерь фундаменталистов и исламистов.

Западный исследователь М.Тесслер провел анкетное обследование уровня религиозности в Тунисе в 1967 и 1973 гг. В этот период увеличилось число совершенных молитв в расчете на одного тунисца. Возросло значение имамов в обществе, а также повысился интерес к изучению истории ислама в школе. (Анкетированию подверглись группы тунисцев, образованных и постоянно занятых, в столице и трех небольших городах в различных регионах страны.)²² Увеличилось число женщин, носивших хиджаб. Стала более активной религиозная жизнь в Великой мечети Аз-Зейтуне. Некоторые более молодые шейхи, например А.Милад и А.Муру, ставший позднее одним из лидеров Движения исламского направления (ДИН), начали вести семинары по исламской тематике. С 1970 г. к ним подключился другой будущий лидер ДИН Р.Ганнуши, вернувшийся на родину из Сирии. Основное внимание уделялось социальным проблемам и критике западной цивилизации. Возможно, во время пребывания в Сирии на Р.Ганнуши оказала влияние идеология «Братьев-мусульман». Из Великой мечети фундаменталистское и исламистское движение стало распространяться по всей стране. Фундаменталистское движение приобрело более или менее организованные формы в конце 60-х – начале 70-х годов и политизироваться с начала 70-х годов. В 1970 г. был опубликован первый номер религиозного журнала «Аль-Маарифа».

В этих условиях правящие круги Туниса стали усиленно подчеркивать большую роль ислама в обществе, стремились использовать ислам в воспитании молодежи, против влияния левых движений и формирования оппозиционных исламских движений. В 1970 г. была прекращена кампания против поста в месяц рамадан. Официальная газета «Аль-Амаль» начала публиковать статьи по исламской тематике. В одном из номеров целая страница была посвящена деятельности Ассоциации защиты Корана, образованной в 1970 г. и первый съезд которой состоялся в 1971 г. Эта ассоциация находилась под покровительством и контролем правительства. По возвращении Х.Бургибы из Франции в 1972 г. вышел специальный номер «Аль-Амаль», целиком посвященный участию Х.Бургибы в национально-освободительной борьбе. На одной из страниц были помещены общий заголовок «Исламские источники мысли Бургибы» и фотография президента, совершающего паломничество в Мекку. В статье подчеркивалось, что несмотря на западное образование, полученное Х.Бургибой, его идеология своими корнями уходит в исламские традиции.

В Марокко во второй половине 50-х и в 60-х гг., по сравнению с Алжиром и Тунисом в первое десятилетие их независимого развития не были осуществлены радикальные реформы в экономике, системе образования и государственном управлении. В Марокко в отличие от Туниса сохранились шариатские суды, хотя в их ведении остались лишь вопросы, касающиеся семьи, наследства и религии. В Алжире и Тунисе реформаторы усматривали в распространении грамотности и знаний, ознакомлении с культурами других стран условия духовной деколонизации, модернизации, реализации алжирской и тунисской моделей социализма. По мнению руководства Социалистической дустуровской партии, каждый, получивший современное образование, становится сторонником социальной революции, осуществляемой правящей элитой²³. Марокканские власти не уделяли столь большого внимания развитию школьного образования. В 1965 г. в начальных и средних школах в Алжире, Тунисе и Марокко учились 39%, 60% и 36% детей соответствующего возраста, в 1970 г. – соответственно 45%, 64% и 32%²⁴. Марокканское общество сумело избежать столь интенсивного процесса вестернизации или модернизации, как в Алжире и Тунисе.

С решением социально-экономических проблем в отдельных мусульманских странах, их выходом из экономического кризиса исламизм в них не исчезнет. Сохраняется неравенство в глобальном масштабе (Север – Юг), будут продолжать действовать политический и социокультурный факторы, генерирующие исламизм. Еще аль-Афгани, отмечает З.И.Левин, видел в исламе не только религиозную доктрину, не только образцовые нормы общественной жизни, но и средства достижения политических целей, прежде всего освобожде-

ния мусульманских народов от иноземного господства. Колониальную экспансию он рассматривал как продолжение крестовых походов²⁵. Аналогично исламисты своими основными целями считают борьбу с Западом, его экономической и политической гегемонией, навязыванием западных ценностей. Поэтому, несмотря на усилия Запада по борьбе с международным исламистским терроризмом, деятельность таких международных организаций, как «Аль-Каида», в той или иной мере будет продолжаться. Кроме того, в отличие от других мировых религий – буддизма, индуизма, христианства – в Коране содержатся положения, которые могут трактоваться исламистами как право и долг мусульман нападать на неверных в любое время и повсюду. Исламисты прокламируют цель джихада как торжество ислама во всемирном масштабе. Ж.-Л.Брюгьер, отвечавший за борьбу с терроризмом во Франции, заявил следующее в июне 2003 г. по поводу деятельности «Аль-Каиды»: «Фанатики из «Аль-Каиды» ведут с Западом тотальную войну. Они исходят из определенных теологических концепций, представляющих мир борьбой добра и зла, где зло – это все, кто не привержен исламу. На такой базе переговоры невозможны. В этом – кардинальное отличие групп, входящих в «Аль-Каиду», от организаций типа баскской ЭТА, ирландской ИРА или даже палестинских террористов. Все они добиваются того или иного политического решения проблем своих народов. Идеология же «Аль-Каиды» – это религиозная философия, далекая от всякого реализма»²⁶.

Следует также учитывать, что политические неудачи еще не означают неизбежного разочарования исламистов в своих идеалах. Исламисты утверждают, что пророк Мухаммад также вначале терпел неудачи, пытаясь создать исламское государство. В Коране, утверждают они, содержится указание о неизбежной победе над неверными и лицемерами. Атеистические режимы рухнули, капитализм с его аморальностью якобы находится на грани самоуничтожения. Будущее принадлежит исламскому выбору. Идеолог исламизма С.Кутб предупреждал о возможности неудач. Поражение, с точки зрения людей, может превратиться в победу, но с религиозной точки зрения, хотя мусульмане могут потерпеть поражение, фактически они одержат победу. В 85-й суре Корана «Башни» говорится о том, что на Страшном суде будут определены победители и побежденные.

Явно просматривается тенденция к интернационализации исламистских движений и организаций. Однако специфика каждого из них, политические, этнические и религиозные различия препятствуют возникновению единого исламистского центра. Этой тенденции противостоит укрепление сотрудничества между государствами в борьбе против международного исламистского терроризма. Страны или их отдельные регионы, укрывающие международных террористов, рискуют стать объектом военных операций США. Однако в силу вышперечисленных факторов одна лишь вооруженная борьба против

международного исламистского терроризма не прекратит его. Следует учитывать и существование таких конфликтных зон, как Палестина, Афганистан, Ирак.

Чтобы ограничить активность исламистских террористов и разорвать спираль насилия, немецкий исследователь Вольфганг фон Эрффа считает важным наряду с проведением «военных и полицейских мероприятий» создание «культуры мира». В основе ее должно лежать понимание того, что месть не излечивает мир от ненависти. Об этом, как он отмечает, говорилось на дебатах на Генеральной Ассамблее ООН после террористического акта в США 11 сентября 2001 г. На дискуссии в ООН подчеркивалось, что недопустимо пренебрежение к человеческому достоинству и следует ослабить процесс маргинализации бедных путем улучшения экономических и социальных условий их жизни²⁷.

Некоторые факторы способствуют ослаблению влияния и активности исламизма или его радикализации:

- успешное решение социально-экономических проблем;

- ужесточение государственного контроля над мечетями и духовенством;

- контроль над учебными программами, а также над преподавательским персоналом в школах и высших учебных заведениях;

- использование правящими режимами структур официального духовенства в противостоянии исламизму;

- налаживание диалога с исламистами, предоставление им возможности участвовать в общественно-политической жизни;

- этнический фактор (берберы в Алжире стремились не допустить растворения своей культурной идентичности в исламском государстве исламистов, организовали отряды самообороны, уничтожавшие исламистских боевиков в Кабилии);

- совмещение в одном лице высшей государственной и духовной власти и принадлежность к шерифской династии, придающая этому лицу харизматичность (Марокко);

- координация международных усилий по борьбе с терроризмом.

Влияние и активность исламистов зависят также от эффективности их деятельности в парламенте и руководстве страны, их способности и желания сосуществовать с другими политическими организациями. Об этом можно судить по таким странам Ближнего и Среднего Востока, как Афганистан, Турция, Иордания, Судан и Иран. В отношении Афганистана об эффективности правления талибов, их способности пойти на либерализацию и демократизацию политической системы не может идти и речи. Период правления исламистской партии Эрбакана в Турции был слишком коротким, чтобы судить о нем в этом аспекте: его правительство было смещено руководством вооруженных сил, которое поддерживали все светские организации. В Иордании «Братья-мусульмане» на выборах 1989 г. как общественная

организация получили 20 мест, а независимые исламисты – 14. На первых многопартийных выборах в Иордании в 1993 г. Исламский фронт действия, где главную роль играли «Братья-мусульмане», получил всего 16 мест²⁸. Многие исследователи и обозреватели полагают, что этому способствовало изменение в избирательном законе. Однако некоторые наряду с этой причиной называют еще одну. За четырехлетний период пребывания в парламенте и членства с 1992 г. в Исламском фронте «Братьев-мусульман» их позиция, по выражению профессора Южнокалифорнийского университета Л.Бранда, в некотором смысле «упорядочилась»²⁹. Как заявил 17 ноября 1993 г. М.Хамарна, научный сотрудник Центра стратегических исследований при Иорданском университете, «ихваны» больше не считаются партией Аллаха», как это было до их участия в правительстве³⁰. Л.Бранд подчеркивает, что престиж, который они имели в 1989 г., несколько потускнел, поскольку их работа в парламенте, особенно с января до июня 1991 г., когда исламисты обладали несколькими министерскими портфелями, не произвела большого впечатления. Однако на примере Ирана и Судана можно сделать вывод о том, что исламистские режимы под давлением объективных обстоятельств с течением времени могут проводить прагматичную политику, проявлять гибкость и добиваться определенных позитивных результатов. В Судане во второй половине 90-х годов стали проявляться существенные недостатки исламистской модели социально-экономического развития. Исламисты сумели добиться некоторых успехов в области экономики, проведя ряд реформ. Чтобы преодолеть этно-конфессиональные противоречия, военно-исламистский режим принял новую конституцию страны, предусматривающую многопартийную политическую систему. Как отмечает К.И.Поляков, часть руководства исламистского движения решилась на проведение реформы политической системы Судана³¹. В Иране с 2000 г. экономика развивалась довольно быстрыми темпами, включая обрабатывающую промышленность, строительство и сельское хозяйство. На нефтегазовую промышленность приходилось лишь 15% национального продукта по сравнению с 30–40% в 70-х годах. В течение 2000–2002 гг. ВВП ежегодно возрастал на 5,4%. Однако цены на потребительские товары оставались высокими³². В Иране проведение экономических реформ президентом и парламентом (до выборов в феврале 2004 г., когда победили консервативные силы) тормозилось Наблюдательным советом, куда входят религиозные иерархи и представители судебных органов.

Существуют две противоположные точки зрения на динамику исламистских движений в будущем. Одна из них выражена, например, в первой опубликованной в XXI веке книге известного французского исламоведа и социолога Ж.Кепеля. Он полагает, что исламизм уже прошел свой зенит (1989 г.) и в 90-х годах находился в стадии заката. Впервые эта работа была опубликована в Париже в 2000 г. на фран-

цузском языке. 11 сентября 2001 г. исламистская организация «Аль-Каида» совершила крупные террористические акты в США. Тем не менее в предисловии к немецкому изданию Ж.Кепель решительно отвергает мысль о том, что его вывод утратил силу. Он продолжает отстаивать свою точку зрения. По мнению Ж.Кепеля, эпоха исламизма началась вскоре после войны «йом кипур». До этого в большинстве исламских стран основной идеологией был национализм, хотя исламистские движения и теоретики появились до 1973 г. Первый этап развития исламизма завершился исламской революцией в Иране в 1979 г. На втором этапе (1979–1989 гг.) происходило быстрое расширение влияния исламизма, сопровождавшееся обострением его внутренних противоречий. ХАМАС занял ведущие позиции в палестинском движении сопротивления. В Судане 30 июня 1989 г. к власти фактически пришел исламистский Национальный исламский фронт во главе с Хасаном ат-Тураби. В том же году Советский Союз вывел свои войска из Афганистана. 12 июня 1990 г. на выборах в Алжире в местные органы власти Исламский фронт спасения набрал 55% голосов. Закат исламизма начался одновременно с окончанием холодной войны. Исламистские движения в Алжире и Египте истощали свои силы терроризмом, в Судане и Афганистане исламистские режимы продемонстрировали свою несостоятельность в политике и экономике уже вскоре после захвата исламистами власти, в Малайзии и Индонезии исламисты были «ассимилированы» властью, в Турции пало исламистское правительство Эрбакана. Дегенерировала исламская революция в Иране, муллы испытывали все большее давление со стороны разочарованной молодежи³³. На тенденцию к реформированию в Иране указывает Новид Кермани в своей книге о «революции детей». Автор подчеркивает, что Иран был страной, где впервые провели эксперимент с исламистским режимом, и одной из первых, в которой общество выступило против ошибок и недостатков в политике исламистов. Избрание М.Хатами президентом Ирана в 1997 г. послужило подтверждением тенденции к переменам в Иране. Этот прорыв в Иране Н.Кермани называет второй революцией, революцией детей первой революции 1979 г.³⁴ Е.С.Мелкумян отмечает, что ныне ни одно государство не решится открыто признать свою поддержку экстремистским исламистским организациям. Это означает, что позиции этих организаций по мере развертывания широкомасштабной борьбы с терроризмом будут все сильнее подвергаться эрозии. Е.С.Мелкумян обращает внимание на то, что многие мусульманские государства не только поддержали действия Вашингтона, но и заявили о решимости внести вклад в возглавляемую им борьбу. Организация Исламская Конференция выступила с осуждением террористических актов, совершенных в США, и фактически одобрила действия, направленные на ликвидацию тех, кто их совершил³⁵.

Другой точки зрения придерживается С.Э.Бабкин. Он полагает, что «нынешний рост активности ислама, в значительной мере определяемый его исламистской составляющей, еще далек от пика» и «нельзя исключать, что в отдельных странах адепты политического ислама придут к власти»³⁶.

По нашему мнению, пик исламизма в регионе Магриба пройден в Алжире и Тунисе. В Тунисе он пришелся на вторую половину 80-х годов, в Алжире – на 1990–1995 гг. Президентские выборы в Алжире в ноябре 1995 г. показали, что в настроении электората произошел перелом. Несмотря на угрозы исламистов, согласно официальным данным, 75,7% избирателей отдали свои голоса³⁷. Это были первые альтернативные и свободные выборы главы государства в Алжире. В 1996 г. произошел перелом и в вооруженном противостоянии в пользу армии. Что касается Марокко, то там пик исламизма, возможно, еще впереди: существует тенденция к укреплению позиций умеренных исламистов в общественно-политической жизни.

¹ Об определениях первых четырех движений см.: Левин З.И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. – М., 1999, с. 43–50; Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли (О некоторых немарксистских течениях после Второй мировой войны). – М., 1984, с. 193–200.

² Ссылки на Коран делаются по: Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. – М., 1986.

³ *Aus Politik und Zeitgeschichte* (Bonn), 13.08.1993, № 33, с. 6.

⁴ Религии мира. История и современность. М., 1986, с. 120–135.

⁵ Независимая газета (М.), 04.08.2001, с. 3.

⁶ Независимая газета (М.), 27.10.2001, с. 2.

⁷ *The Middle East and North Africa*. 2000. L., 1999, с. 971–972.

⁸ *Internationale Politik* (Bonn), März 2002, № 3, с. 21.

⁹ Подробнее см. Rouleau E. Trouble in the Kingdom. – *Foreign Affairs* (N.Y.), V. 81, July-August 2002, № 4, с. 78–81.

¹⁰ *Süddeutsche Zeitung* (München), 31.01.1984, с. 3.

¹¹ Цит. по: Сергеев М.С. История Марокко XX век. – М., 2001, с. 220.

¹² Религии мира. История и современность. Ежегодник 1986. – М., 1987, с. 121–122, 123.

¹³ *Foreign Affairs* (N.Y.), v. 82, January-February 2003, № 1, с. 52.

¹⁴ Алжир. Справочник. – М., 1977, с. 46–47.

¹⁵ Moore Cl.H. *Politics in North Africa*. Boston, 1970, с. 38.

¹⁶ Алжир. Справочник. – М., 1977, с. 51–52.

¹⁷ Moore Cl.H. *Politics in North Africa*. Boston, 1970, с. 38.

¹⁸ Там же, с. 38.

¹⁹ *Annuaire de l'Afrique du Nord*. YI. 1967. Aix-en-Provence, 1968, с. 648.

²⁰ Там же, с. 343.

^{20a} *Algerije: Mohammed of Marx?* Gent, 1978, blz. 153.

- ²¹ Цит. по: Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли. – М., 1984, с. 71.
- ²² The Maghreb Review (L.), 1980, № 5, с. 11.
- ²³ Moore Cl.H. Politics in North Africa. Boston, 1970, с. 262.
- ²⁴ Statistical Yearbook. UNESCO. 1975. P., с. 57–86.
- ²⁵ Цит. по: Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической жизни в Сирии и Египте (Новое время). – М., 1972, с. 108–109.
- ²⁶ Известия. М., 20.6.2003, с. 3.
- ²⁷ Internationale Politik (Berlin), Oktober 2003, № 10, с. 30.
- ²⁸ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 695.
- ²⁹ Civil Society in the Middle East. V. 1. Leiden, N.Y., Köln, 1995, с. 165
- ³⁰ Там же, с. 165.
- ³¹ Подробнее см.: Поляков К.И. Исламские фундаменталисты как политическая элита Судана в 90-х годах // Политическая элита Ближнего Востока. – М., 2000, с. 140–145.
- ³² The Middle East (L.), № 336, July 2003, с. 46.
- ³³ Kepel G. Das Schwarzbuch des Dschihad. Aufstieg und Niedergang des Islamismus. München, 2002.
- ³⁴ Kernani N. Iran. Die Revolution der Kinder. München, 2001.
- ³⁵ Независимая газета. М., 27.10.2001, с. 2.
- ³⁶ Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. – М., 2000, с. 303.
- ³⁷ The Middle East and North Africa 2000. L., 1999, с. 309.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС КАК СРЕДСТВО КОНСОЛИДАЦИИ ВЛАСТИ В КОРОЛЕВСТВЕ МАРОККО

Важнейшей составной частью демократии являются свободные выборы в представительные органы, которые становятся существенным фактором легитимации власти и обусловлены возможностью ее смены при сохранении демократических процедур. Однако, как показывает опыт Марокко, эта возможность пока еще очень призрачна в силу патримониальных отношений между истеблишментом и обществом. Народное политическое мышление в значительной мере остается монархическим.

В Марокко верховная власть почитается как божественная. Наследственная династическая монархия, т.е. власть традиционная и харизматическая, законодательно закреплена конституцией. Легитимация же вновь созданной представительной власти осуществляется на выборах. Отсюда парадоксальное сочетание религиозно-традиционных и нарождающихся демократических элементов в политической жизни страны, обогатившее феномен «управляемой демократии» своеобразными чертами.

Король в этих условиях осуществляет режим личной власти в стране, является авторитарной фигурой и верховным арбитром в многопартийной системе, закреплённой в конституции. Поэтому демократические ценности несут поверхностный характер.

Конституционной монархией Марокко стало с принятием первой конституции в 1962 г. В соответствии с ней избирателями являлись все граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими и политическими правами (ст. 8) без указания возраста, с которого граждане получали право голосовать [1, 1970, № 41, с. 43]. Тем не менее в стране, где население очень молодо, граждане обрели право голоса с 21 года.

Поскольку демократические нормы вводились впервые, выбор системы голосования поставил трудные проблемы. Власть высказывалась за всеобщее голосование как за наиболее доступную форму для большинства преимущественно неграмотного населения.

Главный оппонент власти партия Истикляль, способная организовать крупные дебаты, предложила мажоритарную систему представительства, при которой избранным считается кандидат, получивший большинство голосов избирателей. Это был один из нюансов в кон-

фликте между дворцом и влиятельнейшей в то время партией, выражавшей интересы торгово-промышленной буржуазии, стремившейся взять контроль над экономикой в свои руки.

В 60-е годы наблюдался значительный рост социально-политического протеста. Попытки противостоять авторитарно-бюрократической власти привели к расколу оппозиции, часть лидеров которой подходила к проблеме власти с разных позиций. Немаловажным фактором в расслоении оппозиционных сил стало возникновение конфликта поколений, появление антимонархических настроений среди молодежи. В этих условиях в 1960 г. прошли первые коммунальные и муниципальные выборы. Подготовка к ним началась еще в 1959 г. Страна была разделена на сельские и городские общины, в которых создавались общинные и муниципальные советы. Выборы содействовали росту авторитета королевской власти, давшей право на участие в самоуправлении, на приобщение к политической жизни.

Но советы не стали влиятельной силой на местах, где по-прежнему власть принадлежала пашам и каидам. Кроме того, министерство внутренних дел строго регламентировало деятельность советов, ограничивая сферу их деятельности.

Начиная с 1970 г., когда несколько стабилизировалась обстановка в стране после бурных социальных конфликтов, выборы в местные органы власти как начальная форма демократии проходили перед парламентскими выборами.

На них опробовалась система голосования, поскольку эти выборы затрагивали положение дел на местах, непосредственно влияя на жизнь населения. По отношению к ним можно было судить о настрое электората и его предпочтениях. Коммунальные выборы, воспринимаемые как «пробный камень» перед парламентскими, позволяют не только выявить настроения, электората но и в какой-то мере предугадать исход голосования в высшие органы власти.

На выборе формы голосования в высшие органы власти сказались традиции отношений между властью и обществом, политическая культура населения и элитных групп, а главное – возможность обеспечить контролируемость избирательного процесса, что и показали последующие выборы.

Поэтому для выборов в высшие органы власти была избрана смешанная форма голосования – прямая и косвенная через институт выборщиков.

Первоначально марокканский парламент был двухпалатным. По конституции 1962 г. нижняя Палата представителей избиралась сроком на 4 года на основе всеобщего избирательного права (ст. 44). Верхняя Палата советников состояла из 120 членов и избиралась на 6 лет путем двухступенчатых выборов. 80 депутатов были избраны коллегией из членов собраний префектур и провинций и коммуналь-

ных советов, а 40 – членами профессиональных палат и представителями наемных рабочих.

Несмотря на то, что власти предприняли усилия для консолидации проправительственных сил, сформировав в 1963 г. Фронт защиты конституционных свобод, выборы не принесли проправительственному блоку твердого большинства в парламенте.

Муниципальные выборы прошли в июне 1963 г. в условиях политической нестабильности, когда было заявлено о раскрытии заговора против Хасана II, что повлекло репрессии против оппозиции. В ответ последняя бойкотировала выборы. Официально было объявлено, что в голосовании участвовало 70% избирателей, а по сведениям оппозиции, менее 30% [2, с. 392].

Противостояние между двором и оппозицией вылилось в массовые волнения молодежи в марте 1965 г., наложившие отпечаток на всю последующую политическую жизнь в стране. На пять лет было введено чрезвычайное положение, распущен парламент.

В 1970 г. в соответствии с всенародным референдумом была введена новая конституция, усилившая власть монарха. Однако из участия в референдуме были исключены лица в возрасте от 21 до 28 лет. Это сказалось на явке избирателей на парламентских выборах 1970 г., так как оппозиция бойкотировала выборы, особенно в крупных городах – Рабате, Танжере, Фесе, Мекнесе.

Конституция 1970 г. сделала парламент однопалатным, что облегчало правительственный контроль за депутатами. Палата представителей, как стал называться парламент, оказалась еще более ограниченной в своих законодательных инициативах. Примечательно, что двухпалатная система вызывала широкое недовольство и у левой оппозиции, поскольку она связывала законодательную инициативу нижней палаты.

Новый парламент также избирался по смешанной схеме в два тура. В первом туре выборы 150 депутатов из 240 были двухступенчатыми. 90 депутатов избирались специальной коллегией от провинций и префектур, состоящей из муниципальных советников; 24 – от представителей региональных сельскохозяйственных палат, 10 – от региональных ремесленных палат, 16 – от региональных торгово-промышленных палат, 10 – от представителей наемного труда. Во втором туре 80 депутатов избирались путем прямого всеобщего голосования по мажоритарной системе с выдвижением одного кандидата на каждое место, что способствовало избранию представителей местной знати [3, 13–14.09.1970].

В начале 70-х годов противостояние двора и оппозиции, коллизии между дворцовыми кланами с покушениями на жизнь короля не содействовали демократическому процессу.

В этих условиях король был вынужден вновь пересмотреть конституцию, сделав ее более либеральной и демократизировав систему выборов.

С принятием конституции 1972 г. Палата представителей, избранная в августе 1970 г., считалась распущенной. Статья 43 новой конституции предусматривала избрание этого органа сроком на 4 года, причем две трети его членов должны были избираться путем прямых выборов, а одна треть – в ходе двухступенчатых. При этом король Хасан II заявил, что он принял решение пересмотреть избирательные списки, чтобы включить в число избирателей 2 млн. молодых марокканцев в возрасте от 21 до 28 лет, которые были отстранены от голосования ранее. Однако это потребовало пересмотра избирательных списков и переноса парламентских выборов, которые должны были состояться в октябре 1972 г.

Продолжающееся противостояние власти и оппозиции было урегулировано только к 1976 г., когда были «перекроены» избирательные округа в пользу быстро растущих в результате миграции населения крупных городов, ставших мощными политическими центрами, из которых рекрутировалась политическая элита. Так, ранее Касабланка с 700 тыс. избирателей имела 365 мест, а Варзаат (на юге страны) с 247 тыс. – 617 мест. Поэтому возросло число кандидатов в депутаты от больших городов по сравнению с сельской местностью. В результате электоральное поле стало постепенно приобретать городские черты, а политическая культура – испытывать влияние модернизации, становясь менее традиционной. Таким образом, были лишены былого влияния бунтовавшие в 50–60-е годы местные вожди, лишившиеся былой самостоятельности от центральной власти. Как известно, на периферии, особенно в сельской местности, сильнее узы родства, общинные связи и отношения патроната, которые определяют взаимозависимость между политиками и избирателями. Модернизация политической системы осуществлялась в интересах создания национально-целостного государства с сильной центральной властью, преодоления феодальной раздробленности, берберского партикуляризма в стране, где берберы составляют более половины населения.

Следующие парламентские выборы состоялись только в 1977 г., в ходе которых избиратели проявили большую активность, что определило и больший процент голосов, поданных за оппозиционные силы по сравнению с прошлыми выборами. «Истикляль» получила 51 мандат, Социалистический союз народных сил (ССНС) – 15, Партия прогресса и социализма – 1, и 7 мандатов досталось профцентру Марокканского союза труда (МСТ).

Постепенно жесткий зажим оппозиции ослабел. Если в парламентских выборах 1977 г. участвовало всего 9 партий, то в 1984 г. – уже 12. Новые партии возникали преимущественно за счет дробления и перегруппировки партий, но не все добивались легализации. Вы-

движение же кандидатов в органы власти происходило на партийной основе, но только от легально зарегистрированных политических организаций. Оппозиция в парламенте получила 137 мест из 306, что способствовало постепенной стабилизации политической системы (Народное движение – 47, «Истикляль» – 41, ССНС – 21).

Левые неоднократно обвиняли власти, что выборы не были по-настоящему демократическими. Имели место давление на избирателей, корректировка процента явки избирателей, подтасовка итогов голосования и т.п. По указанию Хасана II в 1992 г. были созданы национальная и провинциальная комиссии по контролю за демократичностью хода выборов. Первую возглавил бессменный советник короля А.Р.Гедира, что придавало ей значимость во мнении общественности. В нее вошли лидеры политических партий, министры внутренних дел и юстиции, двое судей.

В ходе предвыборной кампании 1992 г. политическим партиям удалось добиться от власти отмены цензуры печати, пересмотра устаревших списков избирателей, участия представителей партий в комиссии по госконтролю за избирательной кампанией, снижения гарантийного денежного взноса кандидатов в депутаты и других уступок. Правительство согласилось на создание местных комиссий по контролю за использованием финансовых средств в ходе выборов, на финансирование которых было ассигновано 100 млн. дирхамов.

По поводу обновления избирательных списков, внесения частичных изменений в территориальное деление на округа, введения новой регистрационной карточки для избирателей возник конфликт между двором и оппозицией. Оппозиция даже заявила о своем выходе из Национальной комиссии по контролю за выборами, добиваясь выполнения своих требований. Ряд оппозиционных партий призвал к проведению всеобщих выборов только прямым голосованием. В результате назначенные на апрель 1993 г. парламентские выборы по техническим причинам были перенесены на июль.

В 1993 г. впервые в парламентских выборах приняли участие 76 независимых кандидатов. Ранее король возражал против их участия в выборах, чтобы в парламент не проскочили нежелательные оппозиционеры. Однако, как показали выборы в местные органы власти, независимые кандидаты имели неплохие шансы получить значительное число голосов избирателей, уставших от обещаний не только правых, но и левых партийных деятелей. Независимые кандидаты могли «оттянуть» голоса у оппозиции.

В ходе голосования ни один из двух сформированных блоков (Национальное согласие из четырех правых и центристских партий и Демократический блок из четырех основных оппозиционных партий) не получил в новом парламенте абсолютного большинства (154 и 115 мест соответственно). Однако если в первом туре успех сопутствовал оппозиции, то во втором – проправительственному блоку, что дало

повод оппозиции говорить о вмешательстве властей в ход голосования.

Условия организации двух туров выборов партии Демократического блока назвали «моральной катастрофой». Учитывая вмешательство представителей власти в ход голосования (особенно при проведении второго тура), фальсификацию результатов, оказание давления на избирателей, их подкуп посредством «грязных денег», ЦК партии Истикляль призвал к внесению поправок в конституцию относительно выборов, чтобы все депутаты в Палату представителей избирались только прямым голосованием. Генеральный секретарь партии Истикляль М.Бусетта заявил, что «совершенно неприемлем тот факт, что обман продолжает оставаться характерной чертой политической жизни в нашей стране». В Коммюнике ЦК Социалистического союза народных сил (ССНС) даже утверждалось, что парламент, «новый состав которого искажает политические реалии в стране, не способен выполнить возложенные на него функции и эффективно участвовать в управлении государственными делами, решать сложные социально-экономические проблемы».

Выборы действительно продемонстрировали рост авторитета оппозиционных партий, а власти в очередной раз показали, кто в королевстве хозяин, подкорректировав итоги выборов, в том числе и через институт выборщиков. Однако двор пошел на уступки оппозиционерам по процедурным вопросам относительно избирательной системы. Видимо, это дало повод официальной газете «Матэн дю Саара э дю Магриб» утверждать, что прошедшие выборы «укрепили место марокканского королевства в привилегированном ряду великих наций, избравших путь демократии и свободы» [4, 8.10.1993].

Проведению парламентских выборов 1993 г. предшествовала подготовительная кампания, в ходе которой 11 политических партий вели борьбу за голоса 11,5 млн. избирателей (в выборах 1963 г. участвовало 4 млн. человек). При подсчете голосов были учтены и голоса 500 тыс. избирателей-марокканцев в Европе, или четверти из двухмиллионной армии эмигрантов [5, с. 241]. В 1993 г. в голосовании приняло участие 62,7% избирателей, что значительно больше, чем на предыдущих выборах [6, 01.07.1993].

Электоральный абсентеизм обеспокоил власти. Поскольку степень легитимности определяется как произведение процента явки на процент голосов «за», то легитимность очередного парламента оказалась невысокой. Разочарование населения в итогах выборов заставило правительство озаботиться проблемой их легитимации.

Перед парламентскими выборами возник накал политических страстей. В ответ на требования оппозиции избирать парламент прямым всеобщим голосованием король предложил сформировать двухпалатный парламент, где нижняя палата будет избираться путем все-

общего голосования, а верхняя – выборщиками от региональных, муниципальных и профессиональных советов [7, с. 45].

В 1996 г. была принята новая конституция, в соответствии с которой прошли очередные выборы. Предварительно в июне 1997 г. состоялись выборы в местные органы власти, обострившие политическую ситуацию. После этих выборов политические партии обвинили друг друга в манипуляциях и покупке голосов и потребовали от правительства вмешательства в пользу своих кандидатов. Избирательная комиссия рассмотрела большое число жалоб на нарушения в ходе этих выборов и рекомендовала провести повторное голосование в 60 муниципалитетах Танжера, Хурибги, Уджды. Кроме того, она выявила нарушения при избрании четырех депутатов в Касабланке, Шанене и Фесе и аннулировала результаты выборов. Вместе с тем национальная Арабская организация по правам человека раскритиковала министерство внутренних дел за вмешательство в местные выборы, выдвинув обвинение в покупке голосов и властями, и политическими партиями, в манипуляциях с избирательными списками администрации и фальсификации избирательных карточек.

Перед очередными парламентскими выборами 1997 г. Хасан II выступил с обращением к нации, переданном по радио и телевидению, с призывом к массовому участию марокканцев в этих выборах. Он сравнил их с джихадом, неучастие в котором равносильно дезертирству. Власти в очередной раз заявили, что примут все меры, чтобы выборы прошли в обстановке открытости, в условиях честной борьбы и свободы волеизъявления граждан при полном соблюдении правовых норм и нейтралитета администрации.

В предвыборную кампанию 1997 г. был разработан избирательный кодекс, который предусматривал «обязательное включение всех дееспособных марокканцев в избирательные списки» [8, 6.05.1997, с. 3]. Кроме того, была создана Комиссия по наблюдению за выборами. В ее состав вошли председатель Верховного суда, министры внутренних дел и юстиции, государственный секретарь правительства и руководители политических партий, представленных в парламенте. В дальнейшем в соответствии с характером выборов в состав комиссии могли входить соответствующие министры, руководители профсоюзов, представленных в парламенте, и представители профсоюзных центров на местах. На комиссию была возложена задача следить за ходом выборов, начиная с подготовки списков избирателей и кончая объявлением официальных результатов выборов. Кроме того, комиссия обязана осуществлять контроль за финансированием избирательной кампании и использованием средств массовой информации кандидатами в депутаты от различных политических партий.

В соответствии с Конституцией 1996 г. парламент вновь стал двухпалатным, что формально отвечало демократическим требованиям. Парламент стал более представительным: в Палату представи-

телей избиралось 525 депутатов всеобщим голосованием, в Палату советников 207 депутатов избирали 50 тыс. выборщиков из числа депутатов местных органов власти, членов профессиональных палат и объединений наемных рабочих [7, 08.12.1997].

В парламентских выборах 1997 г. приняли участие 7,15 млн. из 12,8 млн. избирателей. На пресс-конференции в Рабате министр внутренних дел Д.Басри объяснил относительно невысокую явку избирателей сложностью процедур по контролю за личностью голосующих, а также подвижностью сельского населения, массы которого хлынули в города в поисках работы после большой засухи. Однако немаловажную роль сыграло разочарование населения в итогах парламентских выборов 1993 г. с засильем правых партий, что нашло выражение в протестном голосовании: 1,085 млн. бюллетеней были признаны недействительными. Таким образом, уже примерно половина марокканских избирателей либо вовсе не пришла на избирательные участки, либо опустила в урны пустые бюллетени, продемонстрировав недовольство или равнодушие уже и к официальной оппозиции, давно вписавшейся в систему «управляемой демократии» [9, с. 237]. Не в последнюю очередь сыграли свою роль скандальные манипуляции в избирательных комиссиях, ставшие достоянием общечеловечности.

Разведение на несколько месяцев выборов в нижнюю и верхнюю палаты парламента снова позволило откорректировать голосование на втором этапе в пользу властных структур. При благоприятном для оппозиции голосовании на этих выборах (СНС – 57 мандатов, «Истикляль» – 32) она снова заявила о массовых нарушениях и подтасовках результатов голосования. В данном случае речь шла не столько о прямом вмешательстве администрации, как было ранее, а о ее «негативном нейтралитете» при покупке тысяч голосов избирателей «денежными мешками» в интересах власти. Еще в период подготовки выборов недовольство населения ходом избирательной кампании вылилось в открытые бунты, потребовавшие вмешательства не только полиции, но и армии.

Газета партии «Истикляль» «Опиньон» сообщила о «многочисленных нарушениях процедуры голосования во многих избирательных округах», включая подкуп избирателей и вмешательство администрации в пользу некоторых, заранее «назначенных» кандидатов. Критически отзывались об избирательной атмосфере оппозиционные газеты «Аль-иттихад аш-Шираки», «Либерасьон» и «Аль-Баян».

Все оппозиционные партии критиковали правительство, некоторые даже призывали к бойкоту парламента. Двое депутатов отказались от мандатов, видя в своем избрании руку правительства. Избирательные комиссии пришли к выводу, что имелись два случая нарушений в Касабланке и рекомендовали там провести повторные выборы. После долгого рассмотрения еще четырех инцидентов в августе

1997 г. были проведены повторные выборы шести депутатов. Часть прессы посчитала, что довыборы прошли честно, а другая писала о покупке голосов конкурентами. В районе Касабланка-Мешуар, откуда поступила жалоба на подкуп избирателей, Конституционный совет отказал в проведении повторных выборов. Сам Конституционный совет подвергся критике за медленное рассмотрение жалоб.

После проведения выборов в верхнюю палату по телевидению выступил министр внутренних дел Д.Басри, где обвинил политические партии в торговле голосами и мошенничестве. Были выявлены 26 случаев коррупции, дела о которых были переданы в ведение министерства юстиции. Правительство «дало добро» на их расследование, некоторые из них дошли до суда [10, с. 46].

Многочисленные независимые наблюдатели отметили, что прежде всего выборы проходили под сильным давлением властей, которое выражалось в торговле голосами, в подтасовках и т.п.

Подтасовки и манипуляции правительства привели большинство независимых наблюдателей к заключению, что на результаты выборов в значительной степени повлияли именно эти действия, и более того, результаты были предreshены ими [с. 11]. Однако, по мнению наблюдателей, не только правительство излишне вмешивалось в выборы и занималось торговлей голосами, но и политические партии повинны в том же.

Такая ситуация объясняется тем, что действительно, политические партии остро конкурируют на выборах, ибо каждая из них стремится занять позицию наиболее «подходящего собеседника» в рамках объявленного королем «демократического процесса и диалога с оппозицией», не гнушаясь предосудительных методов [12, с. 221]. Подобное может расцениваться как свидетельство того, что сами партии не готовы к демократии.

Оставшиеся за бортом политической жизни мелкие оппозиционные партии типа Партии демократического социалистического авангарда (вышедшей из ССНС) строили свою тактику на критике не только властей, но и парламентских партий, в том числе и бывшей оппозиции, за их сговор с властями, за то, что они вводят в заблуждение народ и выступают в защиту интересов не своих сторонников, а лишь руководства [13, 6.05.1997, с. 5]. Это было лишним доказательством того, что политические элиты разного уровня имели различные интересы и потенции.

Власти с удовлетворением отметили тот факт, что за ходом выборов наблюдали представители США, Франции, Испании и других стран. Высокий уровень международного внимания к выборам, а также исправление некоторых нарушений в ходе выборов дали повод министру внутренних дел заявить, что выборы прошли в условиях честной борьбы, свободы волеизъявления граждан, демократии и равенства. В газете «Матэн дю Саара» он утверждал: «Парламент-

ские выборы бесспорно прошли в обстановке гласности, честности, искренности, правдивости и демократии». Таким образом, власть пыталась сохранить свое лицо, прикрываясь фактом присутствия иностранных наблюдателей, как бы осенивших весь выборный процесс.

Однако властям не удалось скрыть от общественности тот факт, что смена правоцентристского правительства на коалиционное во главе с премьером-социалистом стала результатом договоренности элит с властью. Произошла смена политической окраски кабинета министров, а не его сущности.

Между тем критика со всех сторон вынудила Контрольный совет после долгих процедур заявить в 2000 г. об аннулировании выборов на некоторых участках и назначить новые выборы. В сентябре этого года премьер-министр, лидер победившей ССНС А.Юсуфи признал, что торгоя голосами политических партий и подтасовки имели место во время не прямых выборов в Палату советников при плановой ротации трети из 270 депутатов. Виновные в этом понесли наказание вплоть до судебного преследования [14, с. 1].

Очевидные факты говорят о том, что избирательная система страны дает возможность управлять выборным процессом. Вместо гражданского контроля возник бюрократический контроль над избирательным процессом, о чем свидетельствуют результаты последних парламентских выборов в 2002 г. Главным их итогом стало сохранение за коалицией социалистов звания правящей в значительной степени благодаря тому, что она все равно была вынуждена проводить центристскую политику прежних правительств. Не менее важным итогом стал успех исламистов, хотя на этих парламентских выборах были предприняты «фантастические» усилия, чтобы не допустить их к власти. Выборы по-прежнему проходят под плотной опекой правительства.

И тем не менее исламская Партия справедливости и развития увеличила свое представительство с 9 до 42 мандатов, заняв третье место в парламенте после ССНС (50 мест) и «Истикляль» (48 мест). Марокканские избиратели стали отдавать предпочтение бывшим оппозиционным партиям, которых поддержали исламисты. Все это свидетельствует о росте популярности исламистов среди населения и возможности изменения политического ландшафта на очередных выборах в 2007 г. Таким образом, в 90-е годы возникла тенденция к сужению опоры власти из-за выхода на большую политическую сцену нелояльной оппозиции.

Следует отметить, что на последних выборах в парламент прошла 21 партия, в то время как в 1997 г. 16. Власти дозированно допускают к выборам в парламент оппозицию, соглашающуюся играть по дворцовым правилам.

Это снова дало повод двору оценить выборы как свободные, назвав их политическим успехом первых лет правления короля Му-

хаммеда VI. Отсортировываются партии, которые могут быть допущены к большой политике, если они согласны играть по дворцовым правилам. Король стремится сделать парламент реальной политической опорой не столько за счет расширения социальной политической базы, сколько путем укрепления патронажно-клиентальных отношений, тем более что партии между собой генетически связаны. Рост числа партий, принимающих участие в выборах, в значительной степени – результат раскола в рядах уже существующих парламентских партий, издержек формирования официальной оппозиции. Видимо, политическое поле было расширено за счет новых партий под угрозой похода во власть исламистов, которые используют демократические ценности для упрочения своего положения.

Главная задача власти – сохранение с трудом достигнутой стабильности в стране. С помощью демократии власть пытается создать терпимость в обществе, обеспечить более конструктивное взаимодействие с ним.

Парламентская и внепарламентская оппозиция предельно фрагментирована, впрочем, как и вся политическая элита. Постоянно плодятся малые партии разных оттенков, поскольку еще не сложились достаточно стабильные партийные системы. Большинство партий представляют собой рыхлые, неустойчивые образования, от которых постоянно откалываются радикальные мелкие образования. Маргинализация и выведение за пределы политического поля радикальных левых партий не способствуют стабильности в обществе.

Такая многопартийность – характерная черта молодой демократии. История парламентаризма в Марокко насчитывает всего четыре десятилетия, так же как и многопартийная система, закрепленная еще в первой конституции. И все-таки страна заметно продвинулась по пути становления партийной системы с блокированием политических элит в русле формирования нового равновесия.

Выборы 2002 г. показали, что власть постепенно отступает от «декоративной» демократии, но по-прежнему осуществляется контроль над электоральными ресурсами, ограничивается свобода маневра оппозиции, которая часто подкупается властью.

Хотя выборы являются зримым проявлением демократии, они по-прежнему остаются несовершенными, далекими от классического демократического стандарта. Они стали средством манипулирования общественным мнением.

В развитом демократическом обществе выборы призваны менять власть. В Марокко к середине 80-х годов стабилизировалась парламентская система. Институт парламентаризма укоренился не только в политическом, но и общественном сознании. Благодаря парламентским выборам 1993, 1997 и 2002 г. возрос уровень политической представительности парламента, размер его полномочий, стала осуществляться блоковая политика. Монарх предпринял в 1997 г. попыт-

ку сделать выборы инструментом чередования у власти коалиций различных политических сил, но оказался не готов перейти от политической монополии к политической конкуренции, что и показали выборы 2002 г., когда премьером стал «технократ» Д.Джетту.

Еще не в полную меру заработал механизм представительной демократии. Власть по-прежнему принадлежит замкнутой группе коллективно правящих лиц, тесно сплоченных родством, богатством, знатностью, по национальному, профессиональному или религиозному признаку.

В монархическом Марокко с сильной абсолютистской традицией большинство населения пока еще остается подданными, а не гражданами, поскольку гражданское общество связано в основном с созданием республиканского строя.

Урбанизация вызвала к жизни новую политическую культуру, политика осталась привилегией горожан. В крупных городах возникло структурированное и коммуникабельное общество с более высоким уровнем образования, с осознанием смысла и значимости происходящих изменений. Благодаря горожанам в первую очередь происходит смена общественного настроения, ведется подготовка условий к формированию гражданского общества. На базе преимущественно городской культуры в ходе экономической и политической модернизации создаются предпосылки реальной мировоззренческой революции.

Наблюдаются изменения и в избирательной практике Марокко. Избирательное право распространяется на все более широкие слои населения как в городе, так и в деревне. Вследствие высокого демографического прироста количественные показатели электората растут. Численность избирателей пополнилась за счет присоединения к Марокко западносахарских провинций, включения в состав избирателей марокканских эмигрантов из Европы, снижения возрастного ценза для избирателей до 20 лет. В процесс голосования таким образом включаются все новые группы избирателей под давлением общественного мнения, политических и общественных организаций. По мере изменения социального климата в стране происходит постепенное распространение прямой формы голосования. Некоторое расширение избирательного права, увеличение электората говорят о созревании неких новых моментов в политической системе. Однако на «чистые» демократические выборы надеяться пока не приходится, поскольку электоральный процесс остается средством контроля за процессом политическим.

1. Maghreb. P.

2. Новейшая история арабских стран Африки. – М., 1990.

3. Le Croix.

4. ИТАР-ТАСС. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М., 1996.
5. La tribune du Maroc. Rabat.
6. Rapport de Département d'Etat Américain Sur La Situation Des Droit de L'Homme Au Maroc En 2000. Rabat, 14 Juin 2001.
7. ИТАР-ТАСС. М.
8. Пульс планеты. М.
9. Сергеев М.С. История Марокко. XX век. – М., 2001.
10. Rapport de Département...
11. Там же.
12. Ментешашвили З.А. Социальное развитие независимого Марокко. Традиции и современность. – М., 1998.
13. Пульс планеты. М.
14. Rapport de Département...